ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ V 1867.

КНИЖКА I.

ТОМЪ I.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1867.

Дозволено Цензурою 13-го Января 1867 года. Вильна.

I.

№ 1.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Грамота святѣйшаго патріарха константинопольскаго Іоакима, данная Александру Ходкевичу. 1505 г.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО).

„Іоакимъ, Божіею милостію, архіепископъ цареградскій новаго Рима и вселенскій патріархъ и пр.

Поелику знаменитый (celebris)` король польскій и великій князь литовскій въ своемъ посланіи изъяснилъ намъ и нашему смиренію, что маршалокъ его державы благочестивый, православный и знаменитый, господинъ Александръ, сынъ господина Іоанна Ходкевичь, изъ собственныхъ имѣній, изъ собственныхъ сокровищъ въ своей собственной вотчинѣ и наслѣдствѣ въ лѣсахъ Блудовскихъ, на берегу рѣки Супрасля, отъ самаго основанія воздвигъ и выстроилъ знаменитый и препочтенный монастырь подъ названіемъ пречистой и преблаженной Дѣвы Маріи Богородицы; а такъ какъ этотъ господинъ Александръ въ своемъ письмѣ къ намъ упомянулъ, что онъ выстроилъ эту знаменитую церковь большими издержками изъ своей вотчины и позаботился о способахъ и средствахъ къ всегдашнему существованію этой церкви и къ поддержанію жизни живущихъ при ней, въ честь и славу Христа, Господа

и Бога нашего, и для всегдашняго поминовенія родителей и предковъ создателя.

Наше смиреніе видя съ этой стороны сердечную его любовь къ Богу, явленную въ основаніи и построеніи сей св. киновіи изъ собственныхъ имѣній, сокровищъ и собственными трудами, благословляемъ создателей господина Александра и епископа смоленскаго Іосифа, и труды ихъ. Да будетъ жертва ихъ совершенна предъ Богомъ и милость Божія всегда да почіетъ на нихъ въ настоящемъ и будущемъ вѣкѣ.

Затѣмъ благословляемъ эту святую киновію и освящаемъ ее благодатію Святаго Духа; установляемъ опредѣленные законы, правила и чинъ для всѣхъ теперь живущихъ и будущихъ. И вопервыхъ: заповѣдуемъ всегда неопустительно воспоминать и благословлять въ молитвяхъ создателей господина Александра съ Іосифомъ епископомъ. Также заповѣдуемъ живущимъ въ семъ св. монастырѣ, извѣстнымъ монашествующимъ братьямъ, чтобы они избирали изъ среды себя, а не откуда извнѣ, брата достойнаго игуменства или начальства, который бы зналъ пасти духовныхъ овецъ, защищать и заботиться о церкви Божіей по заповѣдямъ Божіимъ и по принятому уставу сей св. киновіи. Иноки въ этомъ монастырѣ пусть не пьютъ подслащеннаго напитка пива, и никакого напитка упоевающаго. А кто хочетъ пить, тотъ пусть довольствуется хлѣбомъ и водою, что-бы не отвлекать своего ума отъ предметовъ божественныхъ. Безъ воли игумена и всѣхъ братій монашествующіе изъ монастыря да не исходятъ. А кто дерзнетъ преступить эти наши заповѣди, тотъ да отлучится и да будетъ ему анаѳема.

Заповѣдуемъ также, чтобы общее жительство ихъ было какъ можно чисто, по слову Божію. И ни одинъ также монахъ пусть не беретъ денегъ, ни другой вещи, которая была-бы излишняя. Но это все пусть будетъ въ рукахъ и во власти хранителя церковныхъ сокровищъ, котораго назначитъ игуменъ и изберутъ братья вмѣстѣ съ игуменомъ. И такъ, по Духу Св., установляемъ уставы и чинъ достойныя памяти сей св. киновіи Пречистой Богоматери, честнаго ея и святаго Благовѣщенія, на берегу рѣки Супрасля. Ради твердости и силы, мы дали это наше писаніе, подписавши его нашею рукою и укрѣпивши нашею висячею патріаршею печатью. Въ Цареградѣ, лѣта отъ сотворенія 7.013. и отъ Рождества Христова 1505.

Примѣчаніе. Грамота эта переведена съ латинскаго, позднѣй-

шаго перевода ея, хранящагося въ архивѣ супрасльскаго монастыря; но въ этомъ же архивѣ найдено начало древней копіи съ подлинной грамоты патріарха, которое мы буквально здѣсь помѣщаемъ.

Іоакимъ милостью Божою Архіепископъ Конъстантинопольский, Новаго Рима вселеньскій Патриархъ:

Понеже славный краль и превеликій князь всей Литвы в своихъ писанихъ показаномъ, и нашой смиренности, Како маршалокъ его державы, Благочестивый и православный, и великолепный Панъ Александро, Сынъ Пана Ивана Ходкевича, отъ своего имѣніа и отъ своего скарбу (казны) и отъ своего труда, на своей властной (собственной) отчизне и дѣдине (наслѣдіи) у пущи блудовской ускрай (на берегу) рѣки Супраслы, и сфудоменту (вновь — отъ основанія) созида и възнесе честный монастырь по имени пречистыя Владичица нашея Богородица, честного ея Благовѣщенія. Такъ же своимъ посланіемъ воспомяну намъ Той православный Панъ Александро, Еже и сфудаменту воздвигну тую пречистую обитель, и приложи кней отъ своее отчизны о чемъ бы мѣла церковь божия на вѣки стояти, и живущіи вней чимъ бы мѣли поживитися, Во славу Христу Богу и родителемъ его впаметь вѣчную. Понеже онъ есть ктиторъ и смирение наше видячи его сердечную любовъ еже имати ко Богу, ижъ отъ своего труда и отъ своего скарбу, постави Боголюбезно отъ фундамента честную обитель: За то благословляемъ Ктиторы, Пана Александра, і епископа смоленского Іосифа и труды ихъ, да есть жертва ихъ совершена къ Богу, и отъ Господа Бога милости на нихъ да есть всий вѣкъ и вбудущий. Потомъ тую честную обител......

Документъ этотъ служитъ лучшимъ опреверженіемъ извѣстной клеветы позднѣйшихъ уніятскихъ писателей (Стебельскаго, Кояловича, Кулеша и пр.), будтобы митрополитъ Іосифъ Солтанъ былъ уніятъ. Какой же онъ уніятъ, когда получаетъ благословеніе и уставъ для учрежденнаго имъ монастыря отъ православнаго константинопольскаго патріарха, которому тогда подчинена была русско-литовская церковь?!

Благословенная Грамота кіевского митрополита Сильвестра (Белѣвича), данная на имя архимандрита супрасльскаго монастыря Сергія, съ разрѣщеніемъ приходящимъ изъ другихъ монастырей іеромонахамъ, а также женатымъ и вдовымъ священникамъ совершать въ монастырѣ литургію и всѣ церковныя службы. 1551. г.

Милостию божою и пречистое богоматери, Мы Селивестръ архиепископъ митрополитъ киевский и галицкий и всея руси, Мовилъ (сказывалъ) намъ архимандритъ пречистое богородицы монастыря супрясльского отецъ, Сергий, о томъ штожъ дей которые свещенники чорные приходятъ до монастыря супрясльского маючи (имѣя) волю втомъ святомъ монастырѣ мешкати (жить), а будутъ становеня впопы ненашого, которого....., або митрополита, и жадалъ (просилъ) его милость насъ абыхмо мы таковыхъ свещенииковъ чорныхъ благословили службу божую служить Мы на жаданье отца архимандритово то вчинили, благословляемъ свещенноиноковъ, откуль который колвекъ до того светого монастыря приййдетъ, илибъ его милости отцу архимандриту ставленый и отпустный своего епископа або архиепископа .... его впопы совершилъ таковый да свещенствуетъ и вси потребы церковныи да справуетъ втомъ светомъ монастыри по нашому благословению.... а если который свещенникъ белый маючи жону законовенчальную прийдеть до того светого монастыря, листъ (грамоту) ставленый архимандриту окажетъ таковыи да свещенствуеть. а который свещенникъ жоны немаеть (не имѣетъ) присегу вчинивши передъ отцомъ архимандритомъ водлугъ науки нашое и тое присеги якъ мы отцу архимандриту дали, и тые да литоргисоють, и на то дали есмо отцу сергию архи-

мандриту супрясльскому сей нашь листъ благословенный з нашою печатью, писанъ у супрасли. Лето божого нарожения (рождества) 1557 мца сентября 22 дня. *Волею божею Селевестръ архиепископъ митрополитъ киевский и галицкий и всея руси.*

М. П.

Подлинникъ хранится въ архивѣ супрасльскаго монастыря. Связка 14. № 2.

8.

Отрывокъ изъ духовнаго завѣщанія виленскаго купца Павла Коссобуцкаго, по которому онъ отказываетъ разнымъ православнымъ монастырямъ и церквамъ разныя суммы денегъ. 1639 г.

(переводъ съ польскаго).

Послѣ обычнаго введенія ....

Такъ какъ я рожденъ въ святой православной греко-каѳолической вѣрѣ и всю жизнь мою былъ ей непоколебимо вѣренъ, то и впредь желаю и хочу пребыть въ ней до послѣдняго моего издыханія. Почему и тѣло мое грѣшное, убогую храмину изъ земли образованную, обратно землѣ, какъ собственный ея прахъ, возвращаю и предаю, вслѣдствіе чего требую, чтобы послѣ моей кончины оно было погребено по обряду и обычаю святой греко-русской церкви, въ моемъ собственномъ склепѣ, устроенномъ мною въ здѣшней виленской, братской Свято-Духовской церкви, гдѣ покоится первая моя жена, и

чтобы погребеніе его совершилось безъ мірской торжественности, излишнихъ церемоній и издержекъ, лишь бы только съ достаточнымъ надѣленіемъ деньгами убогихъ, недужныхъ и православнаго духовенства. Возлюбленную мою жену Христину Бѣльмацевичовну Зычевскую Коссобуцкую и сына моего Михаила; котораго я признаю уже совершеннолѣтнимъ, назначаю опекунами надъ малолѣтними моими дѣтьми— сыномъ моимъ Александромъ и дочерью Анною Коссобуцкими— исполнителями сей послѣдней моей воли. На погребеніе это, т. е. на поминъ души моей ежедневный, въ продолженіи цѣлаго года, отъ дня моей смерти, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, на сорокоустъ, на всѣ погребальныя издержки, на погребальныя проповѣди, на панихиды и обѣдни оставляю *полътретя тысячи* злотыхъ наличными и оныя отдаю въ распоряженіе вышеозначенныхъ моихъ душеприказчиковъ, не сомнѣваясь, что они, помня о спасеніи души моей, всѣ эти полтретя тысячи употребятъ на погребеніе и молитвы, а также раздадутъ духовенству, убогимъ и недужнымъ. А если бы этихъ денегъ оказалось недостаточно, то возлюбленная моя жена и сынъ мой не пожалѣютъ пополнить этотъ недостатокъ изъ оставляемой мною имъ суммы денегъ. Кромѣ того, преподобнымъ отцамъ монахамъ братскимъ виленскимъ, какъ въ общую монастырскую казну, такъ и на нужды каждаго изъ нихъ, дабы молили Бога за мою душу, назначаю наличными пятсотъ злотыхъ польскихъ. Пресвѣтлому (Przeswietnemu) его милости братству свѣтскому виленскому, не на частныя какія либо нужды членовъ его, но собственно на починку вышесказанной церкви Святаго Духа отказываю, тоже наличными тысячу злотыхъ. А именно: жена моя и сынъ, тотъ часъ послѣ моей смерти, имѣютъ отсчитать сказанному братству наличными семь сотъ

злотыхъ, а на остальныя триста возвратить ему заложенную у меня въ 300 злотыхъ серебренную церковную братскую лампу, безъ всякаго взысканія этой суммы денегъ. Преподобнымъ инокинямъ, при той же братской церкви въ Вильнѣ находящимся, дабы въ молитвахъ своихъ мою душу поминали, злотыхъ двѣстѣ; для студенческаго придѣла во имя св. Константина и Елены, въ тойже церкви находящагося, злотыхъ двѣстѣ; для придѣла гг. торговцевъ, во имя св. Іоанна Евангелиста, тоже двѣстѣ злотыхъ, прося эти обѣ корпораціи, дабы имя мое вписали въ свои каталоги. На богодѣльню (шпиталь) братскую виленскую, для находящихся въ ней убогихъ, дабы поминали въ своихъ молитвахъ мою душу, злотыхъ сто; на церковь и монастырь *Іевьйскій* — злотыхъ двѣстѣ и десять злотыхъ для роздачи убогимъ тамошней богодѣльни; для церкви и монастыря *Кронскаго* — злотыхъ двѣстѣ, а также и для убогихъ тамошней богодѣльни злотыхъ двадцать; для церкви братской, *Полоцкой* православной — злотыхъ двѣстѣ, а прежде я самъ лично отдалъ восемсотъ злотыхъ, *что составитъ* тысячу злотыхъ; на тамошнюю богадѣльню русскую — злотыхъ сто; для церкви и монастыря тоже русскаго, братскаго, въ городѣ *Дисню* находящагося, — злотыхъ сто и на тамошнюю богодѣльню двадцать злотыхъ, съ тѣмъ однакожъ, что возлюбленная моя жена и остающееся послѣ меня потомство, или наличными сто злотыхъ, или на эту сумму денегъ устроенную священническую ризу, имѣютъ отдать въ дисненскую православную церковь на поминъ души моей; для церкви и монастыря *Купятицкаго* — злотыхъ сто; для церкви и монастыря *Новодворскаго* — злотыхъ сто; для церкви и монастыря *Марковскаго* (въ Витебскѣ) — злотыхъ сто. Все это, согласно сказанному выше, симъ моимъ добровольнымъ

духовнымъ завѣщаніемъ отказываю и закрѣпляю, такъ, чтобы все сказанное выше было приведено въ исполненіе возлюбленною моею женою и моимъ сыномъ до совершенія раздѣла между ними остальныхъ моихъ денегъ и поименованнаго въ этомъ завѣщаніи моего имущества.....

Писанъ въ Вильнѣ 1689 года, іюня 22.

Хранится въ архивѣ виленскаго Св. Духовскаго монастыря, связка подъ № 243 и 589.

Въ концѣ завѣщанія подпись завѣщателя и приглашенныхъ имъ свидѣтелей, съ приложеніемъ ихъ фамильныхъ печатей.

№ 2.

ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ УНІИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Выпись изъ гродскихъ книгъ виленскаго воеводства реляціи (донесенія) виленскаго вознаго о нападеніи на виленскій Св. Духовскій монастырь, причиненіи инокамъ побоевъ и разныхъ безчинствъ въ этомъ монастырѣ людьми стольника ошмянскаго Позняка. 1732 г.

(переводъ съ польскаго).

После обычнаго заглавія »На урядѣ и проч....»

Я нижеподписавшійся генералъ (возный) его королевской милости дѣлаю извѣстнымъ и сознаю сею моею реляціею, что сего 1772 года, мѣсяца іюля 27 дня, будучи приглашенъ преподобнымъ о. Амвросіемъ Юшке-

ничемъ, настоятелемъ виленскаго монастыря, и всѣми преподобными греко-русскими неунитами, иноками сего Св. Духовскаго монастыря для осмотра причиненныхъ убытковъ, повреждений, разломанія монастырской калитки, изрубленія ее, разодранныхъ образовъ, побитыхъ оконъ въ церкви, равно также и для осмотра ранъ избитыхъ монаховъ и вырванныхъ у нихъ съ головъ и бородъ волосъ подосланными людьми пана стольника ошмянскаго Марціана Позняка и депутата главнаго трибунала велик. княж. лит. По моей обязанности, прежде всего я, съ шляхтою, явился въ монастырь вышесказанныхъ отцевъ монаховъ и видѣлъ оторванный у дверей монастыря звонокъ съ крестомъ, стекло у рѣшетчатого окошка этихъ дверей разбитымъ, дверь саблями изрубленную, образа св. Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, надъ дверьми висѣвшіе, на мѣлкіе куски разорваными, глаза у изображенныхъ на церковныхъ дверяхъ святыхъ, иныя выколотыми, а другія выскобленными, нѣсколько большихъ оконъ въ церкви въ дребезги разбитыми и окно надъ самымъ престоломъ, на которомъ совершается литургія выбитымъ и чрезъ оное множество набросано камней на престолъ и въ олтарь, во время самаго совершенія литургіи. Видѣлъ также у отца привратника (fortyana) разсѣченную саблей губу, а у другихъ монаховъ вырванные съ бородъ и головъ волоса, клоками лежавшіе на полу. На вопросъ мой: кто совершилъ эти насилія, отецъ настоятель отвѣчалъ,— совершили слуги пана Позняка, стольника ошмянскаго, по его приказанію.

И такъ, что видѣлъ и слышалъ, вписавъ въ эту мою реляцію, подписываюсь. Данъ въ Вильнѣ ut supra (какъ выше).

На этой реляціи подпись вознаго и шляхты слѣдующая:

Я, присутствующій при семъ осмотрѣ насилій, причиненныхъ Св. Духовскому монастырю, видѣлъ все выше прописаное, въ удостовѣреніе чего, въ присутствіи приглашеннаго для этого осмотра генералѣ его королевской мости, собственноручно подписываюсь: Иванъ Глицовскій, новогродского воеводства. Іосифъ Каменскій генералъ его королевской мости виленскій.

Реляція эта, при личномъ присутствіи и сознаніи вышесказаннаго генерала, принята и вписана въ гродскія книги виленскаго воеводства и выпись изъ нихъ, подъ урядовою градскою виленскою печатью, преподобнымъ отцамъ дизунитамъ виленскимъ выдана. Данъ ut supra.

М. П.

За отсутствіемъ пана регента повѣрилъ съ подлиннымъ Сѣржпутовскій.

Подлинникъ этого документа хранится въ архивѣ виленскаго Св. Духовскаго монастыря № 617/269.

2.

Выпись изъ гродскихъ книгъ виленскаго воеводства донесенія виленскаго вознаго о нападеніи на дорогѣ людьми стольника ошмянскаго Позняка на настоятеля виленскаго Св. Духовскаго монастыря о. Амвросія Юшкевича и причиненіи ему побоевъ, разныхъ насилій и оскорбленій. 1732 г.

(переводъ съ польскаго).

По обычномъ заглавіи »На урядѣ.... и проч.» прописано слѣдующее донесеніе.

Я нижеподписавшійся генералъ (возный) его королевской милости дѣлаю извѣстнымъ и сознаю симъ мо-

імъ рапортомъ, что настоящаго 1732 года, мца августа 20 дня, будучи приглашенъ преподобнымъ отцемъ Амвросіемъ Юшкевичемъ, старшимъ (настоятелемъ) виленскаго монастыря, и отъ всѣхъ оо. греко-русскихъ неунитовъ — иноковъ сегожъ монастыря Св. Духа для осмотра побоевъ преподобнаго настоятеля, вырванныхъ волосъ съ бороды и разодранной на немъ одежды и клобука и самого его запачканнаго въ грязь, въ которую при побояхъ втоптали его на улицѣ слуги пана Марціана Позняка, стольника ошмянскаго и депутата главнаго трибунала В. Кн. Литовскаго, нарочно имъ подосланные, вмѣстѣ съ трибунальною стражею, для поимки и побіенія о. настоятеля, — по моей обязанности, сдѣлалъ о случившемся насиліи слѣдующее дознаніе: Сперва я пришелъ въ монастырь съ шляхтою и видѣлъ преподобнаго настоятеля, лежащаго въ постели и сбитаго тупымъ оружіемъ, волоса на головѣ и бородѣ вырванные, колтунъ съ головы сорванъ, рясу новую и каптуръ (головный капишонъ) на немъ разорванные, и когда я спрашивалъ: ктобы причинилъ о. настоятелю столь великое оскорбленіе, побои и насиліе, мнѣ отвѣчали, что слуги стольника ошмянскаго пана Марціана Позняка, вмѣстѣ съ прикомандированною къ нимъ трибунальскою стражею. Они, по его приказанію, поймавъ о. настоятеля на дорогѣ, у каменнаго столба, въ четверть мили отъ Вильны, стащили съ тележки и нанося ему жестокіе удары, завели въ курдыгардію (на обвахту), откуда потомъ вечеромъ лежачаго тащили за волосы и за бороду, повырывали волосы и въ куски разорвали рясу.

Все то, что я генералъ, по моей обязанности, видѣлъ и слышалъ, записалъ въ этомъ моемъ рапортѣ и подалъ вписать въ актовую книгу виленской градской канцеляріи съ собственноручною моей подписью. Данъ въ Вильнѣ ut supra (какъ выше).

На этомъ рапортѣ подпись руки вознаго слѣдующая: Іосифъ Каминскій, генералъ его кор. милости виленскій.

Донесеніе это (kwit), при словесномъ и личномъ заявленіи вознаго, принято и вписано въ градскія виленскія книги, изъ которыхъ и выпись эта съ градскою печатью выдана оо. виленскимъ дизунитамъ. Писанъ ut supra.

М. П.

Въ присутствіи пана регента провѣрилъ съ подлинникомъ Сѣржпутовскій.

Подлинникъ этого документа хранится въ архивѣ виленскаго Св. Духовскаго монастыря, № 618—270.

8.

Позывъ въ варшавскій трибунальный судъ настоятеля трокскаго доминиканстаго монастыря ксендза Іосифа Холховскаго съ братіею, для выслушанія рѣшенія суда по жалобѣ на нихъ настоятеля виленскаго Св. Духовскаго монастыря о. Мельхиседека Богдановича о насильственномъ обращеніи православныхъ въ латинство и о вооруженномъ нападеніи на деревню Балцеришки. 1747 г.

(переводъ съ польскаго).

По титулѣ:

Преподобному ксендзу Іосифу Холховскому промотору (старшему) Трокскаго доминиканскаго кляштора съ братьею...... приказываемъ вамъ, дабы по этому позыву и даннымъ вамъ повѣсткамъ лично явились въ варшавскій коммисарскій судъ на 6-е ноября сего 1747 года, для оправданія по жалобѣ на васъ преподобнаго отца Мель-

хиседека Богдановича, настоятеля виленскаго Свято-Духовскаго монастыря съ братью, которые позываютъ васъ за то, что вы, имѣя приходъ свой въ городѣ Евью, неизвѣстно почему вторгаетесь съ совершеніемъ вашихъ религіозныхъ обрядовъ въ приходъ жалующихся, насильно обращаете въ римскую вѣру, людей, отъ предковъ своихъ исповѣдующихъ православную вѣру и дѣтей ихъ недозволяете крестить; такъ, между прочимъ, 25 февраля 1745 года, напавъ съ разнаго сословія людьми, мѣщанами и двумя шляхтичами, Олехновичемъ и Яновскимъ на деревню Балцеришки, вы выгнали изъ собственнаго дома крестьянина, по прозванію Михаила Браткѣвича, исповѣдующаго православную вѣру, а равно и священниковъ греческой вѣры, прибывшихъ окрестить ребенка, котораго отнявъ отъ больной послѣ родовъ матери, унесли въ вашъ костелъ и здѣсь окрестили его въ свою римскую вѣру, жену Ильи Лавриновича православную насильно обратили въ римскую вѣру и кромѣ того, сдѣлавшись самовольно пастырями чужой паствы, бѣгая по хатамъ и хлевамъ, православный людъ сгоняете въ костелъ и разныя другія дѣлаете преступленія и насилія. Поэтому вышесказанные жалующіеся зовутъ васъ въ судъ коммисарскій, для законной съ вами расправы и огражденія себя впредь отъ вашихъ насилій и для взысканія съ васъ по закону за всѣ причиненныя вами жалующимся обиды и убытки. Данъ 24 іюня 1747 года.

М. П.

Янъ Игнатій Монкевичъ, Писаръ Трибунала Велик. Кн. Лит.

Изъ архива виленскаго Св. Духовскаго монастыря, № 27/1169.

4.

Позывъ въ судъ настоятеля виленскаго Св. Троицкаго, обращеннаго на унію, монастыря ксендза Максиміліяна Завадзкаго со всѣми монахами базиліяицами, въ этомъ монастырѣ живущими, для дачи объясненія но жалобѣ на нихъ настоятеля виленскаго Св. Духовскаго православнаго монастыря Мельхиседека Богдановича о нападеніи на этотъ монастырь и причиненіи разныхъ буйствъ и насилій. 1747 г.

(переводъ съ польскаго).

По титулѣ:

Преподобному ксендзу Максиміліану Завадзкому старшему (настоятелю) виленскому и всѣмъ преподобнымъ ксендзамъ базиліанамъ виленскаго Св. Троицкаго монастыря......... приказызаемъ вамъ, преподобные, дабы по сему позву, по полученіи повѣстокъ, лично явились въ Варшаву на 6 ноября настоящаго 1747 года въ коммисарскій судъ, для оправданія себя по жалобѣ на васъ преподобнаго отца настоятеля виленскаго Мельхиседека Богдановича и всей монашеской братіи греческаго неунитскаго Св. Духовскаго монастыря, которые позываютъ васъ за то, что вы, сговорившись противъ монастыря и жалующихся на васъ монаховъ—довести посредствомъ разныхъ насилій до крайней погибели, не смотря на поданные вамъ позвы и предостереженія, осмѣливаетесь чрезъ подчиненныхъ вамъ людей нападать на монастырь и кладбище, между прочимъ и въ настоящемъ 1747 году 16 августа вы наслали на монастырь и кладбище Св. Духовское бурсака Милашевскаго и съ нимъ какого то другаго товарища, по имени и фамиліи вамъ извѣстнаго, которые, съ бѣшенствомъ ворвавшись въ священное мѣ-

сто, напали съ обнаженными саблями на находившагося тамъ дизунита пана Петра Тулиновича, котораго навѣрно изувѣчили бы, если бы не успѣли вырвать изъ ихъ рукъ сабель. Вслѣдъ за симъ они съ яростью бросились въ монастырь и, вбѣжавъ въ келію о. настоятеля монастыря, изрыгали на него, съ крикомъ и шумомъ, разныя ругательства и угрозы и вмѣстѣ съ нимъ обругали также и находившагося здѣсь по дѣлу отца проповѣдника монастырскаго, потомъ гоняясь за ночевавшими на кладбищѣ монахами, кричали: „мы, живя по сосѣдству съ вами, до тѣхъ поръ будемъ васъ преслѣдовать разными притѣсненіями и нападеніемъ, пока всѣхъ отсюда не выживемъ и проч...“ Вслѣдствіе чего жалующіеся зовутъ васъ въ судъ, для законной съ вами расправы и обезпеченія себя впредь отъ вашихъ на нихъ напастей, обидъ, оскорбленій и посягательствъ на жизнь жалующихся, а также и для взысканія съ васъ за причиненныя вами убытки, во время нападеній вашихъ на Св. Духовскій монастырь, и судебныя издержки. О чемъ пространнѣе будетъ разсуждено во время суда. Данъ 1747 г. августа 22.

Иванъ-Игнатій Монкевичь, Писарь главнаго трибунала Вел. Княж. Литт.

II.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ РОССІИ.

(Продолженіе) (*).

ПЕРІОДЪ II.

Отъ начала 1813 до 1831 года.

Можно вообразить, въ какомъ состояніи находились умы жителей здѣшняго края, по вступленіи въ него торжествующихъ русскихъ войскъ, а въ особенности послѣ пріѣзда въ Вильну Императора Александра. Ихъ преступныя чувства и дѣйствія, которыми они омрачили себя во время пребыванія французовъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, были слишкомъ очевидны. Не было надобности прибѣгать къ какому нибудь изслѣдованію. Улика была на лицо. Обличитель ихъ, противу котораго невозможно было сдѣлать ни какого возраженія, находился въ рукахъ у многихъ. „Литовскій Курьеръ", описавшій съ такою подробностію все происходившее въ здѣшней странѣ въ продолженіи второй половины 1812 года, могъ обнаружить факты и участвовавшія въ нихъ лица яснѣе и вѣрнѣе всякой слѣдственной коммиссіи. Нѣкоторые изъ главныхъ поборниковъ замысловъ враговъ Россіи удалились съ остатками французскихъ войскъ за границу. Неимѣвшіе возможности слѣдовать за ними, съ трепетомъ ожидали суда и праведнаго воздаянія; но къ величайшему удивленію, неожиданно, услышали голосъ милости. Императоръ Александръ приказалъ обнародовать общее прощеніе всѣмъ безъ исключенія, кои принимали участіе въ возстаніи, не смотря ни на какія степени ихъ виновности. Но ни видимое участіе Провидѣнія въ спасеніи Россіи и въ уничтоженіи замысловъ ослѣпленныхъ мечтателей, ни великодушіе кроткаго монарха, не произвело на нихъ благотворнаго вліянія. Паденіе Наполеона, это громкое и убѣдительное

(*) Смотри „Вѣстникъ Западной Россіи" за 18⁶⁴/₆₅ годъ.

поученіе самихъ небесъ, не просвѣтило душъ, порабощенныхъ страстямъ и пороку. Подвигъ Александра изумилъ, но не вразумилъ ихъ.

Положеніе страны, изнуренной опустошительною войною, грабежами мародеровъ и контрибуціями временнаго правленія, было самое жалкое. Скорыя и мудрыя мѣры законнаго правительства быстро приводили въ порядокъ разстроенныя дѣла, и возстановили безопасность и спокойствіе, а благодарная земля по возможности вознаградила обильнымъ урожаемъ потери земледѣльцевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ множество частныхъ лицъ чрезвычайно обогатилось. Несмѣтная добыча, награбленная французами въ Россіи, досталась почти вся преслѣдовавшему ихъ русскому войску, или жителямъ тѣхъ мѣстъ, черезъ кои проходили остатки разбитой арміи. Въ особенности въ Вильнѣ появилась такая масса денегъ и драгоцѣнностей, какихъ она во все время существованія своего не видала. Карманные часы, перстни, разныя женскія украшенія, дорогія шубы и другія многоцѣнныя вещи, продавались по самой ничтожной цѣнѣ. Русскіе офицеры, получавшіе большія призовыя деньги французкою монетою и не имѣя возможности держать ее при себѣ въ походѣ, продавали пятифранковыя монеты по полтора рубля ассигнаціями въ то время, какъ внутри имперіи серебряный рубль ходилъ въ четыре рубля ассигнаціями (1).

Въ этихъ то обстоятельствахъ быв. виленскій губернскій казначей Пузыревскій оказалъ новою услугу государственной казнѣ. Онъ представилъ министру финансовъ Гурьеву проектъ выгоднаго пріобрѣтенія драгоцѣннаго металла въ сѣверо-западномъ краѣ. Получивъ уполномочіе и милліонъ рублей ассигнаціями, отданныхъ въ его распоряженіе, онъ прибылъ въ Вильну, устроилъ пробирную палату и покупая фунтъ чистаго серебра по 56, а чистаго золота по 800 и даже по 700 рублей ассигнаціями, въ короткое время значительно увеличилъ ввѣренную ему сумму и представилъ ее чистымъ металломъ министру. Государь императоръ наградилъ его за эту операцію орденомъ св. Анны 2-го класса.

Глубокая тишина царствовала въ западномъ краѣ въ продолженіи кампаній 1813 и 1814. Низшій классъ жителей возвратился къ своимъ занятіямъ и, казалось, вовсе не обращалъ вниманія на заграничныя событія. Высшіе классы прилежно слѣдили за ними, но не об-

(1) А до бѣгства Наполеона изъ Москвы многіе обогатились обратнымъ способомъ, именно—покупкою сторублевой русской ассигнаціи по 1—3 рублей сереб. *Ред.*

обнаруживали своихъ чувствъ. Невозможно было замѣтить, какой сторонѣ благопріятельствуютъ ихъ желанія. Остатки агитаторовъ 1812 года—одни дѣлали различныя соображенія и выводы, которыхъ результатомъ всегда оказывалось то, что *польская справа* еще не потеряна, и что рано, или поздно *ойчизна* должна выйдти изъ гроба. Само собою разумѣется, что такихъ мечтателей было не много, а еще менѣе тѣхъ, которые имѣли охоту слушать ихъ заключенія, тѣмъ болѣе, что никто не могъ угадать, на чемъ они основали свои надежды. Извѣстіе о лейпцигской битвѣ развязало этотъ Гордіевъ узелъ. Вѣсть о смерти князя Іосифа Понятовскаго повергла въ совершенное уныніе мечтателей, котораго они уже и скрывать не хотѣли. Нѣкоторые изъ нихъ, услыхавъ объ этомъ событіи, впали въ тяжкую болѣзнь и, въ припадкахъ ея, со стономъ восклицали: „пропала послѣдняя надежда на возстановленіе Польши!“ Извѣстн я поэты Нѣмцевичъ, Мольскій и другіе, писали на этотъ случай думы и элегіи, въ которыхъ пробивались тѣже чувства и подобныя восклицанія. Произведенія эти были съ жадностію расхватываемы и читаемы съ увлеченіемъ поляками, а еще болѣе польками; но за чтеніемъ слѣдовалъ одинъ только тяжкій вздохъ и нѣсколько минутъ унынія. Казалось, всѣ были увѣрены въ истинѣ восклицаній, произнесенныхъ мечтателями во время ихъ болѣзни. Бѣжалъ Наполеонъ съ острова Эльбы и успѣхи его во Франціи разшевелили еще на мгновеніе безпокойную партію агитаторовъ. Но это былъ последній свѣтъ угасающаго огня. Послѣ сраженія подъ Ватерлою, перестали уже говорить, а можетъ быть и думать о *польской справѣ*.

8-го марта 1813 года умеръ въ Дубнѣ извѣстный учеными трудами своими Ѳаддей Чацкій.

Со времени возвращенія Россіи Западнаго края, два человѣка неутомимо трудились надъ утвержденіемъ въ немъ польской народности. Это были Ѳаддей Чацкій и князь Адамъ Чарторыйскій. Оба они дѣйствовали съ такою осторожностію, и такъ искусно прикрывали предначертанія свои мнимою ревностію къ распространенію полезныхъ знаній, что плоды ихъ усилій обнаружились уже только тогда, когда вся польская шляхта сняла съ себя личину и открыто возстала противъ Россіи.

Чацкій сдѣлался извѣстнымъ еще въ послѣдніе годы существованія Польши. Обладая богатыми матеріяльными средствами и умственными способностями, пріобрѣвъ обширныя, какъ теоретическія, такъ и практическія свѣдѣнія, онъ трудился неутомимо надъ тѣми

предметами, кои могли бы доставить обильный запасъ матеріаловъ для исторіи Польши и Литвы. Его сочиненія по части законодательства, нумизматики и другихъ предметовъ польской и литовской исторіи признаны классическими. Переворотъ, котораго слѣдствіемъ было возвращеніе Западнаго края Россіи, казалось мало занималъ его умъ, посвященный исключительно учености. Онъ не принималъ участія въ политическихъ смутахъ въ концѣ существованія Польши, ни въ 1812 году. Но его сочиненія безпрестанно напоминали соотечественникамъ его о Польшѣ и возрождали ее въ ихъ воображеніи. По его предложенію, Императоръ Александръ согласился на учрежденіе волынскаго лицея въ незначительномъ до того времени городѣ Кременцѣ. Чацкій, сдѣлавъ самъ богатыя пожертвованія въ пользу новоучрежденнаго заведенія, объѣхалъ всю юго-западную Русь и силою одного убѣжденія собралъ огромныя суммы на его содержаніе. Въ короткое время возникло великолѣпное зданіе для помѣщенія лицея, явились богатѣйшіе кабинеты учебныхъ пособій и библіотекъ, принадлежавшихъ нѣкогда королю Станиславу Августу. Наконецъ, стараніемъ Чацкаго лицей получилъ отличныхъ преподавателей (1) и скоро приведенъ въ самое блистательное состояніе. Но все это не принесло существенной пользы государству. Воспитаніе въ лицеѣ было вполнѣ польское и поддерживало польскій духъ сильнѣе всякой открытой пропаганды. Русскій языкъ преподавался въ немъ какъ одинъ изъ иностранныхъ языковъ, и воспитанники дѣлали въ немъ мало успѣховъ. Сохраненіе польской народности было у нихъ всегда на первомъ планѣ, укоренилось и распространилось непримѣтно отъ взоровъ правительства, и переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію. Однимъ словомъ — Чацкій, котораго поведеніе, въ отношеніи къ политическимъ смутамъ, казалось всегда безукоризненно, сдѣлалъ болѣе для укорененія польской народности въ западномъ краѣ, нежели громкіе возгласы мнимо-патріотическихъ крикуновъ, которые, возбудивъ минутный пожаръ между соотечественниками, скоро исчезали потомъ съ лица земли вмѣстѣ со своими предначертаніями и системами.

Князь Чарторыйскій явился на политическое поприще позже Чацкаго. Сначала онъ не обнаруживалъ ни чувствъ, ни стремленій враж-

---

(1) Законоучителемъ для немногихъ православныхъ былъ приглашенъ волынскій каѳедральный протоіерей (впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій) Антоній Рафальскій. *Ред.*

дебныхъ Россія, которыя въ послѣдствіи выказались въ немъ съ такою силою. Руководимый во всемъ своею матерью княгинею Изабеллою Чарторыйскою, урожденной Флемингъ, женщиною честолюбивою безъ предѣловъ, онъ не примѣчалъ того, что, думая дѣйствовать самостоятельно, покорялся только внушенію ея прихотей. Жертвою этихъ прихотей сдѣлалось въ послѣдствіи множество лицъ, которыхъ происки ея вовлекли въ дѣло преступнаго возстанія въ 1831 году. Думая служить дѣлу Польши, они не понимали того, что сдѣлались игрушкою ея честолюбія и мстительности.

Императоръ Александръ 1, въ молодости своей, удостоилъ Чарторыйскаго своей дружбы и открывалъ передъ нимъ свои задушевныя чувства и предначертанія. По вступленіи своемъ на престолъ онъ давалъ ему важныя государственныя порученія, и даже нѣкоторое время Чарторыйскій управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1810 году онъ назначенъ былъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа. Тутъ началась новая дѣятельность Чарторыйскаго и обнаружилось стремленіе, котораго плоды созрѣли спустя 20 лѣтъ, и тогда только настоящія чувства Чарторыйскаго явились въ дѣйствительномъ свѣтѣ. Въ самомъ началѣ управленія округомъ онъ рѣшился на поступокъ, который осужденъ былъ даже нѣкоторыми поляками, сохранившими, если не благонамѣренныя чувства, то покрайней мѣрѣ здравый смыслъ. Древняя виленская православная митрополитальная церковь, перешедъ въ руки уніатскаго духовенства, доведена была имъ до крайней степени запустѣнія. Чарторыйскій представилъ императоту Александру, что эта церковь находится въ такомъ ветхомъ состояніи, что ежеминутно грозитъ разрушеніемъ, а потому просилъ разрѣшенія употребить стѣны ея на сооруженіе анатомическаго театра и кабинета при университетѣ. Получивъ на то Высочайшее соизволеніе, онъ употребилъ 75 тыс. рублей серебромъ на новую постройку. Церковь раздѣлена была на два яруса; въ каждомъ изъ нихъ построены новыя стѣны, чтобы составить нѣсколько залъ для помѣщенія кабинетовъ и для чтенія лекцій. Спустя 50 лѣтъ, когда, по распоряженію нынѣшняго начальства, приступлено къ возобновленію митрополитальной церкви, новыя пристройки развалились отъ первыхъ ударовъ молота, древнія же стѣны оказались совершенно цѣлыми и прочными и никогда не угрожали паденіемъ. Во время перестройки этой церкви въ анатомическій театръ, найдена въ погребахъ серебряная доска съ надписью, свидѣтельствовавшею о погребеніи въ этомъ мѣстѣ королевы

и великой княгини Елены Іоанновны, супруги Александра Ягеллона; но не извѣстно, куда дѣвался этотъ, сугубо драгоцѣнный, памятникъ.

Участіе фамиліи князей Чарторыйскихъ въ замыслахъ поляковъ въ 1812 году было очевидно. Конфедерація выбрала королемъ князя Адама, отца попечителя.— Милостивый манифестъ Императора Александра покрылъ забвеніемъ всѣ ихъ дѣйствія. Князь Чарторыйскій остался попечителемъ университета; но никогда уже не могъ пріобрѣсти той довѣренности Императора, какою пользовался прежде, хотя Александръ не обнаруживалъ къ нему явнаго неблагорасположенія.

Что касается до населенія края, въ особенности средняго и низшаго класса, то оно не только, какъ сказано выше, не оказывало никакого стремленія къ возобновленію мнимо патріотическихъ усилій, но предавалось добродушно неумѣренному веселію при каждомъ торжествѣ, происходившемъ по полученіи извѣстій объ успѣхахъ русскаго оружія.— Когда пришла вѣсть о лейпцигской битвѣ и ея слѣдствіяхъ, въ Вильнѣ, въ продолженіи трехъ дней, торжествовали, пировали и веселились 23, 24 и 25 октября. Кромѣ торжественнаго благодарственнаго богослуженія и воинскаго парада, даны были великолѣпные обѣды у военнаго губернатора, гражданскаго губернатора и виленскаго ксендза-бискупа Стройновскаго; во время этихъ обѣдовъ пѣли кантаты въ честь Императора Александра и побѣдоноснаго войска при звукѣ многочисленнаго оркестра.— По вечерамъ происходили инаго рода увеселенія: 23 числа, въ великолѣпно освѣщенномъ театрѣ, дано было представленіе, съ соотвѣтсвующими празднеству кантатами, на которыя публика отвѣтствовала оглушательными рукоплесканіями.— 24-го дворянство виленской губерніи дало блистательный балъ въ домѣ Паца; а 25-го такой же балъ данъ былъ въ домѣ Миллера домовладѣльцами и купечествомъ города. Во всѣ три вечера городъ былъ добровольно иллюминованъ. Особеннымъ великолѣпіемъ и вкусомъ отличалась иллюминація въ зданіяхъ университета, ратуши, почтамта, синагоги и другихъ. „Литовскій Курьеръ", органъ тогдашней виленской публики, описывая эти празденства, говоритъ въ заключеніе: „Всеобщая радость „народа изъявлялась громкими возгласами и благословеніемъ лучшаго изъ государей." И дѣйствительно, эта радость и эти благословенія были искренни, неподдѣльны. Малое число сумазбродовъ, принимавшихъ участіе въ прошлогоднихъ замѣшательствахъ, принуждены были скрывать свои чувства, молчали, а можетъ быть и

разстались съ своими безумными мечтаніями, не видя никакой надежды къ ихъ осуществленію. Но масса народонаселенія веселилась отъ души, видя торжество отечества, плодъ явнаго покровительства небесъ.

Этими тремя днями не ограничились празднества виленскихъ жителей по случаю успѣховъ русскихъ армій. 31. октября члены виленскаго университета дали въ домѣ Миллера большой концертъ, въ которомъ принимали участіе любители и артисты. Въ числѣ номеровъ концерта, пропѣта была кантата въ честь побѣдъ русскихъ войскъ. Она принята была съ оглушительнымъ крикомъ восторга публики и, по требованію ея, повторена. Въ залѣ поставленъ былъ на піэдесталѣ бюстъ императора Александра I, увѣнчанный лаврами и окруженный трофеями; а по окончаніи концерта раздаваемы были публикѣ печатанныя стихотворенія въ честь русскаго оружія, составленныя членами университета на италіянскомъ, латинскомъ, французскомъ и польскомъ (1) языкахъ.— Однимъ словомъ, въ продолженіи 1813 и 1814 годовъ, въ сѣверо-западномъ краѣ ни въ чемъ не былъ нарушенъ законный порядокъ. Тишина и безопасность царствовали повсюду. Это состояніе дѣлъ и умовъ продолжалось бы по нынѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ край избѣжалъ бы безчисленныхъ бѣдствій, которымъ въ послѣдствіи времени подвергся отъ преступныхъ и безумныхъ замысловъ части своего народонаселенія. Но неожиданное обстоятельство смутило умы, пробудило страсти, а потомъ вовлекло множество жителей въ новую пропасть бѣдствій, а край въ разореніе. Это было возстановленіе Царства Польскаго и данная ему конституція императоромъ Александромъ I. Это событіе оживило преступныя надежды агитаторовъ, которые пріобрѣтали часъ отчасу болѣе единомышленниковъ. Начались совѣщанія, выводы, предсказанія. Заговорили громко о намѣреніи императора присоединить западныя губерніи къ Царству Польскому. Потомъ завелись къ разныхъ мѣстахъ тайныя общества и наконецъ вспыхнуло открытое возмущеніе, какъ то увидимъ ниже.

При всемъ томъ, къ чести обитателей здѣшняго края, мы можемъ утвердительно сказать хоть то, что никогда преступные замыслы возмутителей не возникали первоначально въ его предѣлахъ. Эта гнусная и гибельная зараза приходила всегда съ запада, изъ Царства Польскаго. А потому, для подробнаго изслѣ-

(1) А русскій все-таки забытъ!... *Ред.*

дованія, какими путями она проникла въ здѣшній край, намъ должно на нѣкоторое время выйдти изъ его предѣловъ, чтобы разсмотрѣть, какъ образовались пружины, которыя въ послѣдствіи подвигли великую часть его народонаселенія къ безумному предпріятію въ 1831 году.

Спросимъ каждаго благомыслящаго человѣка, какого бы то нибыло происхожденія; пусть отвѣтитъ намъ по совѣсти: Была ли въ наше время на земномъ шарѣ страна счастливѣе Царства Польскаго, послѣ данной ему императоромъ Александромъ I. конституціи 1815 года? Чего не доставало полякамъ до конца несчастнаго 1830 года? Чего могъ бы желать еще какой нибудь народъ, въ особенности усмиренный, и что не было для него сдѣлано?— Законы, управленіе (замѣтимъ самое либеральное), языкъ, чиноположеніе, даже войско,— поляки имѣли свои собственныя, а миліоны денегъ вывозимы были часто изъ Россіи на улучшеніе сыновъ ея. И все это было не слѣдствіемъ какихъ нибудь заслугъ, подвиговъ, или усилій польскаго народа, но плодомъ великодушія Александра, облагодѣтельствовавшаго поляковъ такими преимуществами, какими не пользвались коренные и древніе подданные его династіи. А что польская корона была на главѣ не поляка, это не была новость для Польши: она видѣла неоднократно на своемъ престолѣ иноземца въ лицѣ француза, трансильванца, шведа, саксонца, и никто по этому случаю не жаловался на участь отечества и не считалъ этого для него униженіемъ. Послѣ всего этого не должно ли было надѣяться, что Польша за подвигъ великодушія заплатитъ подвигами преданности и самоотверженія; что благодарныя чувства свои передадутъ, вмѣстѣ съ благословеніемъ, отдаленному потомству, и что не будетъ жертвы, какой бы они не рѣшились принести для оправданія искренности своихъ чувствъ къ своему благодѣтелю? Этого требовалъ, это внушалъ самый священный долгъ совѣсти и религіи; этого требовали та честь, то благодарство души, и вообще всѣ тѣ добродѣтели, которыя не сходили съ языка поляковъ, когда они говорили о качествахъ своего народа. И наконецъ, кто бы осмѣлился сомнѣваться въ непремѣнномъ осуществленіи этихъ пріятныхъ надеждъ, читая безчисленное множество рѣчей и публичныхъ возгласовъ, раздававшихся на первыхъ сеймахъ, которыми переполнены были тогдашнія газеты и брошюры? Кто бы осмѣлился непринять этихъ выраженій за проявленіе чувствъ всего народа?

Императоръ Александъ I. поставленъ поляками выше всего, что только когда нибудь являлось между великими людьми на земномъ шарѣ. Но не прошло десяти лѣтъ, и печальный опытъ разоблачилъ преступное притворство и представилъ вселенной мрачную дѣйствительность во всей наготѣ ея. Уже въ продолженіи этого коротк аго періода проницательные люди замѣчали въ жителяхъ новоустроеннаго Царства проявленія чувствъ неблагопріятныхъ для великаго и единоплеменнаго русскаго народа. Русскіе военные и гражданскіе чиновники, находившіеся въ Царствѣ, принимаемы были поляками холодно, даже съ признаками презрѣнія и ненависти, которыхъ они не умѣли, а можетъ быть и не хотѣли скрывать. Чувствуя свое нравственное преимущество, русскіе не хотѣли выводить изъ того обидныхъ для поляковъ заключеній и полагали, что время и разсудокъ побѣдятъ въ нихъ закоренѣлыя предубѣжденія, а благодѣянія великаго государя заставятъ образумиться самыхъ упорныхъ политическихъ фанатиковъ, для собственной же пользы ихъ отечества. Но эти надежды благородныхъ душъ не осуществились: вскорѣ послѣдовало самое грустное разочарованіе.

Въ продолженіи этого времени, когда поляки на словахъ и въ печати изъявляли столько чувствъ благодарности и преданности императору Александру и превозносили похвалами его дѣла, начали составляться тайныя общества, съ цѣлію возстановленія самостоятельности польскаго королевства, въ прежнихъ его предѣлахъ. Первое изъ такихъ обществъ возникло въ 1819 году.— Основателемъ его былъ маіоръ 4 пѣхотнаго полка Лукасинскій, а первыми членами шуринъ его подполковникъ Вѣржболовичъ, судія Махницкій и адвокатъ Шредеръ. Путь къ достиженію этого намѣренія облегчило имъ существованіе многихъ франкъ-массонскихъ ложъ въ государствѣ, терпимыхъ правительствомъ. Сохранивъ обряды, существовавшіе въ массонскихъ ложахъ, Лукасинскій далъ новому учрежденію названіе *народнаго или военнаго франкъ-массонскаго общества.* Разница между ними состояла въ томъ, что обыкновенное массонство имѣло въ предметѣ весь родъ человѣческій, основанное же Лукасинскимъ заключалось только въ предѣлахъ польскаго братства; члены общества раздѣлены были на 4 степени. Въ первой говорено только о нуждѣ вспомоществованія бѣднымъ военнымъ чинамъ, сдѣлавшимся жертвами послѣднихъ войнъ. Во второй и третьей степени разсуждаемо было о

средствахъ къ образованію непросвѣщенныхъ и распространенію народности. Наконецъ въ четвертой уже степени, къ которой принадлежали основатели, обнаруживалась прямая цѣль учрежденія общества, то есть возстановленіе независимости Польши. Лукасинскій выбранъ былъ великимъ магистромъ ложи, въ которой число членовъ умножалось безпрестанно. Стараніемъ Лукасинскаго образовались подобныя ложи въ полкахъ, а Доброгойскій. Цѣховскій и Добржицкій учредили ее въ Калишѣ, и приняли въ нее множество низшихъ чиновниковъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ. Наконецъ, Людвигъ Щенящкій получилъ приказаніе завести ложу въ Герцогствѣ Познанскимъ, что и приведено было имъ въ исполненіе.

Чтобы по возможности скрыть отъ глазъ правительства дѣйствительную цѣль общества, зачинщики этого преступнаго дѣла поручили членамъ первыхъ степеней соединить обязанности въ отношеніи къ королю съ обязанностями въ отношеніи къ отечеству. А потому помѣщены были въ ложахъ бюстъ императора Александра, какъ возстановителя польской народности. Въ ложахъ Царства Польскаго бюстъ этотъ оставался до самаго ихъ закрытія. Но когда, по той же самой предосторожности, поставленъ въ ложѣ Герцогства Познаньскаго бюстъ короля прусскаго, заговорщики, собравшись въ одно изъ первыхъ засѣданій, разбили его въ куски. Вслѣдъ за тѣмъ, въ томъ же герцогствѣ, члены низшихъ степеней начали разсуждать о тѣхъ предметахъ, которые, по плану основателей, принадлежали только членамъ высшей степени. Такимъ образомъ, познанское народное массонство начало дѣйствовать поспѣшнѣе варшавскаго и превратилось въ открытый заговоръ, подъ именемъ общества *коссіонеровъ*. Мѣсто ложъ заняли волости, надъ которыми принялъ начальство генералъ Мѣльжинскій. Такой оборотъ привелъ въ ужасъ Лукасинскаго,—тѣмъ болѣе, что и его учрежденіе обратило на себя вниманіе, варшавской полиціи. По доносу, поданному генералу Гауке, адъютантомъ его Скробецкимъ, полиція удвоила свою бдительность, слѣдя за дѣйствіями членовъ общества. Наконецъ императоръ Александръ приказалъ закрыть всѣ массонскія ложи въ государствѣ. Тогда Лукасинскій, подъ видомъ повиновенія высочайшей волѣ, закрылъ, повидимому, основанныя имъ ложи; а между тѣмъ онъ исключилъ только изъ нихъ членовъ, на которыхъ не могъ вполнѣ полагаться и, оставивъ при себѣ только

самихъ испытанныхъ, или лучше сказать, отчаянныхъ дѣятелей, рѣшился продолжать съ ними начатое предпріятіе въ видѣ *карбонарства*. Такимъ образомъ, и варшавское общество, дѣйствуя втайнѣ, и безъ всякаго благовиднаго основанія, превратилось, подобно познанскому, въ явный заговоръ.

Въ 1821 году генералъ Уминскій, сдѣлавшійся душою познанскаго общества, высланъ былъ въ Варшаву для укрѣпленія союза и единообразнаго дѣйствія обоихъ обществъ. 3-го маія тогоже года варшавскіе заговорщики сошлись на Бѣлянахъ, въ лѣсу, куда прибылъ и Уминскій. Тамъ произнесена была уже формальная присяга не щадить имущества и жизни для возстановленія самостоятельности Польши, стараться всѣми силами объ умноженіи числа единомышленниковъ, сохранить втайнѣ дѣйствія общества, презирая всякаго рода прельщенія и угрозы, и наконецъ умертвить каждаго, въ комъ бы проявились слѣды измѣны, не обращая вниманія на отвѣтственность передъ закономъ и правительствомъ (1).

---

(1) Вотъ буквальный переводъ этой присяги. «Клянусь передъ лицемъ Бога и отечества, и ручаюсь словомъ чести, употребить всѣ силы, чтобы воздвигнуть мою нещастную, любезнѣйшую мать; посвятить имущество мое и жизнь для возвращенія ей свободы и независимости; не передавать и не открывать ни передъ кѣмъ ввѣренныхъ мнѣ таинъ; напротивъ того приложу всѣ мои усилія къ содѣйствію успѣхамъ союза. Обѣщаю безъусловное повиновеніе законамъ союза, какъ существующимъ, такъ и тѣмъ, кои впредъ будутъ постановлены.— Необращая вниманія ни на какія обстоятельства, пролью кровь не только измѣнника, но и всякаго кто былъ бы преградою къ щастію отечества. Если бы мнѣ измѣнили, или открыли меня, то скорѣе лишу себя жизни, нежели соглашусь открыть тайну или выдать членовъ союза. Обѣщаю также не имѣть при себѣ никакихъ бумагъ, относящихся къ дѣламъ союза, ни же списка именъ его членовъ, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда они будутъ мнѣ поручены старшимъ.— Еслибъ я сдѣлался виновнымъ, измѣнивъ этой священной, принятой на себя въ присутствіи высочайшаго существа обязанности, то пусть меня накажетъ самая лютѣйшая смерть, пусть тогда мое имя переходитъ изъ устъ въ уста, къ самому отдаленному потомству, а тѣло мое да будетъ брошено на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ. Да постигнетъ меня такое воздаянье за мой постыдный поступокъ, для того, чтобъ я былъ ужасающимъ примѣромъ для тѣхъ, кои пошли бы по моимъ слѣдамъ. Призываю во свидѣтели Бога, а вы,— тѣни Жолкѣвскаго, Чарнецкаго, Поня-

Въ вечеру того же дня происходило въ городѣ засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ Уминскагѳ, и учрежденъ центральный комитетъ, который долженъ былъ давать направленіе всѣмъ обществамъ, стремящимся къ одинаковой съ нимъ цѣли, какъ существовавшимъ уже, такъ и имѣющимъ образоваться въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ. Редакторъ „*Бѣлаго Орла*" Моравскій составилъ общій планъ или уставъ общества. Согласно съ этимъ планомъ, вся организація раздѣлена была, по мѣстамъ своего пребыванія, на волости, изъ коихъ въ каждой могло находиться неболѣе 10 членовъ. Нѣсколько волостей составляли округъ; нѣсколько округовъ — провинцію. Всѣми ихъ дѣйствіями управлялъ центральный комитетъ, въ которомъ каждая провинція имѣла своего представителя. Первоначальными членами комитета были: Вѣржболовичъ, Лукасинскій, Козаковскій, Прондзинскій, Шредеръ и Моравскій. Съ комитетомъ имѣли прямыя сношенія только начальники провинцій, начальники округовъ сносились съ начальниками провинцій, а волости съ начальниками округовъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, заговорщики пріобрѣли множество соумышленниковъ въ Царствѣ Польскомъ между военными и гражданскими чиновниками и землевладѣльцами. Большія пожертвованія приносимы были для этого, якобы, общаго дѣла, и никто изъ принимавшихъ въ немъ участіе не могъ и не хотѣлъ проникнуть, что онъ, жертвуя своими усиліями, имуществомъ и самою личною безопасностію, служилъ только орудіемъ одной личности, которая, будучи обманута въ своихъ расчетахъ, рѣшилась принести на жертву своему честолюбію спокойствіе и благоденствіе всего края. Эта личность была княгиня Изабелла Чарторыйская, — мать попечителя виленскаго учебнаго огруга.

Сказано было выше, что императоръ Александръ не оказывалъ уже Чарторыйскому того благорасположенія, которымъ онъ пользовался въ началѣ его царствованія. Это не приводило въ уныніе княгини Изабеллы. Она никакъ не могла разстаться съ надеждою, что, при образованіи новаго царства, сынъ ея будетъ играть въ немъ важную роль. Въ конституціи этого царства помѣщена была одна статья, по которой, если король не на-

товскаго и Косцюшки, укрѣпите меня вашимъ духомъ, дабы я пробылъ твердъ въ своемъ предначертаніи (*)."

(*) Mochnacki T. II. стр. 197—198.

значить намѣстникомъ его кого либо изъ членовъ своей фамиліи, то званіе это долженъ занимать не кто иной, какъ мѣстный житель польскаго происхожденія. Чарторыйская вполнѣ была увѣрена, что въ званіе намѣстника возведенъ будетъ ея сынъ. Встрѣтивъ на первомъ шагу неудачу, она удвоила свои происки и успѣла пріобрѣсти сильную партію между польскими чиновниками, которые усердно ходатайствовали въ пользу ея сына. Императоръ Александръ не далъ имъ рѣшительнаго отвѣта и всѣми мѣрами избѣгалъ свиданія съ Чарторыйской. Наконецъ, вопреки ожиданію, она явилась въ домѣ княгини Любомирской, въ то время, когда императоръ Александръ удостоилъ ее своего посѣщенія. Обѣ княгини обратились тогда къ императору съ неотступными просьбами о назначеніи князя Адама намѣстникомъ. Напрасно Государь старался доказать имъ неумѣстность ихъ поступка. Видя, что внушенія его не имѣютъ успѣха, онъ съ неудовольствіемъ оставилъ домъ Любомирской и въ тотъ же самый вечеръ, выѣхавъ изъ Варшавы, назначилъ намѣстникомъ Царства Польскаго генерала Заіончка (1).

Можно вообразить, какія чувства произвело извѣстіе о томъ въ сердцѣ Чарторыйской! Претерпѣвъ рѣшительное пораженіе въ самомъ началѣ своихъ дѣйствій, она возненавидѣла все, не исключая и своего отечества. Она считала его недостойнымъ не только благоденствія, но даже существованія, если ея сынъ не могъ управлять имъ въ качествѣ намѣстника. Судьбу этого самаго отечества она выбрала орудіемъ, для отомщенія за оскорбленное ея честолюбіе. Для ней лучше было видѣть его погибель, нежели смирить гордый свой духъ и необузданный характеръ. Съ тѣхъ поръ она дѣйствовала всѣми своими силами къ поддержанію дѣятельности заговорщиковъ, которыхъ всѣ предначертанія были ей извѣстны. Она поддерживала ихъ всѣми средствами, кои были въ ея распоряженіи: огромнымъ богатствомъ, вліяніемъ и связями съ самыми знатными и могущественными фамиліями. Она въ по-

---

(1) Записки повѣреннаго эдукаціоннаго фундуша Кукевича. Къ сожалѣнію, эти записки не напечатаны, и неизвѣстно гдѣ нынѣ находятся. Онѣ заключаютъ въ себѣ множество важныхъ и любопытныхъ событій, коихъ обнародованіе могло бы принести большую пользу,— особенно въ нынѣшнее время. Я имѣлъ случай пользоваться ими еще при жизни автора, который описывалъ то, чему, по большой части, былъ очевиднымъ свидѣтелемъ.

слѣдствіи времени объѣхала всѣ западныя губерніи, входила въ ближайшія сношенія съ членами образовавшихся въ нихъ тайныхъ обществъ: ободряла ихъ и поддерживала своими деньгами, и никто не могъ проникнуть тайной цѣли ея дѣятельности, а легковѣрные, мнимые патріоты истощали послѣднія свои силы и подвергались величайшимъ опасностямъ, не примѣчая того, что они служатъ только игрушкой ея происковъ и не предвидя того, что они вскорѣ должны будутъ пасть жертвою преступныхъ замысловъ ея.

Въ 1822 году варшавскій центральный комитетъ, для распространенія круга своихъ дѣйствій и пріобрѣтенія большаго числа сообщниковъ, разослалъ въ разныя мѣста своихъ агентовъ, изъ числа которыхъ Оборскій отправился въ Виленскую, а Людвигъ Собанскій въ Волынскую губерніи. Оборскій, избравъ свое мѣстопребываніе въ Вильнѣ, скоро преклонилъ на свою сторону Ромера, Бялозора, Станислава Солтана, Іосифа и Станислава Гружевскихъ, Теофила Микулича и братьевъ Мацькѣвичей, а въ послѣдствіи Карла Прозора, Александра Поцѣя и Игнатія Завишу. Тутъ же учрежденъ былъ провинціяльный совѣтъ, котораго членами назначены князь Константинъ Радзивиллъ, Войниловичъ, Новомѣйскій и Адамъ Солтанъ. Прочіе члены занялись образованіемъ волостей, такъ какъ, по инструкціи данной центральнымъ комитетомъ, каждому члену представлено было право составить и образовать волость. Въ то же самое время Собанскій, прибывъ въ Бердичевъ, учредилъ тамъ провинціональный совѣтъ и занялся составленіемъ волостей въ Волынской и Подольской губерніяхъ. Такимъ то путемъ гибельная зараза, возникшая въ Царствѣ Польскомъ, проникла въ Западныя Губерніи. Къ сожалѣнію зараза эта не только не нашла противудѣйствія въ западномъ краѣ, но напротивъ того распространилась съ изумительною быстротою. И неудивительно: край этотъ былъ наводненъ помѣщиками польскаго происхожденія. Это несчастное сословіе заражено такимъ ослѣпленіемъ, что его никакія событія просвѣтить, никакія убѣжденія разувѣрить, никакія подвиги великодушія и милости тронуть не могутъ. Послѣ паденія Наполеона,— этого громкаго вразумленія, посланнаго имъ самимъ провидѣніемъ, одинъ благомыслящій полякъ сказалъ въ одномъ частномъ собраніи въ Петербургѣ: „spodziewam sie, ze teraz nasi Polacy beda mieli rozum.“ (Надѣюсь, что теперь наши поляки по-

уникѣть). И нельзя было думать иначе. Если громадныя арміи, приведенныя завоевателемъ запада въ Россію, исчезнувшія въ продолженіи полугода, не могли поддержать прихотливыхъ ихъ притязаній, и всѣ ихъ усилія обратились имъ же самимъ въ посрамленіе, то что еще могли имѣть въ виду и на чемъ могли основывать свои надежды ослѣпленные мечтатели? Каждый, нелишенный здраваго смысла, былъ вполнѣ увѣренъ что послѣ этого, столь поучительнаго, урока, поляки навсегда откажутся отъ своихъ безумныхъ замысловъ, если не по честному побужденію — чувству долга и благодарности, то покрайней мѣрѣ по видимой невозможности привести ихъ въ исполненіе. Между тѣмъ послѣдствія показали совершенно противное. Фанатизмъ, а въ мѣстѣ съ тѣмъ легковѣріе этого народа такъ велики, что для взволнованія ихъ умовъ не нужно имѣть въ виду вѣрныхъ средствъ къ достиженію цѣли; надобно только указать правдоподобность успѣха, и большая часть поляковъ тотчасъ увѣрится въ непремѣнномъ осуществленіи преступной идеи; въ ихъ воображеніи число нѣсколькихъ безумныхъ злоумышленниковъ въ короткое время возрастетъ до безчисленной арміи, ничтожный сборъ денегъ увеличится до баснословныхъ капиталовъ, скудный запасъ ружей, пистолетовъ и сабель обратится въ огромный арсеналъ, а нѣсколько незначительныхъ фразъ, помѣщенныхъ о дѣлахъ Польши въ заграничныхъ газетахъ покажутся имъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ живѣйшаго участія въ ихъ судьбѣ иноземныхъ государствъ и несомнѣннымъ предсказаніемъ, что скоро вся Европа прійдетъ къ нимъ на помощь.— Это не клевета, не вымыслъ, а убѣжденіе, основанное на многолѣтней опытности. Въ продолженіи сорока лѣтняго пребыванія моего въ здѣшнемъ краѣ, я встрѣчалъ множество примѣровъ, оправдывающихъ сказанное мною. Внушенія взрослыхъ и даже старыхъ мечтателей имѣли столь гибельное вліяніе на молодое поколѣніе, что недоучившіеся воспитанники учебныхъ заведеній, неоднократно составляли тайныя общества съ цѣлью возстановленія самостоятельности Польши въ древнихъ ея предѣлахъ (!!), собирали складки *для общаго дѣла* по гривеннику, завлекали въ свои общества столь же недорослыхъ и недоученныхъ товарищей и приводили ихъ тайно къ присягѣ. Конечно, такія затѣи были скоро открываемы начальствомъ и виновные строго наказаны. Но такія выходки, повторявшіяся довольно часто, показываютъ слишкомъ явственно, какой духъ перeня-

ло это поколѣніе отъ своихъ родителей или занимавшихъ ихъ мѣсто. При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, что появленіе въ западномъ краѣ Оборскаго и Собаньскаго произвело сильное броженіе умовъ въ проживавшихъ тамъ полякахъ, а дѣйствія ихъ нашли множество соучастниковъ, такъ что въ концѣ 1822 года, въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ число членовъ тайныхъ обществъ простиралось до 5000 человѣкъ. Помѣщики начали тайно собирать оружіе и закапывали его въ землю, увеличивали число слугъ, чтобы въ послѣдствіи обратить ихъ въ солдатъ, увеличили стада лошадей, закупили нужную для нихъ сбрую, тщательно собирали деньги, однимъ словомъ—готовились къ явному возстанію. Подробности всѣхъ этихъ событій описаны Мохнацкимъ, принимавшимъ дѣятельное участіе, какъ въ дѣйствіяхъ заговорщиковъ, такъ и въ мятежѣ 1831 года (1).

Въ продолженіи этого времени (около 1818 года) въ Вильнѣ сдѣлались извѣстными двѣ личности, которымъ суждено было въ послѣдствіи показать плоды своихъ дѣйствій на двухъ совершенно противуположныхъ поприщахъ. Оба славились своими обширными познаніями и глубокою ученостію, каждый въ своемъ предметѣ, оба одарены были рѣдкими способностями, быстрымъ и проницательнымъ умомъ и силою характера. Но одинъ изъ нихъ пошелъ путемъ неправды и ослѣпленія, принесъ дарованія свои на жертву несбыточной мечтѣ, и окончилъ путь свой открытою измѣной, вовлекши безчисленное множество своихъ соотечественниковъ въ явную погибель. Другой шелъ всю жизнь свою путемъ истины, долга, вѣрности своимъ обязанностямъ и преданности законному правительству, наконецъ своею твердостію и благоразуміемъ вырвалъ множество жертвъ изъ зѣва гидры соблазна и крамолы. Эти двѣ личности были: Іоахимъ *Лелевель* и Венцеславъ *Пеликанъ*. Самая наружность ихъ представляла очамъ зрителей разительную противуположность. Казалось, самымъ внѣшнимъ ихъ видомъ природа хотѣла, при первой встрѣчѣ съ ними, дать понятіе о ихъ характерѣ и стремленіяхъ. Лелевель, съ блѣдными впалыми щеками, всегда повисшей головой, тонкими стиснутыми губами, быстрымъ, но непріятнымъ взглядомъ, съ перваго раза возбуждалъ къ себѣ недовѣрчивость и даже родъ от-

---

(1) Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831. Poznan 1863. T. II. str. 208.

вращенія. Угрюмый и молчаливый, казалось, онъ постоянно занятъ былъ какою то мрачною мыслію, которая не давала ему покоя. Занимаясь исключительно и съ любовію исторіей, онъ издалъ многія сочиненія по этому предмету, а преимущественно по части польской исторіи, изученію и изслѣдованію которой посвятилъ свои усилія. При необыкновенной эрудиціи, слогъ его былъ тяжелъ; нужно было долго свыкаться съ нимъ, чтобы свободно читать его сочиненія и скоро уловлять его мысли. Въ частной жизни походилъ на нелюдима, рѣдко являлся въ обществахъ, не заводилъ близкихъ сношеній съ товарищами по службѣ, и на предлагаемые ему въ частныхъ бесѣдахъ вопросы отвѣчалъ коротко и какъ бы съ неудовольствіемъ. Одинъ только предметъ преображалъ совершенно Лелевеля, именно, когда рѣчь касалась какого нибудь обстоятельства, относящагося къ польской исторіи и вообще судьбы Польши. Тогда не возможно было узнать прежняго угрюмаго и неприступнаго Лелевеля. Въ то время мертвое лицо его оживлялось, глаза его загарялись какъ бы поэтическимъ огнемъ, изъ устъ его лилась рѣка выводовъ, сравненій и изслѣдованій, объясненій, а наконецъ и предсказаній, оживлявшихъ въ неопытныхъ слушателяхъ надежды на осуществленіе несбыточной идеи. Эти вспышки случались съ нимъ чаще съ тѣхъ поръ, какъ онъ занялъ каѳедру всеобщей исторіи въ виленскомъ университетѣ въ 1821 году.

Пеликанъ, одаренный прекрасною наружностью, звучнымъ и пріятнымъ голосомъ, увлекательнымъ даромъ слова, сдѣлался украшеніемъ и славою виленскаго университета, въ которомъ преподавалъ анатомію и хирургію. Глубокія и основательныя его свѣдѣнія во врачебныхъ наукахъ и безпримѣрныя искуство и ловкость въ хирургическихъ операціяхъ сдѣлали его однимъ изъ славнѣйшихъ врачей своего времени. Въ аудиторіяхъ онъ излагалъ предметы своего преподаванія съ необыкновенною ясностію и свободою, самымъ чистымъ и правильнымъ языкомъ. Каждый членъ человѣческаго тѣла со всѣми составляющими его подробностями, представленъ былъ имъ какъ на картинѣ. Его хирургическія операціи приводили въ изумленіе старыхъ врачей, и долго составляли занимательный предметъ бесѣды въ цѣломъ городѣ. Между многочисленными его заслугами на поприщѣ профессора неоспоримо видное мѣсто занимаетъ то, что онъ, можно сказать, создалъ анатомическій кабинетъ, котораго большая часть лучшихъ препаратовъ была составлена студентами вра-

чебнаго отдѣленія подъ его руководствомъ. Хирургическая клиника, предъ тѣмъ почти не существовавшая, обязана ему также своимъ устройствомъ и блистательнымъ состояніемъ. Наконецъ онъ образовалъ множество отличныхъ врачей, операторовъ и прозекторовъ, изъ коихъ особенно примѣчанія достойны, занимавшіе послѣ него съ большимъ успѣхомъ и похвалою каѳедры анатоміи и хирургіи Бѣлькѣвичь, Порціянко и Галензовскій, а также бывшій въ послѣдствіи профессоромъ анатоміи въ московскомъ университетѣ Людвигъ Сѣврукъ. Въ частной жизни Пеликанъ былъ идоломъ виленской публики. Его открытое лицо, веселый нравъ, остроуміе безъ желчи, наконецъ испытанное неоднократно благородство души сдѣлали его любимцемъ всего виленскаго общества, въ особенности дамъ, которыя, какъ говорится, были отъ него безъ ума. Можно вообразить какими глазами смотрѣли на него появившіеся уже злоумышленники, какія усилія употребляли, дабы завлечь его въ свои сѣти, и какихъ успѣховъ могли ожидать въ своихъ замыслахъ отъ его способностей и популярности. Но Пеликанъ, во время профессорства своего въ университетѣ, занятъ былъ одними предметами своего преподаванія, и огромною практикою, которую имѣлъ въ городѣ, удѣляя свободное время пріятностямъ семейной жизни и кругу своихъ знакомыхъ; а когда его дарованія вызвали его на поприще управленія университетомъ, злонамѣренныя лица убѣдились при первыхъ его дѣйствіяхъ, что имъ невозможно и даже опасно разсчитывать на его содѣйствіе.

Теперь слѣдуетъ намъ заняться описаніемъ и изслѣдованіемъ одного важнаго событія въ университетѣ, котораго открытіе и разоблаченіе мѣстнымъ начальствомъ, вызвало столько неосновательныхъ толковъ и жалобъ на русское правительство, обвиняемое злонамѣренными или несвѣдущими въ дѣлѣ людьми въ неумѣстной строгости и даже жестокости. Это были тайныя общества, составившіяся между обучавшимися въ университетѣ юношествомъ. Описывая это произшествіе, я буду руководствоваться показаніемъ такого писателя, который самъ былъ членомъ одного изъ такихъ обществъ, принималъ дѣятельное участіе въ мятежѣ 1831 года, вышелъ съ остатками мятежной арміи за границу, и тамъ уже обнародованы его записки сначала въ Парижѣ, а потомъ въ Познани. (1) Описывая возстаніе поляковъ въ 1830 и 1831 году, онъ, не стѣсняясь ничѣмъ, представляетъ всѣ обстоятельства, служившія подготовленіемъ къ этому возстанію, слѣд-

(1) Mochnacki Powstanie Narodu Polskiego. T. II.

-ственно изображаетъ въ настоящемъ свѣтѣ намѣренія основателей и членовъ общества, побудительныя причины и цѣль ихъ существованія. Если бы дѣйствія русскаго мѣстнаго начальства были несправедливы, если бы русскіе чиновники, назначенные для изслѣдованія этого дѣла, доискивались чего нибудь не существовавшаго, то такой писатель какъ Мохнацкій неупустилъ бы случая обнаружить это обстоятельство передъ публикою въ своемъ сочиненіи, наполненномъ желчію, дышущемъ ненавистію противъ всего русскаго. Но онъ неговоритъ объ этомъ ни слова. Напротивъ онъ изображаетъ намѣренія и цѣль составленія обществъ именно въ такомъ видѣ, въ какомъ открыла ихъ слѣдственная коммиссія. Приведемъ отрывокъ его повѣствованія объ этомъ предметѣ, въ переводѣ. (1) Авторъ говоритъ о Занѣ, основателѣ одного изъ тайныхъ обществъ въ виленскомъ университетѣ.

„Изучивши основательно физику и математику, онъ постоянно „посѣщалъ лекціи профессоровъ, затѣмъ только, чтобы быть въ уни„верситетѣ; а быть въ университетѣ хотѣлъ затѣмъ, чтобы чему „нибудь болѣе нежели физикѣ и математикѣ научить юношество, „котораго, какъ самый старшій студентъ, зналъ почти цѣлыя два „нѣскольколѣтнія поколѣнія. Когда должно совершиться чему нибудь „важному въ исторіи, провидѣніе народовъ обыкновенно высылаетъ „сначала такихъ людей какъ Занъ (!?), чтобы были предтечами „необыкновенныхъ событій, распространителями великихъ идей, дѣй„ствователями великихъ преобразованій (?!!). По мнѣнію Зана уни„верситетъ не былъ святилищемъ однихъ наукъ, а алгебра несостав„ляла послѣдняго предѣла, за которымъ не остается уже ни какого „дѣла. Не ужели изъ этихъ жизненныхъ силъ студентовъ не воз„можно было вывести ничего для Польши? Занъ крѣпко ухватился „за эту мысль, рѣшился привести ея въ исполненіе, и исполнилъ „такъ счастливо."

Эти нѣсколько строкъ уже явственно обнаруживаютъ какія были намѣренія Зана, когда онъ приступалъ къ составленію предполагаемаго имъ общества. Но послушаемъ далѣе разсказа, и настоящіе виды Зана будутъ для насъ еще яснѣе.

„Истинно склонный къ товариществу, кроткій нравъ, простота „въ обращеніи, великій просвѣщенный умъ, старательное воспитаніе, „нѣчто привлекающее и предупредительное, пріобрѣли ему сердца „юношества. Надо было быть имъ любимымъ, чтобы пріобрѣсти его

(1) Тамъ же, стран. 218.

„довѣренность; надо было имѣть его довѣренность, чтобы его соединить и обратить его мысль къ великому предпріятію. Въ 1819 „году Занъ составилъ между студентами университета нравственное, „патріотическое и ученое общество, котораго членамъ далъ названіе „*лучезарныхъ* (promienistych.). Семь классовъ общества представляли семь лучей, составляющихъ солнечный свѣтъ. Таково начало „революцій не только въ нравахъ, характерѣ и натурѣ товарищества юношества, но и въ самой новѣйшей польской литературѣ, которую одинъ изъ *лучезарныхъ* (Мицкевичъ) сдѣлалъ поэтическою, „оригинальною и великою, какою никогда не была, и въ которой „также одинъ изъ пріятелей Зана (Лелевель) историкъ и историческій критикъ пріобрѣлъ имя, вліяніе и силу, столь громкія потомъ въ народномъ возстаніи.“

Кто жъ, прочитавъ эти строки, не увидитъ главнаго намѣренія Зана и его сообщниковъ. А между тѣмъ открытіе этаго общества мѣстнымъ начальствомъ вызвало объ немъ въ публикѣ самые несправедливые и даже обидные отзывы, какъ то увидимъ ниже.

Видимая цѣль существованія этого общества состояла яко бы въ томъ, чтобы утвердить между членами правила нравственности, возбудить въ нихъ любовь къ наукѣ, оживить ихъ прилежаніе и умственную дѣятельность и оказывать бѣднымъ и неимѣющимъ особенныхъ способностей ученикамъ, какъ матеріальную такъ и умственную помощь. „Занъ, говоритъ Мохницкій, разумомъ бѣдныхъ поддерживалъ богатыхъ, а имуществомъ богатыхъ поддерживалъ бѣдныхъ.“ Но это была только одна сторона медали. Она одна только показываема была учебному начальству, которое, не видя въ ней ничего предосудительнаго, не препятствовало распространенію и успѣхамъ общества. Другая тайная цѣль, скрытая отъ начальства, извѣстна была Зану и его тайному совѣту, состоящему изъ такъ называемыхъ *филаретовъ*. Впрочемъ, если не всѣ, то большая часть лучезарныхъ легко могли догадаться въ чемъ состояло дѣло. У многихъ изъ нихъ появились маленькія библіотеки, состоявшія изъ невиданныхъ до толѣ польскихъ книгъ, переходившихъ безпрерывно изъ рукъ въ руки, и которыя они читали съ увлеченіемъ. Встрѣчались между ими такіе, кои собственноручно и цѣликомъ переписывали сочиненія *о составленіи конституціи 3-го мая и упадкѣ ея* и т. п. Появились во множествѣ патріотическія стихотворенія, какъ новые, такъ и старыя выведены изъ забвенія. Студенты переписывали

ихъ безпрестанно и заучивали наизусть. Все это направляла невидимая рука Зана.

Движеніе и дѣятельность лучезарныхъ, а вмѣстѣ съ этимъ возбужденный въ нихъ Заномъ энтузіазмъ, примѣтно усилились съ 1821 года, когда каѳедру исторіи занялъ Лелевель, а философіи—Голуховскій. Оба приняты были обучавшимися юношествомъ съ величайшимъ восторгомъ. Безчисленное множество слушателей, въ числѣ коихъ находились и дамы, наполняли аудиторіи. Въ особенности Лелевель, излагая событія, относящіеся къ судьбѣ Польши, увлекалъ слушателей до такой степени, что они, забывая о мѣстѣ и приличіи, неоднократно отвѣчали ему громкими рукоплесканіями, какъ въ театрѣ. Популярность Лелевеля въ частныхъ сношеніяхъ со студентами содѣйствовала еще болѣе намѣреніямъ Зана, нежели громкія его лекціи. Будучи доступенъ для каждаго изъ нихъ, удѣляя каждому не только свѣдѣнія, въ которыхъ онъ нуждался, но вспомоществуя неимущихъ собственными деньгами, онъ привлекалъ ихъ къ себѣ толпами въ свое помѣщеніе и бесѣдовалъ съ ними часто до глубокой ночи. Его товарищи профессора, желая посѣтить его въ вечернее время, находили у него всегда двери запертыми, въ то время когда за этими дверьми вели съ нимъ продолжительную и жаркую бесѣду множество студентовъ, приходившихъ къ нему другимъ входомъ. Въ засѣданіяхъ университетскаго совѣта, когда рѣчь касалась какого либо предмета, относящагося къ общимъ потребностямъ заведенія, Лелевель велъ себя скромно, и безпрекословно соглашался съ прочими; но коль скоро дѣло шло объ участи какого нибудь студента, особенно пользовавшагося его покровительствомъ, Лелевель принималъ его сторону съ жаромъ иногда излишнимъ, иногда сопротивленіе его волѣ отражалъ крикомъ и выраженіями доходившими до дерзости. При такомъ состояніи дѣлъ можно было легко предвидѣть, какой исходъ будутъ имѣть намѣренія Зана и учрежденнаго имъ общества. Тотъ же Мохницкій, который съ такою откровенностію описываетъ всѣ приготовленія къ вспыхнувшему потомъ возстанію, говоритъ между прочимъ: „со времени вступленія (въ университетъ) Лелевеля и Голуховскаго новый духъ въ университетѣ былъ нѣкоторымъ образомъ теоритическимъ выраженіемъ нравственнаго и патріотическаго стремленія *лучезарныхъ*, которые предъугадали его въ своемъ сердцѣ и приготовили умы къ этому перевороту.“

И дѣйствительно къ возбужденію этого гибельнаго энтузіазма и этой обольстительной поэзіи много способствовали Лелевель и Голу-

ховскій. Все что только питало воображеніе обращено было къ одной цѣли—къ судьбѣ Польши. Польская поэзія, направленная къ одной этой цѣли, произвела многія стихотворенія, изъ коихъ не одно слишкомъ ясно обнаруживало мятежный духъ и предосудительныя стремленія автора. Удивительно, что эти попытки не были остановлены въ свое время тогдашнимъ начальствомъ. Голосъ здравомыслящихъ не вразумилъ любителей поэзіи, увлекшихся одними ея красотами, и вовсе оставившихъ безъ вниманія настоящій смыслъ стихотвореній и тайную цѣль автора, хотя на то, чтобы проникуть ее, не нужно было большой прозорливости.

Однакожъ горячка, привитая Заномъ виленскому обучающемуся юношеству, не могла обойтись безъ припадковъ, кои обнаружили ея существованіе даже предъ такими людьми, кои вовсе не имѣли намѣренія участвовать въ безразсудныхъ замыслахъ. Между профессорами виленскаго университета находились благонамѣренныя лица, кои несмотря на польское свое происхожденіе, были вѣрными долгу своей службы и не терпѣли сумазбродныхъ затѣй, угрожавшихъ не только чести заведенія, но даже спокойствію края. У нетерпѣливой молодежи, руководимой Заномъ, вырывались иногда вовсе не двусмысленныя выраженія, которыя могли внушить справедливыя подозрѣнія и не весьма дальновидному уму. Основательные люди тотчасъ это замѣтили и рѣшились истребить зло въ самомъ его началѣ. Въ 1822 году профессоръ математики Выврвичъ подалъ Чарторыйскому донесеніе, въ которомъ убѣдительно доказывалъ, что составленное Заномъ общество имѣетъ вовсе не ту цѣль, какую имѣло въ виду учебное начальство, но что члены его имѣютъ другое, тайное, противузаконное стремленіе, которое непремѣнно должно открыть и изслѣдовать. Между прочимъ въ донесеніи своемъ онъ упомянулъ, что кромѣ общества *лучезарныхъ*, извѣстнаго учебному начальству, составилось отдѣленіе тайное, политическое, подъ названіемъ *филаретовъ*, и что этимъ отдѣленіемъ управляло нѣсколько лицъ подъ именемъ *филоматовъ*. Чарторійскій очень хорошо зналъ это стремленіе и цѣль общества; но какъ донесеніе Вырвича подано ему было официально, то онъ и не могъ оставить его безъ вниманія. А потому, чтобы съ одной стороны удовлетварить долгу своей службы, а съ другой укрыть Зана и его сообщниковъ отъ взысканія, и чрезъ то не остановить ихъ дѣйствій, столь согласныхъ съ тайными его замыслами, поручилъ изслѣдованіе этого дѣла профессору ветеринарнаго искуства Боянусу. Послѣдствія его рѣшенія Чарторійскій

очень хорошо предвидилъ. Боянусъ, какъ иноземецъ, мало интересовался судьбою Польши, и какъ человѣкъ преданный своей наукѣ, мало имѣлъ способностей для произведенія судебнаго изслѣдованія; а потому онъ довольствовался только поверхностнымъ изслѣдованіемъ дѣла, и единогласными показаніями студентовъ, приготовленныхъ къ тому Заномъ, и представилъ Чарторійскому, что обстоятельство это не заслуживаетъ никакого вниманія. Это рѣшеніе вполнѣ удовлетворило Чарторійскаго, а Зану и его сообщникамъ придало новыя силы и бодрость къ продолженію ихъ затѣй. Однакожъ Занъ, опасаясь дальнѣйшихъ изслѣдованій, которыя могли бы произвести люди опытнѣе Боянуса и болѣе свѣдущіе въ слѣдственныхъ дѣлахъ, созвалъ чрезвычайное засѣданіе, распустилъ филаретовъ и филоматовъ, сжегъ всѣ бумаги, могущія дать какую нибудь идею объ ихъ существованіи и цѣли, и обязалъ всѣхъ членовъ присягою къ сохраненію тайны.

Между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ, часъ отчасу болѣе усиливалась дѣятельность заговорщиковъ и увеличивалось число членовъ тайныхъ обществъ. Тамъ также показались признаки ихъ существованія и злонамѣренности, но къ открытію ихъ приняты были мѣры слабыя, недостаточныя для разоблаченія замысловъ, составленныхъ людьми хитрыми и энергическими. Хотя Скробецкій, адьютантъ генерала Гауке, успѣлъ открыть нѣкоторыя подробности заговора и донесъ объ нихъ своему начальству; но Гауке, при всей благонамѣренности своей и правосудіи, не умѣлъ взяться за дѣло, какъ бы слѣдовало, а окружающія его лица старались болѣе затемнить нежели разъяснить дѣло. Начальствовавшій военными силами въ Царствѣ Польскомъ, великій князь Константинъ Павловичъ, въ видахъ сближенія народа польскаго съ русскимъ, посвятилъ себя совершенно пользамъ поляковъ, слишкомъ много положился на ихъ благодарность, а приблизившіеся къ нему агенты заговорщиковъ старались всѣми силами утвердить въ немъ увѣренность въ нелицемѣрной и непоколебимой къ нему преданности жителей царства. Однимъ словомъ, дѣйствія русскаго мѣстнаго начальства, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ западныхъ губерніяхъ были вовсе недостаточны для упрежденія угрожавшей государству опасности.

Къ счастію Россія имѣла въ то время мудраго, проницательнаго и дальновиднаго государственнаго мужа, котораго никакія хитрости обмануть, никакія обольщенія соблазнить не могли. Посреди множества неосторожныхъ и легковѣрныхъ людей, служившихъ рус-

свому правительству въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ, онъ видѣлъ предметы въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ не былъ ослѣпленъ наружными признаками вѣрности и преданности поляковъ къ ихъ Государю. Онъ зналъ ихъ основательно, въ особенности ихъ сановниковъ, проникъ ихъ до глубины сердецъ, часто предупреждалъ и уничтожалъ ихъ замыслы въ самомъ зародышѣ, а на канунѣ постыднаго взрыва въ 1830 году тщетно представлялъ великому князю всѣ подробности заговора и убѣждалъ принять рѣшительныя мѣры къ предупрежденію соблазна и смятенія. —Это былъ императорскій резидентъ въ Царствѣ Польскомъ, сенаторъ, графъ Николай Николаевичъ Новосильцевъ. Онъ зналъ, что противъ крамолы надобно дѣйствовать собственнымъ ея оружіемъ, а потому употребилъ хитрость противъ хитрости, чтобы добраться до источника злонамѣренія. Многіе признаки навлекали сильное подозрѣніе на Лукасинскаго, но не было ни одного факта для его обличенія. Для достиженія этой цѣли избранъ былъ нѣкто Карскій, который, дѣйствуя согласно съ данной ему инструкціей, не только успѣлъ вступить въ число членовъ тайнаго общества, но даже пріобрѣсти довѣренность Лукасинскаго, давшаго ему порученіе въ Парижѣ по дѣламъ общества. Увѣдомивъ заранѣе Новосильцева о времени своего возвращенія, онъ арестованъ былъ на обратномъ пути на границѣ, и выдалъ всѣ находившіяся при немъ бумаги, изъ коихъ обнаружились имена всѣхъ членовъ центральнаго комитета. Немедленно взяты были подъ стражу Лукасинскій, Доброгойскій, Дзвонковскій, Добржицкій, Махницкій, Кощуцкій, Циховскій и Жицъ, и посажены подъ арестъ въ кармелитскомъ клянторѣ въ Лешнѣ. Новосилцевъ вспомнилъ тогда донесеніе Скробницкаго. Начались по этому донесенію розыски. Скробницкій указалъ на полковника Шнейдера, который былъ въ сношеніяхъ съ Лукасинскимъ и получилъ отъ него тайныя порученія въ Калишъ по дѣламъ общества. Уликъ достаточныхъ не было; а Шнейдеръ не признался ни въ чемъ: но на этотъ разъ пришолъ на помощь случай. Шнейдеръ былъ арестованъ и отданъ подъ судъ по другому дѣлу, а именно: за многоженство. Попавши въ бѣду Шнейдеръ, обѣщалъ все открыть, если съ него не будутъ взыскивать за этотъ проступокъ. Великій князь увѣрилъ его, что подъ этимъ условіемъ онъ получитъ желаемое; а потому Шнейдеръ разсказалъ все, что ему было извѣстно о тайномъ обществѣ и вычислилъ прозванія всѣхъ его членовъ. Въ доказательство справедливости своихъ показаній представилъ

бумаги, полученныя имъ отъ Лукасинскаго. Не оставалось более ни какого сомненія, и виновные отданы подъ судъ. Дзвонковскій и Жидъ лишили себя жизни въ заключеніи. Лукасинскій, Доброгойскій и Добржицкій осуждены на лишеніе чиновъ и дворянства и ссылку въ крепостныя работы въ Замостье, первый на 7 летъ, а другіе два на 4 года. Кошуцкій, Махницкій и Шрейдеръ отданы подъ надзоръ полиціи, Циховскій оставленъ въ заключеніи. Странная вещь! Открытіе явнаго заговора произвело въ Царстве Польскомъ общее негодованіе и жалобы на русское правительство, а наказаніе действительныхъ злодеевъ названо нарушеніемъ конституціи. А какую участь ей уготовляли ихъ замыслы—показалъ 1831 годъ и его последствія.

Розысканія, произведенныя надъ заговорщиками въ Царстве Польскомъ, обнаружили следы составленія тайныхъ обществъ въ западныхъ губерніяхъ Россіи. Вести полученныя Новосильцевымъ изъ Вильны о следствіи, произведенномъ Боянусомъ, заставили его вытребовать все дело и производство по этому предмету къ себе. Разсмотревъ внимательно бумаги, относившіяся къ делу, онъ тотчасъ проникъ всю небрежность и недостатки изследованія, и решился самъ возобновить его. Вскоре нашелся къ тому случай.

Не смотря на предосторожность Зана, университетское юношество, после неудачнаго изследованія Боянуса, сделалось смелее и не скрывало своихъ задушевныхъ идей. Въ громкихъ ихъ разговорахъ, даже въ присутствіи постороннихъ лицъ, непринадлежащихъ къ ихъ кругу, вырывались такія выраженія, которыя могли бы возбудить подозреніе и не въ дальновидныхъ людяхъ. Наконецъ 3-го мая 1823 года, ученикъ гимназіи Михаилъ Плятеръ написалъ въ классе мелом на доске: „Да здравствуетъ Конституція 3-го мая.“ Такъ пишетъ объ этомъ событіи Мохницкій. По свидетельству же очевидцевъ, Плятеръ написалъ на доске следующія слова: „Сегодня день Конституціи 3-го мая. Поляки! возстаньте для защиты великаго вашего дела.“ Учитель русскаго языка Островскій донесъ о томъ военному губернатору Римскому-Корсакову, а тотъ уведомилъ великаго князя, который для изследованія этаго дела послалъ въ Вильну Новосильцева.

Нетъ сомненія, что не поступокъ несовершеннолетняго ученика заставилъ Островскаго обратиться съ донесеніемъ къ военному губернатору. Учебное начальство могло бы легко на месте обуздать своеволіе мальчика и не оставить ни какихъ следовъ его неуместной вы-

ходки, еслибъ это былъ только случайный примѣръ обыкновенной шалости или вѣтренности. Но поступокъ этотъ былъ проявленіемъ общаго духа всего тогдашняго обучающагося юношества. Островскій имѣлъ случай многократно видѣть примѣры своевольства и дерзости между обучавшимися и слышать вовсе недвухсмысленныя выраженія на щетъ ихъ намѣреній и надеждъ. Направленіе умовъ юношества было слишкомъ явственно; но нельзя же было идти съ донесеніемъ, основываясь на нѣсколькихъ словахъ, произнесенныхъ, какъ сказали бы тогда, безъ умысла, и отъ которыхъ очень легко могъ бы отказаться виновный. А потому онъ воспользовался первымъ случаемъ, когда эти чувства выразились публично, въ классѣ, въ глазахъ учебнаго начальства, не опасаясь его надзора и взысканія. Голосъ большей части виленской публики разумѣется, осуждалъ Островскаго за его поступокъ, но послѣдствія оправдали его совершенно.

Новосильцевъ, по прибытіи въ Вильну, скоро обнаружилъ источникъ существовавшаго между учениками духа. Слѣдствіемъ его розысковъ было то, что пятеро взрослыхъ гимназистовъ исключены были изъ заведенія. Великій князь простеръ свою строгость далѣе, приказавъ записать ихъ въ солдаты. Потомъ Новосильцевъ занялся дѣломъ филаретовъ. Въ квартирѣ университетскаго студента Янковскаго найденъ списокъ членовъ какого то якобы литературнаго и нравственнаго общества. Подозрѣніе пало на многихъ. Они были арестованы, и въ числѣ ихъ Янковскій и Занъ. Послѣдній сначала упорно отвергалъ явныя обличенія и увѣрялъ, что ничего объ этомъ не знаетъ. Но Янковскій открылъ все, что ему было извѣстно о филаретахъ. Арестованы были Чечотъ, Іежовскій и Мицкѣвичь, а потомъ, вслѣдствіе показаній Янковскаго, взяты подъ стражу всѣ филареты и филоматы и заключены въ базиліанскомъ монастырѣ. Занъ, видя, что нѣтъ надежды воспрепятствовать открытію истины, вздумалъ сыграть роль героя, рѣшился принять на себя одного всю отвѣтственность, и принести себя на жертву за всѣхъ. Онъ объяснилъ откровенно передъ Новосильцевымъ всѣ предначертанія и дѣйствія филаретовъ, но къ этому прибавилъ, что онъ одинъ только былъ изобрѣтателемъ этаго намѣренія и главою общества, а потому проситъ, чтобъ на него одного обращено было взысканіе. Несвоевременное признаніе и мнимое великодушіе Зана не воспрепятствовало обратить взысканіе на тѣхъ, кои особенно раздѣляли съ нимъ чувства и идеи, и ревностно содѣйствовали успѣхамъ въ его предначертаніи. Одинадцать филоматовъ и девять филаретовъ разосланы

были въ разныя внутреннія губерніи. Въ числѣ ихъ находились Мицкевичъ и Чечотъ.

Это изслѣдованіе и осужденіе виновныхъ, возбудило противъ Новосильцева жесточайшую ненависть между поляками, наполнявшими западный край. По случаю производства этого дѣла, клевета приписывала ему самыя адскія предначертанія. Всѣ его поступки представлены въ самомъ отвратительномъ видѣ, съ примѣсью непростительной лжи. Къ этому поляки присоединяли самое несмысленное заключеніе, что своею хитростію и несправедливостію противъ *невинныхъ* дѣтей, онъ хотѣлъ только выслужиться (!!) передъ нашимъ правительствомъ и похвастать своею смѣтливостію и дальновидностію какъ будто успѣхъ въ этомъ изслѣдованіи могъ что нибудь прибавить къ его власти, значенію и вліянію на государственныя дѣла, которыя онъ уже давно пріобрѣлъ своимъ всеобъемлющимъ умомъ, многолѣтнею службою, великимъ характеромъ, безчисленными и важными услугами своему отечеству. Чтобы доказать неосновательность такого заключенія нужно разрѣшить одинъ важный вопросъ, а именно: справедливы ли были показанія студентовъ во время производимаго надъ ними слѣдствія? Шляхта западнаго края утверждала, что эти показанія были вынуждены слишкомъ строгими мѣрами, употребленными Новосильцевымъ при слѣдствіи. Но прошло не болѣе 10 лѣтъ, какъ за границею появились брошюры, составленныя польскими выходцами, по усмиреніи мятежа 1831 года, и печатанныя въ Лейпцигѣ, Парижѣ, Познани и другихъ мѣстахъ. Сочинители ихъ, участвовавшіе сами въ составленіи тайныхъ обществъ, описываютъ со всѣми подробностями и откровенностію всѣ тѣ событія, которыя служили подготовленіемъ къ мятежу. Между прочимъ, упоминая о дѣйствіяхъ Зана и его сообщникахъ, они представляютъ ихъ совершенно согласно съ показаніями виленскихъ студентовъ на допросахъ во время слѣдствія. Изъ этого нельзя не вывести самаго естественнаго заключенія, что эти показанія были справедливы. А если были справедливы, то въ чемъ же тутъ обвинять Новосильцева? Развѣ только въ томъ, что онъ открылъ истину? Если существовало злоумышленіе, то открытіе его ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать осужденію. А что оно дѣйствительно существовало, въ этомъ, въ послѣдствіи, признались публично сами поляки, какъ сказано выше.

Поляки отвѣчали ненавистью, клеветами и сарказмами на дѣйствія Новосильцова, котораго дальновидный умъ угадывалъ ихъ

замыслы и предупреждалъ ихъ исполненіе.— Они не любили человѣка, который ставилъ на всякомъ шагу преграды къ исполненію ихъ предосудительныхъ предначертаній. Но оскорбительно для сердца русскаго то, что эти клеветы и эти сарказмы повторяемы были нѣкоторыми изъ русскихъ такъ, какъ будто бы они имѣли самыя подробныя и вѣрныя свѣденія о состояніи западнаго края. Конечно поляки имѣли своихъ агентовъ во всей Россіи, вособенности въ двухъ столицахъ. Многіе изъ нихъ, находясь долго въ русской службѣ, успѣли войти въ ближайшія сношенія съ русскими, вкрались къ нимъ въ дружбу, и передавая имъ вѣсти полученныя изъ западнаго края, легко могли увѣрить ихъ, что поляки не могли дойдти до такого ослѣпленія, чтобы въ такомъ важномъ дѣлѣ искать содѣйствія и поддержки въ ограниченномъ числѣ недоученыхъ и даже несовершенно-лѣтнихъ мальчиковъ. Довѣрчивость сердецъ чуждыхъ лукавства могла согласиться съ мнѣніемъ обольстителей. Во всякомъ случаѣ, это была важная обида для государственнаго мужа, котораго намѣренія были чисты, а дѣйствія безукоризненны. Чтобы справедливо оцѣнить важность этихъ дѣйствій довольно обратить вниманія на послѣдствія появленія Зана къ университетѣ. По примѣру Лучезарныхъ, начали составляться тайныя общества и въ другихъ училищахъ виленскаго округа. Члены этихъ обществъ, не имѣя руководителей, кои могли бы сравниться въ хитрости и осторожности съ Заномъ, слишкомъ рано обнаруживали свои стремленія, и чрезъ то подвергали себя заслуженному взысканію. Наконецъ въ кейданскомъ уѣздномъ училищѣ составленъ заговоръ на жизнь великаго князя. Одинъ изъ учениковъ взялъ на себя исполненіе этого преступнаго замысла. Онъ хотѣлъ подать просьбу великому князю, во время проѣзда его въ Петербургъ, и во время чтенія имъ этой просьбы застрѣлить его. Намѣреніе это было открыто. Виновный, будучи допрашиваемъ самымъ великимъ княземъ, сознался передъ нимъ во всемъ, безъ всякаго принужденія, даже съ дерзостію отъявленнаго злодѣя.— Онъ сосланъ былъ въ каторжную работу, а кейданское училище по высочайшему повелѣнію закрыто.

Теперь слѣдуетъ намъ отвѣтить на другой вопросъ: какая участь постигла высланныхъ въ внутреннія губерніи филаретовъ и филоматовъ? Многіе изъ нихъ поступили въ этихъ губерніяхъ на службу, заняли по разнымъ отраслямъ управленія выгодныя мѣста, обезпечившія ихъ содержаніе, а спустя нѣсколько лѣтъ, со-

вершенно переменили образъ мыслей и смеялись надъ сумазбродными затеями своей молодости. Одинъ изъ нихъ Францискъ Малевскій, сынъ бывшаго ректора университета, вытребованный нашимъ правительствомъ изъ заграницы, где онъ находился во время произведенія следствія, сделалъ въ последствіи блистательную карьеру и, занимая въ Петербурге важное место, въ 1836 году былъ уже действительнымъ статскимъ советникомъ и украшенъ звездою. Вотъ какъ Новосильцовъ губилъ такъ называемыя жертвы своей *несправедливости* и *жестокости!* Тотъ самый Занъ, который былъ главнымъ виновникомъ всехъ смятеній, высланный сначала въ Оренбургъ, потомъ въ Тобольскъ, получилъ въ последствіи полное прощеніе и разрешеніе прибыть въ Петербургъ; а потомъ позволеніе отправиться за границу.

Однакожъ между ними были и такіе, которыхъ никакіе тяжкіе опыты не могли образумить: которыхъ даже великодушіе и милости монарха не могли навести на путь долга и истребить въ умахъ ихъ гибельныя мечтанія, имевшія столь плачевныя последствія какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ соотечественниковъ. Таковы были Чечотъ и Мицкевичъ. Первый, будучи всегда угрюмъ, занятъ своей неотвязною мечтой мнимаго патріотизма, посреди русскихъ добродушныхъ, велъ жизнь вполне изгнанническую. Увлеченный безотчетною ненавистію ко всему русскому, считалъ преступленіемъ входить въ какія нибудь сношенія съ кемъ нибудь изъ русскихъ, особливо принять отъ нихъ какое нибудь пособіе въ нужде. Перенося всевозможныя лишенія, и добывая съ необыкновенными усиліями средства къ пропитанію собственными трудами, онъ въ письмахъ своихъ упрекалъ Мицкевича за то, что проживая въ Москве и въ Петербурге не презираетъ радушія русскихъ и пользуется знаками ихъ благосклонности. „Что касается до меня, писалъ онъ къ нему, то я лучше соглашусь умереть съ голоду, „нежели принять какую нибудь помощь отъ русскаго" (1).

Мицкевичъ поступалъ совершенно иначе. Онъ чувствовалъ, что подобнаго рода действія могутъ навсегда отделить его отъ общества не только русскаго, но и польскаго. Первое бы его отвергло, ко второму бы его не допустили какъ опаснаго человека. Къ тому же онъ надеялся самыхъ русскихъ обратить въ партизановъ своей пропаганды и соучастниковъ въ распространеніи возму-

(1) Korespondencia Mickiewicza, Paryż.

тительныхъ его идей. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ 1824 году, сдѣлавшись уже извѣстнымъ своими дѣйствительно прекрасными балладами, которыя были уже напечатаны. Оставаясь вѣрнымъ истинному предназначенію поэта, при необыкновенномъ своемъ дарованіи, онъ могъ бы занять высокое мѣсто въ ряду великихъ личностей, составляющихъ украшеніе человѣческаго рода. Но онъ пошелъ путемъ несвойственнымъ великимъ людямъ, заставлая свою прекрасную музу изрыгать желчь и сарказмы и бросать ядоватыя стрѣлы во все, что было противно задушевной его мечтѣ. Ненависть его къ русскому правительству выразилась во многихъ его стихотвореніяхъ, какими были I-я и III-я часть, такъ называемыхъ *Дзядовъ* (поминки), „Manewry russkiego wóyska и другія. Но эти сочиненія хранились въ рукописяхъ, и уже послѣ усмиренія мятежа 1831 года, напечатаны въ Парижѣ. Поляки, жившіе издавна въ Петербургѣ, ввели его въ дома русскихъ знатныхъ и вліятельныхъ лицъ, которыя приняли его радушно. Въ короткое время онъ вошелъ въ самыя тѣсныя сношенія съ многими тогдашними русскими литераторами и поэтами, кои удостоили его своей дружбы. Въ числѣ ихъ находился и нашъ славный поэтъ Пушкинъ.— Такой же пріемъ сдѣлали ему, спустя нѣкоторое время, въ Москвѣ; гдѣ онъ завелъ знакомство и даже вошелъ въ дружбу съ многими важными лицами, встрѣчавшими его съ истинно-славянскимъ гостепріимствомъ.— И въ это время, когда русскіе оказывали ему столько благосклонности, поддерживали его всѣми силами искренней любви, и даже исходатайствовали ему вниманіе и покровительство самаго монарха, Мицкѣвичъ изготовлялъ тотъ знаменитый плодъ своего таланта, въ которомъ такъ ясно, такъ убѣдительно выразилъ свой настоящій духъ и направленіе своего дарованія, но смысла котораго одни только русскіе не поняли.— Именно въ это время написалъ онъ свою знаменитую поэму *Конрадъ Валленродъ*. Въ 1826 году она напечатана была— въ Петербургѣ!! Нѣтъ нужды излагать здѣсь содержаніе этой почти всѣмъ извѣстной поэмы. Уже одинъ италіянскій эпиграфъ, помѣщенный на первой страницѣ, достаточно объясняетъ намѣреніе, съ какимъ авторъ принялся за свое дѣло. „Вы не знаете, сказано въ этомъ эпиграфѣ, какъ надобно сражаться съ двумя поколѣніями. Надобно быть лисицею и львомъ.“ Характеръ Валленрода, натянутая догадка о его происхожденіи, гнусный, предательскій его посту-

вомъ съ крестоносцами, ввѣрившими ему начальство надъ орденомъ, слишкомъ ясно обличаетъ автора, принявшаго на себя роль проповѣдника измѣны. „Къ счастію, сказалъ одинъ благоразумный цѣнитель литературныхъ произведеній, прочитавъ Валленрода, авторъ, не найдя въ исторіи столь отвратительной личности, принужденъ былъ изобрѣсти ее.“ Вся западная Европа угадала цѣль этого сочиненія. Всѣ ясно видѣли въ немъ стрѣлы направленныя прямо противъ Россіи.— Нѣкоторые русскіе, подобно полякамъ, встрѣтили рукоплесканіемъ новое явленіе на литературномъ поприщѣ. Пресловутый Булгаринъ первый напечаталъ въ Сѣверной Пчелѣ родъ панегирика новому произведенію, увѣряя, что оно должно занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ славянской литературѣ. Пушкинъ и нѣкоторые другіе русскіе поэты переводили на отечественный языкъ отрывки изъ Валленрода. Во многихъ русскихъ журналахъ напечатаны были неумѣренные похвалы автору и произведенію.— Конечно, русскіе могли увлечься красотами поэзіи и вообще литературнымъ достоинствомъ сочиненія. Но было разгадать его направленіе не трудно.

Мицкевичъ снялъ съ себя личину и вполнѣ обнаружилъ образъ своихъ мыслей и стремленій уже послѣ 1834 года.— Находясь за границею, куда отправился съ разрѣшенія и даже при пособіи русскаго правительства, онъ явно возсталъ противъ Россіи, присоединился къ шайкѣ выходцевъ и своимъ талантомъ поддерживалъ ихъ безумныя затѣи, какъ то увидимъ ниже. Я представилъ здѣсь черты характера Чечота и Мицкѣвича съ тѣмъ, что бы показать, какія личности находились между филаретами и филоматами, и можно ли было терпѣть существованіе такой заразы?

Окончивъ слѣдствіе надъ филаретами и филоматами, Новосильцовъ принялся за преобразованіе университета.— Прежде всего нужно было устранить изъ него лица, которыя по образу своихъ мыслей и дѣйствій разжыгали страсти и ободряли волненія между воспитанниками.— Чарторійскій уволенъ былъ отъ должности попечителя. На мѣсто его назначенъ членъ главнаго правленія училищъ графъ Ляваль. Но онъ не успѣлъ и вступить въ исправленіе этой должности. Скоро послѣ того назначенъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа Новосильцовъ. По его представленію удалены изъ университета четыре профессора Лелевель, Голуховскій, Даниловичъ и уніятскій священникъ

Бобровскій, а вмѣстѣ съ ними и библіотекарь Контрымъ. Послѣдній, занимаясь болѣе дѣлами университетскаго правленія, нежели настоящею своею обязанностію, пріобрѣлъ сильное вліяніе на бывшаго въ то время ректоромъ Твардовскаго, непредпринимавшаго ничего безъ его одобрѣнія, не смотря на то, что пронырливый и неблагонадежный нравъ Контрыма былъ всѣмъ извѣстенъ.— Преобразовано было также университетское правленіе, усилена университетская полиція, учреждены должности экзекутора и четырехъ подъинспекторовъ, для ближайшаго наблюденія за поведеніемъ студентовъ, жившихъ на вольныхъ квартирахъ. Наконецъ, такъ какъ студенты университета весьма слабо и небрежно обучались русскому языку и многіе изъ нихъ, окончивъ курсъ ученія, сдѣлали въ немъ весьма незначительные успѣхи, то чтобы заставить ихъ прилежнѣе учиться этому языку и свыкнуться съ нимъ по необходимости, повелѣно было, чтобы одинъ какой нибудь предметъ преподаваемъ былъ не иначе какъ на русскомъ языкѣ. Для этого выбрано было преподаваніе исторіи.

Но изо всѣхъ мѣръ, принятыхъ Новосильцовымъ для утвержденія законнаго порядка въ университетѣ, самыя благотворныя послѣдствія имѣло назначеніе ректоромъ профессора Пеликана.— Это событіе составило новую эпоху въ исторіи университета, и съ тѣхъ поръ начался самый блестящій, но вмѣстѣ съ тѣмъ—последній періодъ его существованія. Будучи во цвѣтѣ лѣтъ, онъ принялъ въ свои сильныя руки управленіе заведеніемъ и первыя его распоряженія обнаружили проницательный его умъ, твердость характера и совершенное знаніе дѣла.— Онъ привелъ въ восторгъ благонамѣренную и въ уныніе неблагонамѣренную публику западнаго края.— Скоро послѣдняя примѣтила, что не только нѣтъ надежды на сочувствіе его преступнымъ ее замысламъ; но что даже напротивъ того, съ самаго его вступленія въ должность ректора, начались сильныя и дѣятельныя противудѣйствія этимъ замысламъ. Онъ приступилъ къ преобразованію университета во всѣхъ частяхъ его: учебной, нравственной, административной, даже до обновленія и украшенія зданій заведенія. При управленіи прежнихъ ректоровъ, безпорядки и неустройства, вкравшіяся во всѣ части университета, проникли даже до засѣданій университетскаго совѣта. Не рѣдко въ этихъ засѣданіяхъ происходили сцены вовсе не соотвѣтствующія важности цѣли и достоинству сословія. Возникали жаркіе споры, вырывались не-

приличныя выраженія, доходило до ссоры и брани, какъ будто дѣло шло не о нуждахъ и благѣ заведенія, но объ удовлетвореніи личныхъ прихотей членовъ.— Такія личности, какъ Лелевель и ему подобныя, выказывали свое мнѣніе съ неумѣренною горячностію, сопровождали его колкостями, крикомъ и даже угрозами, не для того, что мнѣніе это было справедливо, даже и не потому, что они были убѣждены въ его справедливости, но чтобы поставить на своемъ во чтобы ни стало,. имѣя, впрочемъ, безъ сомнѣнія, и тайную, имъ однимъ извѣстную причину защищать его. Но съ тѣхъ поръ, какъ кресло предсѣдателя совѣта занялъ Пеликанъ, всѣ эти неустройства и безпорядки изчезли, какъ бы никогда не существовали. Казалось, невидимая сила, внушавшая къ себѣ довѣренность и уваженіе, управляла дѣйствіями засѣданій совѣта, которому возвратила подобающую важность и достоинство. Свобода мысли не была ни чѣмъ ограничена. Каждый изъ членовъ, смѣло и непринужденно, могъ подавать свое мнѣніе; но во всякомъ случаѣ это было только одно мнѣніе, подаваемое на разсмотрѣніе и разрѣшеніе совѣта, а не упрямство, сопровождаемое дерзкою настойчивостію, какъ было въ прежнее время. Профессоры, как преподаватели, сохранили всѣ свои права и преимущества, согласныя съ уставомъ; но ректоръ обращалъ бдительное вниманіе на то, чтобы профессоры, всходя на каѳедру, не выходили изъ круга предметовъ преподаваемой ими науки, не дѣлали безполезныхъ отступленій и не тратили драгоцѣннаго для учащихся времени пустою болтовней и неумѣстными умствованіями, которыя такъ часто позволяли себѣ преподававшіе при его предмѣстникахъ. Особенное вниманіе Пеликана обращено было на юношество. Студентамъ университета тщательно было внушаемо, что вступая въ заведеніе, они принимаютъ на себя обязанности не только въ отношеніи къ учебному начальству, но даже въ отношеніи къ государству, а посему уже нѣкоторымъ образомъ поступаютъ на службу. А какъ всякаго рода служба требуетъ удовлетворенія двумъ условіямъ, а именно: точнаго исполненія своей обязанности и безусловнаго повиновенія начальству, то каждому поступающему въ университетъ съ самаго начала поставляемо было на видъ, что во время пребыванія его въ заведеніи, онъ долженъ отказаться отъ своей воли, тѣмъ болѣе воли прихотливой, и неуклонно слѣдовать правиламъ объявленнымъ ему заранѣе. Онъ долженъ былъ подписать согласіе исполнять

съ точностію эти правила, безъ чего не могъ быть принятъ въ число студентовъ университета. Предъ тѣмъ посѣщенія лекцій происходили съ величайшею небрежностію и зависѣли вполнѣ отъ произвола слушателей; но со времени ректорства Пеликана, университетская полиція бдительно наблюдала за правильнымъ и своевременнымъ посѣщеніемъ аудиторій, и каждая неисправность по этому предмету имѣла неблагопріятное слѣдствіе для недобросовѣстныхъ слушителей. Вниманіе каждаго воспитанника неусыпно обращаемо было на то, что время пребыванія его въ учебномъ заведеніи есть время труда и подвига, которые должны имѣть вліяніе на улучшеніе какъ нравственнаго, такъ и матеріяльнаго быта всей его жизни, а часы свободные отъ занятій, должны быть употреблены только на то, чтобы освѣжить и укрѣпить свои силы для дальнѣйшихъ подвиговъ на поприщѣ своего образованія. А потому недозволяемо было студентамъ употреблять свободное отъ ученія время на тѣ безполезныя, а часто и вредныя и неприличныя ихъ званію увеселенія, которымъ въ прежнее время они съ такимъ своевольствомъ предавались. Казеннокоштные студенты врачебнаго института и учительской семинаріи имѣли помѣщеніе въ казенномъ зданіи и находились подъ надзоромъ своихъ префектовъ и ихъ помощниковъ. Но своекоштные, которыхъ число было несравненно болѣе, расположены были на наемныхъ квартирахъ по цѣлому городу. Для ближайшаго присмотра за ними, городъ раздѣленъ былъ на кварталы. Каждый изъ нихъ находился въ вѣденіи подъинспектора, которому подробно извѣстно было каждое помѣщеніе, гдѣ находились студенты университета. Онъ имѣлъ право въ каждое время входить въ квартиры, занимаемыя воспитанниками, слѣдить за ихъ занятіями, образомъ жизни и развлеченіями, и если что нибудь находилъ не сообразнаго съ правилами, данными для ихъ руководства, тотчасъ доносилъ о томъ ректору. Посѣщеніе публичныхъ увеселеній, какъ то: театровъ, маскарадовъ, касина, и загородныя гулянья не были воспрещены студентамъ; но каждый изъ нихъ, желавшій участвовать въ этихъ увеселеніяхъ, обязанъ былъ испросить на то позволеніе отъ инспектора и имѣть отъ него билетъ. Вскорѣ примѣтили благотворныя послѣдствія такого, повидимому, стѣсненія свободы обучавшихся въ университетѣ. Ихъ нравственность, очищенная отъ заразы своеволія, дѣлала ихъ часъ отчасу достойнѣе вниманія начальства, любви родителей, сродниковъ и

даже всей публики, а правильнымъ трудомъ приобрѣли они успѣхи въ наукахъ быстрѣе и прочнѣе, нежели подъ руководствомъ Зана и при небрежности предмѣстниковъ Пеликана. Доказательствомъ, что публика убѣдилась въ пользѣ преобразованій, введенныхъ Пеликаномъ, неоспоримо служитъ то, что со времени его ректорства, число поступавшихъ въ университетъ безпрестанно увеличивалось и въ послѣдніе годы доходило до 1800 человѣкъ.— Однимъ словомъ Пеликанъ, во все время ректорства своего, блистательно оправдалъ довѣренность начальства. Онъ дѣйствовалъ въ истинно вѣрноподданническомъ духѣ и съ искреннымъ желаніемъ добра не только обучавшемуся юношеству, но и цѣлому краю.

Изъ всего описаннаго нами ясно видно, что какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ западной Россіи составляемы были безпрерывно преступныя предначертанія, а потому край этотъ наполненъ былъ злоумышленниками. Они съ ожесточеніемъ смотрѣли на Пеликана, дѣйствовавшаго съ неколебимою твердостію, согласно съ законами долга и преданности престолу и вопреки ихъ предосудительнымъ стремленіямъ. А потому неудивительно, что такіе люди, а число ихъ было велико, преслѣдовали его ненавистію и клеветою, и представляли всѣ поступки его въ отвратительномъ видѣ. Но справедливое время скоро обнаружило во всемъ блескѣ его способности и праводушіе.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1825 года прибылъ я въ Вильну, въ которой оставался на службѣ по сіе время. Съ этихъ поръ я оставляю поприще повѣствователя, основывающагося на сказаніяхъ другихъ, а начинаю описывать то, чему я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, а потому продолженія моихъ замѣтокъ будутъ составлять собственныя мои впечатлѣнія.

П. Кукольникъ.

(Продолженіе впредь).

III.

КІЕВСКІЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ
НА 1867 ГОДЪ.

Извѣстно, что съ 1670 года, со времени польскаго въ Россіи владычества, до 1853 года, — времени новыхъ, благодѣтельныхъ для края распоряженій нашего правительства, вызванныхъ большею частію именно послѣднимъ польскимъ мятежомъ, — сперва въ Бердичевѣ, а потомъ въ Житомірѣ и Кіевѣ, издавался, въ сущности дѣла, слишкомъ обыкновенный и пустой, но, при помощи мѣстной польской и р.-католической пропаганды, пріобрѣвшій необыкновенную популярность въ здѣшнемъ краѣ и расходившійся ежегодно десятками тысячъ экземпляровъ по юго-западной Россіи, такъ-называемый *Бердичевскій календарь*. Онъ издавался *бердичевскими ксендзами-кармелитами*, сперва на одномъ польскомъ, а потомъ на польскомъ и русскомъ языкахъ. Достовѣрно извѣстно, что это незначительное и совершенно невинное, повидимому, изданіе бердичевскихъ ксендзовъ, на самомъ дѣлѣ весьма много способствовало и содѣйствовало не только вообще полонизаціи и окатоличенію юго-западной Россіи, но и распространенію польскихъ мятежныхъ замысловъ 1830 и 1863 годовъ (1). Такое значеніе

[1] Вотъ любопытныя, заслуживающія вниманіе нашихъ читателей, подробнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ календарѣ, заимствованныя нами изъ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и «Кіевлянина» за 1865 годъ. Онѣ покажутъ наглядно, имѣло ли мѣстное начальство достаточное основаніе воспретить подобное изданіе въ юго-западной Россіи. Вотъ что говорится въ этихъ изданіяхъ о *Бердичевском календарѣ*, на основаніи официальныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ:

«Календарь началъ издаваться въ Бердичевѣ еще въ то время, когда поляки, овладѣвшіе нашимъ краемъ, старались всякими мѣрами полонизировать его. Польскій календарь, на польскомъ языкѣ, распространяемый въ средѣ русскаго

этой, повидимому, вовсе незначительной, книжки давно уже обратило на себя справедливое вниманіе нашего правительства. Еще въ 1831 году, вслѣдствіе правительственнаго распоряженія, училище, основанное бердичевскими кармелитами на суммы, выручаемыя отъ продажи календаря, и находившіяся подъ непосредственнымъ ихъ управленіемъ, закрыто, а въ 1844 году уничтожена была и самая типографія, при кармелитскомъ костелѣ существо-

---

населенія, долженъ былъ служить однимъ изъ средствъ, направленныхъ къ той же цѣли. Въ 1670 году, въ г. Бердичевѣ, въ крѣпости, сооруженной поляками, была устроена типографія Св. Маріи. Въ ней, съ того времени, началось печатаніе календаря, составлявшагося кармелитами на польскомъ языкѣ. На суммы, выручаемыя отъ продажи календаря, было въ скоромъ времени основано кармелитами училище, находившееся подъ непосредственнымъ ихъ управленіемъ. Какъ календарь, такъ и училище пріобрѣли большую извѣстность между поляками; въ нѣкоторые годы въ училищные списки вписано болѣе шестисотъ учениковъ. Въ 1831 году, вслѣдствіе правительственнаго распоряженія, училище это было закрыто, а въ 1844 году уничтожена и типографія. Не смотря на послѣднее обстоятельство, кармелиты, безъ испрошенія у правительства разрѣшенія издавать свой календарь, продолжали его выпуски, а съ 1861 года печатаніе его передали одной житомірской типографіи, заведенной, какъ впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, съ тайною политическою цѣлію. По закрытіи житомірской типографіи, кармелиты перенесли печатаніе своего календаря въ Кіевъ, и здѣсь онъ издавался до послѣдняго года.

Изъ сличенія и внимательнаго разсматриванія экземпляровъ Бердичевскаго календаря за нѣсколько лѣтъ, оказалось, что до 1862 года календарь этотъ держалъ себя скромно: онъ предсказывалъ погоду и урожаи, помѣщалъ разныя хозяйственныя замѣтки и представлялъ лишь одно серьозное неудобство—то, что *былъ польскимъ народнымъ календаремъ въ русскомъ краѣ*. Но въ 1862 году онъ вдругъ измѣнилъ простотѣ своего характера, украсился при каждомъ мѣсяцѣ виньетками, добавилъ къ своему составу разныя сентенціи, мысли и поговорки и пополнилъ свои святцы небывшими въ немъ прежде святыми. Что же заключаютъ въ себѣ эти новыя украшенія, добавленія и пополненія?

Въ виньеткахъ, на листѣ каждаго мѣсяца, знаки зодіака украшены аттрибутами, заключающими въ себѣ, повидимому, смыслъ примѣнительно или къ занятіямъ людей, или къ состоянію природы въ извѣстный мѣсяцъ. Въ нихъ изображены принадлежности хозяйства, занятій земледѣльца, охоты и тому подобное. Само собою разумѣется, что такія виньетки не могли бы имѣть никакого особеннаго значенія въ настоящее время, или задолго до начала польскаго возстанія. Но появленіе ихъ въ мятежную пору, и притомъ только въ это время, невольно заставляетъ видѣть въ нихъ другой смыслъ. Извѣстно, что руководители мятежа пользовались всякимъ, даже ничтожнымъ обстоятельствомъ, къ возбужденію въ полякахъ фанатизма. Не имѣя возможности дѣйствовать открыто въ краѣ, гдѣ они составляли незначительную горсть въ отношеніи къ русскому населенію, и гдѣ администрація слѣдила за ихъ дѣйствіями, агитаторы

ванная, въ которой издавался Бердичевскій календарь. При всемъ томъ, бердичевскіе кармелиты, безъ испрошенія у правительства разрѣшенія издавать свой календарь, продолжали его выпуски, а съ 1861 г. печатаніе своего календаря передали одной житоміркой типаграфіи, заведенной, какъ сдѣлалось впослѣдствіи извѣстнымъ, съ тайною политическою цѣлію. По закрытіи житомірской типографіи, кармелиты перенесли печатаніе своего календаря въ Кіевъ, и тамъ издавался онъ до 1865 года, когда г. главный начальникъ края, находя календарь, издаваемый ко-

старались выражать свои планы и преступные замыслы подъ благовидными предлогами. Принадлежности костюма, извѣстнаго цвѣта платье, символическія надписи въ письмахъ, книгахъ, на вывѣскахъ и т. п.,— все это было у нихъ условнымъ знакомъ, выражавшимъ тайный, но для нихъ понятный смыслъ. Нельзя, поэтому, не видѣть особеннаго значенія въ виньеткахъ Бердичевскаго календаря на 1862 годъ. Всматриваясь въ эти виньетки, мы находимъ, напримѣръ, и такую, на которой паритъ вверху одноглавый орелъ, а внизу виднѣется изображеніе, составленное изъ трехъ, висящихъ внизъ головами, куропатокъ, расположенныхъ такимъ образомъ, что всѣ вмѣстѣ онѣ представляютъ очень удачное подобіе погибшаго и повѣшеннаго за ноги двуглаваго орла.

Между сентенціями, мыслями и поговорками, есть, между прочимъ, слѣдующія: «Сладокъ дымъ отечества. Куй желѣзо, пока горячо. Смерть, увѣчье, боль, раны—сладки при оборонѣ отчизны».

Въ церковномъ календарѣ, подъ 12 числомъ ноября, показаны пять братьевъ польскихъ мучениковъ (5 braci polskich m.) Мученики эти появляются въ Бердичевскомъ календарѣ 1862 г. въ первый разъ. Въ предшествовавшіе годы подъ числомъ этимъ въ календарѣ было помѣщаемо имя Мартина папы; въ 1863 г. слово «польскихъ» выпущено, а въ 1864 году, по усмиреніи мятежа, имя Мартина замѣнило опять внезапно появившихся святыхъ пятя братьевъ мучениковъ. Ясно, что появленіе новыхъ мучениковъ въ эти годы имѣло цѣли особенныя. Припомнимъ, что въ 1861 году, въ первой серьезной стычкѣ нашихъ войскъ съ бунтовщиками, на улицахъ Варшавы были убиты пять мятежниковъ. Предводители возстанія воспользовались этимъ случаемъ для возбужденія народнаго волненія. Тѣла убитыхъ были выставлены на показъ, жителямъ столицы были розданы, какъ святыня, куски ихъ платья, а убитые, уличные негодяи, причислены къ лику мучениковъ. «Мы были свидѣтелями, говоритъ очевидецъ, какъ толпы стояли на колѣняхъ предъ убитыми и съ воздѣтыми къ небу глазами взывали: «молите Бога о насъ!». Такъ было въ Варшавѣ въ 1861 году; на слѣдующій годъ въ Бердичевскомъ календарѣ вписаны новые святые *пять братьевъ польскихъ мучениковъ*, и польское общество въ самомъ Кіевѣ отправляло торжественныя панихиды по павшимъ въ Варшавѣ пяти бунтовщикамъ.

«Спрашивается послѣ этого у всѣхъ благомыслящихъ людей: умѣстно ли было оставлять *Бердичевскій календарь* представлять польскую идею въ русскомъ краѣ и разносить ее, изъ года въ годъ, во всѣ его концы, въ числѣ *сорока тысячъ* экземпляровъ?...». Кіевл. за 1865 годъ № 114.

нахами бердичевскаго кармелитскаго монастыря, неудовлетворяющимъ большинства русскаго населенія юго-западнаго края Россіи, призналъ нужнымъ прекратить дальнѣйшее продолженіе изданія сего (1). Вотъ въ немногихъ словахъ вся исторія Бердичевскаго календаря.

---

(1) На дняхъ прочитали мы въ «Кіевлянинѣ» (№ 115 за 1866 г.) извѣстіе *о закрытіи* и самаго *монастыря кармелитскаго въ г. Бердичевѣ*,—прочитали и, признаемся, только подивились беспримѣрному долготерпѣнію нашего правительства, которое только теперь нашло себя вынужденнымъ сдѣлать это, въ высшей степени справедливое и благодѣтельное для края, распоряженіе. Въ самомъ дѣлѣ, для чего столько лѣтъ существовалъ у насъ этотъ р.-католическій монастырь, существовалъ въ русскомъ городѣ, котораго народонаселеніе, какъ извѣстно, состояло всегда и теперь состоитъ исключительно изъ однихъ евреевъ и христіанъ православнаго вѣроисповѣданія? Много ли было и есть въ г. Бердичевѣ *р. католиковъ*, для которыхъ бы дѣйствительно нуженъ былъ такой огромный и великолѣпный костелъ, русскимъ вельможею (Тышкевичемъ), сманеннымъ іезуитами въ латинство, нѣкогда (1627 г.) построенный и потомъ все время трудами рукъ мѣстнаго русскаго народа существовавшій? А между тѣмъ, мы сами были не разъ свидѣтелями, какъ мѣстный православный русскій народъ нашъ, во время ярмарокъ въ особенности, привлекаемый звуками органа и особаго монастырскаго оркестра, побуждаемый любопытствомъ, не десятками, а сотнями валитъ бывало въ этотъ, стоящій въ лучшемъ мѣстѣ города и обращающій на себя невольное вниманіе каждаго, р. католическій монастырь,—и, незамѣтно для себя и для насъ. усвояетъ себѣ тамъ сперва р. католическую обрядность богослуженія и польскій языкъ, а потомъ и самую сущность р.-католическаго вѣроисповѣданія. Для насъ вполнѣ ясно и несомнѣнно, что какъ этотъ, такъ и другіе р.-католическіе монастыри, существовавшіе и нынѣ въ значительномъ еще количествѣ существующіе у насъ въ юго-западной и западной Россіи (построенные большею частію русскими же вельможами, перешедшими въ р.-католичество), не имѣли и не имѣютъ у насъ другаго значенія и назначенія, кромѣ *пропаганды полонизма и р. католицизма въ русской землѣ*. Затѣмъ-то эти монастыри и существуютъ тамъ, какъ мы знаемъ, именно въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ обыкновенно бываютъ ярмарки и вообще большое стеченіе народа, а не по лѣсамъ и безлюднымъ мѣстамъ, какъ сродно монастырямъ, и какъ помѣщаются въ томъ же краѣ наши православные монастыри (Дерманскій, Загаецкій, Загоровскій, Мелецкій, Сатановскій, Коржовецкій, Головчинскій, Бершадскій и др.). Для чего, напримѣръ, р. католическіе монастыри, и притомъ въ такомъ количествѣ, въ Каменцѣ-Подольскомъ, Луцкѣ, Гроднѣ и другихъ городахъ и мѣстечкахъ югозападной и западной Россіи? Соразмѣрно ли въ этихъ мѣстахъ, хотя сколько нибудь, число самыхъ *приходскихъ р. католическихъ костеловъ* съ численностію р.-католическаго народонаселенія каждой порознь мѣстности этого края? Взглянувши, во многихъ городахъ и мѣстностяхъ юго-западной и западной Россіи, на такое громадное количество, на самомъ дѣлѣ совершенно излишнихъ, р.-католическихъ костеловъ, невольно усомнишься, *въ русскомъ ли*

Вмѣсто этого-то *Бердичевскаго календаря*, съ того же 1865 г. началъ издаваться *Кіевскій*, чисто-русскій, *народный календарь*, о которомъ у насъ теперь идетъ рѣчь. Достаточно, кажется, взглянуть на это новое, весьма отрадное въ мѣстной литературѣ нашей явленіе, чтобъ убѣдиться въ томъ, что редакція и издатели этого новаго у насъ календаря хорошо поняли истинное значеніе и назначеніе въ здѣшнемъ краѣ подобнаго изданія. Съ самыхъ первыхъ дней его появленія, мы видимъ его уже на прямой и вѣрной дорогѣ. Кромѣ того, что въ Кіевскомъ народномъ календарѣ съ особенною заботливостію и предусмотрительностію собраны всѣ наиболѣе полезныя и необходимыя въ быту житейскомъ свѣдѣнія, такъ что онъ становится дѣйствительно необходимою для всякаго грамотнаго человѣка настольною книгою,—въ немъ, вотъ уже *третій годъ*, помѣщаются весьма дѣльныя и общеполезныя, какъ имѣющія постоянный интересъ, такъ и вызываемыя или мѣстными потребностями, или современными вопросами и обстоятельствами, помогающія читателю стать на вѣрную точку зрѣнія, статьи. Такова, напримѣръ, въ календарѣ на 1865 годъ, статья: „Сказаніе о томъ, что̀ была и что̀ есть русская земля" (издателя календаря *А. Андріяшева*). Такова въ календарѣ на 1866 г. статья: „Кіевопечерская лавра" (свящ. *П. Подвысоцкаго*), „Храмъ св. апост. Андрея Первозваннаго", „Почаевская лавра" и др.... Кому изъ русскихъ, образованныхъ и необразованныхъ, видѣвшихъ и невидѣвшихъ въ натурѣ эти завѣтные для русскаго сердца предметы, не любопытно знать исторію ихъ и не пріятно

ми городъ, въ русской ли землѣ... Въ настоящее время не только любопытны, но и необыкновенно полезны, необходимы у насъ точныя статистическія свѣдѣнія о количествѣ р. католическихъ монастырей и приходскихъ костеловъ въ юго-западной и западной Россіи и объ отношеніи числа ихъ въ каждомъ городѣ, мѣстечкѣ и селеніи къ числу мѣстнаго р.католическаго народонаселенія. Такія свѣдѣнія показали бы наглядно и намъ, и врагамъ нашимъ, сколько у насъ р. католическихъ костеловъ въ Россіи совершенно излишнихъ, а между тѣмъ существующихъ трудами русскаго народа, стоющихъ огромныхъ издержекъ нашему государству и положительно вредныхъ для нашего отечества, не говоря о многомъ другомъ, уже одною *постоянною и неутомимою пропагандою полонизма и р.католицизма въ Россіи*;— показали бы наглядно, съ одной стороны всю терпимость и снисходительность нашего правительства къ польскимъ ксендзамъ и вообще полякамъ въ русскомъ государствѣ, а съ другой всю наглость и нелѣпость притязаній ихъ, всю недобросовѣстность жалобъ ихъ, а за ними папы святѣйшаго и другихъ заграничныхъ друзей нашихъ, на мнимое притѣсненіе католичества въ Россіи.

взглянуть на одни даже изображенія этихъ предметовъ? Довольно вспомнить здѣсь ту простую и общеизвѣстную истину, что мы ежегодно видимъ тысячи путешественниковъ богомольцевъ, которые со всѣхъ концовъ обширной Россіи съ жадностію спѣшатъ увидѣть и поклониться Кіеву, этой дорогой и любимой всѣми матери городовъ русскихъ, горятъ нетерпѣніемъ взглянуть на его завѣтныя святыни и драгоцѣнныя достопамятности, и запечатлѣть ихъ навсегда въ своей памяти и воображеніи, а потомъ съ неописаннымъ восторгомъ разсказываютъ другимъ обо всемъ, ими видѣнномъ и слышанномъ. И вотъ въ *Кіевскомъ народномъ календарѣ*, въ этой небольшой и необыкновенно дешевой настольной книжкѣ, они имѣютъ краткую и вѣрную исторію этихъ любимыхъ предметовъ и вмѣстѣ пріобрѣтаютъ возможность постоянно какъ бы имѣть ихъ предъ своими глазами, потому что тутъ же, при самыхъ описаніяхъ, имѣются весьма вѣрныя и притомъ довольно изящныя изображенія этихъ предметовъ. На этомъ календарѣ читатели находятъ нетолько общій видъ Кіева, но и отдѣльные виды Десятинной церкви, Кіевопечерской лавры, Софійскаго собора и другихъ достопримѣчательностей города Кіева. Въ статьѣ „Кіевопечерская лавра", между прочимъ, кратко, но вполнѣ удовлетворительно, разсказана исторія первыхъ основателей Кіевопечерскаго монастыря и первоначальниковъ общежительнаго монашества въ Россіи, Антонія и Ѳеодосія печерскихъ. Намъ кажется, что такія изданія никогда не могутъ потерять совершенно свою цѣну и значеніе. Мы думаемъ, что въ такой календарь не разъ придется заглянуть и по прошествіи того года, на который онъ назначается. Здѣшнее общественное мнѣніе объ этомъ изданіи наилучшимъ образомъ выразилось въ томъ, что *Кіевскій народный календарь на 1866 годъ разошелся въ здѣшнемъ краѣ*, какъ мы это достовѣрно знаемъ, *въ числѣ 38 тысячъ экземпляровъ* (1).

Между тѣмъ, весьма полезное и благодѣтельное, какъ мы думаемъ, не для здѣшняго края только, но и для Россіи вообще (особенно при оживившейся нынѣ заботѣ правительства о народномъ образованіи), изданіе это съ каждымъ годомъ видимо совершенствуется. Такъ *въ Кіевскомъ народномъ календарѣ на 1867 г.* мы находимъ, кромѣ многихъ другихъ, необходимыхъ и обыкновенныхъ въ подобныхъ изданіяхъ статей, между прочимъ, слѣдую-

(1) Кіевскій народный календарь на 1866 годъ изданъ былъ *въ пользу народныхъ училищъ*.

нія: 1) Указатель св. мѣстъ г. Кіева и окрестностей его, съ видами церквей, а также и фонтана Самсоновскаго; 2) Таблица населенія югозападныхъ губерній; 3) Разсказы изъ русской исторіи по лѣтописи преподобнаго Нестора, съ картою древней русской земли; 4) Какъ Осипъ Ивановичъ Комисаровъ-Костромской спасъ жизнь Государя Императора, съ портретомъ О. И. Комиссарова-Костромскаго; 5) Братское слово южноруссa землякамъ, которые не хотятъ довольствоваться общерусскимъ книжнымъ языкомъ и хотятъ выдумать новый книжный малороссійскій языкъ; 6) Предохранительныя правила на случай появленія холеры; 7) Карта почтовыхъ дорогъ: кіевской, подольской, волынской, черниговской и полтавской губерній; 8) Алфавитный указатель ярмаркамъ кіевской, черниговской, волынской и полтавской губерній; 9) важнѣйшія ярмарки другихъ губерній; 10) Узаконенія и распоряженія правительства съ 1 января 1865 г. по 1 апрѣля 1866 г.; а всего въ этомъ календарѣ 43 статьи. Трудно рѣшить, какая изъ этихъ статей важнѣе другихъ: каждая имѣетъ свой несомнѣнный интересъ въ извѣстномъ случаѣ. Кромѣ портрета Государя Императора Александра II, превосходно гравированнаго на стали въ одной изъ лучшихъ заграничныхъ литографій, Кіевскій народный календарь на 1867 годъ заключаетъ въ себѣ изображенія слѣдующихъ предметовъ: 1) памятника св. князю Владиміру, въ Кіевѣ; 2) лаврскихъ св. вратъ; 3) лаврской великой церкви; 4) лаврской колокольни; 5) Оскольдовой могилы; 6) софійскаго собора; 7) храма св. Андрея Первозваннаго; 8) церкви Десятинной; 9) самсоновскаго фонтана; 10) памятника тысячелѣтію Россіи. Изображенія эти, вообще очень вѣрныя и довольно изящныя, тоже весьма много придаютъ интереса этому изданію.

Нельзя не отнести къ достоинствамъ Кіевскаго народнаго календаря и необыкновенной его дешевизны. Цѣна этого календаря на 1867 годъ 17 коп. съ пересылкою. Такая дешевизна этой, необходимой въ быту житейскомъ для каждаго грамотнаго человѣка, настольной книги, дѣлаетъ ее вполнѣ доступною для людей всякаго званія и состоянія (1). Давно ли за пустѣйшій

---

(1) Съ требованіями слѣдуетъ обращаться въ *редакцію Кіевскаго Народнаго Календаря, при кіевской 1-й гимназіи.* Покупающіе не менѣе, какъ на сто рублей, разныхъ книгъ и портретовъ въ одинъ разъ, пользуются уступкою 20% съ цѣны книгъ.

и ничтожнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ *Бердичевскій календарь* платили мы здѣсь не менѣе 25 и даже 30 коп.?

Въ редакціи Кіевскаго народнаго календаря, какъ видно изъ объявленія ея (1), продаются, кромѣ того, тоже по самой дешевой цѣнѣ, и другія весьма полезныя, особенно для народнаго чтенія и образованія, книги. Отъ издателей календаря истребовано было въ прошломъ году такихъ книгъ, большею частію для простонародья югозападной Россіи, какъ намъ извѣстно, до 80 тысячъ экземпляровъ. Такая цифра книгъ, напечатанныхъ на *церковнославянскомъ и чистомъ общерусскомъ языкѣ* и проданныхъ въ въ Кіевѣ, кромѣ другихъ книжныхъ магазиновъ, одною только редакціею Кіевскаго народнаго календаря, достаточно, кажется, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и о томъ, до какой степени, неосновательны и нелѣпы были и есть затѣи нашихъ *хохломановъ*, желавшихъ навязать здѣшнему простонародью образованіе на такъ называемомъ *малороссійскомъ* или *южно-русскомъ нарѣчіи*!!!. Одной только южно-русской и западно-русской *шляхтѣ польской* могла быть вполнѣ по душѣ подобная затѣя.... Мы лично и достовѣрно знаемъ, какъ въ 1862 и 1863 годахъ, когда въ полномъ разгарѣ было у насъ хохломанское дѣло, цѣлые годы совершенно напрасно пролежали въ единственной нѣжинской книжной лавкѣ (Бѣлянкина) малороссійскія книги и брошюры, насланныя въ здѣшнія мѣста петербургскими хохломанами (Листи съ хутора: „Про злодія у селі Гаківниці", Бабуся съ того світу", и подобныя): никто изъ здѣшняго простонародья такихъ книгъ не требовалъ, хотя онѣ тоже продавались по цѣнѣ необыкновенно дешевой (по 2 и по 3 коп.). Нѣкоторые здѣшніе хохломаны, изъ ревности къ своему дѣлу, сами закупали и раздавали такія книжки грамотнымъ здѣшнимъ простолюдинамъ; но послѣдніе, какъ извѣстно, всегда неохотно и съ ироніей принимали такіе подарки. „До чего намъ такіи книжки и такее письмо" (къ чему намъ такія книги и такая грамотность): было обыкновенное при этомъ замѣчаніе каждаго болѣе другихъ смышленаго здѣшняго простолюдина.

Въ заключеніе мы выскажемъ не обинуясь нашу увѣренность, что всѣ, заинтересованные русскимъ дѣломъ въ юго-западной Россіи, отъ души поблагодарятъ издателей Кіевскаго народнаго ка-

[1] Объявленіе это мы печатаемъ въ настоящей книжкѣ нашего Вѣстника. Оно же напечатано и въ Кіев. Нар. Календарѣ на 1867 годъ.

лендаря за такой трудъ честный, разумный, общеполезный и въ высшей степени добросовѣстный. Съ своей стороны мы долгомъ считаемъ пожелать при томъ полной извѣстности и распространенія какъ этому, такъ и всѣмъ подобнымъ въ Россіи, истинно полезнымъ и патріотическимъ изданіямъ.

Ам. Добротворскій.

Нѣжинъ.
Ноябрь.
1866 г.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ о ЛИТВѢ ПАВЛА КУКОЛЬНИКА. Вильна 1864 года.

Приступая къ изданію II-го періода „Историческихъ замѣтокъ о Литвѣ“ П. В. Кукольника, мы считаемъ не лишнимъ бросить хоть бѣглый взглядъ на извѣстную уже читающей публики первый періодъ этихъ „Замѣтокъ,“ или точнѣе—подѣлиться съ нашими читателями тѣми выводами и замѣчаніями, которыя были вызваны этими замѣтками. Эти выводы и замѣчанія тѣмъ пригоднѣе въ настоящемъ случаѣ, что онѣ объединяютъ идею „Замѣтокъ“ г. Кукольника и нѣкоторымъ образомъ служатъ для насъ звѣномъ, связующимъ части его труда, раздѣленныя значительнымъ промежуткомъ времени, протекшаго отъ изданія первой части, т. е. 1-го періода „Замѣтокъ“ до 2-ой ея части, которая помѣщается въ настоящей книжкѣ Вѣстника (1).

Въ западномъ краѣ Россіи давно сознавали недостатокъ историческихъ свѣдѣній о Литвѣ. Учебное вѣдомство виленскаго округа, по поводу послѣднихъ волненій, вызывало ученыхъ дѣятелей заняться этимъ предметомъ, чтобы историческую иллюзію замѣнить прямою истиною, и вотъ ветеранъ виленской русской литературы, г. Кукольникъ предлагаетъ теперь читающей публикѣ свои свѣдѣнія о Литвѣ, собранныя имъ на мѣстѣ во время сороколѣтняго изученія края. Литва, какъ самостоятельное государство, существовало не больше полутораста лѣтъ, отъ Мендовга до соединенія княжества съ Польшею при Ягайлѣ въ 1385 г. Періодъ слишкомъ кратковременный, чтобы занять замѣтное мѣсто въ исто-

(1) 1-й періодъ помѣщенъ въ Вѣстникѣ Зап. Россіи за 1864—65 годъ.

ріи. Оттого судьбы этого народа излагались эпизодически, или въ исторіи Россіи, или въ исторіи Польши. У нашихъ историковъ встрѣчаются слишкомъ краткія извѣстія о Литвѣ; историки польскіе разсказываютъ больше; но, какъ въ послѣднее время польская историческая литература отличалась выдумками, искаженіями фактовъ, а подчасъ и наглою ложью, такъ и старинные польскіе дѣеписатели, особенно духовные, не могутъ похвалиться добросовѣстнымъ правдолюбіемъ. Желая заслонить Литву Польшею, польскіе историки, въ жару патріотическаго усердія, умышленно скрывали неблагопріятные для нихъ факты, или искажали ихъ,—иногда повѣствовали небылицы, на перекоръ существующимъ документамъ; историческіе памятники или скрывали, или оставляли въ пренебреженіи, или совсѣмъ истребляли. Вслѣдствіе того, образованный русскій, прибывши въ Западный край, поражается изумленіемъ, выслушивая самыя дикія предубѣжденія, самые отчаянные парадоксы, высказываемые рѣшительнымъ тономъ знатоковъ, образованныхъ въ виленскомъ университетѣ, или въ полоцкой іезуитской академіи. Жаль, что г. Кукольникъ своимъ историческимъ свѣточемъ озаряетъ только собственно Литву, а не все бывшее Великое Княжество Литовское. Но нельзя не быть благодарными автору и за эту монографію, составленную добросовѣстно, и полную интересныхъ подробностей, неизвѣстныхъ доселѣ читающей публикѣ. Авторъ сдѣлалъ своею задачею—уяснить развитіе въ Литвѣ русскаго элемента и вліяніе его на судьбу литовскаго края, и исполнилъ свое дѣло: тутъ не нужно ему было прибѣгать ни къ софизмамъ, ни къ звонкому фразерству, какими польскіе историки, особенно Лелевель, старались затмить истину; прямые историческіе факты говорятъ сами за себя. Вотъ передъ нами исторія Литвы, изложенная по неопровержимымъ документамъ, передъ нами самые документы; одни публикуются въ „Вѣстникѣ Западной Россіи," другіе приготовляюся къ изданію археологическою коммисіею; передъ нами не совсѣмъ еще сокрушенные памятники древней православной святыни въ Литвѣ, воорушенные въ самую свѣтлую эпоху самостоятельности этого народа. Все громко свидѣтельствуетъ, что Литва пріобрѣла и силу, и славу подъ вліяніемъ русской народности, а униженіе и оковы подъ владычествомъ Польши. Мы не имѣемъ въ виду оскорбить національное чувство литовцевъ этимъ напоминаніемъ былаго. Въ исторіи нерѣдко встрѣчаются племена, получившія извѣстность

только послѣ своей національности. Македоняне не унизили себя, усвоивъ греческую національность, а напротивъ стали на высотѣ всемірнаго преобладанія. Такъ и Гедимины, Ольгерды, Витовты не думали унижать своей націи, ставъ во главѣ русскихъ князей, усвоивъ себѣ русскій языкъ, русскую вѣру, русскіе обычаи. Этою мѣрою они выдвинули свое бѣдное племя на тропу историческую. Не смотря на русскую цивилизацію, въ литвинахъ не изглаждалось сознаніе своей національности. Можетъ быть, слѣдуя такому направленію Литва, при послѣднихъ русскихъ государяхъ Рюриковой династіи, слилась бы съ Москвою, и составила съ нею одно русское государство; но Ягелло близорукою политикою прервалъ старинныя связи Литвы съ Россіей и направилъ ее къ Польшѣ, вслѣдствіе чего оказались неизбѣжными тѣ перевороты въ политическомъ, религіозномъ и соціальномъ быту литовцевъ, которые истощили литовско-русскій край и погубили Польшу. Мы не ставимъ въ укоръ литовцамъ, что они, покоряясь ходу событій, въ извѣстную эпоху привязались къ Польшѣ; жалѣемъ только, что Польша зловредными элементами своей государственной организаціи заразила и Литву, которая принуждена была раздѣлять страданія гибнущей націи. Справедливо говоритъ авторъ историческихъ замѣтокъ о Литвѣ, что уроки исторіи не должны пропадать даромъ для жизни. Но воспользуются ли ими литовцы?... Польская цивилизація при поддержкѣ ксендзовъ, убила въ литвинахъ національное самосознаніе. Подвиги Радзивилловъ, Сапѣгъ, Лисовскихъ обращены въ ореолъ для Польши. Ни одинъ литвинъ не остановится надъ прахомъ своихъ великихъ и славныхъ князей, но благоговѣйно чтитъ Ядвигу и св. Казиміра, о которыхъ напоминаютъ ему ксендзы. Передъ нимъ лежатъ въ открытой ракѣ нетлѣнныя мощи первыхъ христіанскихъ мучениковъ въ Вильнѣ; онъ хочетъ даже знать именъ своихъ святыхъ собратій по вѣрѣ и племени; а приклоняетъ колѣна или другого угодника передъ тѣмъ, что выдаютъ ему за мощи св. Доната или другого угодника, сочиненнаго папою (*). Въ отвѣтъ на всѣ непререкаемые историческіе докумен-

(*) Напр. Іосафата Кунцевича, Боболія въ Полоцкѣ, Фабіана въ Сюлщахъ и др. Сюда можно отнести и извѣстную исторію съ засушеннымъ тѣломъ неизвѣстно какого то человѣка, стоявшемъ въ анатомическомъ кабинетѣ б. здѣшняго университета и въ 1826 г., при ректорѣ Пеликанѣ, р.-католическими ксендзами перенесенномъ въ одинъ изъ виленскихъ костеловъ, гдѣ стали выдавать его за мощи какого то латинскаго бискупа.

ты, какой нибудь Грабовскій скажетъ: „странное дѣло! хотятъ насъ увѣрить, что мы русскіе, тогда какъ мы сами сознаемъ себя поляками!“ Епископъ Феллинскій, при вступленіи на варшавскую каѳедру, чуть не съ клятвою завѣрялъ свою паству, что онъ настоящій полякъ до костей и мозговъ. Польская цивилизація такъ перевернула разсудокъ у литовцевъ, что они ни какъ не могутъ понять всей нелѣпости своихъ убѣжденій. Когда задумано было соединеніе Литвы съ Польшею, тогда здравомыслящіе литвины отвергали этотъ проектъ, какъ оскорбительный для своей націи. Польша, говорили они, хочетъ пришить къ себѣ Литву, какъ рукавъ къ кафтану; а тогда кафтанъ-то былъ еще, по крайней мѣрѣ, цѣлъ. Теперь же остались отъ него только лохмотья, а не смотря на то ренегаты русской вѣры и народности—литвины такъ и рвутся отъ здороваго русскаго кафтана, чтобы прилататься къ гнилому лоскутку Польши! Понятно самозванство какого-нибудь пройдохи, когда онъ изъ выгодъ, или по тщеславію принимаетъ на себя чужое имя; но какія выгоды, какая честь литвину признавать себя полякомъ въ настоящее время, когда поляки сдѣлались предметомъ посмѣянія и недовѣрія для всѣхъ націй, когда сама польская національность существуетъ только въ больномъ воображеніи мечтателей, занимающихся неблагодарными опытами воскресенія полуистлѣвшаго трупа. Вотъ какія размышленія пробудило въ насъ чтеніе историчестихъ замѣтокъ Кукольника! Литвинъ, сознающій себя полякомъ, не прочтетъ этой книги, въ томъ твердомъ убѣжденіи, что *все, написанное порусски, есть вздоръ*. Но если найдется здравомыслящій литвинъ, который рѣшится оставить польское знамя, то онъ найдетъ въ сочиненіи г. Кукольника для себя опору въ случаѣ нареканія со стороны своихъ земляковъ. Душевно желаемъ, чтобы на Литвѣ было какъ можно больше послѣдняго рода читателей. Заинтересованный важностью предмета читатель не будетъ взыскателенъ къ формѣ изложенія. По всему замѣтно, что авторъ спѣшилъ издать свои замѣтки *во время*, по требованію обстоятельствъ края, и потому въ разсказѣ иногда не достаетъ строгаго систематическаго порядка. Вѣроятно самъ г. Кукольникъ сознаетъ этотъ незначительный недостатокъ своего замѣчательнаго труда, и потому озаглавилъ свое изданіе не *исторіею*, а *историческими замѣтками*.

IV.

ПОЛЯКУЮЩІЙ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА (N. N.)

Пала ты, какъ травка полевая, подъ косой искуснаго косца!

Добролюбовъ.

I.

Встрѣча.

Лѣтомъ въ 1862 году, первый разъ въ жизни мнѣ пришлось плыть на пароходѣ, „внизъ по матушкѣ по Волгѣ, — по широкому раздолью". День былъ превосходный; на голубомъ чистомъ небѣ не пестрѣло ни одного облачка; на прибрежной березѣ листъ не шелохнулся, вода въ Волгѣ стояла, какъ зеркало, лишь пароходъ бороздилъ водяную гладь своими крыльями и оставлялъ позади себя пѣнистые водовороты. Для меня, столичнаго жителя, все это было такъ ново, такъ очаровательно, что я, невольно, забывъ о своемъ мѣстѣ въ каютѣ 2-го класса, предпочелъ остаться на палубѣ и любовался великолѣпной панорамой..... „Неужели Рейнъ лучше Волги матушки?" думалъ я. Куда ни оглянись вездѣ поэзія.... Берега видоизмѣнялись по мѣрѣ скорости парохода.... То помѣщичья усадьба съ готическими террасами представится глазамъ зрителя, то село, то деревня, то зеленѣющій лѣсъ, то пышные луга, то на отлогой низменности засѣянное поле, то другой пароходъ промелькнетъ на встрѣчу.... Барки, унжаки, лодки, крохотные челноки рыболововъ, которые сердитый валъ послѣ парохода бросаетъ, какъ щепки изъ поднебесья въ преисподнюю. Надъ головой вашей летаютъ стада дикихъ утокъ, куликовъ, чаекъ.... Вотъ изъ осоки выступила длинноногая, неуклюжая цапля, безобразно махая крыльями.... а тамъ на берегу, около причалившихъ барокъ, стоитъ цѣлый табунъ усталыхъ барочныхъ лошадей, энергично истребляя овесъ и сѣно.... Не много поодаль отъ лошадей, лоцманы — коноводы и водоливы съ барокъ, развалившись около грудка съ огнемъ, въ ожиданіи готовящагося на немъ обѣда, составляютъ живописную группу....

При этомъ невольно вспомнилъ я стихи Розенгейма:

„Далеко, далеко....
„Степь за Волгу ушла,
„Въ той степи широко
„Буйно воля жила.
и т. д.

Хороша ты, родная Волга—кормилица и поилица наша!

Время также быстро летѣло, какъ и пароходъ — мы были верстахъ въ 60 отъ Ж.... Я все сидѣлъ на палубѣ; многіе изъ пасажировъ начали толковать о близости города. Но вотъ, раздался свистокъ капитана и вслѣдъ за этимъ одинъ изъ доморощенныхъ матросовъ въ красной рубашкѣ бросился съ длиннымъ измѣрительнымъ шестомъ на носъ парохода и опустилъ шестъ въ воду.. Семъ футовъ.... закричалъ матросъ, вынимая его изъ воды, и снова опуская—семь.... шесть съ половиной.... шесть... пять съ половиной.... пять... продолжалъ кричать матросъ.

Пароходъ убавилъ ходу.—

— „Пять.... четыре съ половиной.... четыре.... три... два... оди—н—нъ...“ замерло на носу парохода; но въ это время раздался глухой ударъ и пароходъ, получивъ толчекъ, остановился.

Экипажъ засуетился,— дали обратный ходъ, пароходъ не двигался.

— Что это такое случилось? Обращаясь ко мнѣ, спросилъ господинъ средняго росту, лѣтъ пятидесяти, съ перепуганной, заспанной физіономіей.

— Пароходъ на мель сталъ, отвѣчалъ я ему.

— Боже мой, какъ мы перепугались, а особенно дочь!.. Представьте себѣ: мы сидимъ въ каютѣ, я вздремнулъ немножно, жена тоже, дочь читала, вдругъ шумъ и трескъ.... Страшно напугали! Мы думали, что тонемь... продолжалъ незнакомый мнѣ господинъ.

— Это своего рода удовольствіе, по крайней мѣрѣ для меня, я люблю приключенія.... заключилъ я. Господинъ усмѣхнулся и покачалъ отрицательно головой.

— Хорошо удовольствіе, сказалъ онъ!

— Да вѣдь, кажется, благодаря Бога, вреда толчекъ не нанесъ пароходу—сказалъ я.—

— Оно такъ да для меня—то видите это непріятно; я долженъ быть сегодня непремѣнно въ К.......

— А далеко К?..

— Нѣтъ... верстъ десять....

— Пароходъ снимется съ мели и черезъ какихъ нибудь полчаса вы будете въ К..... горевать тутъ нечего.— Видите—какъ экипажъ началъ работать.

— Вашими устами медъ бы пить. сказалъ господинъ, отходя отъ меня... Спустили на шлюпку якорь, забросили его назадъ,— за бичеву ухватилась вся почти прислуга парохода и нѣсколько пассажировъ; на носу парохода остальной экипажъ ухватился за отводы и шесты; машина дала задній ходъ; затянули: „ой, дубинушка, охни!—" но пароходъ ни съ мѣста.—Капитанъ придумывалъ другіе способы, пасажиры почти всѣ, исключая прекраснаго пола, помогали экипажу, — но все было напрасно. Уже ясное солнышко спряталось за гаризонтъ и вечерняя лѣтняя заря оранжевымъ свѣтомъ разлилась по небосклону, а пароходъ былъ на томъ же мѣстѣ.

— Что, батюшка, вы думали что чрезъ полчаса мы будемъ въ К..., а вотъ и ночь приходится здѣсь провести, сказалъ мнѣ тотъ господинъ, подходя ко мнѣ.

— Для меня, какъ человѣка въ этихъ случаяхъ новаго, казалось, что это кончится пустяками, заключилъ я—

— Вы первый разъ на Волгѣ?

— Первый—

— Гдѣ живете?

— Въ Петербургѣ; а вы?

— Въ К..... Вотъ, если бы сегодня пришли ночевать въ К....., то у мня напились бы чаю съ ромкомъ....

Словомъ, мы съ нимъ познакомились. Этого господина звали Ѳома Петровичъ Морсовъ, онъ служилъ секретаремъ въ К..... думѣ.—

Работы для снятія парохода оставили до утра, ждали встрѣчнаго парохода, на котораго капитанъ возлагалъ всю свою надежду.

На Волгу между тѣмъ началъ ложиться туманъ, — сдѣлалось свѣжо.

— Нужно въ каюту спускаться. Мнѣ хочется ѣсть, сказалъ я

— Пойдемте вмѣстѣ. Вы во 2-мъ классѣ?

— Во второмъ.

— Нашъ сосѣдъ,—и прекрасно; кстати я васъ познакомлю съ женой, дочерью, — чайкомъ вмѣстѣ погрѣемся, заключилъ Ѳома Петровичъ.

Мы спустились въ каюту.—

— Вотъ рекомендую мою жену Людмиллу Игнатьевну и дочь Юлиньку, — проговорилъ Ѳома Петровичъ, указывая руками на своихъ дамъ.

Я раскланялся и сказалъ свое имя.

— Садитесь, пожалуста, сказала Людмилла Игнатьевна.

Помѣстившись на табуретѣ, возлѣ стола, занимаемаго семействомъ Морсовыхъ, мнѣ пришлось отвѣчать на множество вопросовъ, задаваемыхъ, то Ѳомой Петровичемъ, то его супругой, пожилой съ добродушнымъ лицомъ. Не смотря на развлеченіе бесѣдой, я часто бросалъ взгляды на Юлію Ѳоминишну и, при яркомъ свѣтѣ лампъ, хорошо разглядѣлъ лицо ея. Она была средняго роста, брюнетка; головка ея картинно-правильная; лицо блѣдно-матовое, черные какъ смоль и блестящіе какъ огненные искорки глаза, черныя брови, такіе же волосы, легкій чуть-чуть пробивающійся румянецъ, спокойно-строгое выраженіе лица—дѣлали ее красавицей; я еще не встрѣчалъ женщины такой класической красоты. Когда мы вошли, она, граціозно развалившись на диванѣ, читала книжку.

— Что вы читаете? обратился я къ ней съ вопросомъ, послѣ прервавшагося разговора съ ея родителями.

— Обломова повторяю, отвѣчала она мнѣ, нѣжно и утомленно улыбаясь.

— Юлинька охотница до чтенія: нѣтъ того дня, чтобъ она не читала какую нибудь книжку,— заключила Людмилла Игнатьевна.

— Я для нее два журнала выписываю, — сказалъ Ѳома Петровичъ.

— Какіе? спросилъ я.

— „Русское Слово“ и „Вѣкъ“, отвѣтила Юлія Ѳоминишна.

— Но „Вѣкъ“ уже прекратилъ свое изданіе,—сказалъ я.

— Да... оказался недолговѣчнымъ, — заключила съ улыбкой Юлія Ѳоминишна.

Разговоръ нашъ пока на этомъ и прервался; тутъ подали чай; Людмилла Игнатьевна принялась разливать его, а Ѳома Петровичъ пустился судить о крестьянскомъ вопросѣ.

Часа два прошло въ разговорѣ съ Ѳомой Петровичемъ; при-

зались, мнѣ было это очень досадно, потому что хотѣлось поговорить съ Юліей Ѳоминишной, которая не принимала ни какого участія въ нашей болтовнѣ и была занята книгой; потомъ она встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери.

— Куда ты, мой другъ? Спросила ее Людмилла Игнатьевна.

— На палубу; мнѣ хочется проходиться, сказала она, удаляясь.

— Смотри—не простудись, надѣла бы мою шаль,—продолжала мать.—

— Не нужно, сказала Юлія Ѳоминишна, скрываясь на лѣстницѣ.

— Одна у насъ—... одна Юлинька; любимъ ее, лелѣемъ, бережемъ; одна радость, одно утѣшеніе.... Эхъ, дѣтки, дѣтки!... не наградилъ Богъ насъ мальчикомъ, а дочка что!... чужая корысть, подвернется какой нибудь франтъ, напримѣръ, какъ вы, и утащитъ ее.... А ужъ извѣстно, жена мужа любитъ больше родителей... Охъ-хо...хо! — заключилъ Ѳома Петровичъ со вздохомъ. На эту тему варіировали еще сполчаса.

— Что это она не идетъ; вѣдь можетъ простудиться. Эхъ, какая она!.. хоть бы шаль снести ей туда,—сказала Людмилла Игнатьевна.

— Позвольте—я снесу,—съ радостью сказалъ я.

Людмилла Игнатьевна подала мнѣ шаль и я бросился на лѣстницу.—

— Да посылайте ее поскорѣе въ каюту, сказалъ въ слѣдъ мнѣ Ѳома Петровичъ.

Я вышелъ на палубу и на минуту остановился, стараясь усмотрѣть въ темнотѣ Юлію Ѳоминушну. Ночь была тихая, холодная и свѣтлая; миріады звѣздъ ярко блистали на темно-голубомъ небѣ; млечный путь свѣтлой полосой дѣлилъ темный плафонъ неба на двѣ половины. На берегахъ—тамъ и сямъ— мелькали огоньки, освѣщая людей (барочныхъ бурлаковъ). Неслись звуки рожка, наигривающаго какую то заунывную русскую пѣсьню;—слышенъ былъ крикъ дергача; на берегу, неподалеку отъ парохода, гдѣ пылалъ грудокъ огня, раздалось протяжное „слуша-а-ай“, „поглядыва-а-ай“, отозвалось дальше, „по-сма-три-ва-а-ай“, гдѣ то далеко замерло.

Въ темнотѣ я увидѣлъ тихо идущую съ носовой части парохода Юлію Ѳоминишну и пошелъ къ ней на встрѣчу.

— Вамъ мамаша прислала шаль; я очень счастливъ, что могъ хоть этимъ быть вамъ полезенъ,—сказалъ я.

— Благодарю васъ, мнѣ не холодно,— сказала она, принимая отъ меня шаль и набрасывая ее на плечи.

Мы пошли вмѣстѣ съ ней по палубѣ, пасажиры спали крѣпкимъ сномъ (покрайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось, по тишинѣ господствовавшей на палубѣ и по всхлипыванью и храпѣнью лежачихъ людей).

— Бѣдные!!. Имъ вѣроятно спать здѣсь холодно, — сказала Юлія Ѳоминишна.

— Кому?

— А пасажирамъ третьяго класса.

— Виновато пароходное начальство; беретъ деньги, а не можетъ хоть парусинный навѣсъ устроить; все бы лучше было.

— Мнѣ ихъ жаль!

— У васъ доброе сердце.—

— Какъ и у всякаго человѣка.

— Съ этимъ я не согласенъ.

— Почему?

— Потому что во первыхъ вы женщина,—а у женщинъ сердце добрѣе чѣмъ у мужчины;—во вторыхъ....

— А еще будетъ и во вторыхъ? Спросила она, засмѣявшись.

— Да во вторыхъ.—

— Продолжайте.

При этомъ мнѣ хотѣлось сказать ей что нибудь любезное, но мысль и языкъ мой были не въ ладахъ между собой— и все это потому, что постоянное общество мужчинъ изъ меня сдѣлало бирюка, неспособнаго къ болтовнѣ съ дамами. Въ умѣ моемъ возникъ образъ Обломова, и я въ душѣ засмѣялся надъ собой.

— Ну что вы замолчали? обратилась она ко мнѣ.

Я окончательно разстерялся, но маленькое обстоятельство, вывело меня изъ глупаго положенія: мы подходили къ носовой части парохода, гдѣ, возлѣ сигнальнаго фонаря, одинъ изъ матросовъ (караульный), закутанный въ шубу, привалившись къ борту, напѣвалъ себѣ подъ носъ:

„Зеленая рощица“
„Всю ночь прошумѣла“,
„А я молодешенька“
„Всю ночь просидѣла“.

— Нашъ русской народъ всегда и вездѣ поетъ, заключила

Юлія Ѳоминишна, дѣлая нѣсколько шаговъ къ кормовой части парохода.

— Да, промычалъ я.

— Какую оперу можно составить изъ нашихъ національныхъ мотивовъ,—говоритъ Гоголь. „По Волгѣ, отъ верховья до моря, на всей вереницѣ влекущихся барокъ—заливаются бурлацкія пѣсни. Подъ пѣсни рубятся изъ сосновыхъ бревенъ избы по всей Руси. Подъ пѣсни мечутся изъ рукъ въ руки кирпичи и какъ грибы вырастаютъ города. Подъ пѣсни бабъ пеленается, женится и хоронится русскій человѣкъ. Все дорожное дворянство и недворянство летитъ подъ пѣсни ямщиковъ. У Чернаго моря безбородый, смуглый, съ смолистыми усами казакъ, заряжая пищаль свою, поетъ старинную пѣсню; а тамъ, на другомъ концѣ, верхомъ на плывущей льдинѣ, русскій промышленникъ бьетъ острогой кита, затягивая пѣсню.“ Говоря это, Юлія Ѳоминишна постепенно увлекалась; въ звучномъ пріятномъ голосѣ ея слышался восторгъ и гордость.

„Она, даже Гоголя цитируетъ наизустъ“, подумалъ я.

— Вы патріотка, сказалъ я.

— Какъ и всякой русскій. Согласитесь сами, что все сказанное Гоголемъ правда.

— Согласенъ и благоговѣю предъ вами.

— Ну-вы опять за свое, сказала съ легкимъ упрекомъ Юлія Ѳоминишна.

— Какъ за свое?

— Да такъ... Вѣдь не доскажете, почему благовѣете предо мной...

— Почему вы такъ думаете?

— Да потому, что вы еще не договорили, почему у меня добрѣе другихъ сердце.

— Да потому... потому... началъ я... Юлія Ѳоминишна разразилась звонкимъ смѣхомъ, я тоже не выдержалъ и началъ ей вторить.

— Ну что, не говорила ли я вамъ, что не доскажете, замѣтила она мнѣ.

— Не правда ли, что я глупъ въ настоящее время?

— Вы вызываете меня на комплементъ.

— Но....

— Пожалуства—безъ но.... я пошутила, вы меня извините; я ужасная болтушка. Вы не сердитесь? а?

— Могу ли я на васъ....

— Сердиться? Да? Не можете и не сердитесь; лучше будете слушать соловья,—кажется гдѣ то поетъ.

Мы остановились и обратились въ слухъ; гдѣ то далеко—далеко, соловьюшко переливался въ треляхъ:— то щелкалъ, то замиралъ, какъ будто на краю свѣта.

— Я люблю слушать соловья... Ахъ! отчего я не птичка, обратившись ко мнѣ, проговорила Юлія Ѳоминишна.

— А вы хотѣли бы быть ею?

— Желала бы.

— Для чего?

— Для того, чтобы порхать изъ конца свѣта въ другой, для того, чтобъ быть на свободѣ, вдали отъ всякихъ интригъ, зависти и злобы,—проговорила она.

— Неужели вы разочарованы?

— Ахъ, нѣтъ! я еще хочу жить... страдать, наслаждаться и...

— И?... что это—„и“? Договаривайте.

— И любить,—сказала она полушопотомъ. На небѣ въ это время блеснулъ метеоръ и исчезъ за горизонтомъ.

— Но впрочемъ жизнь наша подобна этому метеору. Человѣкъ, не достигнувъ того, чего желаетъ, сходитъ въ могилу. А жить для мечтанья какъ то смѣшно, продолжала Юлія Ѳоминишна.—

— Я съ вами совершенно согласенъ; судьба не ко всѣмъ людямъ равно справедливо относится, заключилъ я.

— Напримѣръ? спросила она.

— Да вотъ вамъ примѣръ: я имѣлъ счастье сегодня познакомиться съ вами, говорить, наслаждатся вашей бѣсѣдой; а завтра утромъ придется проститься, — и кто знаетъ — можетъ быть навсегда.

— Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдутся, милый ты человѣкъ,—вмѣшалась какая то женщина, растянувшаяся во весь ростъ на лавкѣ.

Мы засмѣялись и прибавили шагу; на встрѣчу намъ шелъ Ѳома Петровичъ.

— Юлинька! что это ты, мой дружокъ, такъ долго здѣсь дѣлаешь? можешь простудиться; мать просила тебя въ каюту; спать пора, уже 3-й часъ,—сказалъ онъ.

— Иду, папаша, сказала Юлія Ѳоминишна.— Прощайте, обратилась она комнѣ; я раскланялся.

— А вы, батюшка, тоже спать пойдете? Вѣдь уже пора,— сказалъ мнѣ Ѳома Петровичъ.

— Нѣтъ, мнѣ спать не хочется; я еще погуляю по палубѣ, ночь—то хороша,—отвѣчалъ я.

— Ну такъ прощайте. Завтра еще увидимся, сказалъ Ѳома Петровичъ, пожавъ мнѣ крѣпко руку и спускаясь въ каюту.

Оставшись одинъ, я долго ходилъ безсознательно по палубѣ, весь преданный мечтаніямъ. Знакомство съ Юліей Ѳоминишной сдѣлало на меня пріятное впечатлѣніе.—

Начало разсвѣтать, огоньки береговые давно уже погасли; надъ природой царила мертвая тишина, изрѣдка нарушаемая соловьиннымъ пѣніемъ. - Мнѣ наконецъ захотѣлось спать, и я спустился въ каюту. Лампы уже были погашены, блѣдный свѣтъ утренней зари проходилъ сквозь маленькія окошка каюты; я бросился на свое мѣсто, подставилъ подъ ноги табуретъ и непрошло трехъ минутъ какъ я спалъ сладкимъ-крѣпкимъ сномъ.

Утромъ, проснувшись, искалъ глазами Юлію Ѳоминишну, но ни ея, ни родителей ея не было уже на пароходѣ. Посмотрѣвъ въ окно, я увидѣлъ что пароходъ идетъ—

— Что-мы были въ К....? спросилъ я у одного пассажира.

— Давно уже,—часовъ въ девять,—отвѣчалъ мнѣ сосѣдъ мой.

— Вамъ, сударь, тутъ одинъ господинъ, который слѣзъ въ К...., приказалъ кланяться и пожелать добраго здоровья. Они хотѣли разбудить васъ, да дочка не позволила,—поздно, говоритъ, изволили лечь спать,—не будите, папаша,—такъ и не разбудили,— доложилъ мнѣ одинъ изъ официантовъ, служащихъ при буфетѣ.

Жаль, подумалъ я, и грустный вышелъ на палубу.— Отчего мнѣ сдѣлалось вдругъ такъ тяжело?!. Отчего тоска, смѣшанная съ упрекомъ, давитъ мое сердце?.. Почему я самъ собой былъ недоволенъ?... Почему для меня сдѣлалось пусто на пароходѣ?...

Почему?!. Юлія мнѣ понравилась! Ужели я нашелъ въ ней частицу своего идеала? Странно!?..

А я—то глупенькій думалъ, что сердце мое застраховано отъ любви, что любовь-это только.... что-то такое........ А вотъ стоитъ только почаще видѣть ее, говорить съ ней, и я увѣренъ, что влюбился бы въ нее безъ памяти. Такова моя натура!

2.

Герой моего разсказа.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я получилъ командировку въ уѣздный городъ N. одной изъ западныхъ губерній, который немногимъ отличается отъ многихъ бѣлорусскихъ городовъ: такія же грязныя немощенныя улицы, на которыхъ лужи и грязь высыхаютъ только въ самое жаркое и сухое лѣто, и то по волѣ Божіей: очищать же ихъ никто и не думалъ, и не желалъ. Есть также, какъ и во всякомъ уѣздномъ городѣ, дворянская улица, именуемая полякующимъ людомъ шляхетской, и только эта улица въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была вымощена, потому что на ней жили и гуляли народъ все гоноровый. Дома и другіе строенія города— одно-этажныя, деревянныя, и только двухъ-этажный каменный домъ, съ присутственными мѣстами и тюрьмою, какъ гигантъ среди пигмеевъ, гордо возвышался надъ всѣми зданіями. Гордость его смирялъ находившійся близь него единственный православный каменный храмъ, съ высокой готической колокольней, а костеловъ въ городѣ три. Половина городскаго населенія состоитъ изъ евреевъ, другую половину составляютъ: городскіе мѣщане,— бывшіе уніяты, въ настоящее время— православные, чиновники, учителя и нѣсколько помѣщиковъ. Городъ имѣетъ свою прогимназію, въ которой учителя были всѣ поляки, исключая только русскаго инспектора, но и тотъ, по милости своей жены— польки, совершенно ополячился, дѣти его (православные) постоянно ходили съ матерью въ костелъ и не умѣли даже говорить по русски. Когда я былъ у него съ визитомъ, то, обратившись къ старшей дочери, спросилъ: „какъ ваше имя“, она пристально посмотрѣла на меня и, пожимая плечами, обратилась къ матери.

— Мамуню! цо панъ муви? спросила она.

— Онъ пытасіе, якъ твое назвиско, отвѣчала мать.

Естественно, что ученики этой пятикласной гимназіи, преимущественно поляки, дѣлали что хотѣли. Однажды, когда учитель А... только что хотѣлъ начинать урокъ свой, ученики подняли шумъ и, закрывъ книги, начали кричать.

— Учиться сегодня не хотимъ, потому что намъ некогда; мы идемъ выбирать доводцу.

Учитель А..., не сказавъ ни слова, отправился домой. Чиновники города, начиная съ городничаго N., всѣ почти были поляки, одинъ только исправникъ былъ русскій, да еще молодой помѣщикъ— Бояркинъ,— герой моего разсказа. Услышать русскую рѣчь было большой диковинкой. Дѣла мои скоро ознакомили меня со всей городской аристократіей и бюрократіей, которая, только по моему незнанію польскаго языка, рѣшалась говорить со мной по русски, но и то съ пренебреженіемъ, искажая почти всякое слово своимъ акцентомъ. Увидѣть мундиръ, или что нибудь форменное на чиновникахъ, считалось рѣдкостью, за то венгерки, чамарки, были обыденной одеждой; на поясныхъ лакированныхъ ремняхъ, красовались разныя революціонныя украшенія, изъ коихъ главное— занималъ бѣлый, серебрянный, польскій одноглавый орелъ. На разныхъ запонкахъ носились портреты Костюшки, Мѣрославскаго и Гарибальди, о которомъ говорилъ польской людъ, что онъ идетъ съ своимъ войскомъ освобождать Польшу. Пани и паненки носили траурныя платья и вмѣсто шляпокъ надѣвали конфедератки съ одноглавыми орлами. Въ костелахъ каждое воскресенье пѣли гимнъ „Боже! цось польскенъ", и говорились ксендзами проповѣди возмутительнаго содержанія; кто же не носилъ жалобу (трауръ) и ходилъ въ цвѣтныхъ платьяхъ, мальчишки— гимназисты обливали платья составомъ, отъ котораго показывались черныя пятна ни чѣмъ не выводимыя. Одна молодая пани какъ то разъ явилась въ костелъ въ пестромъ платьѣ,— и ксендзъ, во время чтенія проповѣди, сказалъ (1): „всѣ здѣсь пришли молить Бога о свободѣ своей ойчизны— въ жалобѣ, только одна пани явилась пестрой сорокой"; при этомъ онъ показалъ рукой прямо на эту паню; всѣ обратили на нее вниманіе, она покраснѣла и вышла изъ костела. На другой день дядя ея подалъ прошеніе въ губернію, и чрезъ мѣсяцъ перемѣстили ксендза въ уѣздъ.

Озлобленная шляхта на доносчиковъ въ одно холодное ноябрьское утро, взявъ съ собой всѣхъ мальчишекъ— гимназистовъ, отправилась къ дому пестрой пани и угостила ее (2) кошачьей музыкой, перебили камнями стекла и ругались до самаго вечера,

(1) Переводъ съ польскаго.

(2) Кошачья музыка очень часто повторялась въ Варшавѣ— среди бѣлаго дня.

пока исправникъ не прислалъ на помощь беззащитной пани десять казаковъ, которые даровыхъ музыкантовъ познакомили съ своими нагайками. На другой день городничій предъявилъ претензію на исправника за то, что онъ осмѣлился вмѣшаться въ дѣла городской полиціи и превышалъ власть свою; составленъ протоколъ за подписью мѣстныхъ аристократовъ, въ которомъ говорилось: что исправникъ съ казаками напалъ на гуляющую толпу гимназистовъ и чиновниковъ и что казаки избили того-то, ранили того-то, и проч. Протоколъ этотъ послали въ губернію, откуда, для обслѣдованія дѣла, присланъ былъ чиновникъ особыхъ порученій. Но свой своему поневолѣ другъ, и потому чиновникъ — полякъ повернулъ такъ дѣло, что исправникъ былъ удаленъ отъ должности.

Узнавъ о случившемся ст исправникомъ и зная правоту его дѣла, я поспѣшилъ къ нему — подѣлиться его горемъ.

Вотъ, батюшка, за правду — то приходится терпѣть, сказалъ мнѣ бывшій исправникъ.

Вы протестуйте... подавайте аппеляцію на рѣшеніе, сказалъ я.

Нѣтъ, батюшка: тутъ некому подавать и аппелляцію, — тутъ все спутано польской интригой. Дай Богъ только живому отсюда убраться, заключилъ исправникъ.

Вы куда намѣрены ѣхать?

Въ Петербургъ: тамъ найду дорогу къ Государю, разскажу Ему, что здѣсь дѣлается... Развѣ вы думаете — поляки на меня сердиты за эту исторію? Совсѣмъ нѣтъ; я имъ поперегъ горла сталъ; отъ меня они ничего не могутъ скрыть; оружіе ли привезутъ куда нибудь, я пронюхаю и конфискую; порохъ ли... Да все что хотите... во всемъ мѣшаю ихъ коварнымъ замысламъ; ну вотъ и грызли зубы на меня,... пока не загрызли, — кончилъ съ грустью исправникъ.

Въ тотъ же день пріѣхалъ ко мнѣ Бояркинъ, съ которымъ мы съ недѣлю тому назадъ познакомились. Отецъ Бояркина, когда то занесенный судьбой въ этотъ край, былъ русскій инженеръ, нажилъ при постройкахъ большія деньги и купилъ доходное имѣніе, потомъ онъ женился на одной богатой помѣщицѣ — полькѣ, за которой взялъ тоже имѣніе и изъ двухъ имѣній составилось одно — большое и богатое. На первый же годъ брака — родился у нихъ сынъ — названный Леонидомъ — (герой моего разсказа). Молодого Бояркина мать воспитывала въ своихъ

правилахъ до тѣхъ поръ, пока отецъ не отвезъ его въ В... гимназію, гдѣ онъ тоже вращался постоянно въ кругу поляковъ. По окончаніи же гимназіи, Леонидъ поступилъ въ Горигорецкій институтъ, гдѣ и кончилъ курсъ. Въ годъ окончанія курса, осенью, онъ лишился сперва отца, а потомъ и матери и сдѣлался самостоятельнымъ хозяиномъ. Онъ былъ хорошо сложенъ, высокаго росту, блондинъ, съ очень симпатичнымъ и подвижнымъ лицомъ и голубыми, лукавыми глазами.

Ко мнѣ онъ пріѣхалъ въ черномъ, англійскаго сукна, сѣртукѣ, воротникъ котораго обшитъ былъ бѣлымъ шелковымъ снуромъ. На жилеткѣ висѣла часовая цѣпочка съ символическими польскими побрякушками, въ черный большой галстукъ была воткнута булавка, изображающая сломанный крестъ.

— Что это значитъ? Вы въ трауръ?—спросилъ я его.

— Да въ трауръ, отвѣчалъ онъ, закуривая сигару.

— Меня, признаюсь, это удивляетъ? Вѣдь вы говорили, что папашу и мамашу давно похоронили, — лѣтъ пять?

— Я ношу трауръ, потому что теперь всѣ носятъ.

— А по комъ?

— Я ношу по убитымъ полякамъ въ Варшавѣ въ Февралѣ 1862 года.

— Но вы русскій? спросилъ я съ большимъ изумленіемъ.

— Конечно, русскій, но чтожъ изъ этого?

— Развѣ вы не любите свою и родину, сочувствуете полякамъ?

— Всякій человѣкъ любитъ свою родину,— люблю ее и я, но это не мѣшаетъ мнѣ любить и поляковъ и ихъ ойчизну, въ особенности мнѣ, у котораго мать была полька.

— За чѣмъ же вы ходите въ костелъ, когда вы православный?

— За тѣмъ во первыхъ, чтобы пѣть вмѣстѣ съ поляками гимны и вовторыхъ за тѣмъ, что мать моя научила предпочитать костелъ церкви.—Это возмутительно!

— За то гуманно!

— Вы вѣрите въ Бога?

— Что за вопросъ? Конечно!

— Судя по вашему сужденію, я право думалъ, что вы атеистъ.

— Скорѣе нигилистъ.

— Теперь я васъ рѣшительно не понимаю.

— Жаль!... А мнѣ бы хотѣлось поближе съ вами сойтис

— Желаніе это осуществимо, если вы, во первыхъ, не бу-дете пѣть гимны въ костелахъ и не будете носить трауръ.

— На это я не согласенъ, потому что я люблю поляковъ и сочувствую ихъ справѣ.

— Стало быть вы врагъ отечества своего отца,— врагъ Россіи, измѣнникъ!

— Называйте меня какъ хотите, а я останусь при своемъ, и вамъ совѣтую на будущее время быть осторожнымъ въ сужденіяхъ о полякахъ; во первыхъ вы этимъ себя компромитируете, потому что вы молодой человѣкъ; во вторыхъ можете испытать непріятности.

— Какія?

— Васъ угостятъ кошачьей музыкой.

— Вы оглянитесь вокругъ себя, что тутъ дѣлается?

— Хорошо, оглядываюсь и вижу, что тутъ не польскій край и даже не Литва, а чистая Бѣлорусія. Поляки же здѣсь не болѣе какъ пришельцы, неимѣющіе никакого права претендовать на здѣшній край. А вы посмотрите на самое ядро населенія: крестьяне, мѣщане— все люди русскіе; только помѣщики, да чиновники ополяченные,— и что же? Костеловъ здѣсь гибель, а церквей пять во всемъ уѣздѣ; въ костелѣ поютъ свободно даже революціонные гимны, молятся какъ хотятъ. Здѣсь угнетеніе православнаго люда, поруганіе православія.

— Гдѣ это вы вычитали, что здѣсь Бѣлорусія? Спросилъ меня съ сарказмомъ Бояркинъ.

— Въ исторіи Карамзина, Соловьева, даже у Нарбута, Стрыйковскаго и проч., и проч....

— Ну ужъ нашли на кого опираться... Послѣ этой выходки я разсердился и не хотѣлъ продолжать разговора.

— Что же вы замолчали? Обратился ко мнѣ Бояркинъ.

— Да не хочу говорить съ вами, отвѣтилъ я.

— Почему?

— Потому что вы полякующій, отуманенный до ложнаго фанатизма,— вы господинъ, котораго называютъ....

— Договаривайте.

— Подлецомъ,— сказалъ я, увлекшись.

— Вы забылись, милостивый государь,... я дворянинъ, я непозволю...

— Можете требовать удовлетворенія,— сказалъ я спокойно.

— Удовлетвореніе... удовлетвореніе!.. Ужъ не думаете ли дуэлью дать удовлетвореніе оскорбленному самолюбію? Знайте, что я либералъ, и что дуэлью я не могу смыть безчестія, которое вы сдѣлали: вы меня оскорбили, да вы же меня и убьете; какое это удовлетвореніе? говорилъ, задыхаясь отъ бѣшенства, Бояркинъ.

— Все равно, мертвые срама не имутъ,— сказалъ я.

— Имѣютъ, вособенности, когда смерть приключилась отъ руки такого варвара, какъ вы... Но знайте, что рожденъ отъ польки, я вамъ отомщу по польски, сказалъ онъ, взявъ шляпу.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я.

— Хорошо-съ, слово гонору.

— А желалъ бы я вамъ всадить пулю въ лобъ...

— Не желайте, сами ее скорѣе получите; прощайте.

— До свиданья, сухо сказалъ я.

Вечеромъ этого дня меня пригласилъ инспекторъ прогимназіи къ себѣ на крестины; часовъ въ 8 я отправился туда, гдѣ засталъ большое общество, въ томъ числѣ и Бояркина. Глаза наши встрѣтились и мы посмотрѣли другъ на друга больше чѣмъ нелюбезно.

Часамъ къ 9-ти явился священникъ съ причетомъ и началъ облачаться.

— Какъ желаете назвать новорожденную? Обратился священникъ къ отцу, ополяченному русскому.

— Лючіей, отвѣчалъ отецъ.

Священникъ, немного подумавъ, сказалъ:

— Такого имени въ святцахъ православной церкви нѣтъ; дайте ей другое имя.

— Этого мать желаетъ, сказалъ отецъ новорожденной.

— Все-таки нельзя. Назовите ее Ксеніей,— благо и день ея[illegible]инъ близко, настаивалъ священникъ.

Послѣ споровъ, отецъ ушелъ въ комнату родильницы и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ замѣтнымъ неудовольненіемъ и согласился назвать дочь Екатериной.

Началось совершеніе таинства. Бояркинъ былъ крестнымъ отцемъ, воспріемницей была дочь судьи,— заядлая полька. Съ воспріемникомъ вслухъ разговаривали, разумѣется попольски, смѣялись и не читали молитвъ: „Вѣрую и Отче нашъ.“ Но когда священникъ хотѣлъ троекратно погрузить ребенка въ купѣль, то Бояркинъ, взявъ его за руку, остановилъ.

— Что вы хотите дѣлать съ ребенкомъ? спросилъ онъ.

— Какъ— что?— совершить таинство, по уставу нашей святой церкви,— погрузить дитя въ воду, сказалъ священникъ.

— Вы простудите ребенка,— вмѣшалась кума.

— Этого нельзя допустить, сказалъ Бояркинъ.

— Да вы, батюшка, такъ немножко на голову полейте, заключилъ отецъ.

— Въ такомъ случаѣ посылайте за ксендзомъ, сказалъ священникъ и, отдавъ ребенка на руки Бояркину, началъ разоблачаться.

— Я донесу начальству, батюшка, что вы не хотите крестить, вмѣшался городничій—полякъ.

— Въ свою очередь и я донесу своему начальству, что здѣсь латинствують, конщунствуютъ надъ уставами православной церкви, сказалъ священникъ, намѣреваясь выйдти изъ дому.

По окончаніи крещенія, его проводили очень скоро и очень сухо. Немного спустя, явился ксендзъ, который долго сидѣлъ въ комнатѣ родильницы съ кумой и кумомъ, а послѣ ужина ходилъ съ серебрянным блюдцомъ и собиралъ у всѣхъ гостей на зубокъ новорожденной *Лючіи*.

Гости всѣ почти уподчивались старкой и жидовскимъ шампанскимъ; вино развязало у всѣхъ языки; польская рѣчь лилась обильнѣе старки. Многіе сѣли за карты, другіе— большею частью дамы, окруживъ ксендза, запѣли „Боже, цось польскенъ“...

Мнѣ сдѣлалось ужасно неловко; я взялся за шляпу.

— Да здравствуютъ императоръ французовъ и всѣ поляки, закричалъ ксендзъ, опрокидывая въ глотку бокалъ шампанскаго.

— Виватъ!!! подхватили всѣ окружащіе ксендза. Бояркинъ первый толкнулся своимъ бокаломъ съ бокаломъ ксендза. Я горько улыбнулся и незамѣтно вышелъ въ переднюю.

Оттуда сей часъ же я отправился къ бывшему исправнику и разсказалъ ему все выше описанное; его это нисколько не удивило.

— Для меня это не новость. Тутъ не такія вещи дѣлались и дѣлаются!.. Назовите меня какъ знаете, если не будетъ скоро рѣзни, заключилъ онъ.

— Будьте осторожны,.. запаситесь револьверами и добрымъ кинжаломъ, добавилъ онъ.

— За чѣмъ?, спросилъ я.

— Для самосохраненія,— Боже насъ избави,— отъ варѳоломеевской ночи,.. и, пожалуй, при настоящемъ буйствѣ поляковъ, дѣло и до этого дойдетъ.

Наступилъ 1863 годъ, прошло нѣсколько дней, и, дѣйствительно, въ Царствѣ Польскомъ поляки другой разъ запятнали себя ночью, подобною варѳоломеевской. Слухъ объ этомъ, какъ электрическій токъ, прибѣжалъ въ городъ N*** и былъ принятъ польскимъ людомъ съ неописаннымъ восторгомъ. Тутъ-то нужно было посмотрѣть на ихъ дерзкія лица, дерзко закинутую назадъ голову. Въ костелѣ отслужили благодарственное молебствіе за счастливый успѣхъ начатаго дѣла. Послѣ богослуженія и революціонной проповѣди, огромною процессіей, съ знаменемъ, на которомъ былъ вышитъ одноглавый орелъ, отправились по городу, распѣвая гимны и крича: „да здравствуетъ Польша, да здравствуетъ *вольносць!*" и проч. Цѣлый день прошелъ въ такихъ волненіяхъ и демонстраціяхъ; православный людъ подвергался разнаго рода оскорбленіямъ и насиліямъ. У священника нашего были выбиты два стекла; гимназисты шлялись по улицамъ огромною толпой и упражнялись въ ратоборствѣ. Евреи со страху заперли лавки; я началъ бояться за себя; часовъ въ 6-ть вечера инвалидный начальникъ прислалъ ко мнѣ записку слѣдующаго содержанія: „Милостивый государь NN!.. Въ видахъ предосторожно-„сти, я посылаю вамъ 20 человѣкъ своей команды, для охра-„ненія васъ. Я хорошо знаю поляковъ, потому что имѣю не-„счастіе и самъ быть имъ. Не вѣрьте полякамъ, если они на-„чнутъ увѣрять васъ въ личной безопасности. При настоящемъ „положеніи, они способны на все. Вѣрьте имъ только тогда, „когда они скажутъ вамъ, что поляки ненавидятъ русскихъ. Цѣ-„лую ночь буду ходить съ патрулемъ и къ вамъ заѣду....„....*скій*."

Я былъ радъ гостямъ и всѣхъ солдатъ напоилъ чаемъ съ ромомъ; часовъ въ одинадцать заѣхалъ ко мнѣ инвалидный начальникъ.

— Городничій никакихъ мѣръ не принимаетъ и не доноситъ о демонстраціахъ въ губернію, поэтому я послалъ эстафету о случившемся,— сказалъ онъ.

— Около Варшавы дороги попорчены и телеграфъ порванъ. И на что только надѣются поляки? Ну народецъ! добавилъ онъ.

На другой день въ городѣ не оказалось нѣсколькихъ гимназистовъ, многихъ чиновниковъ и двухъ ксендзовъ,— а чрезъ нѣсколько дней узнали, что въ окрестностяхъ города, въ лѣсу образовалась цѣлая банда повстанцевъ, куда поспѣшили еще нѣсколько молодыхъ людей и почти всѣ пани съ разными приношеніями и утѣшеніями. Въ это же время въ городъ N*** пришелъ батальонъ.... скаго полка и занялъ городъ,— мы успокоились.

Изъ газетъ и по слухамъ мы узнали, что Литва и Бѣлоруссія почти вся охвачена мятежемъ.

Описывать случаи въ N... скомъ уѣздѣ, я не нахожу нужнымъ, по краткости пребыванія своего въ N...; скажу только то, что у помощника управляющаго акцизнымъ сборомъ, тоже поляка, на дорогѣ въ N..., мятежники, по его словамъ, отобрали казенныя деньги. Когда же назначили слѣдствіе и формальное дознаніе, помощникъ этотъ пропалъ безъ вѣсти... Евреи поговаривали, что онъ укатилъ до лясу съ казенными деньгами.

Вскорѣ послѣ сдѣланнаго нападенія и грабежа на Горки, начальникомъ банды „Топоромъ," я былъ отозванъ обратно въ П.....

Когда я садился въ дорожній экипажъ, мимо меня прошелъ Бояркинъ, погруженный въ размышленія.

До свиданья, м-сье Бояркинъ!— Вы у меня еще въ долгу. закричалъ я.

Скоро расплачусь, холодно отозвался онъ.

Тройка, запряженная въ дышло, двинулась; залился мой собственный колокольчикъ. Впереди ѣхала почта, по бокамъ и сзади скакали козаки, сопровождавшіе насъ.

При выѣздѣ изъ города, около кладбища, попался мнѣ священникъ; я приказалъ остановиться ямщику.

— Прощайте, батюшка!.. Благословите меня въ добрый путь, сказалъ я, подходя подъ благословеніе.

— Добрый путь! Богъ да благословитъ васъ, сказалъ онъ, благословляя меня.

— Вы въ Петербургъ?

— Въ Петербургъ.

— Какъ счастливы вы, что ѣдете туда, гдѣ все русское, родное... Не забывайте насъ, пишите.

— Непремѣнно!

Мы разстались. Тройка, понукаемая ямщикомъ, помчалась быстрѣе. Проѣхавъ верстъ десять, я оглянулся назадъ, и городъ исчезъ изъ виду; одинъ только шпицъ православной колокольни блестѣлъ на солнцѣ; ямщикъ мой затянулъ пѣсню.

— Вотъ, братецъ мой, у васъ сторона-то какая неспокойная,— мятежъ за мятежемъ, сказалъ я ямщику.

— Да вѣдь это, ваше благородство, все паны наши дѣлаютъ. На Царя, вишъ, сердятся; бо Онъ волю намъ хлопамъ далъ... про нихъ вѣдь и пѣсню сложили, сказалъ ямщикъ.

— Какую? спросилъ я.

Ямщикъ пропѣлъ пѣсню; къ сожалѣнію, я не записалъ ее, и только въ памяти осталось слѣдующее:

„Вотъ панамъ не дюжо ловко
Самимъ треба працовать,
Поболитъ не разъ головка,
Коли придется орать (*).
Не одинъ панокъ заплачетъ,
Да попляшетъ трепака,
Бо ни чего не умѣли,
Якъ драть шкуру зъ мужика“.....

— А круто поступали помѣщики съ крестьянами? спросилъ я.

— Дюжо— круто, отвѣчалъ ямщикъ.

— Ты помѣщичій?

— Такъ, ваше благородство— помѣщика Бояркина, что съ вами кланялся.

— А онъ какъ съ вами обходился?

(*) Пахать.

— Онъ?.. гмъ!.. нехъ его перунъ спалитъ!.. настоящій людоѣдъ, что за моремъ объ одной ногѣ бѣгаетъ... Мы передъ нимъ за три версты шапки снимали, а не то — на конюшнѣ выдеретъ, говорилъ ямщикъ.

— А! онъ сѣкъ крестьянъ?!

— Дюжо сѣкъ... Опять до бабъ падучъ больно... Много отъ него въ разгулъ пошло,.. добавилъ онъ, постегивая лошадей.

Хорошъ либералъ, подумалъ я.

Чрезъ недѣлю я былъ въ Петербургѣ, а чрезъ годъ судьба снова меня забросила въ Бѣлоруссію и въ тотъ же самый городъ N.

Уже имя графа Михаила Николаевича Муравьева тогда громомъ гремѣло для польскаго люда по всей западной Россіи. Въ немъ поляки видѣли свою Немезиду; въ немъ они почувствовали кару Божію.

По пріѣздѣ моемъ въ заѣздный домъ города N***, явился ко мнѣ мой факторъ еврей.

— Ну — что новаго? спросилъ я его.

— Ой вай!.. все новое, ясновельможный пане, отвѣчалъ онъ.

— Ну что же тутъ было?

— Ухъ — цто тутъ било!.. цто тутъ било!.. гвалтъ!.. Дали-Букъ, гвалтъ!

— Ну что же — теперь въ городѣ спокойно?

— Спокойно.... цихо.... некому мятежницать.... циновники все русскіе.... поляковъ тылько три осталось....

— Гдѣ же прочіе?

— А цортъ ихъ знае... Нехъ имъ веревку на сею надзѣнутъ. Циновниковъ много увезли, другіе до лясу утекли... говорилъ еврей.

— А городничій?

— Увезли до Сибири... теперь городницій и исправникъ русскій...

— Какъ его фамилія?

— Морсовъ.

— Морсовъ??! Не ужели? спросилъ я, невѣря своимъ ушамъ.

— Дали-Букъ.

— А какъ его имя?

— Запамянулъ... А якъ его имя то?... а вай... тц... тц... тц...
— У него есть дочь?
— Есть... есть.... такая ладная паненка...

Сердце мое дрогнуло отъ радости; но я, не вѣря своему счастію, послалъ предварительно фактора разузнать имя новаго исправника. Еврей воротился и сказалъ, что зовутъ его Ѳома Петровичъ. Наскоро одѣвшись, я поспѣшилъ, въ сопровожденіи еврея, къ Морсовымъ. Какъ для меня и для нихъ встрѣча эта будетъ пріятна! подумалъ я.

Скоро мы пришли къ дому, занимаемому Морсовыми. Въ передней никого не было, изъ зала неслись звуки рояля; женскій пріятный голосъ пѣлъ что то.

Доложить было некому, я вошелъ въ залу безъ докладу.

За роялемъ сидѣла Юлія Ѳоминишна; она играла и подпѣвала, не сводя глазъ своихъ съ Бояркина, сидѣвшаго немного поодаль, облокотившагося рукой на рояль— и тоже, въ свою очередь, не сводившаго съ нее глазъ.

— Вы и этимъ романсомъ не довольны? сказала Юлія Ѳоминишна, переставая играть и обращаясь къ Бояркину. Перестаньте скучать; я вамъ вашъ любимый спою, добавила она и подъ аккомпаниманъ запѣла чистымъ симпатичнымъ сопрано:

„Какъ сладко съ тобою мнѣ быть,
И молча . . . .“

Въ это время я кашлянулъ, Бояркинъ оглянулся и, увидавъ меня, испустилъ протяжное—А!!!!....

С. Калугинъ.

(Продолженіе впредь).

НѢТЪ БОЛѢЕ ПОЛЬШИ.

СОЧ. ФУКА, ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

(*Продолженіе*) (1).

Глава третья.

Общественныя отношенія.

Духовенство продолжаетъ стремиться къ давно задуманной цѣли со свойственной духовному классу настойчивостью; всѣ его сношенія съ націей клонятся къ распространенію его полнаго безусловнаго вліянія надъ духомъ народа, тогда какъ русское правительство старается своими дѣйствіями по возможности образовать всю массу людей, остававшуюся до сихъ поръ въ совершенномъ невѣжествѣ, вслѣдствіе того, что эти двѣ несовмѣстныя власти. находятся въ постоянномъ разногласіи. Со времени окончательнаго раздѣла Польши, р. католическое духовенство отстранилось отъ евангельской миссіи и удовольствовалось тѣмъ, что постоянно возбуждало раздоръ; а ничего нѣтъ легче какъ подстрекать несогласія, когда политическія и религіозныя страсти въ разгарѣ. Несмотря однако на вліяніе, которое имѣетъ духовенство на всѣ классы общества, одно только дворянство безусловно за нимъ послѣдовало. А почему? Очень просто: интересы дворянъ и ксендзовъ сливаются въ одно и явно препятствуютъ интересамъ народа. Дворянство и духовенство вступило въ продолжительный и прочный союзъ противъ средняго сословія, т. е. противъ самой главной части народонаселенія, или даже цѣлой націи. Аристократія глубоко презираетъ мелкое сословіе дворянства, которое въ свою очередь крайне пренебрегаетъ шляхетствомъ и не можетъ смириться съ мыслію, что классъ этихъ выскочекъ совпадаетъ въ токъ дворянъ; совсѣмъ тѣмъ оттѣнки этихъ классовъ сливаются между собою и образуютъ сѣть предразсудковъ, которую никакая сила не можетъ распутать. Уничтожить распространеніе народнаго права,—вотъ девизъ просвѣщеннаго класса патріотовъ. Въ законодательствѣ поляковъ не встрѣчалось двусмысленностей; всѣ выраженія точны, и законъ заключается въ краткомъ изложеніи пра-

---

(1) Смотри «Вѣстникъ Зап. Россіи» за 1865—66 годъ, книжки 10 и 11.

віяхъ относительно барщины. Когда въ настоящее время иностранные законы начали вразумлять польскихъ крестьянъ, то дворянство, не разбирая способовъ, всѣми силами старалось отсрочить эмансипацію. Обезчещенная и презрѣнная каста этихъ пролетаріевъ составляетъ главную часть народонаселенія. Помѣщикъ—глава (woit) въ своей волости и можетъ дѣйствовать самовластно, судя по мѣрѣ его личности, а гдѣ-же мужику найдти судъ и расправу? Онъ хорошо понимаетъ, что смѣшно было-бы жаловаться *барину* на *барина*; опытъ давно научилъ его, что уѣздными начальниками жалобы принимаются неблагосклонно, такъ какъ и они такіе же помѣщики какъ и деревенскія власти, — его господа. Надо жить съ крестьянами, чтобъ удостовѣриться, что плачъ и жалобы раздаются повсемѣстно; всюду ропотъ на помѣщиковъ, но въ укорахъ нѣтъ ни брани, ни громкихъ восклицаній; напротивъ они спокойны и глубоко выразительны. Въ центрѣ Царства Польскаго, какъ и въ Галиціи, крестьяне возлагаютъ всѣ ихъ надежды въ будущемъ на помощь иностранныхъ правительствъ. «Мы тогда“ —говорятъ они— „полюбимъ наше отечество, когда выйдемъ изъ зависимости поляковъ, и тогда только станемъ молодыми.“ — И дѣйствительно, взысканія помѣщиковъ доходятъ до грабительства; малѣйшій контроль или исскусно наведенная справка открываетъ цѣлый рядъ преступленій, въ которыхъ видно, что крестьянъ грабятъ и разоряютъ ихъ владѣльцы. Вообще никогда нельзя представить, при нравственномъ развитіи, такого вреднаго направленія и безсовѣстныхъ поступковъ, какъ у неисправимыхъ польскихъ дворянъ. Такимъ образомъ, когда русское правительство пожаловало крестьянъ богатыми милостями, т. е. надѣлами земли, то количество крестьянской земли вмѣсто того, чтобы увеличиться въ квадратъ, значительно уменьшилось, вслѣдствіе обманчиваго размежеванія управляющими или, что почти одно и тоже, людьми подкупленными помѣщиками, которые уменьшили надѣлы, насколько было возможно. Владѣльцы самовластно возлагаютъ поземельныя подати и денежные оброки такіе обременительные, что крестьяне принуждены оставлать даже свои собственныя земли, которыя, впослѣдствіи, помѣщики обработываютъ въ свою пользу. Чтобы дать понятіе о требованіяхъ владѣльцевъ, достаточно сказать, что если мужикъ платитъ *рубль* (4 франка) за десятину казенной земли, то помѣщику онъ навѣрное даетъ *три* рубли или по крайней мѣрѣ (minimum) *два*, за то же самое ко-

личество земли. За то государственныя земли обработаны прекрасно и даютъ большіе доходы, а частныя помѣстья бѣднѣютъ и хлѣбъ остается часто на поляхъ не убранный. Но вѣдь помѣщику нѣтъ дѣла до нищеты крестьянина. Былъ бы только онъ самъ богатъ, это его единственное желаніе и цѣль. Установленные владѣльцами оброки простираются на все. Часто они запрещаютъ продавать на своихъ земляхъ вино, купленное не у своихъ помѣщиковъ. Кромѣ того, съ каждаго двора предварительно требуютъ оброкъ натурой, берутъ каплуновъ, цыплятъ, индѣекъ и т. д. Административная и политическая конституція Царства Польскаго не позваляетъ въ настоящее время уничтожить эти оброки натурой, такъ какъ правительство не въ состояніи услѣдить за точнымъ исполненіемъ закона. Помѣщикъ можетъ самопроизвольно налагать повинности, избѣгая тѣхъ пунктовъ закона, которымъ онъ долженъ повиноваться. Если какое нибудь обязательство его тяготитъ, онъ ловко отъ него уклоняется, безъ дальнихъ церемоній. Что сталось напримѣръ съ данными крестьянамъ правами указомъ 1846 года, гдѣ имъ предоставлялось пасти на помѣщичьихъ лугахъ стада и рубить въ барскихъ лѣсахъ дрова? Онѣ уничтожены тайной властью владѣльцевъ, какъ и многія другія права. Только врожденная кротость и страхъ властей заставляютъ мужика сносить съ покорностью свою несчастную долю, а еслибъ онъ не надѣялся на будущее, то навѣрное въ Польшѣ началась бы страшная рѣзня. Но, покоряясь сильнымъ міра сего, мужикъ выказываетъ самые подлые и низкіе знаки преувеличеннаго и даже ложнаго уваженія. Онъ цѣлуетъ руки, колѣна и ноги у своего господина и, проходя мимо барскаго двора, еще издали снимаетъ шапку (1). Поляки безъ жидовъ обойтись не могутъ, а послѣдніе, пользуясь этимъ, ведутъ торговлю безсовѣстно и надуваютъ покупателей. Всѣ это знаютъ и всѣ терпятъ. Но еще страннѣе отношенія, связывающія помѣщиковъ съ *офиціалистами*. Трудно угадать въ этой коммерческой сдѣлкѣ сознаніе собственнаго *достоинства* поляковъ, которое, благодаря нѣкоторымъ несвѣдущимъ панегиристамъ, чуть чуть было не обратилось въ пословицу. Сколько разъ я видѣлъ какъ слуги дерзко не исполняли приказаній господъ, вполнѣ увѣренные, что дерзость ихъ оста-

(1) Все вышесказанное авторомъ о владѣльцахъ и крестьянахъ Царства Польскаго, относится до изданія указа 19 Февраля 1864 года, вслѣдствіе котораго все тамъ измѣнилось къ лучшему.

ется не наказанною. Если же баринъ останавливалъ слугу и дѣлалъ ему замѣчанія, то послѣдній отвѣчалъ оскорбленіями и угрозами, которыя поражали слухъ человѣка непривычнаго. Подобное явленіе объясняется тѣмъ, что господинъ признаетъ въ своемъ слугѣ превосходство надъ собой и въ работѣ, и въ сметливости, и онъ согласенъ лучше снизойти съ своего достоинства, чѣмъ обойтись, хотя нѣсколько дней безъ дворецкаго, который ему прислуживаетъ и радѣетъ о его денежныхъ интерессахъ. *Интерессъ* матеріальный и денежный — вотъ настоящій богъ поляковъ, которому они поклоняются. Они стали скупы, стали жестоки, жертвуютъ денежнымъ интересамъ самыми священными чувствами и привязанностями и трудно опредѣлить до какихъ размѣровъ простирается въ нихъ это направленіе. Находясь въ окрестностяхъ Житоміра, я провелъ нѣсколько дней у одного аристократа помѣщика — поляка, который выказывалъ самое непреклонное достоинство и чрезвычайно гордился окружающимъ его аристократическимъ элементомъ. Случилось, что онъ, вслѣдствіе какого-то важнаго дѣла, поссорился съ своимъ экономомъ и — надо правду сказать — что споръ былъ самаго любопытнаго свойства. Разгнѣванный хозяинъ пробовалъ доказать эконому всѣми правдами и неправдами, что онъ его босаго въ домъ взялъ и изъ нищеты вывелъ, а служитель доказывалъ владѣльцу въ наглыхъ, но ясныхъ выраженіяхъ, что безъ его посредства въ домѣ не осталось бы и куска хлѣба. Должно быть помѣщикъ согласился съ послѣднимъ доводомъ, потому что замолчалъ, и управитель остался на своимъ мѣстѣ. Какъ видно польское достоинство простирается до извѣстныхъ границъ. Вотъ еще случай, изъ котораго видно что слуги позволяютъ себѣ безнаказанно дѣйствовать по своему произволу. Помѣщаю здѣсь писанное мною къ отцу письмо 7-го августа 1863 года, — письмо безъ пропусковъ, которое покажетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что происходило въ то время въ Польшѣ: — „Чтобы дать понятіе о тѣхъ опасностяхъ, которымъ мы ежеминутно подвергаемся, скажу, въ *предостереженіе Тебѣ*, что всякій офицеръ, уличенный въ беззаконномъ наборѣ рекрутовъ, разстрѣливается тутъ-же во время присутствія; если кто идетъ по улицѣ ночью, тотъ рискуетъ быть если не убитымъ то сосланнымъ по приговору военнаго суда, на извѣстное время, напримѣръ въ *Ольмюцъ* (Olmütz). Вотъ положеніе края въ настоящую минуту. Выѣхавъ изъ Б..., въ среду, я прибылъ въ Ц..., въ четвергъ, въ девять часовъ ве-

чера. Путешествіе, разумѣется, совершалось въ *бричкѣ* (врагу своему не посовѣтую когда нибудь ѣхать такимъ образомъ), и вся моя поклажа заключалась въ чемоданѣ, да въ саблѣ съ пистолетами, зарытыхъ въ соломѣ, въ глубинѣ экипажа. Я былъ одѣтъ въ обыкновенное гражданское платье и казался существомъ такимъ безвреднымъ, что встрѣчавшіеся по дорогѣ крестьяне, преусердно кланялись и снимали шапки, принимая меня, должно быть, за польскаго землевладѣльца. Первую половину путешествія мы проѣхали благополучно, но въ Д... событія приняли другой оборотъ. Мы здѣсь застали только что прибывшій русскій отрядъ, и я долженъ былъ выдержать строгій осмотръ этихъ господъ, которые надо имъ отдать справедливость, довольно безцеремонно осматривали меня съ головы до ногъ. Однакожъ я представился мѣстному властителю: узнавъ приказанія національнаго правительства, онъ рѣшился отправить меня съ проводникомъ въ деревню С..., куда на слѣдующій день русскіе солдаты не могли прійдти. Принявъ рекомендательное письмо къ помѣщику деревни С..., я отправился пѣшкомъ. Проводникъ несъ на спинѣ мой чемоданъ и тщательно пряталъ оружія подъ грубымъ большимъ плащомъ; это мужицкое одѣяніе, которое туземцы называютъ *бурками* (bürka). Ночь была темная и надо было идти очень осторожно, чтобъ не наткнуться на патруль. Однако мы ее избѣгнули: около часу уже шли мы по широкой аллеѣ, усаженной роскошными тополями, какъ вдругъ раздался крикъ „*Стой кто ты?* Въ первую минуту я подумалъ объ измѣнѣ проводника и хотѣлъ уже въ него выстрѣлить, какъ бы въ утѣшеніе себѣ, еслибъ былъ остановленъ и повѣшенъ; но я ошибся; надо отдать справедливость польскимъ мужикамъ; мой честный товарищъ отвѣчалъ съ большимъ хладнокровіемъ начальнику патрули, что мы крестьяне деревни С..., а будучи цѣлый день по зоработкахъ въ сосѣднемъ селѣ, возвращаемся домой. „Dobrze“ (ладно) съострилъ по польски русскій фельдфебель и солдаты насъ пропустили, не подозрѣвая, что у нихъ былъ подъ рукой *революціонеръ*. Перекрестясь и вздохнувъ свободно, мы начали тихонько пробираться по тропинкамъ черезъ поля, до самой деревни С... Когда мы подошли къ замку, собаки долго и съ ожесточеніемъ на насъ лаяли, пока наконецъ лакей не отперъ намъ дверь. Мы ему объяснили причину поздняго нашего посѣщенія, но лакей оказался безжалостнымъ; не смотря на моленія и слезы провожавшаго меня крестьянина, онъ грубо захлопнулъ

дверь и скрылся. Къ несчастью, я не могъ даже отмстить этому звѣрю, такъ какъ въ ночное время въ особенности опасно шумѣть оружіемъ, дабы не привлечь вездѣ бдительную патруль. Трудно выразить тебѣ какъ я былъ раздраженъ непріятнымъ своимъ положеніемъ! Назадъ идти безуміе; идти впередъ не имѣю позволенія національнаго правительства, а остаться на дорогѣ тоже невозможно: солдаты ходятъ безпрестанно и съ разсвѣтомъ непремѣнно взяли бы меня въ плѣнъ, такъ какъ я не имѣлъ бы возможности скрывать далѣе оружія. Наконецъ я положился на своего проводника и говорю ему: сведи молъ меня къ честному человѣку. Проводникъ сначала подумалъ, припоминая, должно быть, гдѣ тутъ есть честный человѣкъ (вѣрно въ негостепріимной Польшѣ это рѣдкость), а затѣмъ съ рѣшительностью поплелся по узкой тропинкѣ извивающейся между избами. Долго шли мы, погруженные въ неутѣшительныя мысли, какъ вдругъ до слуха моего долетѣлъ металическій звукъ ружейнаго приклада и напомнилъ мнѣ, что я въ Польшѣ. Но едва сдѣлали мы нѣсколько шаговъ впередъ, какъ очутились передъ какимъ-то войскомъ, но только это были не наши друзья поляки. Объясненіе, спасшее насъ одинъ разъ, не могло служить вторично въ часъ по полуночи, и къ спасенію оставалось одно—скрыться. Имъ то мы и воспользовались и, безъ всякаго стыда, пустились бѣжать. Нѣсколько пуль полетѣло намъ въ догонку, которыя просвистѣли у самыхъ ушей, но мы до того шибко бѣжали, что скоро опасность осталась позади насъ. Благодаря Богу и стараніямъ моего вожатаго, мы прибыли къ г-ну Д..., который принялъ меня, какъ истинный вельможа, радушно и ласкаво, несмотря на то, что я разбудилъ и поднялъ его ночью. Въ этотъ разъ я напалъ на дѣйствительно хорошаго человѣка, что замѣтно было и по восклицаніямъ его лакея, безпрестанно повторявшаго, *добрый баринъ, добрый баринъ* (dobry pan). У Г. Д..., хотя онъ и не партизанъ инсурекціоннаго движенія, я казался именно тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, т. е., благороднымъ французомъ, жертвующимъ своей жизнью для блага другой націи, тогда какъ другіе поляки, такъ много говорящіе о патріотизмѣ, смотрѣли на меня какъ на человѣка будто имъ же обязаннаго. О себялюбивая, неблагодарная нація! Отдохнувъ немного, я разсказалъ объ отказѣ кочлега въ С..., и Г. Д... былъ не только удивленъ, но и взволнованъ такимъ случаемъ, а такъ какъ при моемъ разсказѣ присутствовали нѣсколько постороннихъ человѣкъ, то чрезъ нѣсколько дней

весь палатинатъ уже зналъ о моемъ приключеніи. Поляки любятъ сплетни и пошли одинъ другаго лучше чернить и охуждать поступокъ владѣльца С…, пока, конечно, не дошли слухи и до самаго виновнаго. Тогда послѣдній, испуганный не на шутку, велѣлъ передать мнѣ его извиненіе, и объяснить, что виновенъ былъ одинъ дворецкій. Не думай только, милый отецъ, что невѣрный слуга былъ наказанъ и выгнанъ,—ты бы страшно ошибся. Въ Польшѣ не тѣ убѣжденія, что во Франціи. Въ ней царствуетъ денежный интересъ и никакое чувство деликатности сюда не проницаетъ. Что скажешь ты *на это*, старый партизанъ польскаго вопроса?"

Въ Польшѣ бьютъ слугъ и крестьянъ только ради денегъ. Нищіе, бѣдныя слуги и убогіе крестьяне узнаютъ французовъ по щедрости, а между тѣмъ одному Богу извѣстно, много-ли заключалось денегъ въ кошелькахъ несчастныхъ иностранцевъ, привлеченныхъ въ Польшу инсуррекціей. Вдали отъ своихъ семействъ и отъ отечества, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ походу, они часто остаются безъ всякихъ средствъ къ жизни, а врожденное чувство гордости не позволяло просить милостыню у агентовъ національнаго правительства, которые никогда не предложатъ пособія первые. Вотъ каковы поляки и какими я ихъ видѣлъ самъ, вмѣсто того чтобы встрѣтить людей угнетенныхъ, какими ихъ описываетъ плодовитое воображеніе журналистовъ, въ то время какъ мы подставляемъ лбы наши, подъ дождь московскихъ пуль.

Глава четвертая.

Цивилизація.

Въ чемъ заключалась польская распублика? Въ обыкновенной олигархіи. Когда, вслѣдствіе европейскаго движенія и неоднократныхъ совѣщаній европейскихъ державъ, правленіе подобнаго рода стало невозможнымъ, Царство Польское впало въ такое разрушительное состояніе, что рано или поздно нельзя было избѣгнуть окончательнаго раздѣла и, судя по положенію дѣлъ, Польшѣ угрожало рѣшительное паденіе. Польша отвергнула всѣ мѣры къ просвѣщенію, принятыя другими державами; знатные тѣснили и пренебрегали народомъ, а избираемые короли, расходясь постоянно въ убѣжденіяхъ съ дворянствомъ, не были въ состояніи организовать постоянную армію. Въ 1772 году Царство Польское, сохранившее еще признаки средневѣковаго варварства, держалось посреди образованной Европы, но вскорѣ оно рушилось. Король Станиславъ Лещинскій говорилъ однажды, что Польша есть еди-

ственная страна въ свѣтѣ, въ которой народъ не отдаетъ долга человѣческимъ правамъ, и чувства котораго застыли до забвенія милосердія и состраданія. Если мы оглянемся на прежнюю Польшу, начиная отъ основанія вплоть до ея раздѣленія, то навѣрное не встрѣтится ни одного историческаго факта, въ которомъ проглядывали хотя бы малѣйшіе признаки просвѣщенія поляковъ (1).

Они были варварами въ девятомъ столѣтіи, варварами остались и въ девятнадцатомъ. Послѣ девятисотлѣтняго существованія сущность ихъ убѣжденій осталась таже и нравы, обычаи и склонности почти не измѣнились (2). Въ отношеніи просвѣщенія польская нація всегда оставалась позади всѣхъ европейскихъ государствъ, и медленный и нерѣшительный ходъ ея событій можно приписать эгоистическому, отсталому вліянію дворянства и духовенства. Духовныя лица, короли, намѣстники королевскіе (вицекороли) и вельможи, имѣя въ виду только личный денежный интересъ, были всегда врагами политическихъ улучшеній. Въ то время когда Великая Екатерина, Фридрихъ и Марія Терезія раздробили полудикія провинціи, которыя своимъ отсталымъ взглядомъ задерживали успѣхи цивилизаціи, тогда иностранное владычество всѣми силами своего вліянія, налегло на этотъ испорченный народъ и могло бы со временемъ довести его до возрожденія, если бы дворянство (какъ классъ все таки болѣе просвѣщенный) съумѣло воспользоваться сдѣланными Россіей, Пруссіей и Австріей улучшеніями. И дѣйствительно, иностранное правительство во многихъ отношеніяхъ улучшило матеріальное и моральное положеніе поляковъ. Это подтверждается словами Мирославскаго, который говоритъ въ своей *Исторіи польской революціи*, о царствованіи императора Александра I такимъ образомъ: „менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ все Царство Польское стало изрѣзано путями вдоль и поперегъ сквозь лѣса, болота и пески, остававшіеся съ незапамятныхъ временъ непокорными всѣмъ усиленнымъ человѣческимъ трудамъ. Столица Варшава, съ 80,000 жителей (3), возсіяла изяще-

(1) Одинъ изъ ученѣйшихъ нашихъ географовъ писалъ въ 1820 году: Въ Царствѣ Польскомъ сглаживаются послѣдніе слѣды варварства, благодаря разумному управленію нынѣшнихъ правительствъ и примѣру нѣмецкихъ колоній, число которыхъ значительно увеличивается.

(2) Смотри историческое прим. по окончаніи главы.

(3) Нынѣ до 200 тысячъ жителей.

ствомъ и роскошью, а архитектурныя и скульптурныя украшенія необыкновенно скоро наполнили древнюю Варшаву. Всякій наперерывъ старался оставить за собой право украшать городъ, и театры, дворцы, казармы, монументы, гулянья, площади и улицы, точно волшебствомъ, появлялись изъ хаоса, въ который были ввергнуты *своенравнымъ смѣшеніемъ чванства и ничтожества во время Республики.* Провинціи засѣялись и торговые города строились съ удивительной быстротой. Искусный бережливый министръ обогащалъ Царство и укрѣплялъ международный кредитъ. Государственные доходы, доходили до 90 милліоновъ польскихъ злотыхъ. въ банкѣ хранился капиталъ въ 150 милліоновъ и въ главномъ казначействѣ оставалось запасныхъ 30 милліоновъ. Народонаселеніе значительно увеличилось въ 8 воеводствахъ Царства Польскаго: въ нихъ насчитывали до 4-хъ милліоновъ душъ (1). Войско въ 35,000 храбрыхъ воиновъ дополняло матеріальное благосостояніе Польши. Торговля (этотъ ненавистный промыслъ буйной польской шляхты) начала мало по малу входить въ обыкновеніе и производилась по мелочамъ, гуртомъ" и т. д. Графъ Монталамберъ говоритъ въ свою очередь: „Императоръ Александръ I даровалъ Польшѣ конституцію, обезпечивающую поляковъ тѣми же ручательствами, какія заключались въ грамотѣ, дарованной Лудовикомъ XVIII Франціи, включая свободное печатаніе книгъ и отмѣненіе конфискацій; кромѣ того предоставлялось право назначать губернскую администрацію по выборамъ дворянства, и сверхъ того вмѣнялось въ обязанность выбирать членами парламентской камеры, только изъ кандидатовъ той же камеры. Слѣдовательно, этотъ документъ важнѣе чѣмъ уставъ 1807 года. Считаю лишнимъ перечислять здѣсь всѣ разумныя реформы, всѣ нововведенія, происшедшія въ теченіи первыхъ 20 лѣтъ послѣ окончательнаго раздѣла Польши и освятившія царствованіе императора Александра I. Достаточно каждому здравомыслящему человѣку оглянуться на прошлое, и онъ ясно пойметъ, что безъ нихъ Польша осталась бы и до сихъ поръ страной почти необитаемой. Всѣ начала, данныя иностранцами и Россіею къ просвѣщенію поляковъ, всѣ правила относительно прогрессивнаго движенія, привели бы націю къ свободѣ и независимости, если бы старая закваска польскаго общества, — это неисправимая ари-

(1) Въ настоящее время число народонаселенія возросло до 5-ти милліоновъ душъ.

столѣтія, — систематически не воспрепятствовала тому своимъ корыстолюбіемъ и непониманіемъ истиннаго благосостоянія своего отечества."

Вотъ аксіома, которую вся Европа въ теченіи двухъ лѣтъ безпрестанно повторяетъ Польшѣ: развитіе увеличиваетъ нужды, это правда, но за то, оно же умножаетъ способы къ пріобретенію средствъ къ жизни. Для каждаго есть уголъ въ свѣтѣ, если только онъ съумѣетъ найдти и занять предназначенное ему судьбою мѣсто, а не будетъ стараться воспользоваться чужими правами. Если же, къ несчастью, находятся (какъ и всегда бывало) честолюбивые интриганты, которые не довольствуются своимъ положеніемъ и стараются перешагнуть за обыкновенный кругъ ихъ дѣятельности, то общественный порядокъ не можетъ принять на себя отвѣтственность за неизбѣжные пороки, происходящіе отъ самолюбія и тщеславія отдѣльныхъ личностей.

Однако подобныя заблужденія должны быть истребляемы силою общественнаго порядка и надо, право, быть весьма недобросовѣстнымъ, чтобы не признать явнаго прогресса въ этомъ отношеніи у другихъ, болѣе передовыхъ, народовъ. Благодаря похвальнымъ усиліямъ науки и филантропіи, которыя неутомимо заботятся объ улучшеніи матеріальнаго состоянія людей, недостаточность произведеній становится не такъ замѣтной, несмотря на безпрерывное увеличеніе народонаселенія. Наука гигіеническая (о сохраненіи здоровья), столь необходимая для жизни, составляетъ въ настоящее время, предметъ неусыпной и разумной заботы общественныхъ дѣятелей. Съ другой стороны, толковое преподованіе наукъ распространяетъ просвѣщеніе во всѣхъ классахъ общества и много способствуетъ къ развитію умственныхъ способностей. Что бы ни говорили, но въ настоящее время всѣ скорѣе стремятся къ нравственному развитію, чѣмъ къ матеріальному. Понятія развиваются свободнѣе, общественныя отношенія цивилизованныхъ народовъ становятся честнѣе, благосклоннѣе и великодушнѣе, чѣмъ у народовъ непросвѣщенныхъ, и пороки, эгоизмъ, алчность и гордость, встрѣчаются уже рѣже. Сословные предразсудки тоже совсѣмъ изчезаютъ и законы исполняются справедливѣе; они не допускаютъ исключеній и остаются равны какъ для перваго, такъ и для послѣдняго; суды теперь производятся безпристрастнѣе, слабый находитъ защиту въ своей справедливости противъ сильнаго и въ жизни человѣка его вѣрованія и убѣжденія болѣе уважаются; однимъ словомъ, число несчастныхъ ежедневно убавляется и надо

сознаться, что мы дожили до того времени, когда человѣкъ умный и съ доброй волей никогда не будетъ нуждаться въ необходимомъ. По тѣмъ перемѣнамъ, которыя произошли вслѣдствіе образованія, можно судить и о тѣхъ, которыя сдѣлаются вновь, и можно представить себѣ, каковы будутъ послѣдствія прогресса, если люди будутъ настолько тверды и благоразумны, что будутъ продолжать стремиться къ общественному благу и станутъ искать счастія въ дѣлахъ положительныхъ и серьезныхъ, а не въ мнимомъ земномъ блаженствѣ (утопіи), которое, напротивъ, отдаляетъ настоящее благосостояніе. — Каждый разъ какъ европейскіе дипломаты были приглашаемы для совѣщаній о польскомъ вопросѣ, Польшѣ всегда подавались благоразумные совѣты въ такомъ смыслѣ: во первыхъ представляли полякамъ очевидные примѣры благотворнаго вліянія цивилизаціи; во вторыхъ, ободряли, или вѣрнѣе, поощряли ихъ, приглашая принять участіе въ общемъ движеніи, дабы имѣть существенную возможность возстановить свое отечество. Самые высокіе политики, люди самаго строгаго взгляда, старались ясно доказать полякамъ, что изъ всѣхъ средствъ, благопріятствующихъ къ развитію человѣческаго разума и прямо ведущихъ къ его усовершенствованію, самое дѣйствительное *изученіе исторіи.*

Сколько разъ повторяли они полякамъ: „Разберите факты, которые заключаются въ національной исторіи вашего народа, и во всемъ увидите собственныя ошибки, глубоко врѣзавшіеся слѣды вашего заблужденія и вы навѣрное ограничите или смягчите свои обычаи и склонности, задерживающіе движеніе въ цивилизаціи.“ Но въ отвѣтъ на всѣ безкорыстныя убѣжденія и ободренія, поляки всегда противупоставляли свою бездѣятельность. У нихъ всякія реформы были и будутъ невозможны. Здѣсь весьма кстати привести знаменитую выписку, служившую не малое время точкой опоры польскимъ панегиристамъ, въ расточаемыхъ ими похвалахъ польскому народу. *„Науки и искуства» говорили они, «отъ того не подвигаются у поляковъ впередъ, что Польша находится подъ игомъ враговъ.»* Но любопытно знать, на чемъ основывали они это предположеніе, говоря такимъ образомъ? На какіе же данные опирались они, полагая и внушая за тѣмъ, что небудь Польша подвластна 3-мъ могущественнымъ державамъ, которыя содѣйствовали къ развитію политическаго образованія поляковъ, тогда значительно бы расширились ихъ предѣлы и *тѣмъ* скорѣе распространились науки и искуства? Являлись-ли поляки когда

нибудь и въ какомъ нибудь дѣйствіи, въ теченіи всей ихъ національной жизни, народомъ просвѣтительнымъ и либеральнымъ? Конечно нѣтъ. Вмѣсто того, чтобъ идти наравнѣ съ сосѣдями, и искать случая воспользоваться прогрессивными движеніями, они постоянно ловили какіе то призраки, мечтали и подвигались не впередъ, а назадъ. Самъ Наполеонъ, цѣнившій поляковъ за ихъ личную храбрость, неоднократно совѣтовалъ имъ отбросить опасныя химеры, способныя скорѣй подвергнуть ихъ стыду, чѣмъ возвратить потерянную (по собственной же ихъ винѣ) независимость. Императоръ Александръ II, въ бытность свою въ 1860 году въ Варшавѣ, не разъ повторялъ полякамъ: „Нельзя-ли обойтись безъ мечтаній?“ Но это однако не помѣшало полякамъ создать въ воображеніи *Польшу—властительницу*. Безумные! они никогда серьезно не думали о томъ, какъ-бы создать край образованный, а хотѣли создать изъ Польши край независимый и *вполнѣ* свободный. Маркизъ Вельепольскій вообразилъ было *Польшу* управляющуюся самой собою,— *Польшу* въ предѣлахъ Россіи. Онъ вѣроятно думалъ, что при счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, одинъ, безъ обыкновенныхъ политическихъ переворотовъ въ Европѣ, разрѣшитъ польскій вопросъ, возвращеніемъ Польшѣ свободы, и кто знаетъ было бы это ожиданіе обмануто или нѣтъ? Но графъ Андрей Замойскій, во время своего свиданья съ императоромъ Александромъ, началъ говорить о волынской подольской, кіевской и другихъ губерніяхъ, населенныхъ коренными русскими, и тѣмъ испортилъ все дѣло. Онъ захотѣлъ безъ боя, труда и славы побѣды, покорить титулы, по чести, воеводства и староства (помѣстья въ Польшѣ), и предоставить ихъ алчности дворянъ — аристократовъ. Онъ хотѣлъ завладѣть тѣми губерніями, которыя во время оно принадлежали полякамъ по случайному обстоятельству и предложилъ императору нѣкоторымъ образомъ раздѣленіе *Россіи*. Если бы графъ Замойскій, подстрекаемый дворянствомъ, не сдѣлалъ такой капитальной ошибки что сосредоточилъ всю важность вопроса въ просьбѣ объ уступкѣ упомянутыхъ чисто русскихъ губерній, если бы онъ только просилъ самостоятельности въ административномъ управленіи одного только, такъ называемаго Царства Польскаго, онъ имѣлъ бы возможность достигнуть цѣли. Но и въ этомъ случаѣ, какъ вездѣ, и всегда они увлеклись мечтами и не достигли желаемаго, хотя на этотъ разъ (сама судьба покровительствовала полякамъ) надо благодарить Бога,

что счастливая случайность сберегла ихъ отъ окончательной гибели т. е. удержала Польшу въ зависимости русскаго правительства. Графъ Монталамберъ утверждаетъ, что уже въ наше время поляки, съ истинно геройскою стойкостью, отвергнули теорію панславизма самаго будто-бы развратнаго смысла, которой придерживаются всѣ славянскія поколѣнія. Правда что они геройски ее отвергнули, но для того, чтобы пріобрѣсть право *себѣ* распространять эту самую теорію. „Прійдетъ время, говорятъ они", когда и мы будемъ царствовать надъ всѣми славянскими народами. Пресвятая Дѣва Марія обѣщала намъ эту милость въ награду, и тогда *мы* покоримъ Россію. Нѣтъ ни одной женщины, которая бы свято не вѣрила въ эту аксіому. Такія пустыя мечты были бы тогда простительны, еслибъ онѣ могли покрайнѣй мѣрѣ сдружить поляковъ и соединить къ одной предпринятой цѣли, но увы! въ нихъ шевелятся тѣ-же корыстолюбивыя побужденія, тотъ же личный эгоизмъ и все тѣ-же безпорядки въ засѣданіяхъ и спорахъ. Баронъ Биньонъ, бывшій министръ Наполеона I въ Варшавѣ, разказываетъ въ такихъ словахъ, что происходило въ сенатѣ и законодательномъ корпусѣ, подъ предсѣдательствомъ самаго государя: „Чтобъ избѣгнуть злоупотребленій отъ безполезныхъ преній, наполеоновская конституція ограничила обязанности присутствующихъ лицъ въ государственной палатѣ, тихимъ подаваніемъ голосовъ на заданные въ важныхъ случаяхъ вопросы. До тѣхъ поръ, пока гофмаршалъ президентъ не закрывалъ засѣданія, предписанный порядокъ былъ соблюдаемъ; но когда засѣданіе кончилось, одинъ предсѣдатель уходилъ, а депутаты начинали другой сеансъ, въ которомъ они себя щедро вознаграждали за молчаніе и безъ препятствій предавались непреодолимому влеченію поболтать. Засѣданія безъ президента бывали тѣмъ болѣе буйны, что законныя засѣданія бывали ненарушимо тихи, покойны. Тогда, долго сдерживавшіеся члены, свободно изливали свою злобу; они разражались обвиненіями, колкостями и быстро разгоралась язвительная въ полномъ смыслѣ слова—брань.—Въ нѣкоторыхъ неофиціальныхъ засѣданіяхъ не доставало только, чтобъ члены вооружились саблями, дабы вполнѣ дополнить сходство этихъ собраній съ прежними съѣздами (сеймиками). Такъ разбирались и государственные вопросы, такъ же, среди споровъ, противорѣчій и личныхъ интересовъ, подавали мнѣнія и голоса въ вопросахъ, которые должны были быть разсматриваемы на слѣдующій день, въ

офиціальномъ засѣданіи. Тѣ, которые присутствовали въ настоящее время при засѣданіяхъ революціонныхъ комитетовъ, могутъ судить измѣнило ли время старый порядокъ совѣщаній? Если сравнить Польшу въ средніе вѣка съ современной Польшей, то навѣрное убѣдишься, что съ того времени до сихъ поръ несчастія и опытъ не служили полякамъ наукой и ни въ чемъ не измѣнили ихъ отечества. И дѣйствительно, смотря на Польшу съ точки зрѣнія образованія, — трудно опредѣлить, въ какомъ положеніи она находится въ этомъ отношеніи! Кромѣ слегка прикрашенныхъ нравовъ народа, т. е. не крестьянъ, а шляхты и мѣщанъ, надо сознаться что поляки имѣютъ много общаго съ турками и бедуинами (бедуины кочевые аравитяне). (1) У нихъ одни и тѣже понятія, таже лѣность и безпечность, то-же невѣжество и безчувственность, одинаковый фанатизмъ и надменность. Вообще можно было-бы провести очень замѣчательную и любопытную параллель между этими народами, если позволено только такъ выразиться. Обычаи и привычки такъ же неразумны, какъ неразумно устройство и въ матеріальномъ отношеніи. Они не объясняютъ себѣ смысла нѣкоторыхъ обычаевъ и часто не подумаютъ измѣнить и улучшить самыя обыкновенныя вещи, которыя по своему безобразному виду дѣлаются совершенно негодными къ употребленію.

Потребность комфортабельности не существуетъ. Всѣ бѣдны; отсутствіе вкуса къ изящному и ко всему, что способствуетъ къ щегольской обстановкѣ, придаетъ дому человѣка и въ самомъ дѣлѣ богатаго видъ недостаточный и бѣдный, который съ перваго-же взгляда обдаетъ васъ холодомъ, тогда какъ высшая аристократія выказываетъ самую пышную роскошь, представляющую оригинальную противоположность съ ужасной нищетой крестьянъ. Нѣкоторые мало свѣдущіе авторы много распространялись о пер-

(1) Извѣстно, что польская шляхта, т. е. паны, происходятъ отъ единоплеменныхъ туркамъ азіатовъ—сарматовъ, собственно же народъ, т. е. крестьяне, (chłopy), коренные жители Польши,—славяне, единокровные всѣмъ славянамъ, въ томъ числѣ и русскимъ, которыхъ покорылъ одинъ изъ вождей сарматскихъ, по имени ляхъ, и съ ихъ осѣдлостями и землями раздалъ ихъ своимъ сподвижникамъ, потомки которыхъ (паны) держали ихъ подъ своимъ игомъ до 19 февраля 1864 года. Ред.

воначальной простотѣ, чистосердечіи и простодушіи патріархальнаго польскаго народа! Еслибъ они потрудились объѣхать все Царство Польское, тогда были бы въ состояніи судить о чистотѣ этихъ патріархальныхъ нравовъ и убѣдились бы въ полномъ и скандальномъ развращеніи общественной нравственности. Для этого стоитъ посѣтить публичныя бани въ Краковѣ, Варшавѣ и Лембергѣ; стоитъ пожить хоть короткое время въ польской семьѣ и послѣдить за поляками въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ и внѣшнихъ отношеніяхъ, и въ особенности въ ихъ сношеніяхъ съ крестьянами и слугами. Войдите въ любой трактиръ, гдѣ титулъ путешественника даетъ всевозможныя права надъ бѣдными служанками, и вы увѣритесь, что Польша не думаетъ даже сколько нибудь прилично и умно прикрыть тѣ безчестные поступки, которые если и встрѣчаются въ другихъ краяхъ, то тщательно скрываются (1). Поляки грубы до непристойности и желанія ихъ простираются до самыхъ грязныхъ степеней. Сколько говорили, что поляки гостепріимны, снисходительны, благосклонны, набожны, полны довѣрія, но въ теченіи многочисленныхъ моихъ столкновеній съ поляками я ничего этого не замѣтилъ. Правда что прибѣжище дается щедро, но чувство гостепріимства совсѣмъ неразвито, и потому именно, что кочующіе жители имъ злоупотребляли. Это преданіе идетъ изъ восточныхъ странъ и никто не старается разъяснить насколько оно справедливо. По настоящему гость долженъ быть уважаемъ хозяиномъ дома, въ настоящее же время онъ считается не больше какъ проходнемъ, присутствіе котораго не замѣчается, который ѣстъ, пьетъ и уходитъ, не

(1) *Прим. отъ переводч.* Въ этомъ случаѣ авторъ не совсѣмъ правъ; хотя онъ на все смотритъ справедливо, но желчно, а на сей разъ увлекся: можно быть всей душой русскимъ, а все таки отдать справедливость въ этомъ (быть можетъ единственномъ) отношеніи полякамъ, у которыхъ никакъ нельзя отнять вѣжливость, деликатность, предупредительность и любезность, иногда переходящую даже предѣлы надобности. Они пріятные собесѣдники, въ особенности мужчины. Женщины дѣйствительно болѣе рѣзки, эксентричнѣе, но и ихъ обращеніе рѣдко доходитъ до грубости. За то авторъ забылъ прибавить, что подъ личиной этой деликатности кроется много, много фальши и часто злобы, въ чемъ можно удостовѣриться, прочитавъ Катехизисъ народнаго ржонда. Въ немъ есть мѣста понятныя для каждаго русскаго,—мѣста, удерживающія каждаго отъ сближенія не съ *грубымъ*, а съ *деликатнымъ* и *вѣжливымъ* полякомъ.

оставивъ по себѣ ни малѣйшаго сожаленія. На это, быть можетъ, отвѣтятъ, что поляки пріютили даже изгнанныхъ евреевъ, но это случилось потому, что поляки нуждаются въ жидахъ и не могутъ обойтись безъ нихъ; интересъ — ихъ Богъ, и слѣдовательно стоитъ на первомъ планѣ. Это скорѣй походитъ на черезчуръ знаменитое гостепріимство аравійское, о прелести котораго свидѣтельствовали африканскіе офицеры, служившіе съ нами въ рядахъ инсуррекціи. Что-же касается до чувства благосклонности, то оно какъ-то странно притупилось въ душѣ польскаго народа, чему служитъ доказательствомъ то, что духъ нетерпимости развитъ у поляковъ до бѣшенства. Но жидамъ не дали же правъ гражданскихъ? Ихъ выключили изъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ, запретили пріобрѣтеніе недвижимыхъ имѣній, били, презирали, обкрадывали, и только недавно иностранныя правительства признали нужнымъ обратить вниманіе на этихъ ростовщиковъ — паріевъ. Хорошо-же пріютили они евреевъ! Я былъ самъ свидѣтелемъ, какъ *снисходительные* поляки съ остервенѣніемъ бросались на иностранцевъ, если послѣдніе не снимали шапокъ и низко не кланялись передъ мишурными процессіями, какія только съ незапамятныхъ временъ, могло изобрести пылкое фанатическе воображеніе поляковъ. Кому случалось видѣть въ Испаніи или на югѣ Франціи, во время торжественныхъ церемоній, усѣянныя цвѣтами улицы и молодыхъ дѣвушекъ одѣтыхъ въ бѣлое, идущихъ вмѣстѣ съ духовенствомъ, чтобы сильнѣе выказать великолѣпіе и блескъ своего богослуженія, тому не менѣе интересно было-бы присутствовать въ Краковѣ на праздникѣ тѣла Господня; такого зрѣлища нигдѣ нельзя встрѣтить, потому что это самая смѣшная путаница изъ всѣхъ, какія только производилъ въ былое время народъ во Франціи при сватьбахъ и вообще пиршествахъ. Здѣсь соединяются всѣ неистовые звуки: шумъ, крикъ, біеніе въ тазы, грохотанье, стукъ, бубны, цымбалы, котлы и т. д. Въ то время какъ духовныя процессіи изъ всѣхъ пятидесяти церквей (которыя насчитываютъ въ Краковѣ) двигались къ Гроцкой площади, со мной былъ одинъ проѣзжій негоціантъ изъ Парижа и мы съ нимъ силой вырвали изъ рукъ народа двухъ французовъ, которыхъ заставляли снять шапки, и которые изъ силъ выбивались, защищая себя отъ разъяренной толпы. Что-же касается до религіозныхъ чувствъ инсургентовъ, то надо сказать правду, что они не отличались утонченной деликатностью; инсургенты жгли храмы греко-

россійскаго вѣроисповѣданія, цѣлыми еловыми деревьями. Благосклонность, милосердіе и воздержаніе, — все это добродѣтели гражданскія, которыя никакъ не могутъ быть примѣнимы къ полякамъ. У нихъ, какъ и вообще у слабохарактерныхъ и падающихъ народовъ, преобладаютъ инстинктивныя чувства — завистъ и ненависть. Каждое существо, почему бы то ни было поставленное выше себя, полякъ считаетъ опаснымъ, а соперника въ политикѣ или религіи онъ называетъ врагомъ, глубоко его презираетъ, бранитъ, а часто даже клевещетъ на него. Внѣ своей личности, полякъ ничего и никого не любитъ, приписываемое ему чувство сострадація не возбуждаетъ въ его народолюбивомъ сердцѣ ни малѣйшаго сочувствія къ бѣднякамъ собратіямъ. Самъ-же онъ принимаетъ знаки участія и вниманія къ себѣ, съ такимъ презрительнымъ равнодушіемъ, которое и въ самомъ дѣлѣ подъ часъ можетъ заставить подумать, что такія выраженія благосклонности, только справедливо отданныя почести его мнимымъ заслугамъ и качествамъ. Говорятъ, что будто бы въ порывѣ энтузіазма, поляки такъ выражаются: „*Небо высоко, а Франція далеко,*“ т. е. что все хорошее для нихъ недоступно, но хотя эта фраза громка и льстива, тѣмъ не менѣе никакъ нельзя полагаться на преданногть и любовь поляковъ къ французамъ. Выраженное поляками сочувствіе къ Франціи въ продолженіи итальянской войны, далеко не походитъ на постоянное наше вниманіе къ Польшѣ, и я смѣло могу увѣрить нашихъ храбрыхъ солдатъ, что еслибъ австрійцы остались побѣдителями, то народонаселеніе Галиціи было бы до крайности довольно, они бы хлопали отъ радости въ ладоши и иллюминовали бы свои города и дома, и все это по той очень простой причинѣ, что въ рядахъ нашихъ непріятелей находились и галиційцы. Въ этомъ увѣряли меня не нѣмцы, а сами же поляки. Все выше приведенное показываетъ, что всякое даже хорошее чувство, но развившееся не въ мѣру, можетъ вредить, что случилось на этотъ разъ и во Франціи, такъ-какъ здѣсь любятъ Польшу болѣе, чѣмъ сами поляки. Въ моемъ, слишкомъ великодушномъ отечествѣ люди настолько довѣрчивы и добры, что часто жертвуютъ собственными интересами для пользы угнетенныхъ націй, но къ несчастію излишнее донкихотство большею частію не получаетъ и десятой доли должной благодарности, а мы все таки никогда не излѣчимся отъ нашей рыцарской вздорности. Мнѣ кажется намъ было бы полезно изучать характеры иностранныхъ народовъ, изучать не по одной на-

ружной сторонѣ, а стараться вникнуть въ самую жизнь ихъ и послушать народныя преданія. Тогда быть можетъ французы и поудивились бы немного. Тогдабъ узнали что и въ Польшѣ (какъ бы въ противорѣчіе громкой фразы, что небо высоко, а Францiя далеко) самое поганое животное, называется въ шутку *французомъ*, что не очень для насъ лестно. Впрочемъ есть и во Франціи поговорка. которая если не острѣе, то справедливѣе; ее часто повторяютъ старые брюзги за рюмкой водки, говоря *„не упиться бы намъ какъ полякъ“* (le souter comme un Polak). Не знаю ведетъ ли употребленіе крѣпкихъ напитковъ къ усовершенствованію въ цивилизаціи, но смѣло поручусь, что не приведетъ къ независимости. Я это говорю, основываясь на фактѣ: когда я служилъ въ инсуррекціи, то одинъ изъ моихъ начальниковъ генералъ М... преисправно напивался. Что сказать послѣ этого о набожности и религіозномъ благородствѣ польскаго народа? Религія его заключается въ моральномъ оцѣпенѣніи, вслѣдствіе чего принимаются всѣ догматы безъ различія, и народъ вѣритъ всѣмъ мнимымъ чудесамъ, вымышленнымъ представителями ихъ вѣры, р. католическими ксендзами. Ксендзовъ этихъ можно справедливо сравнить съ восточными факирами, безконечно пламенными и изступленными, отъ которыхъ бы и самъ Христосъ отрекся и выгналъ бы, какъ торгующихъ, изъ храма (1). Хотя Польша еще съ десятаго столѣтія приняла р. католицизмъ, но въ ней и до сихъ поръ незамѣтно чтобы развивались святыя евангельскія слова, и печать благотворнаго вліянія ихъ не положена ни на чемъ въ цѣломъ краѣ. Кажется въ цѣломъ мірѣ нѣтъ такого народа! Вездѣ и во всемъ обращаютъ болѣе вниманія на внѣшній обрядъ нежели на сущность, на глубину дѣла, и какъ то странно поражаетъ полудикое смѣшеніе язычества съ настоящей вѣрой именно у тѣхъ личностей, которыя стараются высказать преувеличенную набожность; ваше религіозное чувство и вашъ разсудокъ глубоко оскорбляются при видѣ низкой простоты, непросвѣщенности и разсѣяннаго взгляда р. католика на вещи, которыя называютъ *святыми*. Однажды я спросилъ у одного польскаго помѣщика о моихъ двухъ товарищахъ по инсуррекціи—французахъ, которые провели нѣсколько дней въ его домѣ. Но панъ *полякъ* очень холодно отвѣчалъ мнѣ, что онъ потерялъ этихъ господъ французовъ совсѣмъ изъ виду, да и не интересуется ими, тѣмъ болѣе, что считаетъ ихъ врагами польскаго вопроса, кото-

(1) Слово автора.

рые, кромѣ революціонныхъ замысловъ, вдобавокъ еще дурные христіане, *немолящіеся даже по вечерамъ.* И говорилъ это человѣкъ, составившій себѣ репутацію, какъ умный и серьезный человѣкъ. Мужики менѣе заражены фанатизмомъ, и только тогда вмѣшиваются въ инквизицію, когда можно повредить дворянамъ или инсургентамъ. Разъ случилось мнѣ ѣхать съ французскимъ унтеръ-офицеромъ разыскивать людей, отставшихъ отъ отряда полковника Ж...., но замѣтивъ дорогой, что ямщикъ, сидѣвшій на козлахъ нашей брички, какъ-то странно на меня посматриваетъ съ самаго отъѣзда, мнѣ стало неловко отъ такого видимо подозрительнаго наблюденія; проводникъ-же мой замѣтилъ мое смущеніе, поспѣшилъ объяснить загадку. „Я живу", сказалъ онъ, „въ этомъ краю дольше чѣмъ вы, а потому позвольте дать вамъ одинъ совѣтъ, который можетъ предохранить васъ отъ непріятностей. Ежели вы не станете кланяться всякому кресту, часовнѣ, или святому, которые ежеминутно встрѣчаются намъ на дорогѣ, то рискуете, что ямщикъ выдасть насъ австрійскому жандармскому корпусу прежде чѣмъ успѣемъ доѣхать до мѣста. Съ тѣхъ поръ я сталъ усердно молиться всему, что хоть немного походило на святую икону, и деревенскіе жители стали со мной сговорчивѣе и уступчивѣе. Сдѣлавъ столько интересныхъ наблюденій, разобравъ по одному всѣ различные элементы польскаго народа и вникнувъ безпристрастно въ его отношенія, надежды и стремленія, станетъ ясно, что въ такомъ запутанномъ центрѣ нѣтъ мѣста для разсужденій, и всякая попытка выразить свой взглядъ и убѣжденія дѣлается вопросомъ на столько щекотливымъ, что поневолѣ приходится молчать, — всякое нововведеніе отвергнуть заранѣе, потому что оно непремѣнно кого-нибудь да стѣсняетъ. Разсудокъ въ этомъ случаѣ не помогаетъ, такъ какъ въ серьезныхъ вопросахъ, равно какъ и въ самыхъ незначительныхъ, всякое разсужденіе дѣлается невозможнымъ; оно непремѣнно переходитъ въ споръ. Нѣтъ предмѣта о которомъ могли-бы въ теченіи нѣсколькихъ минутъ говорить хладнокровно, и надо хоть нѣсколько дней пожить въ отечествѣ Пястовъ, чтобъ объяснить себѣ источникъ тѣхъ бурныхъ съѣздовъ, на которыхъ не обходились даже безъ оружій. Въ самыхъ пустыхъ разговорахъ какъ-то щетинятся и часто собесѣдники доходятъ до такихъ колкостей, что ежеминутно можно придраться; въ особенности въ разговорахъ съ людьми *учеными.* Знаніе ученаго поляка — доктора,

наполняетъ его такой гордостью, что онъ чувствуетъ глубокое презрѣніе къ французской цивилизаціи и весь отдается своей профессіи, воображая, что ничего не можетъ быть выше той науки, которая ему стоила стольких трудовъ. Чувство подозрѣнія до того развито, что часто безъ всякаго поводу выходятъ недоразумѣнія, ошибки и т. д. Въ характерѣ націи нѣтъ правдивости, и пристрастныя дѣйствія дѣлаются до того замѣтны, что часто принимаютъ даже смѣшной характеръ, а иногда переходятъ въ хвастовство и ложь. Человѣкъ самоувѣренный, будь онъ хоть неучъ, считается въ Польшѣ человѣкомъ ученымъ, передъ которымъ всѣ склоняются. Я слышалъ разъ, какъ одинъ господинъ разсказывалъ въ довольно большомъ обществѣ о формированіи *зуавовъ* (zouves) въ Испаніи, первымъ ея государемъ, и о томъ какъ Наполеонъ, восхищенный храбростью поляковъ, назвалъ ихъ войска *зуавами*, такъ какъ *зуа́въ* есть древнее польское слово, означающее храбрость (?!!). Я ручаюсь за достовѣрность этого анекдота и могъ-бы назвать фамилію этого господина, котораго всѣ съ благоговѣніемъ слушали, но что сказали бы тогда поляки? Самые маловажные разговоры принимаютъ крутой оборотъ въ тѣхъ случаяхъ, когда хвастовство зайдетъ далеко и становится трудно выпутаться и придать видъ вѣроятности тѣмъ дурно сплетеннымъ баснямъ, которымъ хотятъ заставить повѣрить сначала. Если вы заговорите о наукахъ и искуствахъ, слушатели поднимаютъ плечи, а если коснетесь литературы и упомянете имя одного изъ извѣстнѣйшихъ авторовъ, то васъ засыплютъ похвалами Мицкевичу и будутъ доказывать, что польскую литературу можно сравнить развѣ только съ греческой или римской. Никакія опроверженія не могутъ разубѣдить ихъ въ такомъ мнѣніи, а о французской литературѣ лучше и не начинать разговора, они навѣрное разбранятъ ее, и приведутъ для подтверженія своихъ словъ, одну аксіому американскаго автора Стефенса, въ которой онъ будто-бы справедливо говоритъ, что „французскія сочиненія изображаютъ распутную нравственность и такую порочную философію, что они срамятъ современную французскую литературу и недостойны быть произведеніями людей XIX столѣтія (1). Конечно для насъ такой отзывъ

(1) *Примѣч. отъ переводч.* Я нахожу, что американскій писатель Стефенсъ очень справедливо отнесся о французской литературѣ. Конечно, простительно французу быть пристрастнымъ къ литературѣ своего отечества, но мы русскіе, можемъ то-же подтвер-

не может быть лестнымъ и непріятно его слышать, въ особенности, когда знаешь, что поляки, даже самые скверные французскіе романы читаютъ съ жадностью. Извѣстно, что польскій языкъ есть собраніе согласныхъ буквъ и заключаетъ въ себѣ шипящіе звуки, особенно непріятные для слуха. Извѣстно также, что польскій языкъ чрезвычайно смягчается въ порядочномъ обществѣ. Разговоръ между дамами,—точно щебетанье птицъ. Тутъ языкъ пріобрѣтаетъ и нѣжность и гармонію, но все же эта музыка далеко не равняется съ звучной величественностью русскаго языка, который богатъ и грамматическими оборотами и перестановкою словъ, и поддается вообще всякаго рода измѣненіямъ. Хотя, конечно, были и въ Польшѣ замѣчательные писатели, тѣмъ не мѣнѣе польская литература не можетъ стать на ряду съ сосѣдними ей литературами, и до сихъ поръ польскій языкъ служилъ только для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей въ жизни. Нервы равно раздражаются какъ въ разговорѣ съ мужчиной, такъ и въ разговорѣ съ женщиной. Въ Польшѣ женщины разсуждаютъ о предметахъ совершенно чуждыхъ ихъ существованію и ужасно горячатся и сердятся, не смотря на свою набожность (основанную на преданіи), если имъ не удается тотчасъ и безъ препятствій достигнуть заранѣе предположенной цѣли. А потому, если человѣкъ, который съ ними разговариваетъ находитъ всегда кстати, да къ тому-же неоспоримые отвѣты, то онъ превращается въ самаго злѣйшаго врага женщины — польки. Обиженныя и униженныя передъ логикой своего противника, который ловко рѣжетъ ихъ на каж-

дить, что никогда французская литература не пользовалась огромной славой; конечно, были геніальные умы, какъ напр. Вольтеръ, Мольеръ, и другіе; но въ такомъ маломъ числѣ, что теперь имена этихъ авторовъ почти сглаживаются подъ наплывомъ современныхъ посредственностей. Плодовитыя воображенія Февалей, Жоржъ-Зандовъ и тому подобныхъ не задумываются передъ романами, а Александръ Дюма, говорятъ, даже канцелярію завелъ, гдѣ сидятъ десятки головъ надъ сочиненіемъ романовъ, издаваемыхъ затѣмъ подъ именемъ соч. Дюма. Вѣдь недурная афера? Изъ современныхъ французскихъ писателей можно исключить только однаго талантливаго.— Виктора Гюго, да и то скорѣе потому, что за неимѣніемъ рыбы и ракъ рыба. Что-же касается до исторіи польской литературы, то она мнѣ положительно неизвѣстна, такъ какъ я польскаго языка не знаю, и потому ни *за*, ни *противъ* сказать ничего не могу. Много слышно похвалъ Мицкевичу, но въ чемъ состоятъ красоты его произведеній, къ несчастію, судить не могу, но думаю что

домъ пунктѣ, онѣ доходятъ до того раздражительнаго состоянія нервъ, которое близко къ слезамъ. Я бывалъ свидѣтелемъ очень интересныхъ сценъ, въ особенности когда дѣло касалось до народной эмансипаціи, и очень бы хотѣлъ чтобъ эти строки попались на хорошенькія глазки польскихъ барынь, вѣроятно оцѣнившихъ бы правдивость моихъ словъ. Однимъ словомъ—сословіе *слишкомъ образованное* сохраняетъ къ нашему современному просвѣщенію такое же презрѣніе, какъ мусульмане. Этотъ фактъ до того вѣренъ, что самъ графъ Монталамберъ, не будучи въ состояніи скрыть его, пробуетъ обратить его въ похвалу полякамъ: „Они не поддались,“ говоритъ онъ, „никакимъ прельщеніямъ и подкупамъ, какими отовсюду ихъ засыпали, и матеріальное благосостояніе, и цвѣтущую промышленность, и безчисленные способы къ улучшенію, и безконечный прогрессъ и чего — чего не сулили имъ, но они на все съ твердостью отвѣчали *нѣтъ!*„ И дѣйствительно это самое вѣрное опредѣленіе отвѣта поляковъ. Но для насъ недостаточно доказать, что Польша до сихъ поръ не воспользовалась прогрессивными познаніями, можно доказать также, что моральное усыпленіе будетъ продолжаться вплоть до тѣхъ поръ, пока польскіе помѣщики будутъ принимать участіе въ дѣлахъ общественныхъ. Прогрессъ, къ которому настойчиво стремятся люди въ настоящее время, заключается въ полномъ развитіи нравственныхъ и физическихъ способностей. Въ каждомъ народѣ образованный классъ работаетъ къ усовершенствованію менѣе счастливыхъ сословій, поставленныхъ своимъ состояніемъ на низкія ступени общественнаго положенія. Опытъ давно доказалъ уже, что народъ падаетъ, когда наука не идетъ впередъ, и когда всякое движеніе останавливается. Тогда только можетъ существовать народъ, когда все движется впередъ. Вездѣ, гдѣ шевелятся и возбуждаютъ энергію лучшіе мыслители, тамъ увеличиваются и общественныя имущества, что служитъ не малымъ доказательствомъ, что гдѣ работаетъ и дѣйствуетъ умъ, тамъ являются и благотворные плоды его трудовъ. Между людьми стараго поколѣнія, одни умираютъ, унося съ собой свои предубѣжденія, невѣжество и рутинныя понятія, другіе, одаренные лучшими способностями и болѣе воспріимчевыми характерами, безпрестанно перемѣняютъ образъ мыслей, а нынѣшнее поколѣніе, съ неописанной быстротой, стремится

и въ отзывахъ о своемъ поэтѣ, поляки многое преувеличиваютъ, со свойственною имъ пылкостью воображенія.

къ своему усовершенствованію. Такимъ образомъ, ежели общественное положеніе Польши не измѣнится совершенно, трудно предполагать, чтобы образованіе и прогрессъ проникли въ ея предѣлы. Шляхетство не составляетъ отдѣльнаго сословія; напротивъ я сказалъ уже, что каждый свободный человѣкъ имѣетъ право и, пользуясь имъ, присоединяется къ дворянству. А послѣднее держится того правила, что въ сношеніяхъ съ крестьянами надо вліять не на его разсудокъ, такъ какъ (будто бы) Богъ не одарилъ мужичковъ умомъ, а надо дѣйствовать на его чувства, или лучше сказать на его ощущенія. Весьма естественно, что при такихъ доводахъ ни самое Царство, ни народъ не могутъ находиться въ цвѣтущемъ состояніи, ни даже поддерживать свое существованіе. Высшій классъ неспособенъ къ трудамъ для общаго усовершенствованія, напротивъ того, онъ порывается возвратиться къ прежнимъ счастливымъ днямъ феодальнаго управленія, и по возможности увеличиваетъ народное невѣжество, что впослѣдствіи передается и дѣтямъ, которые уже съ молокомъ всасываютъ тоже заблужденіе и предразсудки и выучиваются также дѣйствовать, т. е. ничему не учиться и ничего не забывать. Молодые люди, приготовляющіеся къ семейной жизни, или едва только женившіеся, ничѣмъ не лучше отжившихъ стариковъ, и семь милліоновъ людей должны стоять на точкѣ замерзанія, по милости нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, которые положительно стоятъ преградой на ихъ пути къ образованію. Если предоставить Польшу самой себѣ, то ей не предстоитъ никакой будущности, а тѣмъ менѣе хорошей. Тотчасъ возвратится крѣпостное право, барщина и всякое переселеніе сдѣлается невозможнымъ, такъ какъ крестьяне будутъ прикованы къ помѣщичьей землѣ. Польская нація тогда станетъ на ряду съ другими націями и съ покойной совѣстью отвѣтитъ предъ судомъ Божьимъ, когда и въ ней найдутся избранные мыслители, которые, давъ волю своей дѣятельности, воскресятъ и возстановятъ народъ. Но такія мысли не могутъ родиться въ *настоящемъ* составѣ польскаго общества, а потому его необходимо надо преобразовать, тѣмъ болѣе, что никакія улучшенія не могутъ привиться добровольно, и для всего нужны энергическія побужденія иностранныхъ правительствъ. Въ отвѣтъ на всякую мѣру къ образованію, дворянство (преимущественно) сѣтуетъ и выводитъ такого рода умозаключеніе, какъ будто бы у Польши хотятъ отнять самое дорогое ея достояніе, ея *свободу*. Такимъ образомъ, не смотря на установленіе законовъ и пра-

віяхъ касательно проселочныхъ дорогъ, экипажей, домашнихъ животныхъ и работъ, признанныхъ полезными для общества и т. д. Слуги, возбужденныя деньгами аристократіи, будутъ всегда препятствовать общественному благосостоянію. Съ польскимъ дворянствомъ тогда только можно разсуждать о цивилизаціи, когда слова ваши сопровождаются блескомъ штыковъ и ружей. Классъ аристократическій обладаетъ въ Царствѣ Польскомъ несмѣтными богатствами, а число нищихъ, изъ которыхъ набираютъ инсуррекціонное войско, до того велико, что его вѣрно даже и опредѣлить нѣтъ средствъ. Только силой достигли возможности ввести въ Царство нѣкоторыя улучшенія; но и въ настоящее время, не смотря на всевозможныя попытки, внѣшняя торговля и промышленность еще весьма въ незавидномъ положеніи. Города грязны (чтобы не сказать вонючи), дурно вымощены, но тому виновато не правительство, а самые жители. Въ Краковѣ, напримѣръ, водосточныя трубы лежатъ наравнѣ съ землею. Но происходитъ ли это отъ нерадѣнія государственной администраціи? Разумѣется, нѣтъ. Это явное слѣдствіе административныхъ распоряженій, мѣстныхъ національныхъ властей. Въ томъ же городѣ, т. е. Краковѣ, на Гроцкой площади существуетъ (не назову памятникомъ) просто развалина, служащая притономъ всякой сволочи, отъ которой заражено все народонаселеніе. И эти то развалины называются *рынкомъ*. Они загораживаютъ и безъ того уже занятое пространство часовою башнею, караульною гауптвахтою и маленькою часовнею, возвышающеюся при въѣздѣ на Гроцкую площадь. Не будь этихъ рынковъ, площадь была бы очень красива, но еще до сихъ поръ не достигли возможности ихъ уничтожить, не смотря на то, что безполезность такихъ базаровъ признана несомнѣнной. А почему такое бездѣйствіе? По воспоминанію, что въ этой окружности, разоренной и опустошенной, когда то польскіе короли принимали посольства отъ тѣхъ могущественныхъ державъ, съ которыми Польша находилась въ дружелюбныхъ отношеніяхъ.

Безпорядки того края отзываются на самыхъ разнообразныхъ какъ общественныхъ, такъ и частныхъ учрежденіяхъ. Напримѣръ, на каретахъ и дилижансахъ не считаютъ нужнымъ зажигать фонарей, такъ что пѣшеходы рискуютъ быть раздавленными какъ собаки. Вообще—въ Польшѣ всегда опасно удаляться отъ большихъ дорогъ и ходить по деревнямъ, въ особенности въ Галиціи. Общая апатія и безпечность даютъ полную свободу домашнимъ животнымъ,

такъ называемымъ сторожамъ, и нѣтъ силы, которая могла-бы укротить ихъ неистовые порывы такъ, что и я, въ свою очередь, бывалъ жертвой нѣсколькихъ печальныхъ приключеній, а одинъ изъ французовъ, молодой поручикъ А...., едва не лишился жизни, ибо на его лошадь напалъ колоссальный дворовый песъ, спущенный съ цѣпи и предоставленный всѣмъ причудамъ своего свирѣпаго нрава, такъ что г. А...., чтобъ избавиться отъ свирѣпаго животнаго, былъ вынужденъ убить его наповалъ выстрѣломъ изъ пистолета. У одной знакомой дамы я жаловался (въ разговорѣ) на такое непростительное равнодушіе хозяевъ, оставляющихъ совершенно полудикихъ животныхъ на свободѣ, и доказывалъ фактами, какъ было бы легко заставить собакъ слушаться. Дворовыя собаки изъ того же замка, хотя и мало знали меня, тѣмъ не мѣнѣе чрезвычайно скоро и съ удивительною кротостью. стихали, услышавъ мой голосъ. Надъ замѣчаніемъ моимъ много смѣялись, но я таки добился, чтобы собакъ привязали, хотя уже и поздно, потому что въ одно прекрасное утро я едва спасъ семилѣтняго пастушка отъ разъяренныхъ деревенскихъ церберовъ, готовыхъ разтерзать на клочки свою несчастную жертву. Слѣдовательно, я не привожу безполезныхъ метафоръ, и слова свои подтверждаю фактами, что видно также изъ слѣдующаго примѣра: Висла раздѣляетъ въ настоящее время Казиміровское предмѣстьѣ отъ Подгорскаго, такъ-же какъ она отдѣляетъ Варшаву отъ Прагскаго предмѣстья; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ рукавовъ Вислы протекалъ черезъ Краковъ въ концѣ той большой улицы, которая пересѣкаетъ еврейскій кварталъ, во всю его длину. Такъ какъ уровень Вислы понизился, вслѣдствіе различныхъ движеній земли, то во время лѣтняго сезона, рукавъ этотъ вѣрнѣе походитъ на болото или заразительный ровъ, лежащій вверху надъ теченіемъ, вслѣдствіе чего и небольшія лужи, которыя еще въ немъ не высохли, постоянно въ застоѣ. Сюда бросаютъ всѣхъ мертвыхъ животныхъ и неопрятное это мѣсто испускаетъ такое зловоніе, что немудрено, если вслѣдствіе такихъ причинъ, смертность значительно увеличена въ той части города, о чемъ судить по безчисленному множеству маленькихъ кургановъ, ежеминутно попадающихся на еврейскомъ кладбищѣ, тутъ-же возлѣ устроенномъ, вѣроятно для увеличенія и безъ того уже достаточно зловреднаго смрада. Австрійская администрація хотѣла велѣть засыпать до верху знаменитый ровъ, но вопросъ этотъ заживо задѣлъ щекотливость цѣлой толпы вліятельныхъ людей и

вызвалъ явное сопротивленіе къ принятію этой мѣры, на томъ основаніи,— что будто бы на берегахъ этой вонючей лужицы, Костюшко сражался во время перваго возстанія, защищая приступъ къ Кракову. Конечно, воспоминанія должны быть дороги, и я самъ раздѣляю это чувство и вполнѣ его уважаю, нотѣмъ не менѣе сознаю, что бываютъ случаи, когда к самыми священными воспоминаніями надо жертвовать для общественнаго благосостоянія—въ особенности, когда онѣ видимо противорѣчатъ самымъ обыкновеннымъ и простымъ правиламъ здраваго смысла. Такимъ образомъ станутъ понятны тѣ причины, по которымъ императоръ Александръ I уничтожилъ пожалованную имъ-же самимъ, конституціонную грамоту Польшѣ, въ особенности принявъ въ соображеніе тѣ ежедневныя сопротивленія, которыя встрѣчалъ императоръ въ центрѣ парламента и вообще во всѣхъ составахъ государственнаго управленія. Понятво также, что послѣ всевозможныхъ попытокъ, прусскій министръ Флотевель пришелъ къ тому заключенію, что для того, чтобы дать ходъ цивилизаціи и образованію въ Царствѣ Польскомъ, надо уничтожить до корня даже и слѣды польской національности. Г. Флотевель, говоря о Герцогствѣ Познанскомъ, выразился въ одномъ изъ своихъ рапортовъ слѣдующими словами: „Послѣ всѣхъ соображеній, надо „стараться объ успѣшномъ, скоромъ и тѣсномъ слитіи этой про„винціи съ прусской монархіей, устранивъ послѣдовательно, направ„леніе, привычки и наклонности, свойственныя польскимъ жителямъ, „которые тщательно препятствуютъ тому союзу; кромѣ того, болѣе „и болѣе распространять элементы германской жизни, въ матеріаль„номъ и нравственномъ отношеніяхъ, для того, чтобы впослѣдствіи, „благодаря рѣшительнымъ дѣйствіямъ нѣмецкой цивилизаціи, бы„ла достигнута окончательная цѣль предпринятой задачи: положи„тельное соединеніе двухъ національностей.“ Смѣю увѣрить, что поляковъ невозможно будетъ просвѣтить другими мѣрами, кромѣ тѣхъ, которыя развиты въ замѣчательномъ декретѣ прусскаго государственнаго человѣка. *Польскіе патріоты* желаютъ свободы для того. чтобъ имѣть возможность остаться варварами.

Конецъ 4-й Главы.

(Продолженіе впредь).

БИРУТА И КЕЙСТУТЪ.

Историческія былины, въ 5 дѣйствіяхъ и 8 картинахъ съ прологомъ въ 2-хъ картинахъ, изъ временъ литовскихъ князей Ольгерда и Кейстута.

ПРОЛОГЪ.

Дѣйствующія лица въ прологѣ.

Бирута, дочь Видымунда.

Ригальда, вайделотка (помѣшанная отъ горя).

Кейстутъ, литовскій князь Трокскаго уѣзда.

Григорій, русинъ,—любимецъ и оруженосецъ Кейстута (15 лѣтъ).

Князь Юрій, молодой русскій витязь,— начальникъ передоваго отряда Кейстута (лѣтъ 26-ти).

Видымундъ, князь Полунги.

Сигонота, старикъ, лицо подвижное и плутовское.

Постельничій князя Видымунда—старикъ, сгорбившійся.

1-й, 2-й, 3-й, 4-й } русины—латники изъ передовой дружины Кейстута.

Литвинъ, тоже латникъ изъ этого отряда.

Соколъ, русинъ,—конюхъ Кейстута.

Два рыбака.

Мамка Бируты.

Князья, бояре (литвины и русины), дѣти боярскія, дѣвицы, служанка Бируты.

Первая картина.

Сцена представляетъ морской береговой откосъ (мысъ) примыкающій къ скалѣ,—на которой видѣнъ храмъ *Прауримы*. Въ глубинѣ сцены море, сливающееся съ горизонтомъ. Небо чистое, безоблачное—солнце склоняется къ западу. Легкій вѣтерокъ чуть—чуть зыблетъ водяную гладь,—у берега слышенъ слабый плескъ волнъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Ригальда (Медленно сходитъ по уступамъ скалы. Съ головы ея въ безпорядкѣ спускается внизъ покрывало изъ бѣлой ткани. Дубовый вѣнокъ, надѣтый на голову, прикрѣпленъ къ покрывалу. На шеѣ рядъ стеклянныхъ самыхъ мелкихъ бусъ разнаго цвѣта, съ позолотою, ниже ихъ бронзовый обручъ, еще ниже ожерелье изъ маленькихъ бубенчиковъ, съ перехватами между ними изъ крупныхъ янтарей. Платье ея бѣлое, изъ такой же ткани какъ и покрывало, похоже на греческія или римскія туники,— руки почти до плечъ обнажены. Талія перехвачена поясомъ (бронзовымъ), отъ котораго спускаются къ колѣнамъ ременные 2 пояска, украшенные бронзовыми частыми обручиками: эти пояска подымаютъ платье въ разрѣзахъ почти къ колѣнамъ и окончиваются дѣвичьими бубенчиками, ноги одѣты въ сандаліи, на рукахъ браслеты и кольца. Сойдя со скалы, она подходитъ къ водѣ, молча снимаетъ съ своей головы дубовый вѣнокъ и поетъ).

Разплетися... разплетися
Рутяный (*) вѣночикъ,
Ты развѣйся... разогнися
Зеленый дружочикъ...
Да..... да..... да.....
Зеленый дружочикъ....

(Сначала она обрываетъ листья съ вѣнка и бросаетъ ихъ въ море, потомъ вѣнокъ разрываетъ на части и бросаетъ туда же). Плывите, рутяные листочки, далеко, далеко..... Плывите туда, гдѣ мое красное солн-

(*) Она не помнитъ ничего и по этому все мѣшаетъ и называетъ по своему. Въ сохранившихся литовскихъ пѣсняхъ зачастую воспѣвается рутяной, и не какой либо другой, вѣнокъ. (Авт.).

це закатилось....... гдѣ на высокой горѣ онъ спитъ вѣчнымъ сномъ, подъ зеленымъ покровомъ.... Пристаньте къ тому бережку и съ нимъ повидайтесь.... его косточки поцѣлуйте.... Скажите ему, что я несчастная сирота.... Кто приголубитъ меня теперь, кто поцѣлуетъ меня, кто скажетъ мнѣ сладкое слово. кто принесетъ мнѣ пахучую розу, кто заколетъ мнѣ въ черную косу бѣлую лилію?..... *) (Подымаетъ глаза къ небу) О *Литува* милая *Литува!!* ты скрылась въ пространствѣ небесъ.... въ голубой лазури и счастье мое унесла съ собою.... О, пожалѣй меня несчастную вдову, сойди съ неба и возврати мое счастье... моего прекраснаго юношу... моего храбраго витязя изъ могильнаго кургана [опускается на колѣна]. Святая *Праурима*.... прости мнѣ.... вырви изъ меня мое бѣдное сердце!... [Увидѣвъ себя въ водѣ]. Ты говоришь?..... Что ты говоришь?... Ты прощаешь меня??..... Я увижу его?... [Кричитъ]. Я опять увижусь съ нимъ!!? [Эхо вторитъ]. Увижу!!!..... Увижу снова моего мужа!.... О, *Праурима*, какъ ты добра!.... Я сама пойду на встрѣчу къ нему; я обмою ему раны.... Я поплыву по морю.... нѣтъ, я птичкою полечу [поетъ].

«Птичкою порхну я, рѣчкою я кану.
«А кручину—горе,—унесу съ собою...
«Слезу ли увижу, иль черную рану,
«Осушу я слезы и рану обмою....

[Въ это время недалеко отъ берега проплываетъ лодка съ двумя рыболовами, которые приготовляются закидывать сѣти. Съ лодки несется пѣсня).

«За рыбами, за камбалами
«Мы поплыли въ море.
«Въ сердитый холодный вюръ
«Боже *Днивситисъ*, спаси насъ
«И нашу старую лодку».

[Плывутъ далѣе].

Ригальда [Поднимается и смотритъ на пловцовъ]. Это мой мужъ ѣдетъ!.... онъ плыветъ ко мнѣ?!.... [кричитъ] Борисъ мой!.... ко мнѣ. [Вздрагиваетъ отъ шума набѣжавшаго небольшаго вала и начинаетъ снова смотрѣть въ воду]. Нѣтъ! онъ не плыветъ.... Вонъ онъ гдѣ.... въ ужасномъ бою... Чу! какъ гремитъ и стучитъ браннымъ оружіемъ... Вездѣ текутъ ручьи крови.... Вонъ.... вонъ онъ на бѣломъ конѣ,

---

*) И розы и лилія воспѣваются въ литовскихъ пѣсняхъ. [Авт.].

рубитъ мечемъ!..... что?...,что это?... его ранили?... его... убили..... [Кричитъ]. Ахъ!... отдайте мнѣ его.... отдайте!...

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Ригальда и Бирута.

Бирута [Выходитъ на откосъ. На головѣ ея золотая діадема, украшенная жемчугомъ; къ діадемѣ прикрѣплены 2 кольца, въ которыхъ заплетена коса. На шеи нѣсколько рядовъ нитокъ жемчуга, на рукахъ золотые браслеты и кольца. Костюмъ ея изъ темной полосатой ткани, фасонъ его похожъ на костюмъ Ригальды. Подходя къ ней] Ригальда!.. за чѣмъ ты пришла сюда?...

Ригальда [Быстро оборачивается и увидавъ Бируту, падаетъ предъ ней на колѣна]. *Мильда*.... *Мильда!*.... Ты заронила въ мое сердцѣ пылающую головню!.... ты послала сына твоего крылатаго *Кауниса* уязвить стрѣлой мое сердце.... ты.....

Бирута. Ригальда, опомнись!....

Ригальда [продолжаетъ] ...должна отомстить *Кавасу* за смерть моего Бориса.... О сжалься *Мильда!*.... сжалься... пошли *Кауниса* за нимъ, за моимъ прекраснымъ юношей и храбрымъ витяземъ. Пусть онъ не воюетъ... Мнѣ не нужно ни золота, ни дорогихъ камней..... Мнѣ нуженъ онъ самъ, его жизнь и ласки....

Бирута [пожимая плечами] святая Праурима!.... спаси Ригальду, она совсѣмъ помѣшалась бѣдная...

Ригальда. Мильда!... прекрасная Мильда!.. Не разлучай меня съ моимъ Борисомъ!... Мнѣ разстаться съ нимъ нельзя.... ни какъ нельзя [показываетъ на сердце]. Вотъ здѣсь.... его залогъ любви.... [поетъ]:

«По камнямъ струится рѣчка *)
«Тихою струею....

Бирута. Ригальда!... бѣдная Ригальда!.... опомнись! я Бирута....

Ригальда [продолжаетъ пѣть].

«Ты о чемъ такъ горько плачешь
«Дѣвица надъ нею?....

*) Это пѣсня старинная литовская и передѣлана мною на русской языкъ. [Авт]

«Какъ мнѣ бѣдной безпамятной
«Не грустить жестоко?
«Я ношу кручину въ сердцѣ
«Тайно, одиноко...
«И отъ той кручины горькой...
«Нѣту мнѣ спасенья
«Кромѣ слезъ однихъ съ надеждой
«Тайнаго мученья...
«Я желаю чтобъ разсталось
«Тѣло бы съ душею.
«Чѣмъ бы онъ на вѣкъ разстался
«Съ бѣдною со мною!... [Перестаетъ пѣть и обвиваетъ руками ноги Бируты].

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣже и **князь Юрій.**

Князь Юрій. [На немъ славянской шлемъ. На верху боярскаго кафтана надѣты латы, чрезъ плечо на перевязи перекинута турецкая сабля, кафтанъ перевязанъ внизу латъ персидскимъ кушакомъ, шаровары зеленые, шолковые, сапоги желтые]. Пригоже ли молодой княжнѣ одной по берегу моря ходить!?...

Бирута [его тономъ]. Пригоже ли князю и храброму витязю подсматривать?...

Князь Юрій. Княжна! видитъ Богъ не подсматривалъ.... А такъ—раздумье меня взяло, когда я съ верху увидѣлъ твою милость съ этой полоумной [показываетъ на Ригальду]. Рѣчей то я вѣдь не разслышалъ, а вижу она больно мечется.... Думаю, долго ли до хрѣха-то, ужъ не топиться ли она задумала.... Такъ одной княжнѣ не справиться.... Дай пойду молъ провѣдаю....

Бирута. Князь! ты христіанинъ, я язычница, но законъ и вамъ и намъ запрещаетъ смѣяться надъ помѣшанными людьми...

Князь Юрій. Полно, княжна, не грѣши!.... у меня и въ умѣ—то не было охоты смѣяться надъ ней... Я вотъ уже почитай три недѣли здѣсь и каждый день ее вижу на этомъ мѣстѣ... одинъ разъ въ воду бросилась... насилу я ее вытащилъ.... Такъ до смѣху ли?!..

Бирута. Охъ, князь! велико ея горе.... Она прежде была міорянкой, вышла замужъ за одного боярина русина, Бориса....

Онъ былъ первымъ бойцомъ у тоего отца во всякой битвѣ... Вотъ ровно годъ тому назадъ какъ отецъ мой ходилъ на нѣмцевъ,—взялъ и его съ собой, но онъ оттуда не возвратился... его, какъ всѣ наши говорятъ,—убили ляхи, на которыхъ наткнулся мой отецъ.... Получивъ извѣстіе о смерти мужа, она сейчасъ же поступила въ вайделотки въ храмъ Праурима... Но не могла молитвой превозмочь свое горе и сошла съ-ума.... Другіе говорятъ, что его нѣмцы полонили и....

Ригальда. [Все это время внимательно слушавшая и смотрѣвшая на князя Юрія, встаетъ на ноги]. Ахъ!.... это ты Борисъ!... я узнала тебя.... Ты опять пришолъ ко мнѣ.... Гдѣ жъ твое копье?... Гдѣ жъ твой щитъ?.... Гдѣ твоя рана?—дай я ее обмою!.... [Приближается къ Юрію, который пятится].

Князь Юрій. Сердечная!....

Ригальда [стоитъ на одномъ мѣстѣ и долго всматривается въ Юрія]. Нѣтъ, это не Борисъ.... это не мой прекрасный юноша!... это гадкая собака изъ рижской псарни.... скверный хищный ястребъ нѣмецъ..... Это ляхъ.... убійца моего мужа.... О, погодите.... погодите, мы истопчемъ вашу польскую землю.... мы обмоемъ васъ, кровожадные ляхи... [Бросается на него съ кулаками].

Князь Юрій. Я не ляхъ и не нѣмецъ [Увертывается отъ нея] я русинъ.... витязь изъ дружины Кейстута...

Бирута [Удерживаетъ Ригальду]. Онъ идетъ искать твоего мужа.... И если не найдетъ, то отомститъ ляхамъ за смерть его.

Ригальда [къ Юрію] О, милой витязь!.... найди мнѣ моего Бориса.... Его убили.... Его нѣмцы бросили въ море... Вонъ туда [Указываетъ на море] ...Вонъ онъ лежитъ весь окровавленный.... Чу!.. онъ стонетъ.... зоветъ меня къ себѣ.... Иду, иду, мой прекрасный витязь! [Бросается въ море, Бирута вскрикиваетъ, а князь Юрій бросается за ней].

Князь Юрій [Выноситъ на рукахъ изъ воды Ригальду]. Вотъ, княжна, вѣрно самъ Богъ послалъ меня сюда на ея спасенье..... Другой разъ вытаскиваю ее изъ воды.

Ригальда [на рукахъ Юрія]. Борисъ... мой милый Борисъ!... Куда ты меня несешь?... На скалу вѣчнаго блаженства?...

Князь Юрій. Къ мужу....

Ригальда. Къ какому мужу?... У меня нѣтъ мужа... Его убили скверные латинцы [Несмотря на всѣ усилія князя Юрія удержать ее, она вырывается].

Бирута. Ригальда... мужъ твой ожидаетъ тебя тамъ [показываетъ на скалу] въ храмѣ святой Праурины... спѣши туда.

Ригальда [къ Бирутѣ]. О, Мильда!... добрая Мильда!.... ты возвратила моего прекраснаго юношу!.... Я пойду къ нему, я обовью его своими руками, я скажу ему сладкое слово, согрѣю ему грудь и сладко поцѣлую его. [Бѣжитъ на скалу). Иду... иду къ тебѣ мой мужъ! [напѣваетъ].

«Возвратилъ мнѣ моею юношу
«Миленькій крылатый божокъ Каунисъ.

(На половинѣ дорожки останавливается, долго смотритъ князь на Бируту и Юрія, начинаетъ дико хохотать, потомъ съ визгомъ и воплемъ, бѣжитъ на верхъ и скрывается отъ глазъ зрителя).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣже без **Ригальды.**

Бирута. Видишь князь.... сколько зла отъ любви—то?!.. Остерегайся, князь, этого жгучаго огня Мильды.... не люби ни кого, а то также будешь страдать!...

Князь Юрій (Послѣ молчанія). Такія рѣчи непристали къ молодой княжнѣ... Ихъ можно только слушать изъ устъ пожилыхъ старухъ.... А тебѣ княжна далеко—да еще какъ далеко-то до старухи!...

Бирута. Я только говорю, что огонь Мильды страшнѣе и жгучѣе всѣхъ огней.....

Князь Юрій. Вѣдаю княжна.... все вѣдаю.... Да вѣдь есть у насъ пословица: на всякой день не спасешься....

Бирута (Съ большимъ любопытствомъ) Ужъ не обжогся ли ты, князь?...

Князь Юрій (Махаетъ рукой и краснѣетъ) Такъ и быть, тебѣ княжна скажу, другимъ ни кому, матери родной не скажу,.. а тебѣ откроюсь..... Эхъ княжна! что ужъ отъ огня беречь того человѣка,который весь огорѣлъ давно!...

Бирута. Неужто?.... Бѣдный князь!

Князь Юрій. Да что много толковать!... Красна дѣвица ровно зельемъ какимъ меня къ себѣ приворожила.... Хожу какъ шальной днемъ—то, а ночью глазу не сомкну... все то мнѣ про нее думается, все мерещится... Только и полегчаетъ на сердцѣ, когда

ее увидишь, да словомъ и взглядомъ помѣняешься.... Прежде въ дальнихъ-то сторонахъ горевалъ, тосковалъ по своей родной сторонкѣ, а теперь и матушку забылъ, только и... (спохватившись)... Забудешь про все, какъ посмотришь на нее... (робко смотритъ на Бируту). Не даромъ ее Мильдой называютъ!.. Да что Мильда!.... Она красивѣе ее.... Я видалъ бронзовую Мильду и въ Трокахъ у князя, и у тебя, княжна, въ покояхъ, но моя красна дѣвица не въ примѣръ лучше ее. Видитъ Богъ не вру.

Бирута. Кто жъ эта такая твоя Мильда-то?

Князь Юрій. Нѣтъ, княжна, не скажу.... Гнѣвись не гнѣвись, а не скажу...

Бирута. Что такъ?! Или боишься за тайну... не бойся не выдамъ ее.

Князь Юрій. Ни кого и ни чего я не боюсь, а до поры до времени далъ зарокъ себѣ эту тайну довѣрять только моему булатному дружку (показываетъ рукой на мечъ).

Бирута. Да она здѣшняя?

Князь Юрій. Здѣшняя...

Бирута. Русинка или литвинка?

Князь Юрій. Ли..... Да на што тебѣ?

Бирута (Обезоруживаетъ его своимъ взглядомъ). Да, такъ!

Князь Юрій. Литвинка.

Бирута. Мірянка или вайделотка?

Князь Юрій. Все будешь знать,—скоро состарѣешься, княжна...

Бирута. Князь! я больше не буду докучать тебѣ разспросами... Отвѣть только—мірянка она, или вайделотка?

Князь Юрій. Мірянка... (Далѣе молчаніе. Взоры ихъ встрѣчаются и первый потупляетъ ихъ к. Юрій).

Бирута (Послѣ молчанія). А вотъ я, князь, ни кого не люблю, да и любить не стану....

Князь Юрій. Кто вѣдаетъ?... Можетъ такой случай придетъ и полюбишь... Сердце—то не камень.... Приглянется какой нибудь удѣльный князь и выдешь ты за него замужъ, и расцвѣтешь ты краше прежняго, и будешь ты ему дорога и мила.... А я.... я князь простой..... Въ ножнахъ булытный мечъ, да буйная головушка на плечахъ.... Есть и угодья около Городни.... да вѣдь угодья не удѣлы..... Одначе я съ тобою, княжна, заговорился, а тамъ—чай твой батюшко по всему замку меня ищетъ....

Прощенья просимъ, княжна красавица... За хлѣбомъ солью увидимся...

Бирута. Постой, князь!... Скажи ты мнѣ скоро ли придетъ самъ Кейстутъ.... и куда вы отъ насъ пойдете?

Князь Юрій. Да самого князя надо ждать либо завтра, либо послѣ завтра, а куда мы пойдемъ,—это о кромѣ его самого никто не знаетъ, не вѣдаетъ... У Кейстута и Ольгерда ужъ такой обычай ни кому не говорить, куда поведутъ свои дружины....

Бирута. Должно быть на нѣмцевъ, на этихъ коршуновъ....

Князь Юрій. Князь Кейстутъ меня послалъ съ передовой дружиной къ твоему батюшкѣ, велѣлъ мнѣ ему бить челомъ и просить, чтобъ онъ набралъ изъ своихъ жмудиновъ и литвиновъ вспомогательное войско... Больше мнѣ онъ ничего не говорилъ, не приказывалъ.... Полагать нужно, что на нѣмцевъ, а то кудажъ еще?.... На ляховъ, али на татаръ отъ Трокъ-то ближе...

Бирута. Ну дай вамъ Кавасъ счастія на войнѣ..... Я буду во весь вашъ походъ молиться нашимъ богамъ о скоромъ и благополучномъ возвращеніи..... Буду просить нашихъ боговъ, что бы наши дружины отомстили этимъ длиннохвостымъ ястребамъ за осаду Пилоны... Пусть тѣнь Германады выйдетъ изъ могилы и будетъ сопутствовать вамъ во всякой битвѣ..... Ступай, князь, ступай, а то и впрямь мой отецъ хватится тебя... Да и люди злые могутъ примѣтить насъ здѣсь..... Будутъ, пожалуй, говорить небылицы.....

Князь Юрій. (Не спускавшій все это время съ Бируты глазъ). Иду, княжна.... иду; только сама ты—то, да еще и одна, почто посѣщаешь такое пустынное мѣсто?....

Бирута. Скажи мнѣ, князь, сперва,—какъ зовутъ твою Мильду, и я скажу тебѣ зачѣмъ вышла на берегъ...

Князь Юрій. Нѣтъ, княжна, ни кому я имени ея не скажу—ни за жизнь.... Она и сама про то не провѣдаетъ.... И ей не скажу, а свою печаль—тоску сложу вмѣстѣ въ могилу съ моей головушкой....

Бирута. Для чего же ей объ этомъ не узнать?

Князь Юрій. Для того, что не слѣдъ мнѣ любить такую красавицу..... За нее и получше и богаче меня женихи сватались, да не захотѣла выходить замужъ ни за одного...

Бирута. Можетъ ей тѣ не по сердцу приходились!

Князь Юрій. Я не лучше ихъ и не знатнѣе, значитъ и толковать объ этомъ нечего..... Прощенья просимъ, молодая княжна (Кланяется въ поясъ и идетъ, но сдѣлавъ нѣскотько шаговъ, возвращется назадъ). Княжна, не гнѣвись на меня за то, что я тебѣ молвлю: оторви отъ лѣваго плечика маленькой кусочекъ золотыхъ позументовъ твоихъ и дай мнѣ....

Бирута. За чѣмъ тебѣ, князь?

Князь Юрій (Со вздохомъ). Да такъ... для памяти.... Можетъ быть на бранномъ полѣ умирать придется... такъ.... такъ (Голосъ его дрожитъ), все съ нимъ легче....

Бирута. Коли такъ мой позументикъ дорогъ для тебя, возми хоть всю оборку..... А можетъ вмѣсто позумента—колечко возмешь?... Оно для памяти—то лучше?.... Какъ думаешь ты, князь, объ этомъ?

Князь Юрій. Я и думать-то объ этомъ боюсь; да ужъ коли милость твоя есть на это, такъ подари колечко; можетъ съ нимъ счастливѣе въ бою буду....

Бирута (Снимаетъ съ своей руки одно толстое золотое колечко въ формѣ согнутой змѣи). А что скажетъ, какъ провѣдаетъ объ этомъ твоя Мильда? (К. Юрій молчитъ, Бирута подаетъ ему колечко). Прими, князь Юрій, это колечко.... золотую змѣйку..... Коли ты забудешь меня, то эта змѣйка засосетъ у тебя сердце и заставитъ вспомнить обомнѣ....

Князь Юрій (Забывшись). Тебя то не помнить, княжна?!.. Тебя то забыть?... Да вѣдь ты краше Миль... (Вспохватившись). Вѣкъ буду помнить!..... Да ужъ будь милостива—надѣнь сама на мою руку, твое колечко.....

Бирута. Изволь князь (Надѣваетъ кольцо ему на руку).

Князь Юрій. Спасибо тебѣ, княжна, за привѣтъ и ласковое слово... Сбасибо за колечко золотенькое..... Ни кто не вырветъ его изъ рукъ моихъ, ни кому не отдамъ его..... И самъ не сниму до могилы.... Беречь буду какъ душу свою, а въ бою будетъ оно щитомъ моимъ.... (Кланяется). Осчастливила ты меня, княжна, оживила.... И во снѣ—то объ этомъ подарочкѣ мнѣ не снилось... Спасибо тебѣ (Снова кланяется и идетъ).

Бирута (Вслѣдъ ему). Князь Юрій! (Онъ останавливается). По вѣковымъ обычаямъ русиновъ и литвиновъ, на всякой подарокъ должно отдаривать..... Вотъ и тебѣ слѣдуетъ меня чѣмъ нибудь подарить.....

Князь Юрій. Чѣмъ же тебя дарить-то, ужъ я право не при-

думаю; колецъ у меня нѣтъ, серегъ я не ношу,—монетъ у тебя и своихъ много..... Ужъ развѣ?....

Бирута. А вонъ что это у тебя, князь, на рукѣ-то, подъ рукавомъ кафтана, чернѣется?.....

Князь Юрій. Это матушкины четки.... Она надѣла мнѣ ихъ при прощаньи..... Да вѣдь ты ихъ не возмешь; на нихъ крестъ христіанскій есть....

Бирута. Дороги они для тебя?

Князь Юрій. Еще бы нѣтъ!..... Матушка моя во слезахъ мнѣ ихъ вручила.....

Бирута. Дай мнѣ ихъ.....

Князь Юрій (Колеблясь). Княжна! да для чего тебѣ они?.... Вѣдь носить ты не станешь ихъ, зане кресты на нихъ есть...

Бирута. Да вѣдь кресты—то твои не латинскіе?... Они съ твоей матери—русинки....

Князь Юрій. Извѣстно не латинскіе, а православные.... Д все равно, ты носить ихъ не станешь?.....

Бирута. Князъ Юрій! Отдавая тебѣ мое кольцо, я не спрашивала тебя будешь ли ты носить его или нѣтъ.... А мое кольцо тоже святой символъ.... Ты просто скажи, что тебѣ жалко съ четтами разстаться....

Князь Юрій. Эхъ, княжна! не вѣдаешь ты моего сердца!... Для тебя—то жаль?..... Да я для тебя готовъ жизнь свою отдать (Снимаетъ четки и отдаетъ Бирутѣ).

Бирута. Да ужъ и потрудись надѣть ихъ на мою руку.

Князь Юрій. (Надѣваетъ на правую руку Бирутѣ четки) Береги ихъ, княжна, не кидай.....

Бирута. Пока я жива, съ ними не растанусь.... Помру, положатъ со мной въ урну.... Ты пожалѣешь обо мнѣ, князь, когда я помру—то?

Князь Юрій (Тяжело вздыхая). Можетъ я раньше помру.... Жизнь—то за горами, а смерть за плечами.... Наше дѣло ратное. того и гляди что убьютъ....

Бирута. Съ моимъ кольцемъ не убьютъ.... Кольцо это завѣтное.... Только ты, князь Юрій, когда сюда опять воротишься, приди на другой день рано утромъ навѣстить это мѣсто,—тогда я тебѣ скажу, за чѣмъ я сюдя теперь приходила....

Князь Юрій. А я тебѣ тогда скажу, какъ зовутъ мою Миль-

ду, только дай Христосъ живому воротиться..... Ну дай Богъ тебѣ, княжна, милости господней и добраго здоровья.... Прощай....

Бирута. Прощай, Юрій. (Князь Юрій, поклонившись, уходитъ, Бирута провожаетъ его глазами).

ЯВЛЕНІЕ 5 е.

Бирута *одна*.

Бирута. (На глазахъ ея навертываются слезы,—потомъ она поспѣшно снимаетъ четки и страстно цѣлуетъ ихъ, прижимая къ сердцу). Ахъ Юрій.. Юрій!.... Какъ я люблю тебя!... (Надѣваетъ снова четки и задумывается). Много я видала разныхъ витязей, а ни къ кому такъ сердце не льнуло, да и какъ не льнуть—то!.... Роду знатнаго, изъ себя статенъ, пригожъ... Рѣчи такія скромныя... Стыдливъ—словно красная дѣвица! Чуть немножко кто что скажетъ непристойнаго, у него сейчасъ щеки зардѣются розовымъ цвѣтомъ.... (Вздыхаетъ). Я то догадалась, что я люба тебѣ, Юрій; ты то догадался ли, что мнѣ ты милъ,—что я тебя люблю, что ты мое счастье?! Нѣтъ не догадался!?... А можетъ и догадался, да побоялся сказать мнѣ!?.. (Поднимаетъ благоговѣйно глаза къ небу). Ты грозный, и добрый (поднимаетъ руки вверхъ) властитель всего міра, отецъ нашъ *Пратжу!* Услышь мои мольбы! Если твое предопредѣленіе о моемъ существованіи написано тобой на моемъ житейскомъ камнѣ,—то покоряюсь безропотно твоей волѣ, и если Юрій вернется съ бою здоровый,—то не посмотрю ни на кого и выйду за него замужъ..... Но если... если (голосъ ея дрожитъ). Кавасъ похититъ у меня Юрія,—то клянусь тобой, нашъ *Працжу*, что всю свою жизнь я посвящу (Обращаетъ взоры на скалу, гдѣ стоитъ храмъ Праурима) тебѣ святая Праурима и сдѣлаюсь вайделоткой..... Еще съ дѣтскихъ лѣтъ я полюбила тебя,—я привязалась къ тебѣ боготворимая дѣва.... Давно ужъ мнѣ хотѣлось сдѣлаться вайделоткой... я отказала многимъ женихамъ. Но явился витязь и заполонилъ мое сердце..... Прости мнѣ, святая Праурима, прости за то, что полюбила христіанина..... (Молчаніе, послѣ котораго тихою поступью идетъ къ скалѣ, гдѣ видно углубленіе, возлѣ котораго лежитъ большой камень. Дойдя до него, она оглядывается на всѣ стороны, потомъ срываетъ съ кустика нѣсколько листочковъ и беретъ горсть земли: все это кидаетъ въ углубленіе). Земля наша мать... Земля родительница хлѣба и цвѣтовъ... (Беретъ маленькій камень и стучитъ по большому).

Голосъ изъ углубленія. Земля наша мать..... Земля родительница хлѣба и цвѣтовъ....

Бирута. Бѣлаго свѣта немного.... И я пришла къ тому, кто живетъ въ немъ!

Голосъ изъ углубленія. Кто нарушаетъ святой покой боговъ нашихъ? Кто выкликаетъ меня? Дочь солнца, мѣсяцъ или денница, или вечерница?

Бирута. Ни дочь солнца, ни мѣсяцъ, ни денница и вечерница, а княжна Бирута.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Бирута и Сигинота.

Сигонота (*). (Выходитъ изъ углубленія. Одѣтъ онъ до колѣнъ въ звериныя кожи, подпоясанъ бѣлымъ поясомъ,— на головѣ такая же повязка). Боги наши всегда милостивы къ тебѣ, прекрасная княжна Бирута.... Повѣдай мнѣ, чего ты хочешь отъ нихъ?

Бирута. Я хочу знать предопредѣленіе святаго *Прамжу*, о ратномъ походѣ литовскаго князя Кейстута съ моимъ отцомъ на нѣмцевъ— и помолиться Кавасу о его къ намъ милости.

Сигоната. Похвально молодой княжнѣ обращаться во всемъ къ богамъ нашимъ... Они любятъ тебя и твоя молитва будетъ для нихъ угодна.... Обожди, княжна, я пойду и надѣну вѣнокъ дубовый, окроплюсь водой небесной и спрошу нашихъ боговъ... (Уходитъ).

Бирута. Святые Боги! внемлите моему моленью (говоритъ что то про себя, потомъ продолжаетъ громко). О, Кавасъ!... Кавасъ! умножъ литовскую нашу силу—своимъ присутствіемъ въ бою.... Гдѣ ты, тамъ нѣтъ непріятеля..... Сохрани отъ стрѣлъ и мечей непріятельскихъ моего Юрія........

Сигонота (Выходитъ изъ углубленія. На головѣ его дубовый зеленый вѣнокъ, на правой рукѣ онъ держитъ кольцеобразно обвившуюся змѣю). Княжна!... Боги требуютъ очистительной жертвы....

Бирута (Немного подумавъ, снимаетъ одну нитку жемчуга съ шеи и подаетъ ему). Прими....

Сигонота (Беретъ). Добрая княжна! прекрасная княжна! твоя

(*) Сигонота—жрецъ—отшельникъ (Авт.)

жертвы всегда велики, но и велики къ тебѣ милости нашихъ боговъ (Уходитъ).

Бирута (Задумывается). Что какъ убьютъ его?!... Какъ обломается его мечъ или иступится?!.. И пробьютъ ему латы проклятые нѣмцы........ Разрубятъ ему грудь бѣлую—могучую, и изойдетъ онъ кровью... и померкнутъ, закроются его очи ясныя и.... (Вздрагиваетъ). Ахъ!... Нѣтъ... нѣтъ!... Святые Боги! Умилосердитесь!... охраняйте моего Юрія..... Пусть онъ вернется опять сюда.... ко мнѣ.....

Сигонота (Выходитъ изъ углубленія). Боги изрекли волю святаго Прамжу: ратный походъ благополучно кончится для Кейстута; много падетъ у насъ воиновъ, еще больше у нѣмцевъ, много нашихъ воиновъ попадутся въ плѣнъ къ нѣмцамъ, а больше того ихъ къ намъ..... Но великое горе постигнетъ наше войско, нѣмцы убьютъ одного нашего храбраго витязя—русина.

Бирута (Съ сильнымъ безпокойствомъ). Кого?... Какъ его имя?

Сигонота (Протяжно). Юрія.....

Бирута (Вскрикиваетъ). Ахъ!.. (Опускается на камень). Юрій... Это онъ!.... Охъ!... Легче бы мнѣ было, когда бы Перкунъ своей стрѣлой прошибъ мнѣ сердце и всю меня превратилъ бы въ глину, чѣмъ слышать такое зловѣщее предсказаніе..... (Въ слезахъ). Святой Прамжу! Ты видишь мои слезы! Ты слышишь стонъ моего сердца.... Я молюсь къ тебѣ, услышь мою молитву; измѣни твое предопредѣленіе на житейскомъ камнѣ Юрія.... Повели Кавасу охранять его на ратномъ полѣ.... О, сжалься! возврати Юрія съ поля битвы живымъ и невредимымъ... (Къ Сигоноту). Молись и ты, святой отшельникъ... молись!... Твоя молитва слышнѣе нашей.

Сигонота (Спокойно). Княжна! я буду молиться за христіанина, если позволятъ наши боги.... Пойду въ угоду тебѣ провѣдаю (Уходитъ— Бирута склонившись на камень тихо плачетъ. Выходитъ Сигонота). Прекрасная княжна, добрая княжна! Боги тронуты твоими слезами и будутъ слушать мою молитву.... Но Кавасъ и Пеклосъ требуютъ жертвы...

Бирута. О, боги! возмите все... возмите мою душу, только спасите его (снимаетъ еще нитку жемчугу). Вотъ возми Кавасу жемчугасъ (*) (отдаетъ жемчугъ, потомъ снимаетъ кольцо и подаетъ). А это отдай Пеклосу...

(*) По-литовски— Жемчугасъ— значитъ жемчугъ.

Сигонота. Ты, княжна. даешь много жертвъ, но боги тоже не безъ милости (уходитъ)-

Бирута. О, Прамжу!... Прамжу! Зачѣмъ ты далъ людямъ сердца? Отчего они любятъ?... страдаютъ?... умираютъ?... Отчего ты не вложилъ человѣку въ лѣвый бокъ вмѣсто трепещущаго кусочка тѣла глиняной горшокъ, неспособный ни любить, ни страдать?!...

Сигонота. (Выходитъ). Княжна прекрасная! наши боги выслушали мою молитву и жертву твою любовно приняли, только Поклосъ требуетъ еще жертвы, онъ хочетъ, что бы ты отдала ему свои четки, которыя далъ тебѣ князь Юрій....

Бирута. (Встаетъ и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ отъ камня). Отдать четки?!?.... Нѣтъ не отдамъ!.... Пусть онъ *ненасытный* пошлетъ на меня язву, пусть уморитъ меня!.... Пусть все его подземное царство нападетъ на меня, а четокъ я ему не отдамъ.... Онѣ дороже мнѣ жизни!....

Сигонота. (Смиренно). Но не дороже самого Юрія!... Пеклосъ того требуетъ, и ты должна ему пожертвовать; тогда Юрій живъ будетъ, а если нѣтъ, то....

Бирута. (Съ лихорадочной поспѣшностью снимаетъ четки и отдаетъ Сигонотѣ). О, если такъ, возми, возми ихъ для жертвы Пеклосу,— пусть только онъ хранитъ моего Юрія отъ всякихъ несчастій и болѣзней.

Сигонота. Добрая княжна! ужели ты думаешь, что боги, принявъ такія обильныя жертвы, останутся глухи къ твоимъ мольбамъ? Они милостивы къ тебѣ и прощаютъ тебя за любовъ къ христіанину.... Повѣръ мнѣ, княжна, что Юрій возвратится съ ратнаго поля невредимымъ....

Бирута. Я принесу еще богатыя жертвы богамъ нашимъ. только пустъ твои слова исполнятся на дѣлѣ.

Сигонота. Эти слова не мои. а боговъ нашихъ.... Вѣрь имъ, прекрасная княжна!....

Бирута. О, вѣрю, вѣрю и буду молиться имъ. и ты молись святой отшельникъ.... Твои молитвы чисты, какъ небесная лазурь.

Сигонота. И за тебя, и за весь вашъ славный родъ молюсь'я ежедневно.... Иди, княжна, и не кручинься..., Да будетъ надъ тобой благословеніе святой Праурими (Скрывается).

Бирута. (Послѣ долгово молчанія). На сердцѣ сдѣлалось не то отрадно.... не то грустно.... а такъ что то.... никогда еще со мной

этого не было.... Бьется оно не шибко и не тихо.... И такъ легко сдѣлалось, пріятно!.... И въ воздухѣ словно разлитъ запахъ розы.... И лазурное небо такъ чудно сливается съ моремъ... (Задумывается). Пойте живѣе, веселыя птички!.... Мнѣ теперь пріятнѣе, чѣмъ когда либо ваше пѣніе.... Я полюбила.... я люблю, я люблю... Ты лучезарное свѣтило — жизнь наша! освящай путь моему Юрію и будь моею матерью; потому что у меня нѣтъ матери, она давно спитъ въ зеленой могилѣ.... (Окидываетъ взоромъ всю окрестность). Вонъ тамъ горитъ отецъ нашъ *Зничъ* (Показываетъ на скалу, гдѣ храмъ Праурими). Это сынъ твой,— жгучее солнце, — я поспѣшу къ нему, поклонюсь священному огню и святой дѣвѣ Праурнмѣ. (Идетъ на скалу и скрывается).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Сигонота *одинъ*.

Сигонота. (По уходѣ Бируты выходитъ изъ углубленія, безъ вѣнка и тіи, осматривается). Ушла?!... Если бъ боги наши и въ самомъ дѣлѣ были богами, — задали бы они мнѣ славную трепку!... Не дурачь—молъ людей.... Вотъ теперь княжна вѣритъ, что все сказанное мною сказали боги!.... А боги то хоть на дыбы ихъ ставь,— хоть батожьями лупи,—словечка не промолвятъ. вѣть они чурбаны.... Да, княжна повѣрила! И какъ не повѣрить, когда я и о князѣ Юріѣ ей сказалъ.... Почемъ она знаетъ, что весь ихъ разговоръ я подслушалъ?!... А четки славныя!... Должно быть не дешево стоятъ!.... Завтра непремѣнно пошлю своего Зидригайлу къ русину— что живетъ на посадѣ,—промѣнять на *алусъ*, а у насъ же его немного осталось.... А княжна теперь сюда повадится часто... Придется мнѣ поразвѣдать о князѣ Юріѣ хорошенько отъ его русиновъ, что съ нимъ пришли,—они часто сюда ходятъ купаться, — да такъ напѣть въ уши княжнѣ, чтобы весь ея жемчугасъ перешелъ ко мнѣ, (Улыбаясь) для жертвы.... А что жъ такое и самъ Криве-Кривейто? Такъ же плутуетъ и надуваетъ, какъ и мы грѣшные.... Однако пойдти припрятать свои жертвы подальше... да выпить кружечку алусу. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Сцена нѣсколько минутъ пуста, потомъ входятъ воин. к. Юрія, — русины и нѣсколько литвиновъ.

1-й Русинъ (напѣваетъ).

»Ой ты ноченька (*)
»Ненаглядная,
»Что же ты милая
»Невеселая? (перестаетъ пѣть).

Игнатій.—Попробуй сперва— на перво, холодна вода или нѣтъ?

»Ой темная ноченька
»Дай невидная,
«Ой штосъ моя милая
»Невеселая (и проч.)

Игнатій (Подходитъ къ берегу нагибается и опускаетъ руки въ воду). Охъ братцы,— вода что твой ледъ......

2-й Русинъ Ильинъ день почуяла.

Игнатій. Еще до Ильиняго глаза вытрещишь.

1-й Русинъ. Ну что онъ, братцы, будетъ купаться или нѣтъ?

Игнатій. Кто хочетъ полѣзай въ воду, а я не пойду.....

3-й Русинъ. И я тоже..,

1-й Русинъ. Да ужъ и я съ вами на бережку посижу....

4-й Русинъ. Здѣсь, братцы, вѣтеръ продуваетъ, отъ того, можетъ, и вода холодная.... Пойдемте вотъ туда, тамъ, можетъ, посѣдите.

Игнатій. Иди коли хочешь, а мы здѣсь помѣшкаемъ.

4-й Русинъ. Ну! братцы, кто со мной?.. Пойдемте. (уходитъ на лѣво по берегу, за нимъ слѣдуютъ нѣсколько русиновъ и литвиновъ.— 1-й, 2-й, 3-й, Игнатій и литвинъ, остаются на мѣстѣ и садятся на траву).

1-й Русинъ. Экой, братцы, красивой видъ— отъ— на море то.... Не въпримѣръ лучше трокскаго...

Игнатій. Воно что сказалъ!... Знамо дѣло лучше... Кто жъ про это не вѣдаетъ?.. Вѣдь *Гальва* (**) то не море... Такъ точь.

(*) На бѣлорусскомъ нарѣчіи она начинается такъ— (авт.)

(**) Озеро въ Трокахъ.

3-й Русинъ. А что, братцы, долго мы еще здѣсь простоимъ?

2-й Русинъ. А Христосъ вѣдаетъ... Покудова самъ Кейстутій не придетъ....

Игнатій. (къ литвину). Что призадумался, пригорюнился?... Ань по молодой женѣ закручинился?..

Литвинъ. Отстань!...

Игнатій. Отстань... отстань! нѣтъ не отстану, ты доскажи перво— на перво— сказку объ ужѣ,— тогда и отстану...

2-й Русинъ. И то, братецъ, доскажи, мы послухаемъ...

3-й Русинъ. Ну, а ты не ломайся... Да сказывай, а не то погоди!... ей ей во всемъ твоемъ звѣриномъ облаченіи выкупаю..,

1-й Русинъ. Не тронь его... онъ и такъ раскажетъ...

Литвинъ. Коли слушать, такъ слушайте... А перебьете, такъ я и разсказывать не стану...

Всѣ } Хорошо... ладно... не перебьемъ.

Литвинъ. „Ну вотъ только, это самая дѣвица-то называлась Еглѣ (*) и пошла она разъ съ сестрами купаться въ озеро. Только это дѣло было къ вечеру, и ужъ солнце зашло. „Вотъ, накупавшись въ волю, онѣ вышли на берегъ, стали надѣвать рубашки; тутъ Еглѣ какъ закричитъ, да побѣжитъ отъ „рубашки,— сестры-то ее и спрашиваютъ: за чѣмъ ты кричишь! „Что случилось? А она имъ на это: вонъ посмотрите, сестрицы „мои милыя, въ рукавѣ-то моей рубашки забрался *Жалтисъ* (**). „Сестры схватили рубашку и начали вытряхивать его оттуда, бились, бились, а Жалтисъ все въ рукавѣ... Что дѣлать? Какъ „быть? Какъ достать рубашку?... Въ это время изъ рукава показывается голова его и говоритъ: выйду самъ изъ рубашки, „коли ты согласишься быть моей женой; только сестры то Еглѣ— „и говорятъ ей, дай ему слово... дай... все равно, говорятъ, онъ „же на тебѣ не женится... Еглѣ дала слово. Жалтисъ послѣ „этого выползъ изъ рубашки и ушелъ въ озеро... Пріѣхали всѣ „сестры домой.... пріѣхали тоже вслѣдъ за ними три Жалтиса въ „корыткѣ... и говорятъ родителямъ Еглѣ:— Жалтисъ прислалъ „насъ за невѣстой.“ (Въ это время Сиголота выходитъ незамѣтно для другихъ изъ углубленія и спускается къ нимъ).

(*) Ель.
(**) Ужъ.

Литвинъ. (продолжаетъ) „Родители Еглѣ и такъ и сякъ... не „знаютъ что дѣлать, мотаютъ головою да и только.... Только на „эту пору случилась тутъ сосѣдка старуха. Дайте вы, говоритъ „она, вмѣсто дочери бѣлую овцу... Ничего, говоритъ,— Жал-„тисъ не узнаетъ...

Сигонота. Храбрымъ воинамъ... славнымъ витяземъ... добрымъ людямъ... низко кланяюсь (кланяется).

Всѣ русины. Добро пожаловать....

Литвинъ. (плюетъ съ досады) Да этакъ и въ вѣкъ не кончишь...

Сигонота. Вы, неустрашимые воины,— краса и цвѣтъ нашей земли,— отъ Кіева и до нашего моря, куда теперь путь держите?

2-й Русинъ. Не вѣдаемъ,— куда поведутъ воеводы.

Сигонота. А сами-то вы витебляне или, полочане, или кіевляне?

2-й Русинъ. Изъ Трокскаго воеводства.... Кейстутіева удѣла.

1-й Русинъ. Недалеча, отъ Городни...

Сигонота. А воевода— то вашъ кто такой?

2-й Русинъ. Князь Юрій...

Сигонота. Тоже изъ вашихъ мѣстъ?

2-й Русинъ. Да....

Сигонота. Кого же онъ тамъ оставилъ: жену ли, мать, или отца?

2-й Русинъ. Мать.... Да ужъ она дома-то не живетъ, потому удалилась отъ міра сего суетнаго въ монастырь.... который сама построила.... игуменьей теперь сдѣлалась.

Игнатій. А ты кто самъ— отъ?

Сигонота. Да вотъ.... живу я на посадѣ...

Игнатій. Ни разу не видалъ тебя я тамъ (слышенъ рожокъ).

1-й Русинъ. Чу! ни какъ рожокъ? Игнатій! поди на гору— провѣдай.... что такое.

Игнатій. И то провѣдать.... Ужъ не нѣмцы ли?

2-й Русинъ. Толкуй тутъ— нѣмцы.... Ихъ сюда теперь и калачомъ не заманишь....

Игнатій. (кричитъ сверху). Ухъ, братцы! какая пыль отъ лѣсу столбомъ идетъ,— страсти!...

1-й Русинъ. Это— гляди— что самъ Кѣйстутій идетъ.... (Снова слышится звукъ рожка и въ отдаленіи другой).

2-й Русинъ. Ну— наши и есть....

Игнатій. Наши, наши!... Вонъ и самъ князь Кейстутій на бѣломъ конѣ... А знаменъ то бѣлыхъ сколько... видимо невидимо!... Братцы, пойдемте!... кричите тѣмъ-то (махаетъ рукой и скрывается).

3-й Русинъ. (кричитъ купающимся). Гей.... вы!... слишите, или нѣтъ?... Князь Кѣйстутій съ дружиной пришолъ, идите скорѣй...

Голосъ изъ за кулисъ. Ладно... слышимъ...

2-й Русинъ. Ну— пойдемте, братцы... Коней для бояръ нужно готовить, глядикось завтра въ путь пойдемъ?...

3-й Русинъ. Да, пожалуй, что такъ... (Уходитъ).

Сигонота. (Одинъ) А можетъ Выдымундъ приведетъ самого князя Кейстута ко мнѣ, для бесѣды съ богами?!— Ничего, пускай придутъ, да богатыхъ жертвъ принесутъ... Отвѣтимъ за боговъ на славу!... (Уходитъ).

(Конецъ 1-й картины).

Вторая картина.

Палата князя Выдымунда.

Стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расписаны фресками, въ нѣкоторыхъ убраны головами медвѣдей, волковъ и другихъ звѣрей.—Навѣшано оружіе, скамьи возлѣ стѣнъ обиты парчевой тканью. Длинные столы идутъ глагогемъ—на нихъ уставлены разныя явства и напитки.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Кейстутъ, Выдымундъ, Кн. Юрій. *Князья. Бояре. (Русины и литвины). Дѣти боярскія. Григорій Русинъ и Соколъ.*

Кейстутъ. (Встаетъ изъ за стола, всѣ слѣдуютъ его примѣру). Ну, за хлѣбъ—за соль, добрый, гостепреимный хозяинъ (Кланяется Выдимунду)

Выдымундъ. На доброе и драгоцѣнное здоровье твое, король *). (Низко кланяется). Да ужъ соизволь послѣ хлѣба и соли отвѣдать малвазіи; нарочно для тебя, король, берегъ. (Подноситъ Кейстуту кувшинъ и чашу).

Кейстутъ. (Наполняетъ чашу). Пусть твой домъ, Выдымундъ, будетъ всегда полонъ богатствомъ и счастіемъ, какъ эта полная чаша..... Пусть замокъ твой будетъ полонъ радости и веселья, когда мы возвратимся съ ратнаго поля.... И пусть будетъ пусто во всѣхъ нѣмецкихъ твердыняхъ также, какъ въ этой чашѣ (выпиваетъ ее и пустую чашу ставитъ на столъ).

Выдымундъ. Пусть желаніе твое дойдетъ до слуха нашихъ боговъ. (Кланяется).

Кейстутъ. (Къ кн. Юрію), Что, князь, чай заждался меня? Небось соскучился?

Князь Юрій. Заждался, король и соскучился.... Да и ратники пригорюнились.... Три недѣли вѣдь не три дня...

Кейстутъ. Ну, не кручинься князь!... Скоро дѣло будетъ. (Обращаясь къ Выдымунду). Сколько же у тебя, Выдымундъ, наготовѣ ратниковъ теперь?

Выдымундъ. Жмудиновъ тысячъ до трехъ, да литвиновъ тысячъ до двухъ, да русиновъ до пятисотъ....

Кейстутъ. А мнѣ сдавалось, что у тебя, Выдымундъ, русиновъ то не много?...

Выдымундъ. Есть, король, есть таки.... молодцы добрые...

Кейстутъ. У меня въ дружинѣ почитай въ два раза больше русиновъ, чѣмъ литовцевъ, а Ольгердова такъ, почитай, и вся изъ русиновъ.

Выдымундъ. Дивиться тутъ нечему... У тебя, король, половина подданныхъ изъ русиновъ, а у Ольгерда, почитай, всѣ русины, полочане, витебляне, кривичи, кіевляне, да всѣхъ и не перечтешь.

Кейстутъ. (Ко всѣмъ). Ну, мои славные и храбрые витязи, мы поотдохнули..... хлѣбомъ солью заправились.... Теперь пора въ

*) Ольгерда и Кейстута за частую величали подданные титломъ короля.

путь дорогу..... Велите готовиться, да сѣдлать коней, я скоро выйду (Къ Соколу). А ты, Соколъ,—соколикъ мой ясный, осѣдлай *воронова*, а не *бѣлова*... ну, съ Богомъ!... Заночуешь гдѣ придется..... Лишь бы ближе къ мѣсту быть...

(Всѣ уходятъ, исключая Григорія русина и Выдымунда).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Кейстутъ, Выдымундъ *и* Григорій.

Выдымундъ. Что жъ, король, на дорожку-то еще выкушай малвазіи. (Подноситъ кувшинъ и чашу).

Кейстутъ. (Наполняетъ чашу и пьетъ). Хороша твоя малвазія, а у меня въ Трокахъ еще лучше есть.... Ну—пей самъ....

Выдымундъ. (Наливаетъ чашу). Пусть жизнь твоя король, будетъ полна добрыми дѣлами.... Пусть всякій ратный твой походъ на ливонцевъ, меченосцевъ, ляховъ, татаръ — будетъ полонъ счастливыми побѣдами. Пусть жизнь твоя будетъ долголѣтна и безпечальна..... Да пошлютъ наши боги тебѣ, король, добраго здоровья. (Пьетъ).

Кейстутъ. Пусть боги услышатъ твои слова!... (Къ Григорію). Что ты такъ насупился; или нѣмецкую погань почуялъ?... Трусить началъ?!...

Григорій. Съ тобой, мой король, мнѣ нечего пужаться... Я не трусъ.... Хотя и не бывалъ въ бояхъ я ратныхъ, а за тебя головушку сложу.... Вотъ самъ увидишь...

Кейстутъ. Молодъ больно храбриться-то.... Ну да ужъ покажи себя; убить тебя я не дамъ никому.... а трусовъ не люблю...

Григорій. Нашъ весь родъ, король, трусами не былъ... рускіе похрабрѣе литовцевъ будутъ и были...

Выдымундъ. Молокососъ!...

Кейстутъ. Не замай его, Выдымундъ; я люблю такихъ удаль-

цовъ.... Вѣдь даромъ что молодъ, а меня изъ подъ медвѣдя отъ смерти спасъ....

Выдымундъ. Неужто?... Святые боги!

Кейстутъ. Не далеча отсюда пошелъ я въ лѣсъ со стоянки, взялъ только его, и забрались мы въ такую глушь — да чащу, что солнца не видать.... Идемъ, идемъ, а лѣсъ все густѣе дѣлается... Только слышу не далече отъ меня захрустѣлъ сухой молодяжникъ подъ чьими то ногами, обернулъ я голову-то въ ту сторону, смотрю, медвѣдь въ трехъ шагахъ отъ меня, я было за мечъ... Куда — тебѣ! медвѣдь ужъ сталъ на заднія лапы и бросается на меня..... Дѣваться, отскочить мнѣ некуда, вокругъ сплошной лѣсъ, ну, думаю, пришла вѣрно смерть..... Ни разу не робѣлъ, а тутъ сробѣлъ, въ глазахъ зарябило, далѣе, не помню нечего..... Только слышу звукъ рожка и страшный ревъ медвѣдя... Тутъ я очнулся, гляжу медвѣдь валяется около моихъ ногъ въ крови и блажью ревет, а онъ-то (показываетъ на Григорія) трубитъ въ рогъ, да самъ *мачугой* по бошкѣ его валяетъ.... Онъ, видишь, князь, зазвѣздилъ его на первый разъ въ самое тѣмя....

Выдымундъ. Хвала тебѣ, молодой витязь!... Ты спасъ того, кого боятся и страшатся многіе народы... Король! это хорошее предзнаменованіе....

Кейстутъ. (Улыбаясь). Ужъ не спасетъ ли онъ и отъ нѣмецкой погани?.... Не даромъ сыномъ теперь его я величаю (Къ Григорію). Одинъ ты сходи теперь къ князю Юрію, отдай ему изъ повозки этого медвѣдя, и пусть князь снесетъ въ божницу Прауримы и отдастъ тамъ привратницѣ — для жертвы, боготворимой дѣвѣ, отъ Кейстута....

Григорій. (Кланяясь). Иду, король. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Кейстутъ *и* Выдымундъ

Кейстутъ. (По уходѣ его). Лихой будетъ вытязь...

Выдымундъ. Какъ счастливъ ты, король, что имѣешь столько

такихъ молодцовъ подданныхъ!... Вотъ тоже и князь Юрій,— просто душа радуется за него... Виднѣе и знатнѣе всякаго магистра....

Кейстутъ. Да, князь Юрій, молодецъ во всемъ, и отецъ его такой же былъ.... Я помню еще при батюшкѣ, моемъ родителѣ Гедиминѣ, бились мы съ ляхами и князъ Иванъ отецъ Юрія врѣзался въ средину къ нимъ и бился такъ, что сотни ляховъ не могли одолѣтъ одного.... Мы подоспѣли и выручили.... Славный былъ воинъ, сынъ Юрій весь въ него....

Выдымундъ. Уменя тоже былъ славный боецъ русинъ Борисъ, да тоже съ ляхами въ бою пропалъ безъ вѣсти.... Кто говоритъ, что его убили, а кто, что взяли въ плѣнъ.

Кейстутъ (Послѣ молчанія). Что жъ ты, князь, не пожаловалъ на свадьбу къ брату Ольгерду въ позапрошлое лѣто? Вѣдь къ тебѣ гонецъ былъ посланъ.

Выдымундъ. Не во гнѣвъ тебѣ, король, будетъ сказано.... Не охочъ я на пирахъ-то бывать, да и дома-то некого было оставить: нѣмецкая погань провѣдала бы, что меня нѣтъ, ну и бѣда.... Нагрянула бы со всей своей силой.

Кейстутъ. А пировали славно.... И гостей было много

Выдымундъ. Что тутъ дивнаго!.... роду она знатнаго; чай тверитянъ много было?...

Кейстутъ. Много.... веселый народъ тверитяне.... только сама-то Ульянея больно угрюма.... только и знаетъ, что молится *въ церкви, что въ верхнемъ замкѣ* *) на горѣ въ Вильнѣ..... Ужъ нынче зимой сынъ родился.... Теперь два имя носитъ... наше и христіанское....

Выдымундъ. Неужто окрестили?!

Кейстутъ. Окрестили..... Да это маленькой, пусть его, а вотъ какъ самъ братъ Ольгердъ объявитъ себя христіаниномъ.... да какъ прогонитъ самаго Криве-Кривейто!...

Выдымундъ. Святые боги!

Кейстутъ. А до этого, пожалуй, дойдетъ дѣло.... Я самъ видѣлъ какъ братъ подходилъ къ кресту и цѣловалъ его.... Только ты помалчивай!..

Выдымундъ. Король! кому мнѣ говорить?.... Да и что за дѣло кому вмѣшиваться въ королевскія дѣла!... Видно того требуютъ дѣла.... Подданные то русины....

*) Развалины ея и въ настоящее время видны въ Вильнѣ.

Кейстутъ. Не латинцы, а православные.... Вотъ противъ латинцевъ-то я мечъ бы свой обнажилъ..... Ну да ужъ отплачу я этимъ крестоносцамъ по своему!....

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣже и **Григорій.**

Григорій. Все сдѣлано, какъ ты приказалъ, король... Князь Юрій отдалъ медвѣдя въ эту.... эту... какъ ее?... забылъ!..... Хотѣлъ зайти къ тебѣ за чѣмъ то....

Кейстутъ. Ладно.... Ну, Выдымундъ, пора въ дорогу, прощайся со своими, прикажи слугамъ, что нужно, да съ Кавасомъ и въ путь.

Выдымундъ. Не замѣшкаюсь, король. (Хлопаетъ въ ладоши.— входитъ постельничій Выдымунда).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣже и **Постельничій.**

Постельничій. (Низко кланяется). Почто звать изволилъ, нашъ добрый князь?!

Выдымундъ. Мнѣ лошадь осѣдлана?

Постельничій. Осѣдлана давно, князь; ее ключникъ у воротъ держитъ.

Выдымундъ. А конюхи гдѣ?

Постельничій. Конюхи съ кибитками возятся, да боярскихъ лошадей оглядываютъ...

Выдымундъ. Ну—смотри хорошенько за караульными и за самимъ ключникомъ и старостой... Всѣ ворота чтобы всегда были заперты, мосты подняты.... Развѣ только что нужно будетъ до по-

сада или до посадскихъ, пускай отопрутъ, а чужого ни кого не впускать.... Я на тебя больше всѣхъ полагаюсь.... Около покоевъ моей дочери на ночь ставить двойную стражу.... Въ храмъ Прауримы провожать ее оставшимся латникамъ.... Хорошенько молите боговъ нашихъ о счастливомъ походѣ.... Каждый день приносите въ жертву Кавасу и Пеклосу по барану.... подай мнѣ щитъ и шлемъ. (Постельничій подаетъ). Подай мечъ. (Подаетъ).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣже и **Князь Юрій.**

Князь Юрій. (къ Кейстуту). Король! какъ ты соизволилъ приказать мнѣ, такъ я и сдѣлалъ. Жертву приняли и благодарствуютъ.

Кейстутъ. Спасибо, князъ.... а дружины готовы?

Князь Юрій. Готовы.... Скоро затрубятъ....

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣже и **Бирута,** *ея мамка и нѣсколько дѣвицъ прислужницъ.*

Бирута. (Входитъ тихою поступью къ отцу, глаза ее заплаканы). Я пришла проститься съ тобой, мой дорогой отецъ.... мой сердечный батюшко.... ты идешь въ ратное поле, на которомъ не лиліи и рута будутъ цвѣсти, а будутъ бѣжать ручьи крови... не птицы будутъ щебетать тамъ, а будутъ стонать люди.... кто знаетъ?!... Ратное дѣло такое!... можетъ мы съ тобой больше въ живыхъ-то не увидимся (Плачетъ). Можетъ боги возмутъ тебя на скалу вѣчнаго блаженства.... Прощай... прощай и благослови меня, мой добрый родитель (Обнимаетъ его).

Выдымундъ. (Растроганный цѣлуетъ ее нѣсколько разъ). Прощай, любезная моя дочь.... да охранитъ тебя святая Праурима.... Не плачь,—боги наши милостивы....

Бирута. Я каждый день буду молить Каваса о счастливомъ возвращенiи твоемъ....

Выдымундъ. (къ мамкѣ). Смотри береги ее, старуха, — аки душу свою береги (Къ дѣвицамъ). А вы дѣвицы красныя, забавляйте ее играми, да пѣснями.... Ну да благословлятъ наши боги всѣхъ васъ,—идите... Прощайте... прощай, Бирута!... (Обнимаетъ ее).

Бирута. Прощай, отецъ мой нѣжный.... (Снова цѣлуетъ его, обнимаетъ и, бросивъ взглядъ на Юрiя, идетъ въ свои покои, сопровождаемая мамкою и служанками).

ЯВЛЕНIЕ 8-е.

Тѣже безъ Бируты, ея мамки и служанокъ.

Кейстутъ. (Пристально смотрѣвшiй на Бируту, по уходѣ ея долго молчитъ, потомъ обращается къ Выдымунду). Это твоя дочь, Выдымундъ?

Выдымундъ. Моя, король....

Кейстутъ. Красавица!.... ровно ковенская Мильда.... Коли счастливо сходимъ на погань нѣмецкую, такъ я опять къ тебѣ зайду въ гости.... дочери твоей женишка посватаю.... а у меня есть на примѣтѣ женихъ знатный.... удѣльный князь....

Выдымундъ. Много милостей, король (кланяется).

Кейстутъ. Милостивы только боги (Смотритъ на Юрiя). Что съ тобой, князь Юрiй? На тебѣ лица совсѣмъ нѣтъ, да и глаза въ слезахъ....

Князь Юрiй. Король... мнѣ вспомнилось мое разставанье съ моей доброй матушкой.... я также прощался-то.... съ сердцемъ не совладѣешь... ну и заплакалъ.... больно сгрустнулось.... не осуди, король.

Кейстутъ. Красавица твоя дочь, Выдымундъ!.... что твоя лебядь бѣлая!...

(На улицѣ трубятъ въ рога).

Кейстутъ. Трубятъ.... Совсѣмъ готовы значитъ! (Подходитъ къ окну). Посмотри, Выдымундъ, дружину-то.... витязей то моихъ (Выдымундъ подходитъ къ окну и смотритъ). Гдѣ жъ нѣмецкой погани выстоять противъ такихъ молодцовъ—удальцовъ!?... Земля задро-

жить отъ ногъ моей дружины и стѣны Маріенбурга въ мусоръ я превращу.... Григорій! труби (Григорій трубитъ. Съ улицы слышны шумъ, воинственные крики, бряцанье оружіемъ и конской топотъ. Кейстутъ вынимаетъ мечъ). Идемъ, Выдымундъ.... Съ нами богъ Кавасъ!... (Идутъ къ выходу).

Григорій. (Во слѣдъ имъ). Нѣтъ, не Кавасъ, а Христосъ спаситель! (Всѣ уходятъ).

С. Калугинъ.

(Конецъ пролога.)

(Продолженіе впредь.)

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ГАЛИЦІИ (1).

Жолква 19/31 октября.

Вы хорошо понимаете значеніе, и послѣдствія назначенія графа Голуховскаго губернаторомъ Галиціи. Это есть истинная насмѣшка австрійскаго правительства надъ русскими его подданными и явная демонстрація Россіи. Австрія устроаетъ истинно дѣла въ Галиціи такъ, какъ бы непремѣнно вознамѣрилась нынѣ или завтра отдать эту провинцію, какъ чисто польскую область, будущему королю польскому. И по этой то причинѣ, при первомъ извѣстіи объ именованіи Голуховскаго, вострепетала вся Русь и съ опасеніемъ ждетъ, съ іезуитскою расчетливостью, вымѣренныхъ на нее ударовъ. И уже слѣдны знамена польскаго владычества всѣ уѣздные начальники получили запрещеніе не выдавать пашпортовъ въ Россію никому изъ учителей и священниковъ безъ вѣдома президіи; усилены полицейскія мѣры по всѣмъ деревнямъ; всѣ русскіе поставлены подъ строгій надзоръ и всякій полякъ и полякующій сталъ нынѣ самовольнымъ надзирателемъ русскихъ, шпіономъ и доносчикомъ на русскихъ. Съ другой стороны продолжаются польскія агитаціи,— особенно между неопытною и легковѣрною молодежью. Гимназіасты львовской академіи, гимназіи Львова, подущенные, кажется, польскимъ катихистомъ, подали жалобу противъ учителя русскаго и Голуховскій принялъ ихъ снисходительно, особенно похвалялъ, что на жалобѣ подписались заровно поляки, какъ и русскіе. Ксенофонту Климковичу и Искрицкому обеспечилъ Голуховскій содержаніе—и они начнутъ съ будущимъ годомъ опять издавать свою нелѣпую „Мету," или другой какой нибудь журналъ Кулишевскимъ правописаніемъ и въ польскомъ духѣ. Архіепископъ Сембратовичъ пріѣхалъ изъ Рима, ѣздилъ по Галиціи и собиралъ деньги на канонизацію Іосафата Кунцевича и возбуждаетъ съ своимъ капеляномъ (духовникомъ) народъ противъ православія и русскихъ. Говорятъ, что Голуховскій получилъ особыя инструкціи на угнетеніе Руси: новое изданіе *projekta na zniszczenie Rusi*,— что знатнѣйшіе русскіе чиновники переписаны и должны пойти въ отставку, законоучители русскіе будутъ отстранены, русскій языкъ будетъ выброшенъ изъ гимназій и изъ университета. Даже самый университетъ львовскій, который подготовилъ столько учителей и кандидатовъ, будетъ уничтоженъ и перенесенъ въ Краковъ. Голуховскій выдалъ уже распоряженіе ко всѣмъ начальникамъ вѣдомствъ, чтобы отнюдь не

(1) Корреспонденція эта немножко уже запоздала, но мы ее не могли своевременно напечатать, по причинѣ перенесенія срока изданія Вѣстника съ мѣсяца іюля на январь." Помѣщаемъ ее буквально, безъ всякихъ поправокъ, и должны сказать, что авторъ природный галичанинъ, никогда небывавшій въ Россіи, и уніятъ по вѣроисповѣданію. Ред.

принимали никого въ чиновники, даже за вознаго, кто не владѣетъ *совершенно* польскимъ языкомъ; поверхностнымъ знаніемъ того языка они не должны довольствоваться. Die Presse, которая помѣстила это извѣстіе изъ вѣрнаго источника, сама примѣчаетъ, что въ этомъ указѣ Голуховскаго не упомянуто ни слова объ русскомъ языкѣ и удивляется, что графъ Голуховскій такъ нагло хочетъ ополячить всю Галицію. Между тѣмъ всѣ сословія: мѣщене, селяне, даже жиды и нѣмцы, за исклюненіемъ только одной польской шляхты, ксендзовъ латинскихъ и интеллигенцію ихъ, ожидаютъ только Россію, чтобы спасла страну отъ гнета и неволи.

Для нагляднаго понятія, въ какое раздраженіе пришелъ галицко-русскій народъ, по случаю назначенія намѣстникомъ Галиціи ляха — Голуховскаго, препровождаю при семъ вамъ двѣ народныя пѣсни, одна на простонародномъ русскомъ, а другая на польскомъ языкѣ. Пѣсьни эти появились недавно и ихъ поетъ народъ повсемѣстно, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что онѣ не по сердцу ляхамъ. Это гласъ русскаго народа, или лучше вопль его отчаянія, раздающійся на всѣмъ пространствѣ Восточной Галиціи.

Вотъ эти пѣсьни:

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Ой цѣсарю нашъ Францишку,
Що ти за неволя
Губернаторомъ робити
Ляха изъ Подоля.
Ляхъ то страшне сотворенье,
Одну гадку 1) мае;
Щобы всѣ такъ танцевали
Якъ ляшокъ заграе.
Ляхъ невдячна 2) гадь цѣсарю,
Що въ зимѣ скостнила,

1) Мысль. 2) Неблагодарна.

Якъ загрѣлась за пазухой
  Гауду 1) въ грудь вкусила.
Придивися 2) ты нашъ царю,
  Где есть твои слуги?
Працовиты 3) русски дѣти,
  Честны, годни други.
Ляхъ ихъ выгналъ, на ихъ мѣсто
  Понапихалъ въ бюра 4),
Выхрестъ, ляховъ, що такіи
  Якъ онъ носятъ пюра 5),
Русски дѣти хоть учены
  Остаются въ задѣ,
Ляхъ хоть дуракъ, въ русской землѣ,
  Первый есть въ урядѣ.
Татарскіи дики орды,
  Якъ насъ нападали,
Забирали сребро, злото
  Мовысь 6) не касали,
А ляшиско,— сей захланникъ,— 7)
  И то хотѣлъ съѣсти;
Г.....кій! а до норы
  Лучше было влѣзти.
Влѣзь, сховайся, где не хочешь,
  Утѣкай за свѣты,
Ты загибнешь, а Русь наша
  Такой будетъ жити.
Кто подъ кѣмъ копае яму,
  Стромголовъ въ ню впадетъ,
Губернаторъ Голуховскій,
  Насъ таки не сгладитъ,
Пожди но ты, ляше племя
  Кровожадны смоку 8),
Посси но ще русской крови,
  То ти розпретъ боки.

1) Хозяина. 2) Всмотрись. 3) Трудолюбивы. 4) Въ присутственныя мѣста. 5) Перья. 6) Языка. 7) Нахалъ. 8) Смокъ—многоглавый змѣй.

ПѢСЬНЬ ВТОРАЯ

о галицкомъ канцлерѣ.

Вмѣсто эпиграфа.

«Ѣдзѣ, ѣдзѣ Зальманъ
«Ѣдзѣ, ѣдзѣ ѣго братъ.
«Ѣдзѣ, ѣдзѣ Зальманова
«Цала родзина.»

Галька—народная пѣснь (*).

I.

Ѣдзѣ, ѣдзѣ Голуховски
Ядонъ польскѣ паны
И въ вѣнкшосьци сеймъ нашъ львовски
И канцлежъ коханы.

* *

Чего хце Голуховски
Чего польскѣ паны?
И чего хце сеймъ нашъ львовски
И канцлежъ коханы?

* *

(*) Эта пѣсль поется народомъ въ восточной Галиціи, при всенародныхъ играхъ, называемыхъ *Галки* или *Гаилки*, совершаемыхъ въ дни свѣтлаго Христова Воскресенія. Во время этихъ игръ дѣвушки поютъ эту пѣснь во два хора.

Первый начинаетъ: Ѣде, ѣде Зальманъ,
Ѣде, ѣде его братъ,
Ѣде, ѣде Зальманова
Цѣлая родина.

Второй хоръ отвѣчаетъ Чего хоче Зальманъ,
Чего хочетъ его братъ,
Чего хочетъ Зальманова
Цѣлая родина? и проч.

Эту пѣсьню перенялъ и польскій народъ и поетъ ее попольски въ свои *велькономныя* святки (пасху) даже во Львовѣ, по предмѣстьямъ.

Происхожденіе ей по преданію, есть слѣдующее.

Въ первой половинѣ 18-о столѣтія былъ богатый жидъ Зальманъ, арендаторъ коронныхъ соливарень Дрогобичскихъ въ Га-

Министерства, хоць безь теки
Хце графъ Голуховски,
И надъ Русьонъ хце опѣки
Въ вѣнкшосьци сеймъ львовски.
* *

Бугъ заплаць канцлежу,
Бугъ дай на здровѣ,
Бугъ вамъ заплаць за аффектъ
Польсцы панове.
* *

Дзвоньонъ въ Руси вшысткѣ дзвоны,
Попъ поклоны биѣ,
Польска жондзи, шляхта пиѣ
А хлопъ влучи броны.
* *

Радуѣ сѣн Голуховски
Радуіон сѣн паны
Радуѣ сѣн сеймъ нашъ львовски
И канцлежъ коханы.
* *

Зальманова ясна зоржа
Надъ нами зальсьнила,
И Русь шара, накшталтъ збожа,
Паномъ сѣн скланила.
* *

лиціи. Онъ же арендовалъ и русскія церкви на всемъ погорьѣ карпатскомъ. Бѣдный русскій народъ, дожидаясь пріѣзда арендатора, чтобъ за условленную плату отворилъ къ празднику пасхи церкви и далъ на лоскуткѣ бумаги дозволеніе (цетлихъ) священнику посвятить пасхальные хлѣбы и совершать богослуженіе во все продолженіе пасхальныхъ праздниковъ, сложилъ эту пѣсню, радуясь пріѣзду арендатора Зальмана. Въ актахъ драгобическаго магистрата находится цѣлый актъ процесса съ арендаторомъ Зальманомъ.

(Смотри Die Kirchen und Statsatzungen etc, M. Malinowski, Lemberg 1851, pag. 613. Dziennik literacki. Lwów 1856 №№ 47 и 48).

Вся сила сатиры настоящей пѣсни состоитъ въ сопоставленіи аналогіи прежняго угнетенія ляхами галицкой Руси съ нынѣшнею польской автономіей и самоуправствомъ ожидаемаго канцлера Голуховскаго.

Галицкій Корреспондентъ.

Склонила сѣн поневоли
Склонила сѣн низко,
Склонила сѣн вражей доли
На уронговиско.

II.

Ѣдзѣ, ѣдзѣ Голуховски
Ядонъ польскѣ паны,
И въ вѣнкшосьци сейкъ нашъ львовски,
И канцлежъ коханы.

* *

Ѣдзѣ министеръ безъ теки
Тека за нимъ ѣдзѣ,
А за текон чиновъ стеки
Намѣстникъ на бѣдзѣ.

* *

Тужъ съ панемъ намѣстникѣмъ
Ни то орле стадо,
Леци статутъ польскимъ шикѣмъ
Съ повятовонъ радонъ.

* *

И войтъ дворскѣго корженя
И выдзялъ краіовы,
Комиссыя осьвѣценя
И.... жондъ народовы

* *

И розложилъ сѣн таборемъ
Панпольонизмъ вражы,
Юужъ Азбука съ бѣднымъ Іуремъ
Пошлы до багажы.

* *

Пошедлъ и Домъ народовы.....
Бесѣда.... Театеръ,
Жаль сѣн Боже русскѣй мовы,
Звялъ іон польски вятеръ

* *

Зальманова ясна зожа
Надъ нами зальсьнила,

И Русь шара, накшталтъ збожа,
Ляхомъ сѣн склонила.
* *

Склонила сѣн по нѣволи
Склонила сѣн низко,
Склонила сѣн вражей доли
На уронговиско.

III.

Ѣдзѣ, ѣдзѣ Голуховски
Ядон ляхы — паны,
И въ вѣнкшюсьци сеймъ нашъ львовски
И канцлежъ коханы.
* *

Ѣдзѣ гисторицизмъ польски
Якъ вѣльможна пани,
Фравенцимморн апостольски
И ультрамонтаны.
* *

Хоць панщизнен бѣсы взѣнлы
Доля наша сута —
Еще квитнон, якъ квитненлы
Польскѣ сервитута.
* *

Радуѣ сѣн людекъ вѣйски
И хлопскѣ капланы,
Радуіон сѣн вшысткѣ станы
Въ Руси галицейскѣй.
* *

„Еще щербѣцъ Болеслава
„Въ добрей чесьци мамы,
„Еще загржми польска слава
„У кійовскѣй брамы.“
* *

Русь въ покорже чоло хыли
Церкѣвъ въ длонѣ клеще,
Ахъ тамъ блогѣй для нась хвили
Не дожилимсь еще.
* *

Зальманова ясна зоржа
Надъ нами зальснила,
И Русь шара, накшталтъ збожа,
Польсце сѣн склонила.

* *

Склонила сѣн понѣволи
Склонила сѣн низко
Склонила сѣн вражей доли
На уронговиско.

* *

Ѣдзѣ, ѣдзѣ Голуховски
Ядон польскѣ паны,
И въ вѣнкшосьци сеймъ нашъ львовски
И канцлежъ коханы.

Для незнающихъ польскаго языка, мы помѣщаемъ буквальный переводъ этой пѣсни въ прозѣ.

Эпиграфъ.

„Ѣдетъ, ѣдетъ Зальманъ, ѣдетъ ѣдетъ его братъ, ѣдетъ Зальманова и вся родня.“

I.

Ѣдетъ, ѣдетъ Голуховскій, ѣдутъ польскіе паны, и большинство нашего львовскаго сейма и любезный канцлеръ (1).

Чего хочетъ Голуховскій? Чего польскіе паны? И чего хочетъ нашъ сеймъ львовскій и любезный канцлеръ?

Министерства, хотя безъ портфеля желаетъ графъ Голуховскій и большинство львовскаго сейма желаетъ опѣки надъ Русю.

Спасибо канцлеръ, дай Богъ тебѣ здравствовать, спасибо и вамъ польскіе паны за ваше доброжелательство

Звонятъ на Руси во всѣ колокола, попъ бьетъ поклоны. Польша правитъ, шляхта пьетъ, а хлопъ таскаетъ борону.

(1) Съ назначеніемъ Голуховскаго въ намѣстники Галиціи, поляки домагались въ Вѣнѣ о назначеніи особаго канцлера—тоже поляка, въ знакъ фактическаго признанія, со стороны австрыйскаго правительства, автономіи польской паціональности въ Галиціи. Слухи уже носились, что какой то панъ уже и былъ сдѣланъ канцлеромъ, котораго пріѣзда во Львовъ поляки нетерпѣливо ожидали, но онъ что то долго ѣдетъ,—ѣдетъ, но еще не пріѣхалъ.

Радуется Голуховскій, радуются паны, радуется нашъ сеймъ львовскій и канцлеръ любезный.

Свѣтлая Залманова зара засіяла надъ нами и сѣрая Русь, подобно колосьямъ, согнулась передъ панами.

Согнулась поневоли, согнулась низко, согнулась предъ враждебной судьбой на посрамленіе.

II.

Ѣдетъ, ѣдетъ Голуховскій, ѣдутъ польскіе паны, и большинство нашего львовскаго сейма, и канцлеръ любезный.

Ѣдетъ министеръ безъ портфеля, портфель ѣдетъ за нимъ, а за портфелемъ толпа чиновниковъ и намѣстникъ на бѣдѣ (1).

А вмѣстѣ съ паномъ намѣстникомъ стадо коршуновъ летитъ и статутъ въ польскомъ духѣ съ уѣзднымъ совѣтомъ.

И войтъ дворнаго происхожденія, и краевый отдѣлъ, (2) и коммисія просвѣщенія.... народовый жондъ.....

И расположился таборомъ вражій панполонизмъ, уже Азбука съ бѣднымъ Іюрьемъ сданы въ багажъ (3).

Пошелъ и домъ народовый.... театръ (4), прощай и русскій языкъ: его согналъ польскій вѣтеръ.

Свѣтлая Зальманова заря надъ нами засіяла и сѣрая Русь, подобно колосьямъ, согнулась предъ ляхами.

Согнулась поневоли, согнулась низко, согнулась предъ враждебной судьбой—на посрамленіе.

III.

Ѣдетъ, ѣдетъ Голуховскій, ѣдутъ паны-ляхи и большинство нашего львовскаго сейма и канцлеръ любезный.

---

(1) Извѣстный двухъ-колесный экипажецъ,— разумѣется это слово здѣсь имѣетъ аллегорическое значеніе.

(2) Здѣсь пѣснь эта намѣкаетъ, что съ пріѣздомъ Голуховскаго въ Галицію, появятся и эти учрежденія.

(3) Указывается на гоненіе Голуховскимъ русскаго языка и русской интеллигенціи, представительницею которой въ Галиціи считается Св. Георгіевская ставропигіальная лавра, со всѣми русскими ее учрежденіями, которая въ простонародіи называется Іюрьемъ, а обитатели ее свято-юрцами.

(4) Домъ народовый.... Бесѣда, два учрежденія, въ родѣ русскихъ національныхъ клубовъ—съ библіотекой, училищами, учеными обществами, типографіею и русскимъ театромъ.

Ѣдетъ польскій *историцизмъ*, какъ вельможная панья, ѣдетъ апостольская фрауцимеръ (1) и ултрамонтаны.

Хотя барщина пошла къ черту и наша судьба завидная— но все еще процвѣтаетъ, какъ и процвѣтало, польское рабство.

Радуется деревенскій людъ и холопскіе священники, радуются всѣ сословія въ галицкой Руси.

„Еще *щербенъ* (2) Болеслава мы чтить не перестали, еще загремитъ слава Польши у вратъ Кіева!"

Русь смиренно бьетъ челомъ, церковь рукоплещетъ,—столь счастливаго времени еще для насъ не было.

Свѣтлая Залманова заря засіяла надъ нами и сѣрая Русь, подобно колосьямъ, согнулась предъ Польшей.

Согнулась поневоли, согнулась низко, согнулась предъ враждебной судьбой на посрамленіе.

Ѣдетъ, ѣдетъ Голуховскій, ѣдутъ польске паны и большинство нашего львовскаго сейма у канцлеръ любезный.

ВѢСТНИКУ ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

при началѣ новаго періода существованія его съ 1-го генваря 1867 года (*).

Органъ правды и добра—
„Вѣстникъ Западной Россіи",
Сколько горя, сколько зла
Перенесъ ты въ дни былые!..

---

(1) Фрауцимеръ — жена Голуховскаго — статсдама австрійскаго, апостольскаго двора.

(2) Сохранившійся у поляковъ мечъ короля ихъ Болеслава, которымъ, онъ при вступленіи съ своими войсками въ Кіевъ, ударилъ въ ворота, въ знакъ завоеванія этой русской столицы, и который выщербился отъ этото удара, отъ чего и называется «щербецъ.»

(*) Печатаемъ это стихотвореніе по усильной просьбѣ автора, которому отказать мы не могли.

Редак. Вѣст.

Всѣ возстали на тебя,
И лихіе *мосципаны*,
И лжебратія своя—
Нигилисты, хохломаны;

Но, безстрашный, устоялъ
Храбро ты въ бою съ врагами,—
А теперь опять предсталъ,
Обновленный, передъ нами!—

Съ новымъ годомъ! будь же ты
Такъ правдивъ и смѣлъ, какъ прежде,
И подъ броней правоты
Наши оправдай надежды.

Безъ пощады поражай
Бредни польскихъ утопистовъ,
И всю ложь разоблачай
Нашихъ русскихъ нигилистовъ.

Стой на стражѣ,— бодро стой,
Не щадя полонофильства,
Ни гуманности слѣпой,
Ни ксендзовскаго пронырства.—

Если здѣсь не всѣ поймутъ
Подвигъ твой неоцѣнимый,
То— благословитъ твой трудъ
Въ небесахъ Судья незримый.

И. К—ій.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Пріѣздъ въ Вильну главнаго начальника края, графа Э. Т. Баранова и слова его сіятельства къ дворянству на первомъ представленіи ему всѣхъ сословій г. Вильна.

1-го декабря, его сіятельство г. главный начальникъ сѣверо-западнаго края графъ Эдуардъ Трофимовичъ **Барановъ** 2-й, изволилъ прибыть изъ С.-Петербурга въ Вильну. На другой день, 2-го декабря, въ 10 часовъ утра, во дворцѣ генералъ-губернатора, его сіятельство изволилъ принимать командующихъ отдѣльными частями войскъ виленскаго военнаго округа, гг. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ. Въ тотъ же день въ дворцовой залѣ собрались для представленія его сіятельству начальники и члены отдѣльныхъ частей гражданскаго управленія, римско-католическое духовенство и мѣстное дворянство. Обходя ряды присутствующихъ и разговаривая почти съ каждымъ изъ нихъ о состояніи ввѣренной ему части и о томъ, чѣмъ она должна быть, его сіятельство изволилъ обратиться къ мѣстному дворянству съ слѣдующими многознаменательными словами:

„Господа! До свѣдѣнія моего дошло, что злонамѣренные люди распространяли между вами слухи, будто съ моимъ назначеніемъ измѣнится система управленія въ здѣшнемъ краѣ. Оставьте пустыя мечтанія! Будьте увѣрены, что всѣ Высочайшіе указы, всѣ правительственныя распоряженія, относящіяся до здѣшняго края, будутъ непремѣнно исполнены.“

--

Journal de St.-Petersbourg о неизмѣнности системы управленія въ сѣверо-западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ.

Въ „Journal de St.-Petersbourg“ напечатано:

„Общественное мнѣніе было сильно озабочено по поводу отозванія генерала Кауфмана отъ должности виленскаго генералъ-губернатора.

„Считаемъ неизлишнимъ предупредить ошибочныя толкованія, могущія найдти пищу въ подстрекательствахъ иноземной печати и даже въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ по близости Царства Польскаго.

„Отозваніе генерала Кауфмана не обусловливаетъ никакой перемѣны въ политической системѣ, принятой относительно западныхъ губерній Имперіи, или Царства Польскаго.

„Первыя должны вновь сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сдѣлала ихъ исторія, областями существенно русскими, гдѣ народный, православный элементъ, образующій громадное большинство населенія, долженъ пріобрѣсть принадлежащее ему преобладаніе.

„Что касается до Царства Польскаго, то Императорское правительство будетъ смѣло продолжать исполненіе обязанности, возложенной на него волею Государя, и состоящей въ освобожденіи польскаго общества отъ пороковъ, которые растлѣваютъ его, слишкомъ часто дѣлая его гнѣздомъ безпорядка, анархіи и революціи, жертвой всѣхъ враждебныхъ вліяній извнѣ, и подрываютъ его будущность, препятствуя сліянію его интересовъ съ интересами Россіи.

„Въ теченіе Своего славнаго царствованія, нашъ возлюбленный Монархъ явилъ слишкомъ много доказательствъ Своей твердости и настойчивости въ стремленіи, помимо всѣхъ препятствій къ тому, что, по Его искреннему убѣжденію, справедливо, мудро и обусловлено національными интересами Россіи, чтобы могло возникнуть какое-либо сомнѣніе на счетъ Его намѣреній.

„Принятый Имъ путь не есть результатъ теоретической системы, могущій измѣняться, смотря по впечатлѣніямъ минуты. Онъ былъ настоятельно предписанъ долговременнымъ и горестнымъ опытомъ. Ни Государь, ни народъ русскій не могутъ забыть обязанностей, возлагаемыхъ такими уроками.“

УСПѢХИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ РОССІИ.

Величественное и отрадное зрѣлище представляетъ теперь собою западный литовско-бѣлорусскій край, въ религіозномъ отношеніи. Безъ шума, безъ кровопролитія, почти безъ борьбы возвращаются въ нѣдра православной церкви потомки тѣхъ православныхъ русскихъ и литовцевъ, которые нѣкогда боролись *до крове* за родное православіе и должны были уступить двойному напору—силы и коварства латино-польской стихіи.... Теперь какъ будто возстаютъ изъ гробовъ своихъ эти древніе защитники и мученики православія, духъ ихъ оживляетъ ихъ потомковъ,—и коварство папистовъ обличается, костелы обращаются въ церкви, юго-западные русскіе братья, разлученные нѣкогда недругами, обнимаются съ русскими братьями, пришедшими къ нимъ на-выручку съ могучаго сѣвера. Въ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и «Виленскомъ Вѣстникѣ» постоянно сообщаются свѣдѣнія то о возобновленіи древнихъ церквей, то о закладкѣ и освященіи новыхъ, то объ обраще-

нія костеловъ въ православные храмы, то о возвращеніи цѣлыхъ приходовъ въ православіе. Наконецъ и само западно-русское дворянство, ополяченное нѣкогда хитростію іезуитовъ, теперь, припоминая свое происхожденіе, начинаетъ стремиться къ возвращенію себѣ утраченнаго сокровища своихъ предковъ—православной вѣры. Прекрасный примѣръ этому показалъ недавно князь Александръ Друцкой—Любецкій. Заимствуемъ изъ названныхъ выше изданій нѣкоторыя свѣдѣнія объ освященіи церквей.

1.

Дни 17-го, 18-го, 19-го и 20-го іюля будутъ надолго памятны для многихъ мѣстностей Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи. Въ эти дни освящены, преемственно, 4 церкви его преосвященствомъ епископомъ ковенскимъ Александромъ, викаріемъ литовской епархіи, въ сослуженіи нѣкоторыхъ лицъ виленскаго коѳедральнаго духовенства и многихъ мѣстныхъ сосѣднихъ священниковъ.

2.

17-го іюля освящена каменная церковь въ м. Воложинѣ, во имя св. праведнаго Іосифа Обрученника. Церковь эта устроена изъ упраздненнаго костела, который былъ посвященъ имени того же св. Іосифа Обрученника. Извѣстно уже нашимъ читателямъ движеніе латинянъ къ православію въ Воложинѣ и другихъ приходахъ. Когда римско-католики воложинской римско-католической парафіи присоединились къ православной церкви, и когда такимъ образомъ съ древле православными составился громадный, свыше 6,000 душъ, приходъ, то присоединившіеся испросили, чтобы костелъ, оставшійся уже безъ прихожанъ, обращенъ былъ въ православную церковь, что и разрѣшено начальствомъ. Воложинскій бывшій костелъ представляетъ обширное, отлично красивое зданіе; внутри мраморныя колонны; множество лѣпныхъ изображеній. Строитель его, бывшій владѣлецъ мѣстечка Воложина, графъ Тышкевичъ, старался своимъ костеломъ выказать все свое богатство и усердіе къ латинской церкви предъ сосѣдними и другими магнатами страны; это же служило, конечно, по его намѣреніямъ, и къ склоненію бывшихъ въ сосѣдствѣ православныхъ и уніятовъ въ латинство. Говорятъ, что вся постройка костела, оконченная въ 1815 году, стоила покойному ревнителю латинства до 200 тысячъ рублей, не включая сюда стоимости труда крѣпостныхъ людей. И дѣйствительно, церковь, устроенная изъ этого костела, великолѣпна и достойна была бы занять одно изъ первыхъ мѣстъ между соборами и церквами въ любомъ губернскомъ городѣ. Народа на освященіе собралось до 10 тысячъ. Торжество это почтили г. начальникъ Виленской губерніи и многія губернскія и уѣздныя власти. Зрѣлище было такое, какое рѣдко можетъ быть видимо, по разнообразію отрадныхъ впечатлѣній. За литургіею было сподоблено причастія св. Тайнъ тѣла и крови Хри-

стовой до 500 человѣкъ, съ младенцами, большею частью новоприсоединенныхъ изъ латинства. По освященіи св. храма, мѣстнымъ священникомъ и благочиннымъ Адамовичемъ произнесено было къ слушателямъ сильное слово о благотворности и могуществѣ православія и о полнотѣ радости, наполняющей сердца слушателей.

На другой день, 18-го іюля, въ томъ же Воложинѣ, освящена нововыстроенная деревянная церковь, во имя св. равноапостольныхъ Константина и Елены. Это было продолженіемъ вчерашняго торжества. По освященіи сказано было задушевное поученіе мѣстнымъ священникомъ Іоанномъ Берманомъ.

3.

19-го іюля освящена церковь во имя Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости, въ м. Цыцынѣ. Приходъ этотъ новооткрытый, по случаю поселенія здѣсь большаго числа православныхъ крестьянъ, церковь устроена изъ костела, который по излишеству былъ упраздненъ. За литургіей пріобщалось св. Христовыхъ таинъ до 100 человѣкъ.

4.

20-го іюля, въ день св. пророка Иліи, освящена церковь въ м. Бѣницѣ, во имя Св. Живоначальныя Тройцы. И эта церковь устроена изъ упраздненнаго бернандинскаго костела, который, по причинѣ обращенія бѣницкихъ римлянъ, оказался ненужнымъ для латинскаго богослуженія и испрошенъ ими на православную церковь. И здѣсь собраніе народа было весьма многочисленное. Сподобились пріобщенія св. Таинъ также до 500 человѣкъ, съ младенцами, преимущественно изъ присоединившихся.

Утѣшительно теперь особенно то, что въ Воложинѣ и Бѣницѣ нынѣ—едино стадо—православное; тогда какъ доселѣ жители дѣлились на православныхъ и латинянъ, и при томъ латинскіе храмы красовались и высились на господствующихъ мѣстностяхъ, а нынѣ сіяетъ здѣсь святыня свѣтозарнаго животворящяго православія. По освященіи бѣницкой церкви, мѣстнымъ священникомъ Турцевичемъ было произнесено Слово.

5.

Свенцянскимъ благочиннымъ 22-го іюля соборнѣ совершена закладка новой часовни въ м. Спяглѣ, въ присутствіи нѣкоторыхъ крестьянскихъ властей и немалаго стеченія народа, а 24-го іюля со борнѣ же освящена кладбищенская добутовская церковь.

6.

Исправляющимъ должность молодечнянскаго благочиннаго, 24-го минувшаго іюля, освящена приписная къ красносельской осовецкая церковь, въ память Преображенія Господня, при многочислен-

комъ стеченіи народа; въ этотъ достопамятный для сей мѣстности день присоединилось къ православію болѣе 50 душъ.

7.

Закладка Крестовоздвиженской церкви въ Могилевѣ.

Въ воскресенье 5-го іюня въ Могилевѣ совершена была закладка Крестовоздвиженской каменной церкви, на мѣсто ветхой деревянной, существовавшей болѣе 250 лѣтъ. Въ малой древней каменной Глѣбо-Борисовской, оставшейся тамъ же при Крестовоздвиженской, воздвигнутой еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ, отслужена литургія могилевскимъ архіепископомъ, высокопреосвященнымъ Евсевіемъ, соборнѣ съ градскимъ духовенствомъ, въ присутствіи испрвляющаго должность могилевскаго губернатора, вице-губернатора Н. Н. Биппена, исправляющаго должность начальника 28-й дивизіи, генералъ-маіора Алексѣева 3-го, и прочихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ православнаго исповѣданія, множества православныхъ гражданъ-могилевцевъ и квартирующихъ въ Могилевѣ войскъ. Большая часть народа стояла внѣ церкви, не имѣя возможности помѣститься въ ней. Гражданскія и военныя чины были въ обыкновенной парадной формѣ. По окончаніи литургіи мѣстный протоіерей, отецъ Андрей Чоловскій произнесъ слово. За тѣмъ крестнымъ ходомъ отправились на мѣсто заложенія церкви. По обычномъ освященіи самимъ высокопреосвященнѣйшимъ Евсевіемъ положенъ первый камень Крестовоздвиженской церкви. Послѣ закладки провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Августѣйшему дому, начальнику края К. П. Кауфману, и могилевскому губернатору Беклемишеву. Когда крестный ходъ пошелъ обратно, хоръ военной музыки Старорусскаго полка исполнилъ гимнъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». Въ домѣ протоіерея Чоловскаго была приготовлена закуска. Духовенство и чиновники собрались въ домъ протоіерея и раздѣлили радушную хлѣбъ—соль, за которой были предложены тосты за здоровье ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, начальника западнаго края и могилевскаго губернатора. Во все время закуски играла полковая музыка.

Весь день ликовала Глѣбо-Борисовская улица праздникъ заложенія новаго храма. Она по праздничному нарочито была вычищена и украшнна, даже въ переулкахъ ведущихъ къ ней. Путь, по которому нужно было ѣхать высокопреосвященнѣйшему Евсевію и губернскому начальству къ Крестовоздвиженской церкви, отъ самаго Виленскаго моста обсаженъ былъ березками, рябинками и липами. Такого торжества, говорятъ могилевцы, никогда еще не видалъ у себя Могилевъ при подобныхъ событіяхъ. Прекрасная погода, тихая, теплая и солнечная, весьма благопріятствовала торжеству православныхъ могилевцевъ.

Вечеромъ было гулянье въ саду за губернаторскимъ домомъ. Полковая музыка играла до 10 часовъ вечера.

8.

Поѣздка въ мѣстечко Островецъ виленскаго уѣзда, по случаю освященія тамошней церкви.

Каждый русскій человѣкъ, брошенный судьбою въ Сѣверо-Западный край, до тѣхъ поръ не узнаетъ его, пока не познакомится съ здѣшнимъ деревенскимъ міромъ, пока не выѣдетъ за черту здѣшнихъ оригинальныхъ, еврейско-польскихъ городовъ. Здѣшніе города менѣе всего даютъ вамъ понятіе о Западной Россіи, т. е. о той скорбящей Бѣлой Россіи, изъ за которой такъ болѣло ваше сердце въ послѣдніе годы.

Засидѣвшись въ Вильнѣ, я очень обрадовался возможности поѣхать въ деревню, съ тѣмъ, чтобы присутствовать при освященіи костела въ православную церковь и притомъ въ приходѣ, недавно принявшемъ православіе.

Мы выѣхали изъ города въ субботу 11-го іюня, въ три часа по полудни. Путь нашъ лежалъ по большой минской дорогѣ. Въ деревняхъ Рукоймы и Цудзенишки мы осмотрѣли церкви, недавно передѣланныя изъ костеловъ. Внутренность этихъ храмовъ, этихъ вновь возжонныхъ свѣтильниковъ православія, ничего не оставляетъ желать лучшаго:—и свѣтло и изящно. Особенно хороши иконостасы, приготовляемыя въ самой Вильнѣ: они густо окрашены бѣлой краской и сіяютъ свѣжей позолотой; живопись мѣстныхъ иконъ удовлетворитъ даже прихотливый вкусъ городскаго жителя. Нѣкоторыя изъ наиболѣе чтимыхъ крестьянами р.-католическихъ иконъ оставлены на своихъ мѣстахъ:— таково правило, которому слѣдуютъ ревнители православія при обращеніи костеловъ въ русскія церкви.

Было восемь часовъ вечера, когда мы пріѣхали въ Островецъ. Мы подъѣхали прямо въ церковь, ярко сіявшую огнями. Только что началось всенощное богослуженіе. Церковь очень большая и помѣстительная, съ довольно красивыми колоннами и хорами, прекрасный иконостасъ стоитъ на большомъ возвышеніи. На освященіе хлѣбовъ и къ выносу евангелія выходилъ епископъ ковенскій Александръ, викарій литовскаго митрополита. Пѣли архіерейскіе пѣвчіе. Церковь была полна народомъ.

Въ мѣстечкѣ Островцѣ нѣкогда находился доминиканскій монастырь, давно, впрочемъ, упраздненный; но монастырское зданіе— большой двухъ-этажный корпусъ, соединенный съ церковію корридоромъ,— еще цѣло, хотя надворныя строенія запустѣли и развалились. Въ нижнемъ этажѣ монастырскаго зданія устроено было помѣщеніе для преосвященнаго и для прибывщаго съ нимъ изъ

Вильны духовенства. По окончаніи всенощной, мы были приглашены на чай и закуску. И то и другое было устроено въ одной изъ залъ нижняго этажа, въ которой, какъ можно думать, находилась трапезная отцовъ доминикановъ. Эта зала, кромѣ сводовъ, ничѣмъ особеннымъ не отличается, такъ какъ лѣпныя украшенія по карнизамъ оконъ и двери сдѣланы очень грубо какимъ нибудь самоучкой ваятелемъ; въ числѣ этихъ лѣпныхъ украшеній обращаетъ на себя вниманіе изображеніе собаки, имѣющее символическій смыслъ, и взятое изъ исторіи и сказаній доминиканскаго ордена (1). Сидя, за вечернимъ чаемъ, подъ мраморными сводами монастырской залы, въ обществѣ людей русскихъ, знакомыхъ, мы не могли не перенестись мыслію за нѣсколько десятилѣтій. Можетъ быть, въ тотъ же день и часъ, собирались, въ той же залѣ, отцы доминиканы и вели, быть можетъ, также оживленную бесѣду. Но иная велась рѣчь, иные здѣсь раздавались звуки. Почтенные представители ордена, поглядывавшіе, вѣроятно, не безъ чувства на свою эмблему, не могли, конечно, и подумать, что будетъ свидѣтелемъ сценъ 11-го и 12-го іюня; они не могли представить себѣ, что этотъ вѣрный стражъ монастыря переживетъ его и сохранится до той поры, когда презираемые ими схизматики придутъ сюда и воздвигнутъ свой алтарь. Въ числѣ сидѣвшихъ за столомъ находился отецъ Іоаннъ Стрѣлецкій, тотъ самый священникъ, который недавно (26-го марта) изъ ксендзовъ перешелъ въ православіе; мы имѣли удовольствіе съ нимъ познакомиться. Отецъ Іоаннъ священствуетъ въ Подберезьи, въ 27 верстахъ отъ Вильны. Онъ успѣшно ведетъ святое дѣло обращенія крестьянъ р. католиковъ въ православіе и вѣруетъ въ несомнѣнное торжество его въ будущемъ,—свидѣтельство весьма утѣшительное, ибо о. Стрѣлецкій говоритъ тономъ человѣка, имѣющаго силу, которую не признать за нимъ невозможно. Простившись съ преосвященнымъ и радушными хозяевами, мы возвратились часу въ 11 вечера къ себѣ на квартиру, которую занимали въ волостномъ правленіи.

На другой день, въ воскресенье, я всталъ въ 7 часовъ утра. Въ ожиданіи службы, мы пошли гулять по деревнѣ. Мѣстечко Островецъ едва заслуживаетъ названія деревни, въ великорусскомъ смыслѣ этого слова: въ немъ не болѣе 30—40 дворовъ, составляющихъ одну небольшую улицу. Здѣшнія крестьянскія избы, говоря вообще, довольно хороши и даже красивы: похилившихся лачужекъ и сползшихъ почти до земли соломенныхъ крышъ мы не видали ни одной. Изобиліе и дешевизна строеваго лѣса, благопріятствуютъ прочности и красивости построекъ. Крыши здѣсь кроютъ соломой, но очень красиво,

(1) Это не что иное, какъ эмблема самаго ордена. Доминиканцевъ называли, въ насмѣшку, которою сами они однако же обращали въ похвалу себѣ,—Domini canis, собака Господа. Ред.

подъ гребенку, на подобіе малоросійскихъ кровель изъ очерета (камыша). Бѣлорусскія избы безобразятся только отсутствіемъ трубъ и непомѣрно маленькими окнами. Обстройка усадьбы напоминаетъ Малороссію: дворъ не огороженъ сплошными, подъ одну крышу, сараями, клетями и др. постройками; плетень рѣдкое явленіе,—вмѣсто него болѣе красивый и прочный частоколъ; не видно ни гуменъ, ни огродовъ, съ неизбѣжными коноплями и подсолничникомъ. Мы входили въ нѣкоторыя избы и, хотя праздничный день и праздничное настроеніе жителей мѣстечка лишали насъ всякой возможности судить о будничномъ, такъ сказать, благосостояніи крестьянъ, но хорошій, сытый домашній скотъ лучше всего доказывалъ, что уровень этого благосостоянія значительно поднялся, что и свидѣтельствуетъ мѣстное начальство. Надежда на хорошій урожай очень радуетъ здѣшнихъ крестьянъ, для которыхъ хлѣбъ единственное богатство. Входя во дворы и избы, мы всегда встрѣчали со стороны крестьянъ, въ особенности женщинъ, вполнѣ русскій радушный пріемъ; дѣти отъ насъ не бѣгали и не дичились. По случаю торжественнаго дня, единственная улица мѣстечка и площадь передъ церковію были убраны свѣжими березками. Народъ толпился на площади и валилъ въ церковь: начался благовѣстъ. Мы отправились въ покои, занимаемые преосвященнымъ, съ тѣмъ, чтобы встрѣтить и проводить его до церкви. Я не стану распространяться объ обрядѣ освященія храма, видѣнномъ мною, впрочемъ, въ первый разъ; но не могу не указать на два торжественные, знаменательные момента, при которыхъ остаться хладнокровнымъ не было ни какой возможности: это, во-первыхъ, обношеніе вокругъ церкви Св. Даровъ (мощей) и внесеніе ихъ въ церковь, при возглашеніи преосвященнымъ и пѣніемъ клира:— «и внидетъ Царь славы; Господь Силъ,—той есть Царь славы!»—Второй, потрясающій душу моментъ,—это живая, пламенная рѣчь о. Іоанна Стрѣлецкаго, сказанная на бѣлорусскомъ нарѣчіи. Почтенный ораторъ, обращаясь къ слушателямъ, еще недавнимъ р.-католикамъ, призывалъ ихъ къ кроткимъ и мирнымъ благамъ, раздаваемымъ православными—церковью и храмомъ—каждой вѣрующей душѣ. Въ рѣчи о. Стрелецкаго не было ничего полемическаго по отношенію къ прежнему исповѣданію: въ такую торжественную минуту самая невинная полемическая выходка была бы неумѣстна; и безъ нея, стоило только всмотрѣться въ эти сотни лицъ, устремленныхъ на проповѣдника, чтобы убѣдиться, что переходъ въ православіе дался многимъ не безъ борьбы душевной. Живое и умиротворяющее слово о. Стрѣлецкаго произвело сильное впечатлѣніе на слушателей: многія женщины, слушая его, буквально обливались слезами. Мы не можемъ не сочувстровать тѣмъ мѣрамъ, которыя, съ одобренія высокопреосвященнаго митрополита литовскаго, прилагаются къ здѣшнимъ новообращеннымъ,— щадить по возможности внутреннее религіозное чувство и всѣ возбуждающія его предметы; вотъ почему оставляются въ церквахъ прежде чтимыя иконы и бѣлыя хоругви, пока не измѣняются прежде носимыя имена и не воз-

бражется знаменованіе р. католическимъ крестомъ. Но, съ другой стороны, эти аномаліи въ православной обрядности, всѣмъ и каждому видимыя, эти, безъ сомнѣнія, невидимо существующія аномаліи и не въ одной обрядности, которыя могутъ исчезнуть развѣ во второмъ поколѣніи,—все это нѣсколько ослабляетъ тотъ восторгъ, который вы испытываете, смотря на толпы обращенныхъ, молящихся во вновь освященномъ храмѣ. Но утѣшьтесь: вспомните, что вы находитесь въ странѣ чудесъ; что вы присутствуете въ великую минуту, при актѣ претворенія умирающей жизни въ иную, лучшую. Польское католичество заѣло жизнь здѣшняго крестьянина даже до умерщвленія въ немъ національнаго сознанія. «Вы русскіе?» обращались мы не разъ къ крестьянамъ и получали такой отвѣтъ:—«слава Богу, недавно стали русскими, когда приняли православіе.» —А прежде кто же вы были?— «Прежде были католики.» И какъ мы ни старались доказать имъ, что и прежде они были русскими и что языкъ у насъ съ ними одинъ русскій, но крестьяне твердили свое: *что прежде были католиками*, или: *за панами, за поляками, а только теперь, слава Богу, стали русскими*. Слово бѣлоруссъ чисто книжное, совершенно неизвѣстное здѣшнему крестьянину. Радость нѣкоторыхъ вновь обращенныхъ, *сдѣлавшихся*, по ихъ понятію, *русскими*, принимаетъ по истинѣ трогательный характеръ: это замѣтно и изъ ихъ разговоровъ, и по крестикамъ, которые они носятъ сверхъ одежды. —Откуда вы взяли столько крестиковъ?— мы ихъ спрашивали. —»Гдѣ батюшка (преосвященный) освящаетъ церковь, туда мы и ходимъ; онъ даетъ намъ образа и крестики» —былъ отвѣтъ. По окончаніи богослуженія въ островецкомъ храмѣ, совершавшагося съ особенною торжественностію, преосвященный Александръ долго раздавалъ народу кресты и иконы, а протоіерей виленскаго кафедральнаго собора В. И. Гомолицкій буквари и молитвенники. На вопросъ послѣдняго: —ты умѣешь читать? Не рѣдко получался такой отвѣтъ:—»умѣю по польски».

Обѣдня кончилась около двухъ часовъ. Въ церкви было нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ поляковъ съ ихъ семействами. На площадкѣ передъ церковью были разставлены слолы и устроены курени, въ которыхъ была приготовлена закуска для пришедшихъ издалека крестьянъ. Послѣ раздачи крестиковъ, пришли на эту площадку преосвященный Александръ и начальникъ губерніи. Преосвященный викарій благословилъ народъ; начальникъ губерніи провозгласилъ здоровье Государя Императора. Тихо и степѐнно сталъ расходиться народъ,—кто къ закускѣ, кто по мѣстечку. Мы отправились уже въ знакомую намъ доминиканскую залу, гдѣ вчерашнее наше общество значительно увеличилось новыми лицами, въ числѣ которыхъ было нѣсколько дамъ—помѣщицъ и одинъ ксендзъ. Здѣсь опять угощали насъ чаемъ и скромной закуской. Опять изображеніе доминиканской эмблемы такъ и бросается въ глаза, противъ вашей воли. Какъ ни утомлены вы, но мысль ваша начинаетъ силь-

но работать, смотря на все васъ окружающее, припоминая недавно видѣнные вами сцены.

Начинаешь как бы осязать цивилизующую силу здѣшняго полонизма, выходившую изъ помѣщичьихъ домовъ и распространявшуюся въ массы народа. И невольно сравниваешь эту силу съ цивилизующимъ началомъ прежней русской помѣщичьей жизни; нельзя не быть пораженнымъ глубоко тѣмъ контрастомъ, который представляютъ цивилизуемые— наши и здѣшніе крестьяне. Контрасты сравнительно съ нашею жизнію здѣсь встрѣчаются на каждомъ шагу; но есть и нѣкоторая аналогія. Самая индифферентная въ дѣлѣ религіозномъ натура здѣсь глубоко поражается жизненностію борьбы православія съ р.-католичествомъ. Польская помѣщичья цивилизація была бы слаба и ничтожна безъ р.-католичества. Съ ослабленіемъ помѣщичьяго начала и съ неизбѣжнымъ его паденіемъ должно ослабнуть и пасть между здѣшними крестьянами и р.-католичество, — это ясно; но безъ борьбы, безъ долгой духовной борьбы, это сдѣлаться не можетъ, хотя должно сдѣлаться непремѣнно. Относясь съ глубокимъ сочувствіемъ къ дѣятельности ревнителей православія, вы не можете не пожелать имъ и себѣ, т. е. всѣмъ прибывшимъ въ край русскимъ людямъ, какъ можно болѣе духовности и нравственной крѣпости; ибо врагъ бралъ всегда именно этою силою. Время для подобнаго состязанія приспѣло.

Въ пять часовъ вечера я выѣхалъ изъ Островца и очень хорошо себя почувствовалъ, когда возвратился въ Вильну: въ живой книгѣ народной жизни я прочелъ многое.

(*Вил. губ. Вѣд.*)

9.

Освященіе и закладка церквей въ г. Соколкѣ, д. Веселовѣ, Лѣшнѣвѣ и Радостѣ.

Сокольскій благочинный донесъ въ консисторію, что подчиненная сокольская кладбищенская церковь *освящена* имъ въ день Вознесенія Господня 5-го мая, при многочисленномъ собраніи народа.

Ново-Александровскій благочинный донесъ, что новопостроенная въ *селѣ Веселовѣ* церковь, *освящена 24-го іюля*, во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Въ этомъ торжествѣ, кромѣ духовенства Ново-Александровскаго уѣзда, участвовали мѣстныя уѣздныя власти, какъ то: военный начальникъ, исправникъ и многіе изъ гг. чиновниковъ—русскаго происхожденія, служащихъ въ городѣ. Къ назначенному для освященія дню, кромѣ прихожанъ, прибыло еще нѣсколько сотъ человѣкъ римскихъ католиковъ, особенно чествую-

щихъ, находящуюся въ весоловской церкви, древнюю икону Божіей Матери, такъ что едва нѣкоторая лишь часть молившихся могла вмѣститься въ храмѣ. Обрядъ освященія церкви и божественная литургія совершены были благочиннымъ свящ. Ковалевскимъ соборнѣ, при участіи діакона, нарочно приглашеннаго изъ динабургскаго военнаго собора и наставниковъ нѣкоторыхъ народныхъ училищъ. Сіи послѣдніе, вмѣстѣ съ причетниками, составляли довольно стройный хоръ. Нельзя было не замѣтить умиленія, съ какимъ молились даже р.-католики, и духовной радости, какою были проникнуты сердца православныхъ, объ увеличеніи въ здѣшней странѣ числа храмовъ. Уже прошло около двухъ мѣсяцемъ послѣ духовнаго праздника въ селѣ Веселовѣ и, благодареніе Богу, совершающееся въ тамошней церкви православное богослуженіе не проходитъ безъ участія большаго или меньшаго числа латинянъ, которые не могутъ не сознавать важности и превосходства православія предъ р.-католицизмомъ. Въ день освященія веселовской церкви, крестьяне-католики, Смолвенской волости, при официальной бумагѣ, подали приговоръ о перенесеніи волостнаго ихъ правленія изъ м. Смолвъ, гдѣ находится ихъ приходскій костелъ, въ село Веселово, поближе къ православной церкви,—чтобы, какъ сказано въ приговорѣ, имъ было удобно молиться въ ней Богу и, подъ наблюденіемъ православнаго священника, воспитывать дѣтей своихъ. Такое единодушное желаніе крестьянъ принято губернскимъ начальствомъ въ уваженіе и волостное правленіе перенесено въ Веселово.

Слонимскій благочинный донесъ, что 10-го числа іюля мѣсяца совершно имъ *освященіе* закладки въ селѣ Люшневѣ новой, каменной церкви.—Къ сему освященію собралось множество народа изъ всѣхъ сосѣдствующихъ деревень, нетолько прихожанъ люшневской церкви, но и другихъ приходовъ, а также прибыли изъ города Слонима гг. военный начальникъ, предводитель дворянства, мировой посредникъ, чиновникъ государственныхъ имуществъ по секвестрованнымъ имѣніямъ, становой приставъ, архитекторъ и нѣкоторые другіе чиновники; пѣвчіе были приглашены изъ м. Молчади, крестьянскіе мальчики, обучающіеся въ народномъ училищѣ, съ ихъ наставникомъ, который и управлялъ хоромъ;—пѣвчіе во время богослуженія пѣли очень стройно и пріятно. Послѣ божественной литургіи, по прибытіи на мѣсто торжества крестнаго хода, священникъ Дашкевичъ предъ закладкой произнесъ къ народу рѣчь, приличную тому торжеству, которое совершилось благолѣпно и поучительно.

Исправляющій должность каменецкаго благочиннаго священникъ Будзиловичъ донесъ, что обновленная приписная къ радостской Михайловская Баранковская церковь, 30-го августа, въ день св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго и тезоименитства Его Императорскаго Величества, съ 5-ю сослужащими священника-

ми и діакономъ, при многочисленномъ народѣ (болѣе 3,000 душъ) имъ *освящена* по чиноположенію святой православной церкви. Починка и устройство церкви вмѣстѣ съ колокольнею и каменною вокругъ ея оградою стоитъ 1,000 руб. Съ окончаніемъ извнѣ работъ около церкви и колокольни, не оказалось церковной суммы для пріобрѣтенія хотя необходимѣйшей утвари. Но въ концѣ іюля мѣсяца сего года, брестскій военный начальникъ, по распоряженію г. начальника губерніи, передалъ ему, Василевскому, съ книгою для веденія отчета 300 руб. сер., штрафные, по жалобѣ крестьянъ, деньги съ имѣнія Большихъ-Баранковъ помѣщика Корженецкаго, который въ 1834 году, самопроизвольно, изъ святилища баранковской церкви, взялъ каменные мраморные плиты, и изъ нихъ въ передней комнатѣ своего дома сдѣлалъ полъ, въ церкви же на мѣсто мрамора оставилъ кирпичь. Священникамъ Стефану и Ѳомѣ Василевскимъ и прихожанамъ радостской Михайловской церкви за усердіе къ храму Божію и сдѣланные ими пожертвованія, преподано архипастырское благословеніе его высокопреосвященства.

10.

Освященіе церкви въ м. Засвирѣ, Свенцянскаго уѣзда, Виленской губерніи.

Засвирь, или бывшій засвирьскій кармелитскій монастырь, находится въ Свенцянскомъ уѣздѣ, въ 52 верстахъ отъ Свенцянъ, въ весьма красивой мѣстности. Засвирье называется такъ отъ того, что находится за мѣстечкомъ Свирью, на противоположной сторонѣ озера тогоже имени, околица Свири и Засвирья имѣютъ одинаковую судьбу. Нынѣшніе Свенцянскій и Вилькомирскій уѣзды въ 12 и 13-мъ вѣкѣ составляли часть завилейской Литвы. Укрѣпленный замокъ, гдѣ жили завилейскія князья, былъ въ Уцянахъ (отъ Утена князя—Utenes), нынѣшнемъ мѣстечкѣ Вилькомирскаго уѣзда. Княжества христіанскія были въ сношеніи съ завилейскою Литвою. Въ Минскѣ около 1114 года княжилъ Глѣбъ. Христіане, его подданные, не терпя строгости его управленія и продажи ихъ въ рабство, расходились въ сосѣднія княжества, Преимущественно въ завилейскую Литву. Самъ минскій Глѣбъ часто приходилъ сюда съ войскомъ. Ярополкъ, сынъ Мономаха, соединившись съ Завибунгомъ, княземъ завилейской Литвы, пошелъ войною противъ минскаго князя Глѣба, и въ 1116-мъ году основалъ въ Литвѣ новый городъ, нынѣшній Новогрудокъ, въ соотвѣтствіе сѣверному великому христіанскому Новгороду. Въ Туровѣ въ то время княжилъ Борисъ Георгіевичъ, сынъ Георгія Долгорукаго. Въ 1275 году упоминается о князьяхъ минскихъ,

шедшихъ войною на Литву съ другими русскими князьями. Городно или Городекъ, нынѣшній— Гродно принадлежалъ сыну Ярослава Великаго Всеволоду (1078—1093), сынъ котораго Владиміръ Мономахъ (1113—1132) отдалъ Городекъ въ приданное за дочерью своею Агаѳіею, т. е. своему затю Всеволоду Давидовичу, внуку Игоря, который также имѣлъ сношеніе съ литовцами. Довмонтъ Гермундовичъ, въ крещеніи Тимоѳей, княжившій въ Полоцкѣ въ 13-мъ вѣкѣ, принадлежитъ къ литовскимъ князьямъ. Соименный ему Довмонтъ Ромундовичъ (около 1280 г.), получивъ въ удѣлъ Утяны, построилъ надъ озеромъ Свиромъ укрѣпленный замокъ Свирь, и гонимый братомъ своимъ Наримундомъ, ушелъ въ Псковъ къ брату его роднаго дѣда, вышеупомянутому Довмонту, и управлялъ нѣкоторое время послѣ него Псковомъ; а Свирь отдалъ своимъ дѣтямъ. Потому его потомки, владѣтели Свири, назывались Свирскими и Сѣверскими князьями. Замѣчательнѣйшій около 1452 года свирскій деревянный храмъ во имя Святителя Николая; Богданъ около 1508 г. назначилъ этому храму десятину; Лука, Маршалъ Жмудскаго княжества (около 1569 г.), Георгій, посолъ смоленскій, Маркъ, Михаилъ, Самуилъ и другіе. Въ послѣдствіи свирскій храмъ деревянный замѣненъ на томъ же мѣстѣ и во имя того же Святителя каменнымъ. Его архитектура восточная. Но такъ какъ около 1570 года почти вся шляхта около Свири и въ Свирѣ обращены были въ лютеранство, то и храмъ пришелъ въ запустѣніе. Кто и когда основалъ кармелитскій монастырь неизвѣстно. Онъ основанъ былъ, вѣроятно, съ цѣлію распространенія и утвержденія здѣсь латинства. Съ того вѣроятно времени, оставшіеся православные вокругъ Свири съ своими князьями перешли въ латинство. Свирскіе князья тогда уже обѣднѣли. О ихъ бѣдности говоритъ мѣстная пословица: »Шуми доброва, ѣдзѣць князь по дрова.« (см. Starożytna Polska Balinskiego. Warszawa, tom III, 1846 г., pag. 241—243. Korona Polska Niesieckiego tom IV, 1743 г., pag. 249. Narbutt Dzieje Narodu Litewskiego tom IV. Wilno 1838 г., pag. 284), засвирскій кармелитскій монастырь закрытъ въ текущіе годы по причинѣ малочисленности монашествующихъ и за безпорядки, тамъ господствовавшіе и оттуда въ окрестности распространяемые, состоявшіе въ содѣйствіи мятежу, и проч. Съ закрытіемъ монастыря упраздненъ и костелъ. Этотъ-то костелъ 22-го мая и освященъ на православную церковь. Устройству православнаго храма изъ упраздненнаго костела предшествовало присоединеніе окружныхъ римскихъ католиковъ къ православію, которое продолжается и доселѣ. Къ освященію прибыли въ Засвирь 21-го мая преосвященный Александръ, епископъ ковенскій съ духовенствомъ и виленскій гражданскій губернаторъ съ чиновниками и много народа изъ присоединенныхъ римско-католиковъ. Послѣ всенощной 140 человѣкъ римско-католиковъ изъявили желаніе присоединиться въ православной церкви. Присоединеніе ихъ

11*

послѣдовало утромъ 22-го мая предъ освященіемъ храма. Къ 10-ти часамъ собралось съ окрестностей очень много народа по прежнему обычаю собираться въ этотъ день, потому что это былъ храмовой праздникъ Св. Троицы по римскимъ святцамъ, и совпалъ, неожданно, съ освященіемъ храма. Храмъ также освященъ во имя Пресв. Троицы. Послѣ освященія сказано было слово инспекторомъ семинаріи архимандритомъ Модестомъ, а послѣ заамвонной молитвы произнесено было приличное слово самимъ преосвященнымъ Александромъ. Изъ слова послѣдняго слушатели узнали между прочимъ и причину закрытія монастыря — возбужденіе къ возстанію на исповѣди и проч. При выходѣ изъ храма преосвященнѣйшій долго раздавалъ крестики присоединившимся къ православію, которые съ благоговѣніемъ и съ радостію принимали это благословеніе и даръ архипастыря. Богослуженіе окончилось около двухъ часовъ пополудни.— Помонастырскія зданія обращены на помѣщеніе церковнаго причта, сельскаго учителя и на другія общественныя потребности. Мѣстоположеніе здѣсь живописное и здоровое.

Архимандритъ *Модестъ.*

11.

Освященіе приписной бездзѣжской церкви.

Бездзѣжскій благочинный доноситъ въ консисторію, что приписная бездзѣжская церковь, устроенная изъ костела, освящена имъ 9 мая сего 1866 года, во имя св. Николая Чудотворца, въ сослуженіи шести священниковъ. По окончаніи Божественной Литургіи, произнесено было принаровленное къ сему случаю поученіе, и отправлено благодарственное Господу Богу молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу, епархіальнымъ архипастырямъ, бывшему и настоящему начальникамъ края, христолюбивому воинству и всѣмъ споспѣшествовавшимъ устройству храма Божія. Къ таковому торжеству народа собралось довольно, но къ несчастію по причинѣ нѣсколькодневнаго самаго ненастнаго времени, не было такого стеченія богомольцевъ, какое обыкновенно бываетъ при подобныхъ случаяхъ, хотя сего знаменательнаго дня съ нетерпѣніемъ ожидали не только свои, но и окрестные прихожане, и присутствующіе торжествовали оный съ неподдѣльною радостію.

12.

Освященіе церквей въ г. Пружанахъ и деревни Высокій Дворъ.

9-го октября 1866 года въ гор. Пружанахъ совершилось торжественное освященіе новоотстроеннаго храма во имя Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго. Краеугольный камень въ основаніе сего храма положенъ былъ 1864 года 29-го іюня въ день Св. Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла преосвященнѣйшимъ Игнатіемъ епископомъ брестскимъ, викаріемъ литовской епархіи, и тѣмъ-же маститымъ іерархомъ храмъ сей по выстроеніи освященъ.

Сооруженіе храма, благодаря энергическимъ распоряженіямъ церковностроительнаго комитета и дѣятельному участію крестьянъ всего уѣзда, шло быстро и безостановочно. Въ осени 1865 года постройка храма вчернѣ была совершенно окончена; такъ что на слѣдующій годъ оставалась только чистая отдѣлка и внутреннее устройство храма, которыя и кончены вполнѣ ко дню освященія.

На канунѣ освященія—8-го октября народъ съ ранняго утра сталъ уже собираться большими кружками около старой и новой церквей, а въ особенности на заставѣ, чрезъ которую имѣлъ проѣзжать нашъ архипастырь. Въ 5-ть часовъ по полудни прибылъ и преосвященнѣйшій владыка, встрѣченный съ хлѣбомъ-солью и сопровождаемый огромною массою народа разныхъ званій, половъ и возрастовъ и музыкою Успенскаго пѣхотнаго полка, игравшею на всемъ пути чрезъ городъ гимнъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ.» Нельзя было смотрѣть безъ умиленія и постороннему на этотъ торжественный архіерейскій въѣздъ; густыя толпы народа, предшествовавшія и сопровождавшія, ихъ лица сіяющія радостію и любовію; звуки музыки, смѣшавшіеся съ стройнымъ колокольнымъ звономъ въ одинъ гулъ, все это невольно напоминало о торжественномъ шествіи нѣкогда въ Іерусалимъ и приводило всѣхъ въ восторгъ и умиленіе. Сей часъ-же начался въ новоотстроенномъ соборѣ благовѣстъ къ всенощному бдѣнію, а въ шестомъ часу прибылъ въ соборъ и самъ преосвященнѣйшій. Всенощное бдѣніе совершалъ мѣстный священникъ, а на литію и полелей выходилъ самъ архипастырь въ сослуженіи протоіерея, 5-ти священниковъ и трехъ діаконовъ. Служба продолжалась съ полною торжественностію до 9-ти часовъ вечера. Храмъ былъ полонъ молитвенниками и молитвенницами; и всѣ они, къ величайшей радости, сподобились принять помазаніе освященнымъ елеемъ отъ самаго архипастыря. Тѣмъ и заключилось предначатіе духовнаго торжества, имѣвшаго назавтра совершиться окончательно.

На другой день—9-го октября, въ семь часовъ утра, благовѣстъ

на колокольнѣ старой церкви возвѣстилъ толпившемуся уже народу о крестномъ ходѣ изъ старой церкви въ новую, съ которымъ было предположено перенесть изъ послѣдней въ первую Св. Мощи. По перенесеніи Святыни тотъ часъ же началась ранняя Божественная Литургія въ старой церкви, а въ новой въ это время отслужено соборнѣ малое освященіе воды. Въ 9-ть часовъ утра начался перезвонъ въ новосооруженномъ соборѣ, а въ 10-ть часовъ прибылъ въ соборъ и преосвященнѣйшій. По прибытіи владыки немедленно приступлено къ освященію храма. Величественный обрядъ сего священнодѣйствія, никогда еще не виданнаго въ нашей мѣстности, у всѣхъ, видимо, произвелъ глубоко назидательное молитвенное настроеніе. Въ концѣ освященія опять открылся торжественный ходъ, съ которымъ перенесены были обратно изъ старой въ новую церковь Св. Мощи. Въ этомъ священномъ шествіи участвовалъ убѣленный сѣдинами святитель съ духовенствомъ цѣлаго уѣзда и нѣсколькими священниками даже изъ сосѣдняго Кобринскаго уѣзда, нарочито прибывшими на это радостнѣйшее торжество начальникъ губерніи, воинскіе и гражданскіе чины всѣхъ вѣдомствъ, дворянство, старшины и старосты всего уѣзда, тысячи народа, прибывшаго изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Никогда еще не было въ нашемъ скромномъ городѣ такого величественнаго торжества, и едва-ли повторится оно когда нибудь. Стеченіе народа было такъ многочисленно, что не только церковь и ея погостъ, но и все пространство отъ новой до старой церкви, даже крыши домовъ, лежавшихъ на пути этой священной процессіи, буквально унизаны были народомъ. Множество св. иконъ и хоругвій; благолѣпный сонмъ священно-служителей въ свѣтлыхъ праздничныхъ ризахъ; стройное пѣніе хвалебныхъ церковныхъ пѣсней; потрясающіе до глубины души—звонъ колоколовъ и звуки музыки; прекрасная теплая погода, ожидавшая, кажется, этаго священнаго торжества; весь этотъ много знаменательный ходъ привелъ народъ въ умиленіе и востроrъ, воспламеняя сердца присутствующихъ мыслями и чувствованіями небесными, осязательно навѣваемыми благодатію Божіею, всегда присущею нашей св. православной церкви. Освященіе храма заключено провозглашеніемъ обыкновеннаго многолѣтія. И въ слѣдъ засимъ начата Божественная Литургія, которую пѣли на два хора. Правый хоръ, обязанный своимъ существованіемъ личному содѣйствію г. военнаго начальника И. Г. Веселитскаго, составляли наши добрые чиновники и ученики мѣстнаго училища; на лѣвомъ пѣло духовенство. Умилительно-торжественное архіерейское служеніе, въ первый разъ еще здѣсь виденное; прекрасное пѣніе праваго хора какъ Литургіи, такъ и предшествовавшихъ священнодѣйствій, произвело на народъ самое отрадное и благотворное впечатлѣніе. Въ концѣ Литургіи произнесено мѣстнымъ священникомъ слово, День этотъ навсегда будетъ дорогъ и памятенъ для жителей всѣхъ сословій и всего уѣзда.

Не лишнимъ, кажется, будетъ при настоящемъ случаѣ, хотя краткое описаніе самаго храма и его принадлежностей. Храмъ построенъ въ самомъ центрѣ города, на самомъ видномъ и возвышенномъ мѣстѣ; храмъ каменный, теплый, съ тремя большими входными дверями, построенъ на семсотъ человѣкъ, въ видѣ корабля, съ большимъ и красивымъ куполомъ надъ алтаремъ и одною башней, значительной высоты, надъ колокольней. Корпусъ храма покрытъ листовымъ желѣзомъ; а куполъ и башня, увѣнчанные чугунными восьмиконечными позолоченными крестами, покрыты бѣлою жестію. Колокольня снабжена девятью колоколами изъ завода с.-петербургскаго купца Пиккіева, отличной отдѣлки и съ чистымъ благозвучнымъ звономъ, иконостасъ дѣланъ тоже въ С.-Петербургѣ по плану и рисунку г. архитектора Сычева, подъ наблюденіемъ почетнаго члена комитета, полковника гвардіи Н. В. *Эллина* 2-го. Во всѣхъ частяхъ иконостасъ сдѣланъ изящно и вызолоченъ на полиментъ отлично лучшими мастерами столицы Козеровымъ и Сребряковымъ. Иконы для иконостаса и кіотовъ писаны тамъ же монахинями женскаго Воскресенскаго монастыря; иконы большія написаны на холстахъ, а меньшія на кардонахъ, въ византійскомъ вкусѣ на золотомъ фонѣ и, по суду знатоковъ, написаны съ полнымъ знаніемъ живописнаго искуства. Иконостасъ и иконы стоятъ до 2500 руб. сер. Ризница, священные сосуды, богослужебныя книги, и вообще вся почти утварь сего благолѣпнаго храма есть жертва достойнѣйшаго храмолюбиваго московскаго купечества. Вся эта утварь, сдѣланная въ Москвѣ, по заказу, самыми лучшими мастерами.

Этимъ драгоцѣннѣйшимъ пожертвованіемъ пружанская Александро-Невская церковь обязана, между прочимъ, благому вниманіе его превосходительства, тайнаго совѣтника Помпея Николаевича Батюшкова.

Миръ и благословеніе Божіе да осѣняютъ отъ нынѣ и до вѣка всѣхъ боголюбивыхъ покровителей, благотворителей и создателей сей св. церкви!

13.

ЗАКЛАДКА

въ г. Слонимѣ часовни, сооружаемой въ память нашихъ воиновъ, павшихъ въ дѣлѣ противъ мятежниковъ подъ Миловидами.

Въ настоящемъ году,—во всю минувшую весну и начало лѣта,— по Слонимскому уѣзду произведено не мало закладокъ церквей и освящено нѣсколько возобновлённыхъ. Такимъ образомъ, во все это время, не проходило у нас почти недѣли, чтобы не совершилось гдѣ либо сіе духовное торжество. Слава Богу! время прежняго уничиженія церквей нашихъ правосавныхъ исчезаетъ

въ памяти; въ замѣнъ столь мрачнаго прошедшаго наступила новая эра, обѣщающая свѣтлое будущее! Къ числу такихъ свѣтлыхъ торжествъ, повсюду у насъ совершаемыхъ, надобно отнести и происходившее недавно въ самомъ г. Слонимѣ. 15 числа іюня мѣсяца—въ день равноапостольнаго князя Владиміра, перваго просвѣтителя Россіи свѣтомъ евангельскаго ученія, произведена закладка часовни, на городской площади, среди рынка, на мѣстѣ сгорѣвшаго въ 1843 году римско-католическаго монастыря и костела. Часовня эта будетъ сооружена въ память нашихъ воиновъ, павшихъ въ миловидскихъ лѣсахъ Слонимскаго уѣзда, въ дѣлѣ съ польскими мятежниками.

Первую мысль къ сооруженію ея подалъ намъ почтенный русскій дѣятель по мировымъ учрежденіямъ Михаилъ Василевичъ Сильвестровъ. Онъ предполагалъ ее выстроить на частныя пожертвованія, и нынѣ собранной суммы на этотъ предметъ у него есть уже до 300 руб. сер. Планъ этой часовни очень красивъ. По смѣтѣ она будетъ стоить — безъ кирпича — до 750 руб.; кажется она обойдется вся, не менѣе 1,000 руб. Мы слышали, что дивизіонный генералъ Ганецкій — извѣстный герой, усмиритель польскаго мятежа, узнавъ о постройкѣ сей часовни, обѣщалъ открыть по всей своей дивизіи денежный сборъ, и собранную сумму на сооруженіе оной прислать въ Слонимъ. Дай Богъ, чтобы это обѣщаніе генерала Ганецкаго сбылось, ибо часовня эта очень нуждается въ денежныхъ средствахъ и ждетъ доброхотныхъ подаятелей, которые, мы смѣемъ надѣятся, не откажутся отъ приложенія къ собранной уже суммѣ своей посильной лепты, въ ознаменованіе своего сочувствія къ сему благому дѣлу. Если, кромѣ дивизіи генеряла Ганецкаго, и еще гдѣ либо найдутся добрые люди, готовые принести въ пользу строющейся часовни нашей свои денежныя пожертвованія, то покорнѣйше просимъ таковыхъ жертвы свои присылать въ г. Слонимъ, на имя предсѣдателя комитета по устройству сей часовни, г. Сильвестрова.

Какъ для закладки часовни, такъ и для совершенія, предъ тѣмъ, Божественной Литургіи, по единодушному желанію и просьбѣ всего русскаго общества, прибылъ изъ жировицкаго монастыря архимандритъ Николай съ двумя своими діаконами; отслуживъ со всею торжественностію, подобающею оному дню, совмѣстно съ соборнымъ духовенствомъ, обѣдню, при стройномъ пѣніи хора слонимскихъ пѣвчихъ, вслѣдъ затѣмъ, сопровождаемый прибывшимъ для этого торжества сельскимъ духовенствомъ, онъ совершилъ на мѣсто закладки крестный ходъ. Здѣсь сказана была соборнымъ священникомъ Климентомъ Смольскимъ приличная сему случаю рѣчь, а вслѣдъ за тѣмъ началось и самое освященіе мѣста, послѣ совершенія коего провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему дому. Потомъ пропѣта была всѣмъ воинамъ, убитымъ въ Миловидскомъ лѣсѣ и прочимъ по всему западному краю во время минувшаго польскаго

литеія: „вѣчная память,“ и наконецъ, опять многолѣтіе всему христолюбивому побѣдоносному всероссійскому воинству, и тѣмъ кончилось духовное торжество, по окончаніи коего крестный ходъ возвратился въ церковь.

14.

Освященіе деревянной церкви и закладка каменной въ м. Куренцѣ, Вилейскаго уѣзда.

Каждому русскому, пріѣзжающему въ Западный край изъ нашихъ внутреннихъ губерній, первое, что непріятно бросается въ глаза и производитъ тяжелое впечатлѣніе— это неимовѣрная бѣдность зданій нашихъ православныхъ церквей; маленькія, вѣтхія, часто полуразрушенныя, похожія болѣе на какія-нибудь экономическія постройки, онѣ еще болѣе кажутся тамъ убогими и приниженными, гдѣ около нихъ высятся великолѣпные костелы съ красными оградами: нерѣдко съ роскошными садами и рощами, на восхитительныхъ мѣстностяхъ, такъ что иной костелъ видѣнъ со всѣхъ сторонъ за 10 и за 20 верстъ, а нашу православную церковь замѣтишь развѣ тогда только, когда будешь проѣзжать около нея. Но если кому нибудь изъ насъ придется пожить здѣсь одинъ-другой годокъ, побывать въ одной-другой мѣстности, поприслушаться, поприсмотрѣться поближе ко всему, что здѣсь сдѣлано, что дѣлается и чего можно ожидать отъ призванныхъ къ этой дѣятельности лицъ, то можно встрѣтить много для себя утѣшительнаго. Если вы войдете иногда въ эту убогую полуразвалившуюся церковь и услышите правильное, чистое, истинно-православное служеніе, стройное хоровое пѣніе крестьянскихъ мальчиковъ и проповѣдь скромнаго сельскаго пастыря, нерѣдко такую проповѣдь, которая прямо идетъ къ сердцу и простаго и образованнаго человѣка, вы выйдете изъ этой церкви, отъ души помолившись, и забудете безобразную ея наружность. Распространеніе православія въ здѣшнемъ краѣ для каждаго русскаго, конечно, есть самое отрадное явленіе, тѣмъ болѣе, что оно идетъ своимъ естественнымъ путемъ— убѣжденія и нравственнаго вліянія многихъ лицъ изъ нашего духовенства въ общеніи съ народомъ. Насиліемъ нельзя было обратить тысячи р. католиковъ въ православныхъ въ такое короткое время: іезуиты и ксендзы оттого и совращали православныхъ цѣлые вѣка, что употребляли козни и происки. Въ нынѣшнемъ году по одному Вилейскому уѣзду приняли православіе 6,351 ч. р. католиковъ. Нельзя не отдать справедливости (по Вилейскому уѣзду) отцамъ благочиннымъ протоіерею Игнатію Валицкому и священнику Кирилу Трояну, какъ въ этомъ отношеніи, такъ и по постройкѣ церквей. Нѣтъ сомнѣнія, что уѣздъ украсится въ непродолжительномъ времени многими бла-

голѣпными храмами. Русское общество въ уѣздѣ, хотя не большое, состоитъ только изъ служащихъ; но всегда является искренно-сочувствующимъ въ этомъ дѣлѣ; гдѣ закладка или освященіе храма, оно спѣшитъ туда, чтобы присутствовать на торжествѣ, какъ для выраженія благоговѣнія къ православной вѣрѣ, такъ и для заявленія сочувствія и уваженія къ нашему духовенству, любви и вниманія къ простому народу— крестьянамъ, къ младшимъ братьямъ нашимъ.

Чтобы судить о дѣятельности церковнаго комитета по Вилейскому уѣзду, достаточно сказать, что здѣсь уже построено двѣ каменныя церкви, въ г. Вилейкѣ и въ м. Ершевичахъ, и заложено десять, изъ которыхъ восемъ строятся, а 2-го октября въ мѣст. Куренцѣ освящены: закладка уже 14-й каменной церкви во имя Рождества Пресвятыя Богородицы и деревянная во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Послѣдняя обращена изъ костела, потому что крестьянское населеніе въ здѣшнемъ приходѣ состоитъ въ настоящее время почти все изъ православныхъ, за исключеніемъ 10—15 семействъ и шляхты, но и тѣ постепенно оставляютъ католичество и присоединяются къ нашей церкви.

Говорятъ, что въ 1863 году ксендзъ упраздненнаго куренецкаго костела Н. съ каѳедры взывалъ къ своимъ прихожанамъ, чтобы молились за убитыхъ повстанцевъ и въ костелѣ пѣлись патріотическіе гимны. Въ то же время, когда получено было извѣстіе о смерти р. католическаго архіепископа Жилинскаго, Н. съ другими ксендзами служилъ панихиду въ городищенской каплицѣ: большое было стеченіе народа— и помѣщиковъ и крестьянъ; многіе плакали, ужъ конечно изъ числа первыхъ, которымъ извѣстно было, что эта панихида служилась по убитыхъ повстанцахъ.

Замѣчательно еще то, что въ упомянутой каплицѣ куренецкій и другіе окрестные ксендзы собирались и праздновали съ большимъ торжествомъ 1-го октября— Покрова Пресв. Богородицы, тогда какъ этого праздника у р. католиковъ вовсе нѣтъ. Вѣроятно, что это дѣлалось съ тою цѣлію, чтобы отвлекать народъ отъ православной церкви, у которой этотъ день составляетъ большой праздникъ, и всякій изъ православныхъ обыкновенно спѣшитъ въ такой праздникъ помолиться Богу (1). Въ 1865 г. городищенская каплица упразднена, а ксендзъ высланъ.

Но я обращаюсь къ описанію нашего праздника 2 октября въ Куренцѣ,

Узнавъ, что многіе русскіе люди собираются на этотъ праздникъ, я поспѣшилъ присоединяться къ нимъ и около 10 часу утромъ 2-го числа мы прибыли въ Куренецъ, къ самому началу

(1) М. Куренецъ расположено на почтовой дорогѣ, отъ г. Вилейки на 7-й верстѣ, а каплица въ околицѣ Городищѣ на 3-й в., значитъ на половинѣ дороги отъ Вилейки до Куренца, какъ тамъ, такъ и здѣсь бываютъ еженедѣльно многолюдные базары и по временамъ ярмарки.

богослуженія; народу было множество внутри церкви и въ ограде, мы насилу могли пробраться, чтобы стать около клироса. Освященіе церкви совершалъ протоіерей Балицкій при сослуженіи четырехъ священниковъ и діакона. По окончаніи литургіи священникъ, отецъ Иларіонъ, произнесъ поучительное слово, въ которомъ, изъяснивъ кратко о прежнихъ гоненіяхъ на православную церковь со стороны польщизны и р. католицизма, весьма справедливо выразилъ, что отнынѣ здѣсь — въ ново-освященномъ храмѣ только будетъ возноситься безкровная жертва Господу Богу, только будетъ проповѣдываться истинное слово Божіе; пѣніе же возмутительныхъ гимновъ недостойно божественнаго храма.

Послѣ того все духовенство въ полномъ облаченіи, со крестомъ, евангеліемъ и хоругвями, которыя несли крестьяне, крестнымъ ходомъ отправилось изъ церкви къ мѣсту закладки, сопровождаемое множествомъ народа, такъ что шествіе протянулось во всю длину идущей чрезъ мѣстечко улицы. Мѣсто закладки освящено со всею подобающею торжественностію православной церкви, освященіе совершилъ въ томъ же порядкѣ о. протоіерей Балицкій. Мѣстный священникъ о. Константинъ произнесъ здѣсь также приличное настоящему событію поученіе.

Крестьянъ собралось на праздникъ болѣе 2,000 человѣкъ, особенно было много женщинъ. Стояла прекрасная погода, какъ будто нарочно для того, чтобы праздникъ нашъ сдѣлать болѣе веселымъ и оживленнымъ. *И. С.*

15.

Освященіе теплой церкви въ гродненскомъ женскомъ монастырѣ.

Въ »Гродн. Губ. Вѣд.« пишутъ: минувшаго 4-го октября преосвященный Игнатій епископъ брестскій освятилъ соборнѣ вновь построенную въ гродненскомъ женскомъ монастырѣ теплую церковь во имя Св. Сергія Радонежскаго.

Доселѣ теплая церковь этого монастыря помѣщалась въ одной изъ келлій и была до того тѣсна, что въ праздничные дни трудно было выстоять службу по причинѣ духоты и давки. Покойный графъ М. Н. Муравьевъ, въ бытность свою главнымъ начальникомъ сѣверо-западнаго края, по ходатайству мѣстнаго начальства, отпустилъ изъ имѣвшихся въ его распоряженіи суммъ около шести тысячъ на постройку новой теплой церкви. Она каменная и хотя невелика, но уютна. Иконостасъ темноголубаго цвѣта съ позолотою. Въ немъ всего девять образовъ. Простота и небогатое изящество подали здѣсь, кажется, другъ другу руки. Въ этой церкви устроено особое мѣсто для монахинь. Этотъ новый храмъ южною стѣною примыкаетъ къ лѣтней Рождество-Богородичной монастырской церкви, основанной очень и очень дав-

но, и именемъ которой называется самая обитель. Исторія ея довольно разнообразна, почему я посвящу ей нѣсколько словъ. Здѣсь первоначально былъ каменный соборъ *Пречистыя*. Первыя извѣстія о немъ, дошедшія до насъ, относятся ко второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія; но, безсомнѣнія, онъ построенъ гораздо раньше. Подъ 1550 годомъ первый разъ упоминается объ этой церкви въ инвентарѣ, по случаю пожертвованія ей королемъ двухъ *уволокъ земли*. Потомъ о ней упоминается подъ 1565 годомъ въ привиллегіи, данной ей Станиславомъ Августомъ, и въ привилегіи Стефана Баторія подъ 1581 годомъ. Въ 1595 году она заграблена уніятами и обращена въ уніятскую. Въ 1634 году при Пречистенскомъ соборѣ образовался женскій базиліянскій монастырь съ цѣлію совращать православныхъ гродненскихъ дѣвицъ и женщинъ въ р- католичество. Въ первой половинѣ 17 вѣка базиліянки устроили на мѣсто сгорѣвшаго каменнаго храма деревянную церковь, которая чрезъ пять лѣтъ, послѣ постройки, опять сгорѣла до тла. Въ началѣ же 18 вѣка митрополитъ *Кишка* построилъ нынѣшній каменный храмъ. Въ 1843 году, съ возсоединеніемъ уніи, онъ обращенъ въ Рождество-Богородичный женскій православный монастыръ (*).

Вотъ въ перечнѣ исторія обители, праздновавшей 4-го октября освященіе своего новаго теплаго храма. Отъ самаго основанія ея до позднѣйшихъ временъ разные благотворители жертвовали ей и деньги, и земли; но время, этотъ неумолимый врагъ человѣчества, при помощи еще худшаго бича западной Россіи— враговъ православныхъ— сдѣлало то, что въ настоящее время этотъ монастырь многаго не досчитываетъ въ своихъ рукахъ, часть монастырской собственности сдѣлалась польскою и еврейскою. Впрочемъ, это очень нерѣдкое явленіе въ западной Россіи. Общая цифра ежегоднаго содержанія этого монастыря въ настоящее время равняется 3,615 р. с. 32 к. с. Кромѣ игуменіи, здѣсь 9 монахинь, 3 расфорныхъ и 8 нерясофорныхъ послушницъ и 3 воспитанницы изъ дѣвицъ духовнаго званія. Да проститъ мнѣ смиренство матушки игуменіи Аѳанасіи, ежели я позволю сказать гласно, что своимъ современнымъ видомъ и порядкомъ гродненскій Рождество— Богородичный монастырь обязанъ ея двадцатичетырехлѣтнимъ трудамъ и заботамъ. Она устроила алтарь на востокъ, она устроила маленкую теплую церковь (теперь упраздненную), она обвела монастырь каменной оградой, она выпросила у доброхотныхъ москвичей пожертвованія на обитель деньгами, богослужебными книгами и утварью; она завела при своемъ монастырѣ маленкую библіотеку книгъ религіознаго содержанія для услажденія ими своихъ монастырскихъ сестеръ во Христѣ! Трудись же, старица, на пользу православно-русскаго дѣла, какъ потрудилась досе лѣ, прибывъ сюда изъ родимой тебѣ Москвы.

---

(1) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ Памятной книжки Гродненской губерніи на 1865 годъ.

На освященіи церкви былъ г. начальникъ губерніи, много чиновниковъ, дамъ и воспитанники гимназіи. Нельзя не порадоваться приходу нашихъ гимназистовъ на это церковное торжество, которое и по своей рѣдкости не всякому удается повидѣть и которое практически знакомитъ, между прочимъ, съ церковностію, что, я полагаю, должно быть основнымъ камнемъ нашего русскаго. православнаго воспитанія.

16.

Освященіе Котчинской церкви.

Какъ на небесномъ небосклонѣ въ тихій безоблачный вечеръ появляются и сіяютъ въ своей красотѣ свѣтила; такъ послѣ бурныхъ испытаній, пронесшихся надъ нашимъ краемъ, на ея горизонтѣ воздвигаются въ подобающей красотѣ православные храмы Божіи. Едва минуло семь мѣсяцевъ и Господь удостоилъ насъ утѣшенія опять видѣть освященіе другой церкви въ перечинскомъ приходѣ—въ деревнѣ Котчинѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ м. Деречина. Котчинъ—имѣніе помѣщика Полубинскаго. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ, или вѣрнѣе со временъ самостоятельности Литвы и господства православной вѣры построенъ былъ православнымъ княземъ Полубинскимъ православный храмъ во имя святителя Николая, вблизи самаго дома владѣльца. По неимѣнію никакихъ свидѣтельствъ о такой древности, не можемъ достовѣрно сказать, по какому поводу устроена здѣсь церковь и при ней, въ предѣлахъ деречинскаго прихода, сдѣланъ небольшой котчинской приходъ. Изъ разсказовъ старожиловъ знаемъ только, что тысячи богомольцевъ изъ дальныхъ мѣстъ притекали въ котчинскій храмъ къ образу Св. Николая и получали опыты молитвеннаго заступленія и небеснаго покрова Чудотворца. При церкви у насъ сохранилось рукописное котчинское евангеліе, въ которомъ сдѣлана выпись изъ книгъ земскихъ справъ вѣчистыхъ повѣту Слонимскаго 1604 г., января 17 дня; изъ этого документа, сдѣланнаго въ томъ году княземъ Ѳеодоромъ Полубинскимъ—еще православнымъ и завѣщающимъ похоронить себя по обряду православной церкви,—видно, что задолго до сего существовала здѣсь церковь и при оной для священника земельныя угодія, вновь утвержденныя симъ документомъ. Не знаемъ, какъ долго еще послѣ князя Ѳеодора родъ Полубинскихъ былъ вѣренъ православной церкви и какой судьбѣ подвергался котчинскій храмъ. Старожилы показываютъ, что на мѣсто деревянной церкви впослѣдствіи была выстроена нынѣшняя каменная. Дѣйствительно, зданіе, очень красивой архитектуры, не показываетъ глубокой древности и не имѣетъ византійскаго характера, которымъ, по всей вѣроятности,

отличалась предшествовавшая ей деревянная церковь. Нынѣшняя же церковь, въ 1835 году, по несогласію помѣщика привести ее въ приличный видъ, была закрыта, упраздненный при оной приходъ раздѣленъ между сосѣдними, образъ св. Николая съ другою утварью перенесенъ въ деречинскую церковь, гдѣ находился по сіе время, и самое зданіе котчинской церкви предоставлено было истребительному дѣйствію стихій и времени.

Время шло своимъ чередомъ; римско-католическая пропаганда дѣйствовала своими темными интригами; доморощенные оракулы и политики уже проповѣдывали здѣсь о паденіи опять возникшаго православія, и наканунѣ послѣднихъ кровавыхъ событій поборники папства заявили покушеніе сдѣлать изъ котчинской церкви костелъ. Такая беззастѣнчивость и была побужденіемъ къ возобновленію зданія. Епархіальное начальство благословило и предписало деречинскоту причту мѣстными средствами исправить храмъ для открытія въ немъ богослуженія. Поврежденія были значительныя и требовали значительныхъ денежныхъ средствъ, чтобы привести зданіе въ приличный видъ. Сначала слабая надежда представлялась на успѣшное исполненіе сего дѣла при бѣдности прихожанъ. при скудости церковной суммы и безъ всякаго пособія отъ казны. Но молитвами Святителя Николая вопіющее запустѣніе святыни воспомянулось предъ Богомъ и Всемогущій подвигнулъ сердца для принесенія посильныхъ жертвъ во славу святаго имени Своего. Послѣ объявленія крестьянамъ свободы, — въ разгаръ мятежа, у насъ стали появляться денежныя приношенія и приступлено къ каменнымъ работамъ, которыя исполнены самымъ удовлетворительнымъ образомъ; затѣмъ, по мѣрѣ пріобрѣтенія средствъ, исполнялось и внутренне устройство.

Не скоро подвигалось дѣло; но за то исполнено такъ хорошо и изящно, что самое взыскательное требованіе компетентныхъ судей не найдетъ ничего лучше на средства, употребленныя при производствѣ работъ. Всѣ иконы, кисти художника Титова, написаны прекрасно, иконостасъ очень приличный, легкій и соотвѣтственный красотѣ самаго зданія; въ немъ царскія двери отличной рѣзной работы, всѣ вызолочены, облаченія всѣ благолѣпны и прочая утварь прилична. Изъ пожертвованныхъ вещей особенное вниманіе обращаетъ на себя образъ Святителя Николая, стариннаго письма на кипарисной доскѣ, обложенной массивною ризою, вычеканенною изъ серебра и позолоченною— неизвѣстнымъ благотворителемъ, а также чаша съ приборомъ серебренная вызолоченная—даръ Ея Величества. Какъ въ частностяхъ, такъ и въ общемъ храмъ представляетъ одно изящное цѣлое, — отдѣланъ тщательно; во всемъ видна руководившая мысль — позаботиться объ отдѣлкѣ дома, предназначеннаго на жилище Господу силъ.

Освященіе сего храма совершено въ 22-й день мая мѣсяца настоятелемъ жировицкаго монастыря и смотрителемъ тамошняго духовнаго училища, о. архимандритомъ Николаемъ, при

сослуженіи священниковъ. Наканунѣ въ возобновленномъ котчинскомъ храмѣ соборно было совершено всенощное бдѣніе о. архимандритомъ, при стройномъ пѣніи жировицкихъ пѣвчихъ.— Среди зеленѣющихъ полей, въ тихій майскій вечеръ, послѣ долгаго запустѣнія на мѣстѣ святѣ, — опять раздалась слава Всевышнему; каждое слово предначинательнаго псалма, пропѣтаго съ особенною выразительностію и стройностію, отрадно ложилось на душу и вызывало чувство высокаго благоговѣнія. Казалось каждый камень въ стѣнахъ храма, каждый стебелекъ на полѣ вокругъ храма вмѣстѣ въ разумными существами, находившимися въ самомъ храмѣ, взывали съ псалмопѣвцемъ: „чудна дѣла Твоя Господи!...“ Мысленному нашему взору представилась сѣдая древность, когда, послѣ вавилонскаго плѣненія, благочестивый Ездра на развалинахъ Іерусалима, полагая краеугольные камни для возобновленія храма, проливалъ слезы со всѣми помнившими великолѣпіе Соломона храма. Но то были слезы печали, а наши теперь — были слезы отрады и умиленія.

Въ самый день освященія, послѣ ранней обѣдни въ деречинской церкви, совершенъ былъ крестный ходъ изъ Деречина въ Котчинъ, и затѣмъ торжественно соборомъ священнослужителей было совершено самое освященіе храма и принесеніе безкровной жертвы во время Литургіи, при чемъ во время причастна было сказано приличное торжеству слово. Послѣ обѣдни былъ пропѣтъ молебенъ съ возглашеніемъ многолѣтствія Государю Императору и всему Царствующему Дому, святѣйшему сvноду и члену онаго митрополиту Іосифу со всею его богохранимою паствою, создателямъ и благотворителямъ возобновленнаго храма и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Торжество освященія привлекло множество народа; мы замѣтили въ числѣ богомольцевъ многихъ чиновниковъ, прибывшихъ изъ г. Слонима и во главѣ ихъ слонимскаго военнаго начальника, усерднаго помощника мѣстному духовенству въ ихъ пастырскихъ трудахъ, также многихъ офицеровъ, и квартирующія войска.

По выходѣ изъ церкви на столахъ, устроенныхъ на полѣ, была предложена народу и войскамъ закуска, которую о. архимандритъ благословилъ и вмѣстѣ поздравилъ всѣхъ съ окончаніемъ трудовъ по устройству храма, при чемъ было выпито за здоровье Государя Императора, и всѣмъ собраніемъ пропѣтъ былъ гимнъ: Боже Царя храни.

Слава Богу благодателю нашему, ущедряющему милости своя къ боящимся и любящимъ Его. *Св. И. Кунцевичъ.*

17.

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ ЛОГОЙСКѢ.

6-го сентября прибылъ въ Минскъ главн. начальникъ края; прежде еще распространился слухъ, что онъ посѣтитъ Борисовскій

уѣздъ. Все православное, русское ожило, всякій хотѣлъ видѣть сановника; по уѣзду предъугадывали маршрутъ его, но никому и въ голову не приходило, чтобы въ такомъ маломъ мѣстечкѣ, какъ Логойскъ, устроилось такое торжество, какое мы видѣли 11-го сентября. Оповѣщено было, что въ этотъ день будетъ освящаться новоустроенный каменный храмъ и что самъ начальникъ края прибудетъ къ освященію: тутъ уже не было мѣры радости православнаго духовенства и народа. Думали только, какимъ образомъ все это устроится, когда еще такъ много оставалось сдѣлать по внутреннему устройству храма, но заботливость и трудъ настоятеля церкви, благочиннаго Хруцкаго, все превозмогли. Въ одинъ день явилась необходимая утварь и облаченія. Въ субботу вечеромъ все приготовлено было въ возможно лучшемъ видѣ и порядкѣ. Къ сему времени явилось и духовенство для встрѣчи своего достойно-любимаго и уважаемаго архипастыря. Началось отправленіе всенощнаго богослуженія въ новоустроенномъ храмѣ. Народъ съ радостію смотрѣлъ на пріѣздъ своего владыки и предъугадывалъ величіе завтрашняго торжества. Вотъ проходитъ ночь. Со всѣхъ окрестныхъ приходовъ спѣшатъ толпы народа, одѣтаго въ праздничныя одежды; все суетится и спѣшитъ къ великому празднику. Множество пріѣзжихъ чиновниковъ является въ Логойскѣ. Отслужили раннюю литургію въ старой церкви, наступаетъ пора благовѣста.

Радостно отозвался въ ушахъ православныхъ звонъ новоустроенныхъ колоколовъ; вездѣ поднялись руки для положенія на себя креста, все начало группироваться при церкви, сѣрыя сермяги и парадные мундиры смѣшались. Выходятъ облаченные священники къ покоямъ архіерея; который оттолѣ шествуетъ въ мантіи въ преднесеніи свѣтильниковъ и пѣніи ликовъ. Никогда невиданное въ Логойскѣ торжество; каждый желалъ видѣть владыку и сопровождать его во храмъ. Не буду описывать самаго обряда освященія храма, равно какъ и торжественнаго крестнаго хода въ старую церковь,—скажу только, весь этотъ обрядъ оставилъ глубокое впечатлѣніе въ народѣ. Храмъ освященъ, совершенъ крестный ходъ, перенесены св. мощи, начался Божественная литургія. Церемоніялъ служенія, пѣніе архіерейскаго хора все это въ высшей степени возбуждало вниманіе предстоявшихъ. изъ коихъ многіе въ жизни своей ничего подобнаго не видѣли. На Литургіи пріобщены были св. таинъ новоприсоединившіеся изъ р. католицизма въ православіе крестьяне. Было бы несправедливо не сказать здѣсь, что къ присоединенію подалъ добрый примѣръ въ Мурованo-дворской волости восьмидесяти-лѣтній старикъ, старшина той волости, Леонтій Шихта. Онъ первый подалъ голосъ въ пользу православія, первый возсоединился съ православною церковію и примѣромъ своимъ, а также чистотою побужденій къ принятію православія, привлекъ до 400 душъ изъ волости къ вѣрѣ православной, которую Батюшка-Царь благодѣтель, и преданность

которому всегда проповѣдуютъ пастыри православной церкви. Но я заговорился о присоединившихся; лишь только они были пріобщены св. таинъ прибылъ во храмъ г. главный начальникъ края. Богослуженіе кончилось; всѣми взято благословеніе отъ архипастыря при выходѣ его изъ храма. Вышелъ и начальникъ края. Народъ, который представляли собою старшины, встрѣтилъ его высокопревосходительство съ хлѣбомъ и солью; мѣстный благочинный, настоятель церкви, осѣнилъ его св. крестомъ, и произнесъ рѣчь, въ коей выразилъ благодарность за прибытіе къ освященію церкви, выяснилъ то значеніе, которое имѣло въ глазахъ мѣстнаго населенія это посѣщеніе и окончилъ призваніемъ Божія благословенія на труды г. начальника края. Послѣ чего г. начальникъ края изволилъ сказать нѣсколько привѣтственныхъ словъ.

Потомъ г. начальникъ губерніи въ рѣчи своей къ крестьянамъ выяснилъ тѣ благодѣянія, которыя оказалъ народу Государь Императоръ, и ту благодарность, которою обязаны они Всемилостивѣйшему Высочайшему благодѣтелю. Предложенъ былъ тостъ за Государя, и долгое громкое „ура" пронеслось по цѣлой площади и передавалось въ безчисленныхъ голосахъ далѣе и далѣе. Народъ приступилъ къ угощенію, которое тутъ для него было приготовлено отъ усердія строителя храма г. Свѣчникова, не разъ жертвовавшаго своими средствами для подобныхъ торжествъ, и заслуживающаго полнаго уваженія за добросовѣстное исполненіе принимаемыхъ имъ на себя обязательствъ по устройству православныхъ церквей. Затѣмъ г. начальникъ края изволилъ отправиться въ домъ логойскаго помѣщика графа Тышкевича, куда приглашены были всѣ чины и духовенство. Во время даннаго тамъ обѣда провозглашены были тосты: обыкновенный и непремѣнный, гдѣ есть русскіе люди, за Государя Императора, за начальника края, за успѣхъ русскаго дѣла, за архіепископа Михаила и начальника губерніи; пропѣтъ былъ народный гимнъ: «Боже Царя храни», и громкое *ура* послѣ тостовъ и послѣ гимна оглашало всѣ залы дома и долго не умолкало. Полковая музыка, нарочно прибывшая изъ Минска, играла въ Логойскѣ до поздняго вечера. Народъ веселился отъ души; старики толковали, что такого праздника никогда не было въ Логойскѣ, а молодежъ подхватывала: ну, ужъ вѣрно и намъ не видѣть и не дождаться такого праздника. За все слава Богу, Государю и начальству.

Свящ. *Романъ Москалевичъ.*

1866 г. 15 сентября.
м. Гайна.

18.

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ СЕЛѢ КРѢВѢ.

Пишу къ вамъ изъ Рукойнь подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною съ освященія православнаго храма въ Крѣ-

въ, этомъ древнемъ городѣ, достояніи литовско-русскихъ князей XIII и XIV столѣтій, городѣ, въ которомъ недвижнымъ, но краснорѣчивымъ памятникомъ сѣдой старины, стоитъ живописная развалина замка, видѣвшаго въ стѣнахъ своихъ борьбу язычества съ православнымъ христіанствомъ, коварные подступы латинской силы, кровавыя распри сыновъ Гедимина, а въ концѣ XV вѣка державную дщерь Іоанна III, Елену, шествовавшую въ Вильну на бракъ съ княземъ Александромъ,— не на радостный пиръ, а для того, чтобы рядомъ страданій, почти мученическимъ подвигомъ возобновленія православныхъ храмовъ въ Вильнѣ, смыть съ Литвы пятно постыднаго конкордата Ягеллы съ Ядвигою. Напоминать ли печальную судьбу московской княжны, страдавшей при жизни, потревоженной въ могилѣ при передѣлкѣ Пречистенскаго собора на анатомическій театръ? Такова судьба всего добраго, всего православнаго въ этой русской украйнѣ: трудъ, горе, подвигъ, страданье, поруганіе, вотъ почва, на которой выростаетъ объединеніе съ Россіей древняго ея удѣла, всѣми силами оттягиваемаго Западомъ, но который, по составнымъ своимъ частямъ, всецѣло принадлежитъ общему православному отечеству.— Есть впрочемъ существенныя отличія, но объ нихъ послѣ: они выработаны не свободною русскою жизнію, не свободнымъ ходомъ правильнаго, естественнаго, какъ возрастаніе, развитія.

Литва, Вильна, Рукойня, Крѣво,—Боже! что за почва для историческихъ воспоминаній, для историческихъ сопоставленій. *Право совершившагося факта* не признаетъ силы историческихъ вліяній и не хочетъ видѣть закона возмѣщенія. Новѣйшее право совершившагося факта, идучи въ разрѣзъ съ исторіей, есть одно изъ очевиднѣйшихъ проявленій современнаго нигилизма: но Богъ съ нимъ!

Я въ Рукойнѣ; отъ меня въ равномъ разстояніи— направо къ Вильнѣ, памятникъ полковнику Дѣеву, убитому въ 1794 русскимъ римско-католическимъ священникомъ Цѣлицею,— налѣво къ Ошмянѣ, въ Мѣдникахъ развалины замка, въ которомъ болѣзненно-нервическій королевичъ Казиміръ, воспитанный римскими ксендзами, вымаливалъ съ 1380 года у отца цѣлый рядъ узаконеній, для убійства въ Литвѣ православнаго, присущаго ея русскому населенію, начала.

Далѣе направо у меня Немежъ, послѣдній привалъ княжны Елены, и Вильна, столь долго заѣдавшая Русь своими латинскими учрежденіями. Налѣво Ошмяна, гдѣ встрѣтили литовскіе послы царственную невѣсту— Елену, и Крѣво, корень литовско-русскихъ князей.— Вотъ пространство въ восемдесятъ верстъ, на которомъ разъигрывалась съ XIII вѣка и по сей день включительно литовско-русская историческая драма.

Видали-ль вы на югѣ Россіи зимою, среди снѣжной равнины, обнаженный отъ листьевъ развѣсистый дубъ, вершину котораго вѣнчаетъ пышная, зеленая кисть *омелы* (viscum album), этой из-

местной въ растительномъ царствѣ чужеядки, обоготворенной нѣкогда галлами за ея цѣлебныя свойства, и которая, прилѣпившись своимъ клейкимъ сѣменемъ къ корѣ дерева, пускаетъ въ древесину корни, питается соками дерева, и въ конецъ его изсушаетъ: вотъ подобіе латинства, привившагося къ здѣшнимъ людямъ. Но къ счастію, люди не бездушныя деревья, а разумныя существа; и если много обманутыхъ поколѣній ошибалось, и изсушено вредною чужеядкой, то, слава Богу, мы дожили до времени, когда римской вѣры русскіе священники въ лицѣ о. Іоанна Стрѣлецкаго, ополячившіеся русско-литовскіе бояре, въ лицѣ потомка Владиміра Святаго, Друцкаго-Любецкаго, олатиненный народъ, въ лицѣ десятковъ тысячъ своихъ освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости представителей, отрекаются отъ чуждыхъ русскому духу римскихъ заблужденій, и громко, безстрашно, всенародно исповѣдуютъ грѣкъ предковъ, и свое искреннее желаніе стать *вполнѣ* русскими.

Такого рода явленія былъ я очевиднымъ свидѣтелемъ и въ древнемъ Крѣвѣ, этомъ большомъ, въ 800 домовъ, съ четырьмя церквами, селѣ, которое полякующій людъ любилъ называть, въ отличіе отъ русскихъ селъ, *мѣстэчкомъ*.

Признаки древняго города обозначаются развалинами. Такъ, на краю села, у рѣки Крѣвянки, стоитъ древній замокъ съ уцѣлѣвшими на глубокихъ оконныхъ наличникахъ штукатуркою и фресковою по ней живописью. Четыре существующіе храма: Успенскій и Николаевскій, покосившіяся, соломою покрытыя зданія, и вновь возведенные каменные Александровскій и св. Троицкій упоминаются въ смоленской лѣтописи 1495 года. Кромѣ нихъ, на окрестныхъ высотахъ видны развалины храма Богородицы и в.-м. Георгія. Въ другую сторону отъ села остатки основаній Воскресенскаго храма; въ двухъ верстахъ, гдѣ нѣкогда оканчивался городъ, теперь, среди дремучаго лѣса, церковище съ древними кладбищными крестами, и у опушки лѣса основанія древняго храма *Спасо Преображенскаго:* такъ называется онъ и народомъ, котораго латинская унія съ Римомъ, благодаря бодрому духовенству, не успѣла отучить отъ древнихъ славянскихъ наименованій.

Часть жителей крѣвской волости, прихожане римскаго, обманомъ возведеннаго въ Крѣвѣ въ 1845 году костела, подъ вліяніемъ собратій православныхъ крестьянъ (какъ тѣ, такъ и другіе воспитаны въ православныхъ обычаяхъ незабвеннымъ дѣятелемъ Львомъ Геронимовичемъ Зѣньковичемъ, пятьдесятъ одинъ годъ священствовавшимъ въ Крѣвѣ), обратились къ начальству съ просьбою возвратить крѣвскій костелъ къ первоначальному его назначенію, въ храмъ православной молитвы.

Исторія этого костела и обоихъ крѣвскихъ приходовъ, исповѣдующихъ нынѣ Христа едиными устами и единымъ сердцемъ, неразрывно связана съ исторіею дѣятельности священника Зѣньковича. Потому, прежде чѣмъ говорить объ освященіи костельнаго зданія въ Крѣвѣ на православную церковь, мы обязаны сказать

нѣсколько словъ о жизни и трудахъ этого замѣчательнаго въ ряду мѣстныхъ священниковъ мужа силы, правды и подвига.

Воспитанникъ бывшаго при борунскомъ монастырѣ уѣзднаго училища, потомъ ученикъ брестской уніятской епархіальной семинаріи, сынъ крѣвскаго священника Левъ Зѣньковичъ, до 1812 года занимавшій должность учителя въ домахъ сосѣднихъ помѣщиковъ, въ эпоху отечественной войны, 24 лѣтъ отъ роду, имѣлъ непреодолимое желаніе вступить въ ряды нашего войска; но престарѣлый отецъ его, чувствуя приближеніе своей кончины, воспротивился тому и въ 1813 году, по смерти отца, молодой Зѣньковичъ, посвященный уніятскимъ епископомъ Головнею, занялъ преемственно должность крѣвскаго священника.

Съ 1813-го и по 1864-й годъ, когда 25 мая 76-ти-лѣтній отецъ Левъ Зѣньковичъ переселился въ вѣчность, въ теченіе 51 года проходилъ онъ должность священника, и проходилъ ее такъ, что неоднократно обращали вниманіе на дѣятельность его люди изъ различныхъ правительственныхъ сферъ. Такъ, литовское епархіальное начальство за успѣшное хожденіе о. Зѣньковича съ 1832 по 1857 годъ по дѣлу о возвращеніи скрытаго однимъ изъ помѣщиковъ капитала куцевичской церкви, опредѣлило ему денежное награжденіе. По удостоенію святѣйшаго сунода въ 1860 году награжденъ онъ камилавкою. Императорское Географическое Общество, чрезъ вице-председателя своего, покойнаго гр. М. Н. Муравьева, изъявляло ему въ 1852 г. искреннюю признательность за доставленіе климатическихъ свѣдѣній. Дѣятельность его была самая плодотворная и разнообразная: поставленный среди множества окружающихъ приходъ его костеловъ, онъ велъ неусыпную борьбу съ ксендзами не только для охраненія собственной паствы отъ латинской пропаганды, но успѣшно дѣйствуя къ распространенію православныхъ понятій между крестьянами олатиненныхъ приходовъ. Имѣющіяся въ рукахъ нашихъ бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго, свидѣтельствуютъ о ревности его къ защитѣ своихъ причетниковъ отъ обидъ полякующихъ помѣщиковъ, къ огражденію обращенныхъ имъ въ христіанство магометанъ и евреевъ отъ преслѣдованій плотныхъ общинъ и чиновниковъ изъ ихъ единовѣрцевъ. Особыя его мнѣнія по дѣламъ духовенства, производившимся въ присутственныхъ мѣстахъ полякующими чиновниками, дышатъ энергіею, правдою и неуловимою осторожностью. Личный его нравъ заслужилъ ему общее уваженіе, ограждавшее его отъ ненависти, которую многіе изъ иновѣрцевъ питали къ нему за его неусыпную дѣятельность: Съ другой стороны, то видимъ его изучающимъ на старости лѣтъ греческій языкъ, чтобы доискаться доступныхъ народу объясненій перевода богослужебныхъ каноновъ, то видимъ его собирающимъ самыя оригинальныя поговорки бѣлорусскаго крестьянина.

Но, конечно, вѣнцемъ лучезарнымъ, вѣнцемъ неувядаемымъ послужитъ памяти его религіозно-нравственное воспитаніе своего пра-

воссоединаго и сосѣднихъ латинствовавшихъ приходовъ. «*Духъ христіанина*», за октябрь 1861 года, посвятилъ нѣсколько страницъ сочувственному отзыву объ этой сторонѣ его дѣятельности. Дай только Господь силу и желаніе преемникамъ о. Зѣньковича подражать своему предшественнику въ его пастырскомъ трудѣ, плоды котораго нынѣ всѣмъ очевидны.

Въ теченіе послѣднихъ 18-ти лѣтъ жизни о. Левъ обратилъ все вниманіе свое на образованіе прихожанъ. Сознавая, что для большинства сельскаго населенія, неимѣющаго ни времени, ни возможности достигнуть просвѣщенія путемъ образованія научнаго, храмъ Божій долго еще будетъ оставаться единственнымъ училищемъ, онъ устремилъ всѣ силы свои, чтобы сдѣлать богослуженіе доступнымъ пониманію всѣхъ; и для того, въ отпоръ бездушнымъ органамъ латинскихъ костеловъ и тривіальной проповѣди сосѣдей-ксендзовъ, по преимуществу увлекающихъ крестьянство въ костелы, гдѣ умъ и чувство посѣтителя находятся въ зависимости отъ музыки и рѣчи проповѣдника, скрывающихъ за звуками органа и словами проповѣди символическую, нравственную, историческую и учительную стороны богослуженія, онъ успѣлъ привлечь къ участію въ своемъ словесномъ богослуженіи *весь народъ*. Въ крѣвской церкви на возгласы священника отвѣчаетъ не одинъ клиросъ, а весь приходъ.— И отвѣчаетъ сознательно: это чувствуетъ ваше сердце, слыша слова богослуженія, произносимыя не въ видѣ безсмысленной *мира жертвы*, а отчетливо, раздѣльно, при полномъ сочетаніи голоса съ мыслью. Весь напѣвъ идетъ речитативомъ; знающіе люди слышатъ въ немъ отголосокъ столповаго пѣнія и древнѣйшихъ напѣвовъ, употребляемыхъ на востокѣ, напѣвовъ, извлекающихъ у поющаго и у слушающаго такое умиленіе, которое не остается безъ плода и внѣ церкви, въ общественныхъ другъ къ другу отношеніяхъ прихожанъ. Однимъ словомъ, отецъ Зѣньковичъ, съ помощію Божіею, успѣлъ воплотить въ жизни катехизическое опредѣленіе церкви, сдѣлавъ изъ своего прихода собраніе вѣрующихъ (1).

Понятно, что въ виду такой дѣятельности священника Зѣньковича и подобнаго развитія крестьянъ, нѣжно любившихъ его, дальнѣйшее существованіе латинства въ крѣвскомъ округѣ дѣлалось немыслимымъ. Поэтому такъ легко и такъ естественно совершилось возсоединеніе съ православною церковью прихожанъ

[1] Мы надѣемся въ непродолжительномъ времени доставить читателямъ по возможности подробное жизнеописаніе о. Льва Зѣньковича. Нынѣ обращаемся ко всѣмъ православнымъ христіанамъ съ просьбою почтить память его пожертвованіемъ на учрежденіе при литовской семинаріи стипендіи «священника Льва Зѣньковича». Покойный умеръ бездѣтнымъ. Братъ его Флоръ, проживающій въ Крѣвѣ, находится въ крайней бѣдности. Онъ и жена его ходатайствуютъ объ опредѣленіи сына ихъ, Артемія, 12 лѣтъ, въ память дяди его, въ виленское духовное училище. Пожертвованія просимъ адресовать въ виленское Свято-Духовское братство. *Авт.*

крѣвскаго костела. Въ біографіи о. Льва будетъ подробно изложенъ весь тотъ рядъ мѣръ, которыя употреблялъ онъ для подготовленія сего вожделѣннаго возвращенія русскихъ людей къ прародительской вѣрѣ.

Быстро, въ два мѣсяца, совершилось приспособленіе обширнаго зданія для нуждъ православнаго богослуженія, и 4-го сентября назначено освященіе храма епископомъ ковенскимъ Александромъ, викаріемъ литовской епархіи.

Незабвеннымъ должно остаться для всѣхъ присутствовавшихъ торжество это, совершившееся въ назначенный день, при ясной погодѣ, подъ яркимъ солнцемъ, въ присутствіи десяти тысячъ народа всевозможныхъ исповѣданій: и православныхъ, и старовѣровъ, и римлянъ, и лютеранъ, и евреевъ, и магометанъ, собравшихся почтить праздникъ обновленія храма, подготовленный человѣкомъ, всѣми ими уважаемымъ.

Счастливый случай привелъ на мѣсто торжества г. главнаго начальника края К. П. Фонъ-Кауфмана, который выѣхалъ наканунѣ изъ Вильны для обозрѣнія Виленской и Минской губерній, начальника виленской губерніи С. Ѳ. Панютина и начальника 30-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Пузанова, объѣзжающаго ввѣренныя ему войска. Присутствіе сихъ начальниковъ, многочисленные гости изъ Вильны и окрестностей Крѣва, множество офицеровъ изъ мѣстныхъ войскъ, духовенство и волостные старшины со старостами изъ цѣлагѣ уѣзда, придали празднику небывалый торжественный видъ, которому достойною обстановкой служили остатки крѣвскаго замка и окружающія село высоты, съ развалинами древнихъ храмовъ и уцѣлѣвшимъ Городищемъ надъ сморгоньскою дорогой.

Народъ буквально наполнялъ собою улицы и небольшую площадку подъ возвышенностію, на которой стоитъ приготовленный къ освященію храмъ; толпился онъ и кругомъ храма, наполнялъ онъ и самый храмъ. Когда же крестный ходъ подъ звуки гимна, исполненнаго полковою музыкой, «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», тронулся съ архіереемъ во главѣ за антиминсомъ къ Успенской старенькой, покосившейся, соломою покрытой, церкви, то вся эта народная волна залила собою широкій путь, на полверсты почти идущій съ горы, по удолью, и опять на гору, гдѣ стоитъ Успенская церковь и домъ покойнаго отца Льва Зѣнковича.

Антиминсъ принесенъ; освященіе храма кончилось; просторный храмъ наполнился до возможности людомъ; началась литургія. Невозможно описать чувства, охватившаго сердца, этого трепета, проникающаго въ сокровеннѣйшіе тайники души, когда за словами священника послышались: протяжное, почти громовое, какъ бы изъ груди необычайнаго великана исходящее, звучное, согласное, всенародное: *аминь*, *Господи помилуй* и прочія трогательныя молитвы литургіи. Пѣли *едиными усты* прихожане почившаго отца Льва, пѣли возсоединенные ихъ сосѣди, пѣли римскіе католи-

ки, не возсоединившіеся еще, но подготовленные духомъ, пѣли мужчины и женщины, взрослые, дѣти....

Все, что въ умѣ собралось представленій о величіи христіанской молитвы первыхъ вѣковъ нашей эры, все это воплотилось, и гдѣ же, — среди русской Литвы, въ столицѣ языческаго Крѣва-Крѣвейты, въ центрѣ края, три вѣка безуспѣшно заѣдаемаго латинствомъ, среди русскаго населенія, тщетно доводимаго римскимъ католичествомъ до отупѣнія, до поглощенія христіанской въ немъ мысли политическимъ объединеніемъ его съ трупомъ Польши.

Много зла надѣлалъ Россіи полякъ и много онъ еще его надѣлаетъ, пока будетъ барахтаться въ опутавшихъ его сѣтяхъ запада, пока римская омела будетъ высасывать здоровѣйшіе соки его крови, и пока мы сами не сознаемъ вреда — прививать сѣмена чужеядки, отъ дерева ею уже изсушеннаго — къ здоровымъ еще вѣтвямъ русскаго дерева.

Литургія оканчивалась. Къ святому причастію приступало до двухъ сотъ человѣкъ вновь возсоединенныхъ. Во время долгаго благоговѣйнаго причащенія ихъ ни въ комъ, нигдѣ въ церкви не выказалось ни тѣни нетерпѣнія. Причащеніе это было какъ бы общею трапезою, общимъ пиромъ собравшихся христіанъ. И такое общее чувство придало всему празднику особый оттѣнокъ, который совершенно стушевывалъ собою неизбѣжныя въ теченіи дня, и въ свѣтскихъ отношеніяхъ, при множествѣ собравшихся людей, различныя шероховатости.

На площади, предъ новымъ домомъ священника выстроены были части мѣстныхъ войскъ и разставлены столы для хлѣба-соли собравшимся изъ отдаленныхъ мѣстъ крестьянамъ. Главный начальникъ края, сопутствуемый преосвященнымъ Александромъ и гражданскимъ губернаторомъ С. Ѳ. Панютинымъ, привѣтствовалъ воиновъ, и наконецъ, окруженный свитою, вошелъ въ средину столовъ. Въ это время взоры всѣхъ многихъ тысячъ собравшагося народа обращены были на начальника края, неусыпная дѣятельность котораго и просвѣщенная любовь къ русскому дѣлу успѣли сдѣлаться всѣмъ извѣстными.

«Здоровье Государя Императора и всего Царствующаго Дома!» провозгласилъ генералъ-губернаторъ, — и громкое, восторженное *ура* огласило всю окрестность.

«Здоровье преосвященнѣйшаго митрополита и епископа Александра!» воззвалъ С. Ѳ. Панютинъ. Многая лѣта! кликнулъ народъ.

«Твое здоровье, православный русскій народъ!» громко, медленно и внятно произнесъ наконецъ Константинъ Петровичъ. Невозможно выразить восторга, охватившаго при этихъ словахъ всѣхъ присутствовавшихъ. Нескончаемое, задушевное *ура* долго, долго повторялось изумленными окрестностями.

Отчего тебя съ нами не было, тебя виновника торжества, тебя, почившій отецъ Левъ Зѣньковичъ?— Дивный промыслъ Госпо-

день безпрестанно намъ указываетъ на дѣятелей, которымъ не дается вкусить отъ плода трудовъ ихъ: такъ и Царь-Пророкъ не удостоился посвятить Богу храмъ, имъ основанный. Но тѣмъ не менѣе слава Царя-Пророка достигла отдаленнѣйшихъ потомствъ. Вѣримъ, что и имя, просвѣщеннаго Богомъ крѣвскаго іерея не забудется потомками просвѣщенныхъ имъ христіанъ. Миръ праху его! Вѣчная память его духу!

— «Здоровье генералъ-губернатора! возгласилъ Степанъ Ѳедоровичъ Панютинъ, когда замолкли одушевленные клики, возбужденные предшествовавшимъ заздравіемъ.

Шапки полетѣли къ верху, поднялись руки къ небу, крестились люди. Здоровье! ура! спасибо! благодарю! слышалось посреди общаго восторжественнаго гула.

Празднество окончилось почтеніемъ памяти покойнаго крѣвскаго священника. Въ понедѣльникъ утромъ, послѣ обѣдни, съ хоругвями, двинулся крестный ходъ на могилу отца Льва. И здѣсь-то высказались вся та любовь, все то уваженіе, которыя питали къ нему его прихожане.

На могилѣ поставленъ чугунный памятникъ съ слѣдующими на четырехъ сторонахъ его, подъ высокимъ крестомъ, надписями:

1) Священнику Крѣвской церкви Льву Зѣньковичу.

2) Родился 1788, умеръ 25 мая 1864; въ священномъ санѣ съ 9 мая 1813 года.

3) Достойному пастырю признательные прихожане и общество русскихъ офицеровъ, духовенства и чиновниковъ Ошмянскаго уѣзда устроили этотъ памятникъ 1-го августа 1865.

4) Услышь нашу, пастырь, надгробную пѣснь твоего прихода, поющаго Господу: «со святыми упокой.»

Окруживъ памятникъ, прихожане своимъ своеобразнымъ напѣвомъ пропѣли панихиду, которую служилъ преемникъ о. Зѣньковича, Дометій Константиновичъ Плавскій. Мужественные голоса громаднаго хора сливались въ одинъ стройный звукъ, и въ сознательномъ произношеніи молитвенныхъ словъ, слышалось то непередаваемое никакимъ описаніемъ чувство, которое нужно самому испытать, при той обстановкѣ, которой нужно быть очевиднымъ свидѣтелемъ.

Александръ Рачинскій.

(Вил. Вѣст.)

19.

ВОЗОБНОВЛЕНІЕ ДРЕВНЕЙ СВ. НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ВИЛЬНѢ.

Православная Вильна уже начинаетъ возникать изъ праха и запустѣнія: пройдетъ не много времени, годъ или два, и она явится во всемъ своемъ блескѣ. Два собора (Пречистенскій митрополи-

чій и Николаевскій каѳедральный), двѣ церкви (Пятницкая и Николаевская) и женскій Маріинскій монастырь частію уже отдѣланы, частію готовятся къ окончательной отдѣлкѣ. И когда всѣ эти православныя святыни вознесутъ свои позлащенные кресты и главы надъ старой Вильной, видъ города сдѣляется не узнаваемъ: если не вся, то юго-восточная сторона Вильны приметъ характеръ вполнѣ русскаго города чѣмъ она и отличалась во времена литовскаго владычества. На этомъ, относительно небольшомъ, пространствѣ, мы будемъ имѣть три монастыря (Св. Духовскій, Троицкій и Маріинскій—и женскій), два собора и три православныхъ церкви (Андреевскую, Николаевскую и Пятницкую). Искусство и благочестіе строителей ничего не пожалѣли, чтобы придать древней русской святынѣ въ Вильнѣ возможную степень красоты и изящества и сообщить ей, на сколько это возможно въ живописи и архитектурѣ, чисто православный характеръ. Что касается до архитектуры, то при всемъ стараніи, это желаніе не легко исполнимо; ибо виленскіе памятники православія, переходя изъ рукъ въ руки, отъ р. католиковъ къ уніатамъ и православнымъ и обратно, не могли не утратить древней чистоты и строгости своего стиля; по этой причинѣ не всѣ они въ архитектурномъ отношеніи удовлетворяютъ православному эстетическому вкусу. Но сдѣлано все, что можно, и кажется, даже болѣе, чѣмъ можно; по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ оказалось недостаточнымъ зодчество, живопись и ваяніе (на сколько послѣднее допускается въ православныхъ храмахъ) расточили свои богатыя средства для того, чтобы придать храму древле-православный стиль. Почти всѣ вновь воздвигаемые и возобновляемые виленскіе храмы и часовни отличаются древнимъ византійско-русскимъ стилемъ: изображенія на св. иконахъ написаны по золотому фону; иконостасы—дубовые, красиво и узорчато вырѣзанные, стѣны окрашены въ томъ же древнемъ вкусѣ, который въ одно и тоже время любилъ и изящную простоту и затѣйливую узорчатость. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы виленскіе православные церкви отличались утомительнымъ однообразіемъ. Не говоря уже о томъ, что не всѣ онѣ еще отдѣланы, а Пречистенскій митрополичій соборъ не готовъ даже и вчернѣ, но если, побывавъ въ женскомъ монастырѣ и въ Николаевской церкви, вы выносите почти одно и тоже впечатлѣніе, обусловливаемое нѣкоторымъ сходствомъ священной художественной обстановки,—за то, войдя въ каѳедральный Николаевскій соборъ, вы поражаетесь совсѣмъ инымъ чувствомъ: вмѣсто таинственнаго полумрака, какъ бы напоминающаго катакомбы древнихъ христіанъ, васъ обдаютъ со всѣхъ сторонъ потоки свѣта, и такъ легко вы чувствуете себя подъ величественными сводами этого колоссальнаго храма! Да, десять православныхъ храмовъ своими крестами и металлическими голосами громко говорятъ вамъ, что Вильна—русскій городъ; эти возсіявшіе кресты—символы твердой вѣры и надежды нашей въ томъ, что древняя столица литовскихъ князей, переживъ свои

столѣтнія невзгоды, отнынѣ и навсегда вступаетъ со всѣмъ сѣверо-западнымъ краемъ на новый историческій путь, какимъ шла и идетъ на необъятное пространство, раскинувшаяся сѣверо— и юго-восточная Россія! Вѣчная память тому, кто, внявъ общему голосу русскаго народа, двинулъ сѣверо-западную Русь на ея прямую Русь, на ея прямую историческую дорогу!

Основаніе Николаевской церкви, по несомнѣнному историческому сказанію, приписывается второй женѣ литовскаго князя Ольгерда, Іуліаніи Александровнѣ Тверской, и относится къ первой половинѣ XIV столѣтія, а именно ко времени между 1346—1377 годами. Но, по свидѣтельству нѣмецкаго лѣтописца Ровіуша, въ самомъ началѣ царствованія Гедимина, именно въ 1315 году, была уже въ Вильнѣ русская церковь и гостинный дворъ для русскихъ купцовъ. Быть можетъ, Іуліанія только возобновила или украсила русскую церковь Святителя Николая, особенно чтимаго русскимъ народомъ, и, вѣроятно съ тѣхъ поръ прозваннаго литовско-русскими христіанами покровителемъ города Вильны. Это подтверждается жизнеописаніемъ св. виленскихъ мученниковъ Антонія, Іоанна и Евстафія, гдѣ говорится, что эти святые подвижники были погребены въ церкви св. Николая; мученическая же смерть ихъ послѣдовала, какъ извѣстно, никакъ не позже 1347 года. Сверхъ того, существуетъ преданіе, что мощи этихъ мучениковъ перенесены въ Троицкую церковь, именно изъ этой, а не изъ другой Николаевской церкви,—все это свидѣтельствуетъ о существованіи Николаевской церкви еще до временъ княгини Іуліаніи. По вліянію усилившейся въ Литвѣ латино-польской пропаганды, около 1480 года король Казиміръ запретилъ построеніе новыхъ и починку старыхъ православныхъ церквей. Вслѣдствіе этого распоряженія, православные храмы города Вильны начали приходить въ упадокъ. Но князь Константинъ Острогкскій, послѣ побѣды между Оршею и Дубковкою (30 ноября 1514 года), исходатайствовалъ у Сигизмунда I-го грамоту на возобленіе каменною постройкою среди Вильны церкви св. Николая, прозваннаго Великимъ. Стараніями этого незабвеннаго ревнителя православія Николаевская церковь возобновлена въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она существовала до послѣдняго времени. Послѣ брестской церковной уніи (1569 г.) церковь эта еще долго оставалась за православными, такъ что когда рьяный поборникъ уніи, митрополитъ Поцѣй, отобралъ у православныхъ жителей Вильны 12 храмовъ, церковь Святаго Николая была еще въ числѣ семи, оставшихся за ними. Извѣстно печальное положеніе православныхъ храмовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ распространялась унія; но независимо отъ этого, виленскіе храмы испытали еще другого рода бѣдствія. Во время бывшихъ въ городѣ пожаровъ, въ 1646 и 1649 годахъ Николаевская церковь сильно обгорѣла, и, вмѣстѣ съ Пятницкою, Космодаміановскою и Воскресенскою церквями, подверглась почти совершенному уничтоженію. Православные и не могли,

и не имѣли права возобновить ее; поэтому она перешла въ вѣдѣніе уніатскаго (что нынѣ православный) Свято-Троицкаго монастыря, а вскорѣ послѣ того была отдана бѣлому унитскому духовенству. Но такъ какъ уніатскія церкви все еще напоминали русское православіе, то непримиримые враги его употребляли всѣ средства, чтобы мало по-малу уничтожить этотъ памятникъ нашей христіанской древности. Нельзя умолчать объ этихъ средствахъ, благодаря которымъ Николаевская церковь, если и не уничтожилась, то сдѣлалась почти незамѣтной въ Вильнѣ. Такъ, напримѣръ, русскіе православные, а отчасти и уніятскіе, храмы обыкновенно начинали стѣснять всевозможными постройками, закрывавшими ихъ до такой степени, что, вмѣсто улицы или площадки, безъ которыхъ для насъ не мыслимъ храмъ Божій, послѣдній являлся на нечистомъ и смрадномъ дворѣ, въ которомъ, какъ бы нарочно, самыя нечистыя и распространяющія зловоніе мѣста обращались къ русской святынѣ. Точно тоже было и съ Николаевскою церковью. Стѣсненная и закрытая со всѣхъ сторонъ домами и пристройками, она только своею красивою колокольнею указывала ѣдущимъ и идущимъ по улицѣ на присутствіе здѣсь, въ нечистомъ дворѣ, какъ бы забытаго православнаго храма. По возсоединеніи уніи, церковь Николаевская возстановлена въ православномъ чинѣ высокопреосвященнѣйшимъ Іосифомъ, митрополитомъ литовскимъ, а домъ, закрывавшій фасадъ церкви, былъ сломанъ; но, по недостатку средствъ, открывшійся храмъ только напоминалъ о прежнемъ угнетеніи православія въ здѣшнемъ краѣ. Насталъ 1863 годъ, 8 ноября, въ день ангела главнаго начильника сѣверо-западнаго края М. Н. Муравьева, помощники и сотрудники его въ дѣлѣ умиротворенія края, желая увѣковѣчить его подвиги на память потомству, порѣшили собрать сумму на сооруженіе церкви во имя архистратига Михаила въ томъ мѣстѣ, которое будетъ указано главнымъ начальникомъ края. Желаніе это было высказано въ слѣдующемъ письмѣ къ С. Ѳ. Панютину, начальнику Виленской губерніи:

«Вся русская земля преисполнена сочувствіемъ къ самоотверженію и подвигамъ Михаила Николаевича Муравьева. Въ православной русской землѣ нѣтъ памятника выше святыни. И мы положили воздвигнуть въ здѣшнемъ краѣ, въ мѣстѣ, которое будетъ указано его высокопревосходительствомъ, церковь во имя архангела Михаила. Мы желали бы, чтобы въ этой церкви постоянно приносились молитвы за долгоденствіе Михаила Николаевича и объ упокоеніи всѣхъ павшихъ жертвою при усмиреніи мятежа. Въ настоящій дорогой для насъ день мы, русскіе свидѣтели умиротворенія сѣверо-западнаго края, покорнѣйше просимъ исходатайствовать разрѣшеніе на открытіе подписки для сооруженія церкви. Вильна, 8-го ноября 1863 года.»

Слѣдуетъ подписей 207.

Предложеніе это было принято покойнымъ графомъ, но съ

тѣмъ, чтобы пожертвованную сумму употребить на возобновленіе Николаевской церкви. Съ Высочайшаго соизволенія была открыта на сей предметъ подписка по всей имперіи, доставившая 82,431 р. 59 к. Но чтобы цѣль жертвователей была вполнѣ достигнута, опредѣлено было устроить при этой же церкви часовню на имя Архистратига Михаила.

Возобновленіе церкви и сооруженіе часовни продолжалось ровно два года; часовня, впрочемъ, еще не отдѣлана. Работы производились подъ наблюденіемъ архитектора Н. М. Чагина, по рисункамъ профессора академіи художествъ А. И. Рязанова. Въ цѣломъ Николаевская церковь представляетъ замѣчательное архитектурное произведеніе, оригинальную смѣсь разныхъ стилей: не имѣя шатра, или главнаго купола православнаго храма, она вознаграждаетъ этотъ недостатокъ довольно массивной и шатрообразной часовней, пристроенной къ сѣверной ея сторонѣ, по одной линіи съ колокольней; послѣдняя, тонкая, стрѣльчатая и довольно высокая, покрытая кровлею изъ бѣлой жести, на манеръ древнихъ русскихъ церковныхъ построекъ, необыкновенно красива, хотя въ стилѣ ея есть что-то мавританское; внутри и снаружи вся церковь изящно раскрашена извѣстнымъ петербургскимъ художникомъ Ѳ. И. Бренсономъ. Освободившись отъ загромождавшихъ ее построекъ, Николаевская церковь съ лучшей виленской улицы, Большой, на которой и стоитъ она, красуется и виднѣется теперь, какъ на ладонкѣ. Теперь только стало замѣтно, что этотъ храмъ стоитъ на возвышеніи, на холмѣ, согласно историческому преданію; это возвышеніе отдѣляется отъ улицы красивою чугунною рѣшеткой, утвержденной на гранитѣ. Въ Вильнѣ существуетъ комитетъ объ устройствѣ православныхъ церквей, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи; всѣ дѣла по возобновленію православныхъ храмовъ въ самой Вильнѣ и губерніи подлежатъ вѣденію этого комитета. Мы пересматривали дѣла его и не могли не обратить вниманія на тѣ затрудненія и хлопоты, которыя пришлось преодолѣть комитету по поводу пріобрѣтенія домовъ и другихъ построекъ, стѣснявшихъ и уничтожавшихъ здѣсь наши храмы: такъ, чтобы дать приличный просторъ Николаевской церкви, потребовалось скупить пять частныхъ домовъ, употребивъ на это 16,250 р. (за вычетомъ 6 тыс., полученныхъ отъ продажи дома, принадлежавшаго той же церкви, но находившагося въ другомъ мѣстѣ). Церковный причтъ, состоявшій изъ двухъ священниковъ, діакона, двухъ дьячковъ и просфорни, помѣщается въ одномъ изъ купленныхъ домовъ, на церковномъ погостѣ. Къ Николаевскому приходу приписано 714 душъ мужскаго и 655 женскаго пола.

Николаевская церковь замѣчательна слѣдующими драгоцѣнностями и особенностями:

1) Въ ней хранится частица мощей св. Николая Чудотворца, привезенная изъ Италіи.

2) Священническое облаченіе, пожертвованное Государынею Императрицей.

3) Такое же облаченіе, сдѣланное изъ покрова, которымъ былъ покрытъ гробъ гр. М. Н. Муравьева, пожертвованное графиней.

4) Священническая риза изъ бѣлаго глазета, вышитая шелками и пожертвоврнная русскими дамами города Трокъ.

5) Цвѣтныя, узорчатыя стекла и запрестольный образъ благословляющаго Спасителя, сдѣланные за границей.

6) Хоругви, пожертвованные служащими по мировымъ учрежденіямъ.

7) Разная церковная утварь, пожертвованная крестьянами Смоленской губерніи, пріѣзжавшими въ Вильну въ 1864 съ благодарственнымъ адрессомъ къ М. Н. Муравьеву за спасеніе ихъ отъ мятежническихъ шаекъ.

8) Изящно сдѣланный металлическій, густо посеребренный престолъ.

9) Иконостасъ дубовый, рѣзной, иконы—работы художника Тихобразова. Предъ мѣстными иконами фарфоровыя свѣчи, исполнены на Императорскомъ фарфаровомъ заводѣ.

10) Въ старинномъ русскомъ вкусѣ печи, изъ изразцовъ, сдѣланныхъ по рисунку академика Рязанова.

Съ такимъ тщаніемъ и великолѣпіемъ обновленный древній храмъ сей, 8-го текущего ноября, въ празднованіе св. церковію Михаилу Архангелу, торжественно освященъ преосвященнымъ епископомъ Александромъ, въ сослуженіи всего высшаго виленскаго духовенства и при собраніи множества народа изъ всѣхъ слоевъ общества, котораго только часть могла вмѣститься въ самой церкви: прочіе стояли и усердно молились внѣ ея. Блестящія облаченія священно-служителей, какихъ еще не видѣли виленскіе храмы, придавали особенную торжественность. Служеніе г. начальника губерніи С. Ѳ. Панютина во время всего богослуженія въ новой его— церковной должности,— въ должности старосты Николаевской церкви радовало православно-русское сердце, видѣвшее въ этомъ лицѣ трогательный примѣръ нашихъ нѣкоторыхъ благочестныхъ вельможъ— ктиторовъ и старостъ церквей. С. Ѳ. Панютинъ, согласно своему желанію, избранъ приходомъ Никольской церкви въ церковные старосты; помощниками ему выбраны предсѣдатель коммисіи по креетьянскимъ дѣламъ при главномъ начальникѣ края Н. А. Зубковъ и членъ виленскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Н. Е, Кастальскій. Особенно торжественъ и умилителенъ былъ крестный ходъ вокругъ церкви со св. Мощами; запрестольный крестъ, прекрасно устроенный изъ массивнаго металла, несенъ былъ впереди самимъ начальникомъ губерніи; хоругви, также металлическія вызолочен-

ныя, пожертвованныя мировыми учрежденіями, несомы были мировыми посредниками, и другими чинами высшей мѣстной администраціи: народъ, толпою стоявшій предъ церковью и окрестъ ея, какъ бы невольно, въ благоговѣніи, преклонялся, а иные колѣнопреклоненно повергались предъ несомою святынею, одинаково драгоцѣнною и досточтимою для всякаго христіанина; нельзя было не уронить слезы при воспоминаніи того, что было, а при видѣ — что теперь...... Послѣ многолѣтія по освященіи храма провозглашена была вѣчная память незабвенному въ этомъ храмѣ Графу М. Н. Муравьеву. На Божественной Литургіи, совершенной тѣмъ же преосвященнѣйшимъ, во время причастнаго, произнесено мѣстнымъ старшимъ священникомъ Петромъ Левицкимъ Слово.

20.

ПО ПОВОДУ ТОРЖЕСТВА 1-го ОКТЯБРЯ ВЪ М. РУКОЙНЯХЪ.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Давно ли началось движеніе въ пользу православія въ Виленскомъ уѣздѣ? Едва годъ приходитъ къ концу отъ этой замѣчательной эпохи—а что мы видимъ? Вмѣсто одной на весь уѣздъ, и то стоявшей въ запустѣніи, церкви въ селѣ Кердѣевѣ, теперь посчитайте, сколько красуется по уѣзду православныхъ храмовъ! Юрьево, Быстрица, Шумскъ, Цудзенишки, Рукойни, Подберезье, Рудомино, Островецъ, кромѣ Кердѣева съ обновленнымъ храмомъ и именемъ, да кромѣ возобновленнаго въ кердѣевскомъ приходѣ храма вилькитскаго. А тамъ впереди близка окончательная отдѣлка вновь воздвигнутаго храма въ Интуркахъ. Вѣдь это перевалило уже за десять! А слыхали вы, что сталось съ большинствомъ прежняго православнаго люда, какъ капля въ морѣ терявшагося на широкомъ пространствѣ окатоличеннаго Виленскаго уѣзда? Разсѣянные по уѣзду, они въ большей части только по спискамъ вѣдомы были православію. Духовенство городское должно было проѣзжать десятки верстъ, чтобы отыскивать ихъ по одному. А теперь ими заселены цѣлыя новыя деревни. Теперь ужъ излишне ломать голову—въ какихъ... шкахъ живетъ такой то православный: поселенные вмѣстѣ они получили и соотвѣтственное имя. Вотъ село Никольское, тамъ Преображенское, далѣе Вознесенское и т. п.,—такъ и видишь, что тутъ живутъ православные. Оно и для выговора легче и душѣ отраднѣе. А какъ это отрадно для самихъ поселенцевъ! Неимѣвшіе прежде гдѣ главы подклонити, испытывавшіе одни попреки да насмѣшки, теперь живутъ они одной семьей, на своей землѣ, никѣмъ нестѣсняемые, непонуждаемые для куска хлѣба жертво-

имъ дорогими уставами вѣры, они находятъ теперь полную отраду въ исповѣдуемомъ ими православіи. Дай Богъ, чтобы эта чистая закваска произвела благодѣтельное дѣйствіе на окружающую его литовскую среду. Недалеко то время, когда мы будемъ радоваться исполненію теперешнихъ желаній. Вѣдь кто-бы могъ подумать годъ тому назадъ, что напр. въ Рукойняхъ въ нынѣшнемъ году будутъ возможны тѣ явленія, которыхъ свидѣтелями мы были 1-го октября. Въ половинѣ октября прошлаго года ко дню открытія рукойнскаго училища подготовлено было къ присоединенію около двухъ десятковъ римскихъ католиковъ, которые, сознавъ себя русскими, рѣшились идти въ разрѣзъ съ предубѣжденіями своихъ односельцевъ. Но при всей искренности рѣшенія, нѣкоторые изъ нихъ не могли высказать своихъ опасеній,— что имъ житья не будетъ, что на всякомъ шагу въ нихъ будутъ тыкать пальцами. «Не смущайтесь, имъ было сказано, не обращайте вниманія на злую людскую молву, молчаніемъ и терпѣніемъ ее переможете, а правительство не дастъ васъ въ обиду». Другіе указывали на отдаленность церкви и духовенства на случай болѣзни или другихъ христіанскихъ потребностей. «Будьте покойны: явится нужда—дайте знать, а священника ждать не придется; а тамъ дастъ Богъ и церковь будетъ». И начало мало-по-малу множиться число православныхъ. Уже являлась мысль устроить для возсоединенныхъ временную церковь, гдѣ-бы они могли находить по временамъ духовное услажденіе и укрѣпленіе. Необходимо это было среди многочисленнаго римскаго прихода, во главѣ котораго стоялъ ксендзъ ловкій. Но тогда какъ русскіе люди въ своемъ смиреніи только проектировали устроеніе временной церкви, перстъ Божій иначе направилъ ходъ событій—болѣе чѣмъ предположенія человѣческія. Обращеніе быстрицкаго прихода электрической искрой пробѣжало по древнему населенію: пошли присоединенія быстрѣе и, вслѣдъ за быстрицкимъ, преобразились въ православные храмы—костелы въ Шумскѣ, Пудзенишкахъ, Рукойняхъ, а потомъ и далѣе. Чѣмъ неожиданнѣе былъ такой поворотъ дѣла, тѣмъ усиленнѣе натянуты были струны затаенной злобы латинства. Ужъ какихъ штукъ не выдумывали, на какіе фокусы не кидались, какихъ слуховъ не распускали,— да и теперь они, въ постоянномъ напряженіи, всячески стараются противодѣйствовать православію. Но оставимъ ихъ собственной ихъ злобѣ, въ которой найдутъ они въ свое время должное себѣ возмездіе. Наше дѣло свято, стоитъ оно непоколебимо, и никакая злоба, никакая хитрая интрига не въ силахъ его ниспровергнуть! Вотъ какія мысли и соображенія могло возбудить въ безпристрастномъ наблюдателѣ торжество 1-го октабвя, совершившееся въ м. Рукойняхъ.

Праздникъ Покрова Богородицы былъ первымъ храмовымъ праздникомъ рукойнской церкви, первымъ послѣ освященія и, можетъ быть, единственнымъ по своей торжественности. Особенную

торжественность придало празднику слѣдующее обстоятельство. Въ своей материнской заботливости о чадахъ многочисленной русской семьи, Государыня Императрица благоизволила явить особенный знакъ своей любви къ новымъ чадамъ церкви православной: она прислала образа въ нѣкоторыя церкви Виленскаго уѣзда. Въ числѣ другихъ Монаршаго дара сподобилась и церковь рукойнская. 30-го сентября образъ врученъ военному начальнику—какъ первому братчику рукойнской церкви—для препровожденія по принадлежности. Привезенный въ Рукойни на канунѣ праздника, образъ помѣщенъ въ сельскомъ училищѣ до времени внесенія въ церковь. Къ празднику собралось духовенство въ такомъ числѣ, въ какомъ не вездѣ бываетъ и по другимъ уѣздамъ. Погода какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала торжественно-радостному настроенію собравшагося духовенства, народа, воиновъ и гостей. Торжество началось послѣ водоосвященія, совершеннаго въ церкви предъ обѣдней. Съ колокольнымъ звономъ выступилъ величественно изъ храма крестный ходъ съ хоругвями и иконами и направился къ училищу, противъ котораго на дорогѣ расположилась парадомъ 1-я рота Троицкаго полка съ полковой музыкой, прибывшей изъ Вильны по случаю ротнаго праздника. Духовенство вошло въ училище, послѣ обычнаго кажденія, при пѣніи тропаря празднику, поднявши образъ, вручило его военному начальнику и мировому посреднику, которые послѣ, на пути, передали его двумъ старшинамъ. Полковая музыка привѣтствовала появленіе святыни гимномъ «Коль славенъ»; затѣмъ крестный ходъ, сопровождаемый многочисленнымъ народомъ, въ обратномъ шествіи обойдя кругомъ церкви, вошелъ въ церковь, и даръ Императрицы помѣщенъ былъ на аналогіѣ среди вѣнка изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Материнская любовь Государыни угадала потребность храма: она прислала въ даръ именно выносный храмовой образъ, котораго недоставало—образъ Покрова Богоматери. Нечего говорить о высокомъ достоинствѣ иконы: живопись превосходная, украшеніе дорогое,—но всего дороже она будетъ для рукойнскихъ прихожанъ, какъ даръ любвеобильной Государыни. Затѣмъ началась литургія, которую совершилъ каѳедральный протоіерей съ двумя священниками и діакономъ. Нельзя пройти молчаніемъ, что во время богослуженія нововозсоединенные, особенно женщины, годъ тому назадъ дичившіеся всего православнаго, теперь смѣло и радостно ставятъ свѣчи по-православному. Послѣ обѣдни, во время которой о. Іоаннъ Стрѣлецкій въ краткомъ поученіи изложилъ сущность праздника и важность дара Государыни, совершенъ молебенъ предъ присланнымъ образомъ съ многолѣтіемъ Государю, Государынѣ и всему Царствующему Дому, св. сѵноду, нашему архипастырю, благоверному синклиту, воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Послѣ молебна окроплены св. водой воины, праздновавшіе свой ротный праздникъ, а затѣмъ все—и мѣстное православное населеніе и духовенство, музыка и ревнители православія, нарочно прибыв-

ніе изъ Вильны—соединилось на дворѣ священника. Послѣ благословенія предложенной народу трапезы возглашены тосты за Государя и за Государыню, осчастливившую Рукойни своимъ даромъ; гимнъ «Боже Царя храни» былъ на нихъ отвѣтомъ, при громкомъ единодушномъ «ура!» Затѣмъ послѣдовало *здоровье* всѣхъ православныхъ и *съ праздникомъ*—воинамъ. Послѣ сего солдаты со всѣмъ русскимъ радушіемъ стали угощать крестьянъ: и нельзя было не порадоваться тому единенію и любви, какое выражалось при этомъ между воинами и крестьянами. Крестьянинъ сознательно теперь чувствуетъ свое родство съ Россіей и отъ души сближается съ солдатомъ. Не менѣе радушнымъ пріемомъ встрѣчены были въ домѣ священника духовенство и прочіе гости: торжественное веселіе невольно выражалось на лицахъ всего собранія. Послѣ закуски общество поспѣшило на площадку противъ церкви, гдѣ представлялось умилительное зрѣлище. Народъ отъ души ликовалъ, пляской и качелями выражая чувство непритворной радости; музыка и пѣсенники вторили общему веселію. Чтобы составить полное понятіе объ этомъ праздникѣ, надобно было его видѣть. Вплоть до вечера шло гулянье, а вечеромъ, возобновившись при свѣтѣ зажженныхъ костровъ и смоляныхъ бочекъ, продолжилось почти до полуночи. Вензелевое изъ лампъ на домѣ священника изображеніе имени Государя и Государыни произвело на народъ радостное впечатлѣніе.

2-го числа въ воскресенье къ обѣднѣ собралось довольно народу; не были только живущіе подальше отъ мѣстечка. Послѣ обѣдни мѣстный священникъ объявилъ прихожанамъ, что въ три воскресные дня будетъ совершаться особенное моленіе о здравіи Государыни предъ присланнымъ ею образомъ, а затѣмъ и совершено молебствіе съ сердечнымъ участіемъ народа. 3-го числа совершена за упокой родныхъ братская обѣдня, послѣ которой происходило собраніе братства: первымъ дѣломъ собранія было выраженіе чувствъ благодарности за даръ Государыни. Братчикъ старикъ Осипъ Родзевичъ изъявилъ желаніе купить подсвѣчникъ предъ присланный образъ—что уже и привелъ въ исполненіе.

(Вил. Вѣст.)

Савкур—ъ.

21.

— 22-го октября, въ городѣ Ковнѣ, изъ по—доминиканскаго костела, его преосвященствомъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, освящена церковь во имя святыхъ Святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, московскихъ и всея Россіи чудотворцевъ. Ковенское Свято-Николаевское братство принимало искреннѣйшее участіе: церкви этой назначено служить для ковенской гимназіи къ ея обновленію живительнымъ духомъ православія.

— 24-го тогоже октября преосвясвященнѣйшимъ же Александромъ совершено освященіе новоустроенной каменной церкви въ Алек-

сандровской слободѣ, Ковенскаго уѣзда, во имя св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. Александровская слобода года два образовалась изъ русскихъ поселенцевъ, которые строго сохранили русскій бытъ; а потому, освященіе православной церкви среди такого населенія, какъ для его обитателей, такъ и для многочисленной публики было торжествомъ русской народности—въ мѣстности, окруженной иновѣрнымъ и инороднымъ населеніемъ. Во время обоихъ этихъ освященій его преосвященствомъ произнесены знаменительныя, соотвѣтственно случаю и мѣстностямъ, поученія.

— 21-го ноября, протоіереемъ виленскаго каѳедральнаго собора Викторомъ Гомолицкимъ освящена новоустроенная временная въ м. Ольвеникахъ, Троцкаго уѣзда, церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая, при стеченіи значительнаго собранія православныхъ, и даже иновѣрцевъ, и при бытности троцкаго военнаго начальника и прочихъ уѣздныхъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ.

— Лидскій благочинный доноситъ, что ноября 2-го дня, освящена имъ, въ сослуженіи четырехъ, изъ сосѣднихъ приходовъ, священниковъ, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, новопостроенная, въ селѣ Мытѣ, каменная церковь,—въ присутствіи мѣстнаго военнаго начальника, исправника, всего мироваго учрежденія, многихъ чиновниковъ другихъ вѣдомствъ, прибывшихъ изъ г. Лиды, и довольно большаго стеченія народа, построена на 250 человѣкъ, довольно хорошей архитектуры, и стоитъ на возвышенномъ красивомъ мѣстѣ. Утварь, — и именно: дарохранительница, семисвѣчный запрестольный подсвѣчникъ, водосвятная чаша, курильница, дароносица, кадильница, напрестольный крестъ, молебный крестъ, евангеліе, большія двѣ лампады къ мѣстнымъ образамъ съ металическими свѣчами, облаченіе изъ парчи для священника и діакона и хоругви.—прислана изъ Петербурга, отъ комитета подъ предсѣдательствомъ г. тайнаго совѣтника Батюшкова. Изъ виленскаго губернскаго комитета по устройству церквей присланы запрестольный крестъ хорошей живописи, хоругви и плащаница, а также пожертвована г. начальникомъ Виленской губерніи очень хорошая парчевая крещатная риза. Мѣстнымъ комитетомъ пріобрѣтены: серебренные вызолоченные потиръ, дискосъ, звѣздица, лжица, два блюдца, ковшикъ для теплоты, копіе, мѣдный кувшинъ для святой воды. Донося о семъ консисторіи, о. благочинный присовокупляетъ, что вотчинникъ имѣнія Мыта, Миронъ Росудовскій, пожертвовавшій на постройку церкви лѣсъ и гонтъ, а также лѣсъ и деньги на постройки для духовенства мѣстнаго, которыя уже возводятся и будутъ весной окончены, заявилъ ему—благочинному, что въ слѣдующемъ году, сдѣлаетъ церковную ограду, которая, по смѣтѣ не была положена.

ПИСЬМО КЪ КНЯЗЮ А. І. ДРУЦКОМУ-ЛЮБЕЦКОМУ.

Милостивый государь, князь Александръ Іеронимовичъ! Уроженецъ Виленской губерніи и отъ предковъ коренной литовецъ, свидѣтель всего происходившаго въ сѣверо-западномъ краѣ съ 1857 до 1865 годъ, я болѣе года оставилъ Вильну, но не переставалъ слѣдить за судьбами моей дорогой родины, лишенной покоя уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Родившись русскимъ подданнымъ и будучи въ теченіе 19 лѣтъ вѣрнымъ слугой моего Государя и моего отечества, я съ прискорбіемъ видѣлъ, какъ грозная и безумная пропаганда вызывала нашъ край на борьбу съ Россіей; видѣлъ, какъ пропагандисты погубили молодыя и еще неразвитыя силы нашей бѣдной родины. Событія 1863 и 1864 годовъ отошли въ исторію, но къ сожалѣнію, до сихъ поръ я вижу у насъ страстное и напряженное состояніе и ни одного дѣйствія, которое по сущности своей могло бы послужить прочнымъ началомъ окончательному сліянію и затѣмъ прекращенію бѣдствій, столько времени терзающихъ край.

Письмо о присоединеніи вашемъ къ православію было для меня первымъ и единственнымъ утѣшительнымъ явленіемъ: вопервыхъ потому, что вашъ взглядъ на р.-католицизмъ, папу, духовенство и эти фатальные для насъ остатки ученыхъ отцевъ іезуитовъ, оказавшіеся еще такъ недавно и въ нашемъ поколѣніи, по своей правдивости не подлежитъ опроверженію; вовторыхъ, оно объясняетъ значеніе польской эмиграціи, отношеній нашихъ къ Польшѣ и вообще той пошлой роли, какую мы всегда играли, для осуществленія цѣлей и видовъ Чарторійскихъ, Мѣрославскихъ, іезуитовъ и всевозможныхъ шарлатановъ, разсчитывающихъ на нашу не основательность и легковѣріе, на незрѣлость и непониманіе дѣйствительныхъ нашихъ интересовъ. Когда подумаешь, какія личности и какіе авторитеты руководили всѣми недавно еще происходившими дѣлами и какого рода нравственное начало лежало въ основаніи всего этого подземнаго предпріятія, то послѣдствія становятся вполнѣ понятными. Потерявъ уваженіе покровителей, отряхнувшихъ руки за ненадобностью, мы потеряли и уваженіе и довѣріе нашего естественнаго центра. Наконецъ, письмо ваше, будучи живымъ отголоскомъ понятій и взглядовъ, быть-можетъ, многихъ изъ нашихъ земляковъ, преданное печати, а главное утвержденное дѣйствіемъ, вызоветъ рѣшимость, заставитъ понять настоящее и заглянуть въ будущее. По прочтеніи письма вашего, первымъ моимъ движеніемъ было протянуть вамъ руку, въ знакъ моего къ вамъ, князь, уваженія. Слова ваши проникнуты правдой; поступокъ вашъ глубоко обдуманъ и выражаетъ высокую привязанность къ родному краю. Пусть осуждаютъ васъ; пусть свирепствуютъ враги нашего благоденствія и спокойствія, подорвавшіе наши прав-

ственныя начала, уронившіе насъ во мнѣніи правительства и общества и лишившіе насъ возможности даже оправдываться противъ обвиненій,— обвиненій впрочемъ справедливыхъ, но иногда и несправедливыхъ. Вы подняли знамя, и вокругъ него сгрупируется сила, которая должна положить предѣлъ домагательствамъ и убѣдить всѣхъ, что какія бы судьбы ни готовили Польшѣ ея покровители и защитники, пусть на насъ не разсчитываютъ, пусть знаютъ, что на русско-литовской землѣ вызовы ихъ встрѣтятъ отъ насъ сильный и единодушный отпоръ.

Къ этому стремится правительство и сему содѣйствуетъ общественное мнѣніе всей Россіи; ранѣе или позднѣе подобный порядокъ будетъ водворенъ. Вы, князь, указываете путь, коимъ всѣ мы можемъ придти къ этому результату безъ потрясеній и безъ вражды. Вы дѣлаете изъ себя готовую цѣль, въ которую бросятъ камни злоба и клевета, выходящія изъ разныхъ болѣе или менѣе нечистыхъ источниковъ; вы мужественно объявили борьбу предразсудкамъ, противодѣйствовавшимъ возрожденію нашей истинной народности. Довольно: пора сбросить узы, связывавшія нашу жизнь и наши дѣйствія; пора отказаться отъ стремленій, не упроченныхъ ни обычаями, ни склонностями народа; пора перестать служить чужимъ интересамъ, вѣчно играть двусмысленную роль то безтолковыхъ мутителей, то жалкихъ просителей, и у себя дома считаться пришельцами, тогда какъ мы можемъ быть гражданами и дѣтьми великой русской семьи. Шагъ вами сдѣланный долженъ отрезвить наконецъ нашихъ мечтателей и указать имъ, что нашъ быть, наше благостояніе, наша цивилизація только въ Россіи и съ Россіей; однимъ словомъ, мы должны объединиться во чтото ни сталобы, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ для насъ лучше Мало того, наше стремленіе къ объединенію мы должны выразить дѣйствіями и фактами такими, какихъ отъ насъ потребуютъ. Слова и обѣщанія не убѣдятъ ни правительство, ни общество, которыя послѣ совершившихся событій съ 1863 года имѣютъ полное право намъ не вѣрить. Дѣла въ Польшѣ, отозвавшіяся и между представителями нашего края, остановили развитіе тѣхъ реформъ, которыя должны были слѣдовать одна за другою и отдалили ихъ водвореніе на неопредѣленное время, а между тѣмъ въ этихъ реформахъ заключается начало народнаго благоденствія и сила государства. Конечно, все это очень съ руки врагамъ Россіи вообще, въ особенности разрушительному элементу демагогіи и дектринеровъ, которыхъ приводитъ въ ужасъ развитіе юныхъ силъ Россіи на началахъ свободы и правосудія: и чѣмъ страшнѣе для нихъ это развитіе, тѣмъ необходимѣе скорѣйшее наше объединеніе, тѣмъ необходимѣе разомъ уничтожить всѣ надежды и разсчеты на насъ, какъ на мертвящую благія начинанія силу; вмѣсто того пусть Россія видитъ въ насъ единодушный съ нею источникъ живыхъ и чистыхъ началъ, вносимыхъ нами чистосердечно на алтарь общаго нашего отечества. Мѣры нынѣ принятыя къ уничтоженію польскаго преобладанія, конечно,

болѣе или менѣе искуственны, онѣ требуютъ усилій, при которыхъ должны страдать частные интересы; вы же указываете путь естественный, скорый и дѣйствительный, безъ напраженія и безъ жертвъ. Врагъ нашъ не дремлетъ: пройдетъ весьма незначительное время, и послѣднія событія въ западной Европѣ вызовутъ новыя комбинаціи и дадутъ новую пищу эмиграціи, которая для усиленія средствъ своихъ опять приведетъ въ дѣйствіе свои пружины, чтобы волновать умы, питать безплодную химеру и готовить опять новыя бѣдствія, отъ которыхъ спасетъ насъ только быстрое объединеніе.

Служебная дѣятельность не дозволяетъ мнѣ легко высказать чувство моего глубокаго къ вамъ уваженія, но гдѣ бы я ни былъ, отъ всей души желаю дабы наши земляки поняли смыслъ вашихъ дѣйствій, и вмѣстѣ того, чтобъ искать утѣшеніе своимъ близорукимъ взглядамъ въ безсильной и мелкой сплетнѣ, расширили свой взглядъ и поняли, что объединеніе неотразимо какъ судьба, и что упрямство доморощенной политики заграждаетъ путь къ новому положенію въ будущемъ и дѣлаетъ нынѣшнее положеніе безвыходнымъ.

Примите и пр.

Командиръ 1-го пѣхотнаго Невскаго полка, полковникъ *Антонъ Корсва.*

(Моск. Вѣд.)

Исповѣдь польскаго римско-католика, обратившагося въ православіе.

Читатели наши, конечно, не забыли прекраснаго письма князя А. Друцкаго-Любецкаго о причинахъ, побудившихъ его возвратиться къ православію своихъ предковъ. Не менѣе замѣчательная статья, подъ заглавіемъ: «Моя исповѣдь», напечатана въ недавно вышедшемъ № (21) Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Чисто-кровный полякъ, уроженецъ царства-польскаго, воспитанный въ самомъ строгомъ духѣ латинства и полонизма, человѣкъ образованный и зрѣлыхъ лѣтъ, г. *А. Горжалчинскій*, принялъ недавно православіе, въ слѣдствіе долгихъ размышленій здраваго ума, добросовѣстнаго изученія папства и православія, безпристрастнаго наблюденія за жизнію и проявленіями того и другаго, и только— послѣ долговременнаго колебанія и борьбы съ самимъ собою. Мы не можемъ перепечатать всей статьи его. Сообщаемъ только конецъ ея, гдѣ читатели найдутъ

много вѣрно и мѣтко сказаннаго, глубоко прочувствованнаго и любопытнаго въ высокой степени. Авторъ говоритъ, что онъ сначала, не желая быть ни іезуитомъ, ни революціонеромъ, хотѣлъ однако оставаться полякомъ и р. католикомъ; но здравый умъ скоро привелъ его къ слѣдующему размышленію: »какой же я католикъ?...

«Не вѣрить въ папу значитъ не быть католикомъ. Я зналъ изъ исторіи флорентійскаго собора и изъ исторіи брестской уніи, что разница въ догматѣ о происхожденіи Св. Духа была въ разсужденіи соединеніи церквей второстепеннымъ вопросомъ, и положено было признать: *что какъ р. католики, такъ и уніяты вѣруютъ хорошо, только еще до сихъ поръ не разрѣшили взаимныхъ недоразумѣній*; это признано было потому, что признавъ вѣру въ непогрѣшимость папы, они повѣрятъ во все, во что прикажетъ вѣрить папа. А какъ унія придерживалась во всѣхъ отношеніяхъ, и въ обрядахъ, и догматахъ, чистаго ученія православной церкви, съ прибавкою только вѣры въ папу: то ясно что р. католикъ— славянинъ, отрицающій власть папы (если онъ христіанинъ), есть чистый православный.

«Не вѣрить въ папу, въ его непогрѣшимость, даже оспаривать его свѣтскую власть значитъ тоже, что не быть р. католикомъ и лишиться спасенія души въ будущей жизни, какъ объявилъ Бонифатій VIII, говоря: »всякая человѣческая тварь подвластна римскому папѣ, не вѣрующій въ это не можетъ спасти своей души.»

«Что я не могъ вѣрить въ непогрѣшимость папы, объ этомъ, кажется, нечего и говорить; за то ручается мое умственное развитіе: я не вѣрилъ въ свѣтскую власть папы такъ, какъ не вѣрятъ въ нее его собственные подданные; духовную же непогрѣшность я отрицалъ такъ, какъ здравый мой разумъ отрицалъ святость Іосафата Кунцевича, котораго собственноручныя письма я читалъ въ подлинникѣ и зналъ эту фанатическую личность, руководившуюся іезуитскими правилами въ идеѣ, звѣрскими инстинктами на дѣлѣ.

«Я вѣрю, я знаю, я убѣжденъ, что во всемъ р. католическомъ мірѣ нѣтъ ни одного образованнаго человѣка, который, будучи по имени р. католикомъ, оставался бы имъ по убѣжденію: всѣ они отрицаютъ папу, а за симъ и догматы религіи для нихъ потеряли свое значеніе, и потому то въ наше время въ Европѣ мы видимъ печальныя явленія отрицанія, атеизма въ формахъ философскихъ ученій Ренана и его школы. Но положимъ, что для нѣмца философскій парадоксъ въ состояніи наполнить всю религіозную потребность души; что поверхностный умъ француза одновременно можетъ аплодировать Ренану и идти на исповѣдь къ іезуиту; душѣ славянина нужно другаго, нужно для разумной его души другой пищи— пищи религіозной вѣры безъ эффектовъ, но вѣры чистой— христіанской. Такую вѣру исповѣдуетъ православная

церковь, которая еще тѣмъ ближе къ намъ славянамъ, что ея богослуженіе производится на языкѣ нашихъ предковъ, ея управленіе въ рукахъ не итальянца, а св. сунода, совѣта нашихъ славянскихъ епископовъ, который не измѣняетъ догматовъ, а сохраняетъ свято первобытныя христіанскія истины Евангелія.

«Мы, славяне, счастливы тѣмъ, что намъ не нужно, отрицая р. католицизмъ, прибѣгать къ лютеранизму или же философскимъ ученіямъ, которыя не даютъ ничего, кромѣ пустоты и отчаянія въ душѣ. Мы имѣемъ свою церковь, и чтобы не признать ея превосходства, намъ нужно не быть славянами. Іезуиты въ Россіи при Павлѣ и Александрѣ I-мъ могли увлекать изъ православія въ р. католичество только тѣхъ, которые не понимали ни русской рѣчи, ни народнаго духа.

«Такимъ образомъ я думалъ часто, и въ душѣ давно перестахъ быть р. католикомъ.... И чтоже удерживаетъ меня отказаться отъ пустаго титула р. католика?— Спрашивалъ я себя, и во всѣхъ возраженіяхъ, которыя я могъ сдѣлать себѣ въ это время, было только одно: что скажетъ общественное мнѣніе, которое въ наше время такъ склонно еще заблуждаться, и часто видитъ въ присоединеніи къ православію одни матеріальные расчеты?»

«Опять прошло довольно много времени, и я опять сталъ задавать себѣ другіе вопросы: обстоятельства мои сложились такъ, что я, по всей вѣроятности, долженъ буду жить на русской землѣ; могу— ли я быть дѣйствительнымъ гражданиномъ этой землѣ, почему должны оставаться здѣсь пришельцами, когда они здѣшніе— природные, когда я даже не стараюсь учить ихъ по—польски?..! Прошло однако же и послѣ этихъ вопросовъ еще довольно долгое время, и я не рѣшался не только сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, но даже заговорить объ этомъ съ другими.... Я опять думалъ— раздумывалъ, опять началъ читать исторію уніи, просматривать собственныя записки, статьи, и занялся изученіемъ догматовъ и обрядовъ православной церкви... Наконецъ, я рѣшился заговорить о своемъ намѣреніи съ тѣми, которые знали меня и которыхъ мнѣніе я уважалъ. Мнѣ сказали откровенно: что я давно долженъ былъ принять православіе, что моя нерѣшимость относительно окончательнаго разрыва съ папизмомъ даже можетъ бросать тѣнь на искренность заявляемыхъ мною убѣжденій...

«Я присоединился къ православію, послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, и послѣ этого акта, который совершился тихо, безъ торжественной обстановки, я чувствую, что я сдѣлалъ хорошо, сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать давно.— И всѣмъ полякамъ, для того, чтобы избавить отъ истлѣнія остатки своего народнаго организма, нужно покончить разъ на всегда съ германскимъ католицизмомъ, привитымъ къ нему первыми началами цивилизаціи, и отдѣлившихъ всю націю и государство отъ великой семьи!.... Дѣло трудное— я самъ то знаю, но такое, что оно не-

обходимо для того, чтобы, сбросивши съ себя іезуитскій саванъ мертвецовъ, воскреснуть для общей славянской жизни, какъ сыновьямъ народной русской церкви, бывшей когда-то и церковію нашихъ предковъ временъ первыхъ Болеславовъ.

Повѣрять-ли намъ, что мы дѣлаемъ это по убѣжденію?! Это вопросъ, который разрѣшитъ наша дальнѣйшая жизнь и послѣднее ея слово— наша смерть.— Но то вѣрно, что повѣрятъ нашимъ дѣтямъ, которымъ въ замѣнъ скитальнической революціонной жизни— коварства, лжи и обмана, талмудизма эмиграціи, іезуитской интриги, пустоты душевной, и хохота европейскихъ дипломатовъ, мы завѣщаемъ права гражданства, народности, человѣческой честности и религіозныя убѣжденія.

Новый ректоръ холмской епархіальной семинаріи.

Съ удаленіемъ отъ управленія холмскою греко-уніятскою епархіею бывшаго ея нареченнаго епископа, священника Калинскаго, первыя заботы вновь поставленной въ Холмѣ епархіальной власти были обращены на холмскую епархіальную семинарію. Хотя семинарія эта была предметомъ особеннаго вниманія правительства, тѣмъ не мене, при всѣхъ стараніяхъ его, она, благодаря преступной и, конечно, умышленной безпечности священника Калинскаго, оставалась во время всего управленія его въ состояніи прискорбнаго неустройства. Лишь благодаря самымъ положительнымъ настояніямъ главнаго директора внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, обновленъ былъ личный составъ преподавателей, на сколько дозволили это мѣстныя скудныя средства; при этомъ должность ректора была поручена пользовавшемуся большимъ уваженіемъ въ холмскомъ греко-уніятскомъ мірѣ протоіерею Шокальскому. Къ сожалѣнію, престарѣлый протоіерей сей, вскорѣ послѣ назначенія своего, скончался,— и семинарія осталась вновь безъ ректора. Исправляющій должность вице-ректора, протоіерей Гарасовскій обнаруживалъ мало способностей и усердія къ дѣлу и даже вздумалъ оказать достойное сожалѣнія сопротивленіе распоряженіямъ правительства о новомъ порядкѣ управленія дѣлами холмской епархіи, вслѣдствіе чего онъ былъ немедленно удаленъ изъ Холма.

Озабочиваясь замѣщеніемъ должности ректора семинаріи лицомъ вполнѣ достойнымъ, новая епархіальная холмская консисторія избрала въ эту должность и представила на утвержденіе правительства священника Ипполита Криницкаго, бывшаго префекта вѣнской греко-уніятской семинаріи, а нынѣ, со времени прибытія своего въ Холмъ, состоявшагося законоучителемъ холмской русской греко-уніятской гимназіи.

По утвержденіи священника Криницкаго графомъ намѣстникомъ въ Царствѣ въ должности ректора холмской семинаріи, послѣдовало въ ней 30-го сентября (12 октября) 1866 г. открытіе курсовъ текущаго учебнаго года. Къ сказанному дню въ семинарію собрались всѣ ея воспитанники, проводившіе каникулярное время у своихъ родственниковъ внѣ Холма, а также молодые люди, пожелавшіе вновь поступить въ семинарію; въ числѣ послѣднихъ прибыли въ Холмъ и нѣсколько человѣкъ изъ Галиціи, сыновья тамошнихъ греко-уніятскихъ священниковъ.

Началу учебныхъ занятій въ семинаріи предшествовалъ актъ введенія въ должность новаго ректора, которое и было совершено предсѣдателемъ-официаломъ холмской епархіальной консисторіи — протоіереемъ Войцицкимъ, въ присутствіи преподавателей и воспитанниковъ семинаріи. Протоіереемъ Войцицкимъ произнесено было по сему случаю краткое слово, въ коемъ онъ объяснилъ воспитанникамъ духовныя и гражданскія обязанности, на нихъ возлагаемыя тѣмъ высокимъ призваніемъ, которое ожидаетъ ихъ въ близкомъ будущемъ. Затѣмъ ректоръ семинаріи, священникъ Криницкій, обратился къ новымъ своимъ ученикамъ съ слѣдующими словами, произведшими глубокое впечатлѣніе на всѣхъ участниковъ и свидѣтелей этого мирнаго и скромнаго торжества.

«Господа! По возвращеніи изъ домоваго отпуска въ семинарію, вы нашли перемѣну въ личномъ составѣ начальства этого заведенія. Такъ Высочайшему правительству угодно было, между прочимъ, назначить меня ректоромъ семинаріи. Искренно желаю явиться въ новой своей должности вѣрнымъ исполнителемъ обязанностей, съ нею соединенныхъ, и полезнымъ дѣятелемъ въ отношеніи къ нашей св. церкви и къ нашему народу. Это желаніе побуждаетъ меня строго смотрѣть на свои обязанности, изъ которыхъ главная: воспитаніе и образованіе васъ такое, которое было бы сообразно вашему будущему служенію. Оно же заставляетъ меня требовать съ вашей стороны точнаго, честнаго и добросовѣстнаго исполненія вашихъ обязанностей; ибо только при такомъ отношеніи къ дѣлу, и начальствующихъ, и учащихся, можетъ быть достигнута цѣль нашего заведенія, т. е. образованіе достойныхъ служителей нашей церкви.

«Съ перемѣною личнаго состава начальства заведенія, измѣняется отчасти и характеръ, такъ сказать, внутренняя жизнь заведенія. Такъ бываетъ почти всегда, а въ отношеніи къ нашей семинаріи, надобно сказать, что такъ и должно быть непремѣнно.

«Въ чемъ же должна быть такая внутренняя перемѣна въ нашей семинаріи? Отвѣчая на этотъ вопросъ, я долженъ высказать вамъ такія мысли, касательно цѣли и духа нашего учебнаго заведенія, съ ясным сознаніемъ которыхъ вы по надлежащему должны бы вступить въ это заведеніе, но которыя, къ сожалѣнію, доселѣ еще представляютъ для насъ нѣчто новое и неудобопонятное.

«Вы, господа, сыновья сельскихъ русскихъ священниковъ, поступили сюда для того, чтобы получить образованіе, необходимое для достойнаго служенія нашей св. церкви, въ качествѣ пастырей нашего русскаго народа. Для этого и существуетъ наша семинарія, т. е. для воспитанія достойныхъ пастырей народа; это ея цѣль и задача.

«Имѣя въ виду такую задачу, наше заведеніе можетъ ли имѣть иные интересы, кромѣ интересовъ педагогическихъ, и можетъ ли имѣть иной харайтеръ, кромѣ религіозно-національнаго русскаго?

«Служеніе священника— весьма важное и весьма трудное служеніе. Священникъ долженъ быть наставникомъ и руководителемъ своихъ пасомыхъ не только на пути земной ихъ жизни, но и на пути къ небу; онъ долженъ не только предохранить ихъ отъ соблазна и гибели, но и умѣть привести ихъ въ царство небесное; долженъ умѣть дать надлежащій отвѣтъ всякому, вопрошающему о словеси, быть всѣмъ вся, по слову Апостола: »да всѣхъ пріобращетъ и спасетъ.« За гибель единой овцы изъ ввѣреннаго ему стада судъ Божій грозитъ ему вѣчнымъ наказаніемъ въ будущей жизни.

«Въ виду такихъ важныхъ обязанностей и такой страшной отвѣтственности осмѣлится ли кто взять на себя служеніе священническое, не чувствуя призванія къ нему и безъ надлежащаго приготовленія? Не дай Богъ, чтобы столь дерзкіе и неразсудительные оказались между вами. Вамъ даются всѣ средства приготовить себя къ достойному священству, и вы должны употребить съ своей стороны все стараніе къ тому, чтобы воспользоваться этими средствами съ выгодою для себя. Удаляясь отъ всего развращающаго душу и исполняя всѣ правила христіанскаго нравственнаго закона, вы въ то же время должны неусыпно и непрестанно заботиться о своемъ умственномъ развитіи, объ обогащеніи себя познаніями. Одного нравственнаго развитія недостаточно для достойнаго и полезнаго служенія священническаго. Пастырю народа весьма необходимо и научное образованіе, особенно въ наше время, богатое разнообразными и часто пагубными идеями, въ нашемъ краѣ, котораго народонаселеніе вообще стоитъ весьма низко въ умственномъ отношеніи.

«Опредѣляя частнѣе ваши обязанности въ отношеніи къ нравственному и умственному образованію нашему, я долженъ напомнить вамъ, что вы должны быть ревностно-усердны къ св. церкви и богослуженію, къ религіознымъ упражненіямъ, послушны и почтительны въ отношеніи къ начальникамъ, наставникамъ и ко всѣмъ лицамъ, трудящимся на служеніе обществу и государству— должны быть прилежны къ учебнымъ занятіямъ, не только по требованію наставниковъ вашихъ, но и по собственному выбору. Долгъ службы и совѣсти не позволяетъ намъ терпѣть между вами лѣность, непослушаніе, дерзость и какое бы то ни было ка-

чество или поступокъ, не соотвѣтствующіе вамъ, какъ духовнымъ воспитанникамъ.

«Предупреждаю васъ объ этомъ, и надѣюсь, что ваше доброе поведеніе и усердіе къ наукѣ и къ своему образованію сообщитъ нашему заведенію черту новаго, лучшаго характера и положенія.

«Другая новая сторона во внутренней жизни и характерѣ нашего учебнаго заведенія должна быть національная. Едва-ли и слѣдуетъ доказывать право этого заведенія называться и быть заведеніемъ русскимъ, русскою духовною семинаріею. Оно существуетъ въ краѣ русскомъ, содержится нашимъ правительствомъ русскимъ, устроено для блага народа русскаго, для образованія достойныхъ пастырей его. Это истины неподлежащія сомнѣнію, и прискорбно, если онѣ доселѣ не ясны для вашего сознанія и непривычны вашему уху.

«Какъ русское учебное заведеніе, наша семинарія должна отличаться также характеромъ русскимъ, и въ самомъ дѣлѣ воспитанія, и въ жизни и поведеніи воспитанниковъ. Странно было бы въ настоящее время видѣть въ глубокой Польшѣ польское учебное заведеніе, котораго воспитанники отличались бы особенно приверженностію къ русскому религіозному обряду, къ русской рѣчи и литтературѣ и нерасположенностію къ своему вѣроисповѣданію, къ своей родной рѣчи, Но не будетъ ли странностію подобное явленіе въ русскомъ краѣ и въ русскомъ учебномъ заведеніи, когда воспитанники его съ пренебреженіемъ относятся къ своему обряду, къ своему языку и предпочитаютъ ему языкъ польскій, и литтературу иного народа— польскаго, который, какъ теперь всему свѣту извѣстно, всегда старался искоренить русскій обрядъ и языкъ и всѣ другія особенности жизни русскаго народа, чтобы уничтожить самый народъ.

«Такое поведеніе воспитанниковъ въ отношеніи къ своему родному, національному, не будетъ ли измѣною нашей св. церкви, нашему народу и отечеству? Правительство наше обращаетъ свое милостивое вниманіе на нашъ край и народъ, униженный и забытый польско-католическимъ вліяніемъ; оно представляетъ намъ всевозможныя средства для возрожденія нашего народа, для улучшенія его положенія матеріальнаго и умственнаго. Пастыри народа наиболѣе могутъ сдѣлать въ этомъ отношеніи добраго для него, воспользовавшись этими средствами. Поэтому правительство обращаетъ особенное вниманіе и на наше духовенство, старается объ улучшеніи его быта, объ устройствѣ для него учебныхъ заведеній и между прочимъ о нашей семинаріи, для которой даетъ наставниковъ, всѣ средства содержанія и всѣ учебныя пособія, въ надеждѣ имѣть въ священникахъ, воспитавшихся въ этой семинаріи, своихъ помощниковъ въ дѣлѣ возрожденія и улучшенія быта нашего русскаго народа.

«И такъ, и воля правительства, и долгъ вашъ въ отношеніи въ народу, требуютъ, чтобы вы воспитывались здѣсь въ русскомъ

духѣ и характерѣ, чтобы въ васъ видно было сочувствіе нашему русскому обряду, русскому языку и литературѣ, и вообще жизни русскаго народа, а не цивилизаціи и жизни польско-католической.

«Слушая лекціи по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса на русскомъ языкѣ, вы обязаны въ то же время, для успѣшнаго изученія преподаваемыхъ вамъ наукъ, читать ученыя книги, которыми теперь довольно богата ваша библіотека, и вообще знакомиться подробнѣе съ литтературою русскою по всѣмъ наукамъ. Затѣмъ, въ разговорахъ между собою, въ объясненіяхъ съ начальниками и наставниками вашими и съ иными сторонними лицами, вы не будете употреблять иного языка, кромѣ русскаго. Польская рѣчь, употребляемая вами постоянно, характеризуетъ васъ и нашу семинарію нерусскими, а такая аномалія отселѣ не можетъ быть терпима здѣсь.

«Повторяю высказанныя мною желанія и требованія отъ васъ въ самыхъ краткихъ положеніяхъ. Ведите себя благонравно, какъ прилично духовнымъ воспитанникамъ, трудитесь для своего образованія усердно и постоянно не только въ урочное время классныхъ занятій, не только предъ глазами наставниковъ, но и въ своихъ квартирахъ. Избѣгайте всего, что можетъ характеризовать васъ не какъ русскихъ воспитанниковъ!...

«Поступая такимъ образомъ, вы воспитаете въ себѣ достойныхъ служителей церкви и пастырей народа и оправдаете надежды, возлагаемыя на васъ нашею св. церковью и попечительнымъ правительствомъ. Въ противномъ случаѣ, уподобитесь лѣнивому и лукавому рабу, закопавшему въ землю таланты, данные ему господиномъ, и понесете достойное наказаніе отъ людей и отъ Бога, призывающаго васъ на свое служеніе и ввѣряющаго вашему пастырству свое словесное стадо. Да сохранитъ васъ отъ сего Духъ Святый, да укрѣпитъ ваши силы на благое дѣло вашего образованія и да наставитъ васъ на всякую истину.» *(Сѣв. Поч.)*.

РѢЧЬ

къ возсоединеннымъ съ православною церковью отъ римскаго исповѣданія.

Братія по православной, нынѣ исповѣданной вами вѣрѣ!

Дѣло вѣры есть дѣло сердца, что же усвоено сердцемъ, чѣмъ оно питалось и жило съ дѣтства, что глубоко воплотилось въ духѣ нашемъ, съ тѣмъ сердце не легко и не безъ борьбы разстается: а вы произнесли нынѣ отреченіе отъ того исповѣданія, въ которомъ родились и въ которомъ издѣтства воспитаны. Вы совершили дѣло трудное, великій внутренній подвигъ. Привѣт-

ствуемъ васъ съ этимъ подвигомъ, который совершить помогла вамъ милость божія, многими и разнообразными путями приводящая къ свѣту чистой истины Христовой.

Мы не имѣемъ причинъ сомнѣваться въ твердости вашихъ убѣжденій, но обращаемся къ вашему сердцу съ вопросомъ покойно ли оно нынѣ? не тревожитъ ли его сожалѣніе объ оставленныхъ вѣрованіяхъ? Напраснымъ было бы его безпокойство. Вы не отреклись отъ истины, а по принятіи православія увидѣли истину въ ея первобытной чистотѣ. Вы не отреклись отъ церкви, а только присоединились къ древней вселенской церкви, гдѣ впервые нареклось имя христіанъ и которой первой ввѣрено Христомъ сокровище евангелія. Вы не отреклись отъ вѣры апостольской, а только исповѣдали ее въ томъ истинномъ видѣ, какъ она сохранилась въ церкви, насажденной самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ и совокупными трудами многихъ апостоловъ. Вы не отреклись ни отъ одного изъ главныхъ догматовъ, а только признали символъ вѣры въ первобытной его цѣлости безъ святотатственнаго, вопреки заповѣди вселенской церкви, измѣненія. Да обрѣтаетъ же сердце ваше всегда успокоеніе въ этой увѣренности, что вы не измѣнили святой вѣрѣ, а только возвратились къ древлеотеческому, вселенскому православію.

Найдутся, безъ сомнѣнія, люди, которые дерзнутъ упрекать васъ въ отреченіи. Но можно ли тревожиться этими упреками? Вы отреклись отъ ложнаго мнѣнія о видимой верховной главѣ надъ церковью, которое изобрѣтено для поддержанія мірскаго властолюбія римскаго епископа, и которое отвергается нынѣ даже большинствомъ здравомыслящихъ послѣдователей римской церкви. Вы отвергли лжеученіе *о св. Духѣ*, несогласное съ прямымъ и рѣшительнымъ ученіемъ евангелія. Вы оставили церковь, которая лишаетъ вѣрующихъ причащенія *крови Господней* въ таинствѣ евхаристіи, вопреки примѣру и ученію апостоловъ, воспрещаетъ богослуженіе на родномъ общепонятномъ языкѣ, а св. молитвы и пѣснопѣнія замѣнила нѣмыми звуками бездушныхъ орудій. Можетъ ли когда сердце ваше истинно пожалѣть объ этихъ предметахъ вашего отреченія?. Напротивъ, оно имѣетъ много и другихъ причинъ нынѣ радоваться.

Православная вѣра есть вѣра вашихъ отцевъ, насажденная здѣсь св. Андреемъ Первозваннымъ и свято хранимая до нынѣ. Этотъ край, въ которомъ вы родились и возросли, есть древнерусское отечество, откуда во всѣ концы пошла русская земля. Но римское исповѣданіе, поддерживаемое угнѣтеніями и насиліемъ, отдѣливши предковъ вашихъ отъ православной церкви, отторгло васъ и многихъ отъ родной русской земли, или правильнѣе—на землѣ родной сдѣлало васъ людьми ей чуждыми, а можетъ быть, и враждебными ея благу. Православіе возвращаетъ вамъ потерянную народность, вводитъ васъ опять въ родную русскую семью.

Сколько новыхъ причинъ радоваться вашему возсоединенію съ пр
вославною церковью!.

Сохраните надолго въ себѣ эту св. радость; возчувствуйте н
себѣ всеблагій промыслъ Божій, свято храните обрѣтенное вам
сокровище истинной вѣры; входите въ тѣснѣйшее общеніе съ пр
вославною церковію, *тщаніемъ не ленивы, духомъ горяще, Госп
деви работающе.* Возсоединитесь, жизнію и дѣятельностію, вс
цѣло съ сынами православной Россіи. Будьте вѣрой православн
душей русскими,— и радость ваша будетъ исполнена. Богъ ж
всеблагій да *утвердитъ и совершитъ вы въ вѣрѣ и во всякомъ д
лѣ блазѣ.* Аминь.

ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ О ПРЕКРАЩЕНІИ КОНКОРДАТ 1847 ГОДА СЪ РИМСКИМЪ ДВОРОМЪ.

Въ Именномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Вы
сочайшемъ указѣ, данномъ правительствующему сенату, въ 22-
день ноября сего года, за Собственноручнымъ Его Величеств
подписаніемъ, изображено: „Дѣйствіями римскаго двора прерван
сношенія онаго съ Нашимъ правительствомъ и вслѣдствіе того за
ключенныя съ симъ дворомъ 22-го іюля (3-го августа) 1847 г. усл
вія и состоявшіяся въ дополненіе оныхъ особыя соглашенія относ
тельно управленія дѣлъ римскаго исповѣданія въ предѣлахъ Ро
сійской державы утратили всякую обязательную силу и не могут
болѣе служить руководствомъ по управленію означенными дѣл
ми; а потому дѣла сіи должны впредь вѣдаться установленны
для того въ государствѣ властями и управленіями, на основан
коренныхъ законовъ Имперіи и Царства Польскаго. Правител
ствующему сенату повелѣваемъ сдѣлать надлежащія къ исполне
нію сего распоряженія."

„РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ" ОБЪ ЭТОМЪ КОНКОРДАТ

Въ „*Русскомъ Инвалидѣ*" отъ 20-го мая напечатана обширна
статья, разсматривающая конкордатъ, заключенный въ 1847 год
съ папскимъ престоломъ, и проистекающія изъ онаго отношен
правительства къ р. католицизму въ Россіи. По причинѣ обширност
этой статьи мы перепечатываемъ изъ нея лишь замѣчательнѣйші
мѣста.

Разсматривая статью XII конкордата, опредѣляющую порядок
избранія р.-католическихъ епископовъ и суффрагановъ, которое по
становлено производить «по предварительному соглашенію Его Им
ператорскаго Величества съ святѣйшимъ престоломъ,» *Русскій Ин
валидъ* говоритъ:

«Нельзя не замѣтить съ перваго же раза, что слово *соглашеніе* возбуждаетъ сомнѣніе въ томъ, что должно быть, если соглашеніе не состоится. Объ этомъ конкордатъ не говоритъ ни слова, но отвѣтъ мы можемъ легко найдти въ исторіи. Екатерина Великая, не спросясь папы, возвела Сестренцевича въ санъ епископа. Такимъ же образомъ поступила она въ 1793 году, послѣ возвращенія въ Россіи Минской, Кіевской и части Волынской губерній, и при утвержденіи въ нихъ трехъ римско-католическихъ епископствъ. Императоръ Павелъ, когда папскій нунцій Литта вздумалъ вмѣшаться въ назначеніе епископа, порѣшилъ вопросъ немедленнымъ удаленіемъ нунціатуры, и своею властію поставилъ епископа. Регламентъ 1798 г. опредѣляетъ прямо, что епископы всегда назначаются императоромъ и посвящаются митрополитомъ (архіепископомъ могилевскимъ) съ *благословенія папы*. О суффраганахъ тутъ же сказано, что они равнымъ образомъ посвящаются съ благословенія папы, по предварительному согласію на то его императорскаго величества. Въ высочайшемъ декретѣ о порядкѣ подчиненія римско-католическаго духовенства въ Царствѣ Польскомъ (1817 году), составляющемъ основной законъ римско-католической церкви въ Польшѣ, статьи VII и VIII говорятъ, что капитулы лишившіяся своихъ архипастырей, *могутъ* избирать трехъ кандидатрвъ для замѣщенія открывшейся вакансіи и представляютъ о нихъ намѣстнику (т.-е. правительству). Подобное же право представленія кандидатовъ на мѣсто суффрагана епископу, чрезъ правительственную коммиссію духовныхъ дѣлъ. Наконецъ, почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ вопросъ этотъ рѣшается такъ, что право назначенія принадлежитъ государственной власти, а папа даетъ только духовную инвеституру, и если эта инвеститура не послѣдуетъ, то избранныя лица все-таки управляютъ епархіей, а лицо, не одобренное правительствомъ, ни въ какомъ случаѣ не допускается до отправленія должности. Между тѣмъ, текстъ нашего конкордата не только не рѣшаетъ этого вопроса, согласно съ прежними неотмѣненными узаконеніями, приведенными нами выше, но даже даетъ поводъ сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности, устанавливая какое-то равенство между компетентностію папы и правительства, равенство, котораго никогда не было и быть не можетъ, если государство не хочетъ терпѣть важный ущербъ своему авторитету.»

Далѣе *Русскій Инвалидъ* останавливается на пунктѣ, опредѣляющемъ подчиненность монашескихъ орденовъ власти епископовъ.

«И въ отношяніи этого важнаго пункта конкордатъ не даетъ отвѣта, слѣдовательно приходится руководствоваться прежними неотмѣненными и неизмѣненными законами. Законы эти суть: грамота папскаго нунція Аркетти, данная въ 1784 году на имя могилевскаго епископа Сестренцевича, положеніе регламента 1708 года и вошедшія изъ этого регланента въ декретъ 1817 года статьи IV, X, XV, XVI, XVII, XX. Въ особенности важна тутъ статья XX, которая прямо говоритъ: «Епископы должны имѣть бдительный над-

зоръ за внѣшнею полиціей монастырей, кои токмо чрезъ посредство епископа, или консисторіи, могутъ входить съ представленіями къ правительству.» Постановленія эти ясно подтверждены буллою папы Пія VII 30-го іюня 1818 года, гдѣ прямо постановлено: «Города и церкви вышеизчисленные, а также приходы и мѣста, подвѣдомственные каждой изъ церквей, какъ равно и ихъ жителей обоего пола, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ назначаемъ навсегда и подчиняемъ по духовнымъ дѣламъ поименованнымъ церквамъ и іерархамъ, вмѣстѣ съ городами, территоріею, епархіею, бѣлымъ духовенствомъ и монашествующими обоего пола.... «Несоблюденіе этихъ положительныхъ законовъ и стремленіе монашествующаго духовенства, при всякомъ удобномъ случаѣ, не подчиняться мѣстной духовной власти, а прибѣгать къ своимъ римскимъ генераламъ или орденскимъ провинціаламъ, а съ другой стороны, потворствованіе этому сепаратизму со стороны римскаго престола и нѣкоторыхъ епископовъ, стремящихся къ тому, чтобы какъ бы то ни было и гдѣ бы то ни было ослабить дѣйствія правительства, повели въ 1842 и 1846 годахъ къ изданію высочайшихъ указовъ объ уничтоженіи власти провинціаловъ и учрежденіи особыхъ визитаторовъ для надзора за монастырями.»

Что касается до порядка принятія въ Россіи и опубликованія папскихъ буллъ, то, замѣчаетъ *Русскій Инвалидъ*, этотъ важный вопросъ вовсе пройденъ молчаніемъ въ актѣ 1847 года; но за то русское правительство имѣетъ въ этомъ отношеніи важные антеценденты.

«Еще Екатерина Великая постановила правила, подтвержденныя регламентомъ 1798 года, которымъ запрещается принимать и публиковать папскія буллы безъ разрѣшенія правительства. Тѣ же правила вошли и въ Сводъ Законовъ (прим. къ ст. 47-й XI т. части первой), въ которомъ сказано: «Всѣ христіане римско-католическаго вѣроисповѣданія сносятся съ римскимъ дворомъ не иначе, какъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, который относится о семъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. *Никакія буллы, посланія и постановленія римскаго двора не могутъ быть приводимы въ дѣйствіе въ Имперіи, Царствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ безъ высочайшаго его императорскаго величества разрѣшенія*, испрашиваемаго министромъ внутреннихъ дѣлъ по предварительномъ удостовѣреніи, что сіи акты не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго государственнымъ постановленіямъ и священнымъ правамъ и преимуществамъ верховной самодержавной власти. «Въ декретѣ 1817 года, XIX, ст. прямо постановляется: «Духовныя власти безъ вѣдома и дозволенія правительства не могутъ объявлять папскихъ буллъ.» Всѣ эти постановленія опредѣляютъ и для русскаго правительства неоспоримое право, существующее во всѣхъ европейскихъ государствахъ, даже р.-католическихъ, право не дозволять иноземной власти дѣлать какія бы то не было распоряженія, и приводить ихъ въ исполненіе безъ согласія и разрѣшенія собственной государственной

власти и право останавливать всякое распоряженіе несогласное съ коренными законами и съ видами правительства. Право это неоднократно нарушалось римскимъ дворомъ и не далѣе, какъ въ последнее время мы имѣли разительный примѣръ той незастѣнчивости, съ которою папскій престолъ умѣетъ обходить и неисполнять условій, на которыхъ допускается его вліяніе на римско-католическую цирковь и ея внутреннія дѣча, внѣ предѣловъ папской территоріи.»

«Всякій конкордатъ, продолжаетъ *Инвалидъ*, носитъ на себѣ характеръ договора съ взаимными уступками, характеръ соглашенія требованій съ двухъ сторонъ. Конкордатъ же 1847 года есть только уступка со стороны русскаго правительства, гарантировавшаго р.-католицизму полную свободу, новыя льготы и роскошную матеріальную обстановку, и неполучившаго взамѣнъ даже гарантіи своего кореннаго права, права не терпѣть чужестраннаго вмѣшательства въ собственныя внутреннія дѣла и ограничить себя и своихъ подданныхъ отъ враждебныхъ вліяній. Таковое враждебное вліяніе римскій дворъ вполнѣ обнаружилъ постояннымъ стремленіемъ дѣйствовать помимо правительства, поддержкою и возбужденіемъ оппозиціи въ р.-католическомъ духовенствѣ, поощреніемъ его къ противудѣйствію законной власти. Это доказываютъ дѣйствія Гутковскаго, Фелинскаго, Ржевусскаго, почти всего монашествующаго и бѣлаго духовенства и, наконецъ, послѣдніе поступки римскаго двора въ отношеніи къ русскому правительству. Спрашивается, можетъ ли правильно организованное государство терпѣть подобный порядокъ вещей, можетъ ли оно допускать рядомъ съ законно-основанною для цѣлаго государственнаго союза верховною властію, вмѣшательство чужой власти, равной или даже считающейся *всемогущественною*, хотя бы это всемогущество и прикрывалось каноническими правами? Всемогущество исключаетъ всякую другую власть и согласить обѣ невозможно. Не поэтому ли римскій дворъ не желаетъ разъясненія недоразумѣній, разъясненія, могущаго кончиться развѣ только уступкою римскаго двора, какъ это вполнѣ доказываютъ мѣры, принятыя въ отношеніи къ нему большинствомъ европейскихъ правительствъ, и въ томъ числѣ многими р.-католическими? Не поэтому ли онъ избѣгаетъ рѣшенія вопросовъ, составляющихъ тему постоянныхъ споровъ съ нимъ, и предпочитаетъ вертѣться въ безконечномъ кругу противорѣчій, затягивать дѣло, спорить о немъ, а между тѣмъ дѣйствовать по своему, прикрываясь неприкосновенностію своей канонической власти и втягивая въ кругъ этой власти все, что ему угодно? Можно ли вообще ожидать отъ римскаго двора добровольнаго соглашенія и какой бы то ни было уступки, и можно ли подчинять государственные интересы, внутреннее спокойствіе, необходимость успокоенія совѣстей милліоновъ р.-католиковъ, проживающихъ въ разныхъ странахъ, надеждѣ на прочное соглашеніе, на чистосердечную, искреннюю уступку sine reservatione mentali? Можно ли

ожидать такой уступки отъ власти, присвоивающей себѣ право разрѣшать и связывать совѣсти и уничтожать присяги?»

«Просмотрѣвъ исторію нашихъ сношеній съ римскимъ дворомъ, прослѣдивъ всѣ факты, свидѣтельствующіе объ отношеніи его къ русскимъ римско-католикамъ и къ нашему правительству, обративъ особенное вниманіе на послѣднія 60 лѣтъ и на смыслъ всѣхъ договоровъ съ Римомъ, а въ особенности конкордатъ 1847 года, трудно предаваться еще какой бы то ни было надеждѣ. Незачѣмъ продолжать безплодныя попытки выйдти изъ заколдованнаго круга, образуемаго папскимъ всегосподствомъ надъ совѣстями и церковью. Признавать неприкосновенность причинъ и стремиться къ нахожденію формы для нейтрализованія этихъ самыхъ причинъ, дѣло безплодное, и исторія нынѣшняго столѣтія доказываетъ это вполнѣ. Но та же исторія показываетъ намъ также примѣры, какъ слѣдуетъ разрѣшать подобныя вопросы. Постановленія Екатерины составляютъ *minimum* законныхъ требованій всякаго самостоятельнаго правительства, и она съумѣла устоять на этихъ требованіяхъ и безъ согласія папскаго престола, прервавъ безплодный споръ, признавая папство только поколику оно власть епископская, и отнявъ у него всѣ средства непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла управленія мѣстною церковью. Подобнымъ же образомъ поступило французское правительство въ началѣ нынѣшняго столѣтія, да подобнымъ образомъ поступитъ и всякое правительство, охраняющее свое достоинство и внутреннее спокойствіе и желающее положить конецъ неумѣстнымъ притязаніямъ.»

«Можетъ ли и долженъ ли пострадать при нынѣшнихъ обстоятельствахъ р.-католицизмъ въ Россіи. Мы смѣло утверждаемъ, что нѣтъ. Р.-католицизмъ во всѣхъ столкновеніяхъ съ папскою властью играетъ роль подчиненную. Только благодаря папскимъ интересамъ и его стремленію къ всевластію, р.-католицизмъ становится въ оппозицію къ другимъ христіанскимъ религіямъ, стремится выйдти изъ общаго уровня, гнушается равенства съ другими религіями и ищетъ господства или борется съ господствующими церквами, гдѣ таковыя есть.»

«Что касается до Россіи, говоритъ офиціальная газета въ заключеніе, то господство православія легко для иновѣрческихъ исповѣданій. Не слышно жалобъ ни отъ киргизовъ, ни отъ евреевъ и магометанъ; не слышно ихъ ни отъ армянъ, ни отъ протестантовъ и не будетъ ихъ и отъ р.-католиковъ, если римскія интриги и происки извѣстной партіи польско-шляхетскихъ фанатиковъ перестанутъ разжигать изувѣрство и поднимать русскихъ р.-католиковъ на дѣло незаконное, на сопротивленіе государственной власти, на ненависть къ своимъ братьямъ христіанамъ, молящимся тому же единому Богу, хотябы и не по правиламъ римско-католической церкви.»

АЛЛОКУЦІЯ ПАПЫ ПІЯ IX.

Недавно, какъ извѣстно, папа Пія IX выпустилъ двѣ новыхъ аллокуціи—этотъ безсильный гороховый шумъ, остатокъ старинныхъ ватиканскихъ громовъ. Въ первой аллокуціи святой отецъ оплакиваетъ преимущественно Италію и ея «субъальпинское правительство, несъумѣвшее оцѣнить великія благодѣянія монашескихъ орденовъ, основанныхъ святыми людьми и одобренныхъ священнымъ апостольскимъ престоломъ,—орденовъ, которые принесли *удивительныя* (да, дѣйствительно удивительныя!) услуги христіанскому обществу, какъ гражданскія, такъ и литературныя, столькими *славными заботами* (1) и столькими набожными и полезными.»

Истощивъ цѣлыя рѣки слезъ, по поводу гибельной заразы либерализма, свирѣпствующей между вѣрными, его святѣйшество возводитъ очи горѣ и возлагаетъ всю надежду на силы небесныя. Къ сожалѣнію, святой отецъ не выдерживаетъ характера до конца, и послѣ тяжкихъ сѣтованій на свое убожество, вдругъ совершенно неожиданно начинаетъ трубить въ рогъ «неистоваго Роланда». «Горе, восклицаетъ смиренный священнослужитель, горе всѣмъ правителямъ, если, забывъ, что они благое орудіе Божіе, правители эти не будутъ заботиться (да когда они могутъ и обязаны) объ этомъ культѣ (католицизмѣ)! Они должны бояться и трепетать, когда собственными своими дѣлами разрушаютъ драгоцѣннѣйшее сокровище католической вѣры, *безъ которой невозможно угодить Богу*». Воображаемъ, какъ трепещетъ Викторъ-Эммануилъ, читая эти ужасныя строки, и каково теперь всѣмъ соблюдающимъ не тотъ культъ, безъ котораго, по словамъ папы, «невозможно угодить Богу.»

Вторая аллокуція громитъ Россію и ея правительство за то же самое, за что досталось и Италіи — за наше схизматическое неумѣнье цѣнить всѣ благодѣянія р. католическаго монашества. Въ этой краснорѣчивой аллокуціи непогрѣшимый папа на каждомъ шагу грѣшитъ противъ истины. Изъ-за того, что наше правительство вынуждено было удалить его «возлюбленнаго сына Павла Ржевускаго, генеральнаго викарія Варшавы и епископа Пруссіи in partibus in fidelium» (2) (хорошъ комплиментъ королевству Вильгельма I-го!), потому только, что наше правительство не желаетъ допустить совершеннаго облатиненія уніатской холмской епархіи, его святѣйшество заключаетъ, что русское правительство задумало совершенное искореленіе въ своихъ владѣніяхъ р. католицизма, «безъ котораго невозможно угодить Богу». Папа сильно негодуетъ на послѣднія реформы въ управленіи католическихъ епархій въ Россіи. «Уничтожили, въ отчаяніи возклицаетъ Пій IX, капитулы кол-

(1) По французски это выходитъ еще смѣшнѣе: *par tant de glorieuses fatigues*.

(2) Въ странѣ невѣрныхъ.

легіальныхъ церквей, погубили авторитетъ и свободу епископовъ, которые теперь не могутъ (какая жалость!), безъ согласія гражданской власти, назначить ни одного администратора епархіи, ни даже викарія».

«Сношенія вѣрныхъ съ апостолическимъ престоломъ,—продолжаетъ скорбѣть неутѣшный намѣстникъ св. Петра,—также воспрещены и отмѣнены русскимъ правительствомъ съ такою строгостію, что мы, къ великой скорби души, совершенно лишены возможности исполнять свое апостольское призваніе въ этой части Господняго стада».

Объ обращеніяхъ изъ католицизма въ православіе кроткій Пій IX говоритъ, какъ объ «отторженіи отъ лона церкви (католической) сыновъ ея для того, чтобъ вовлечь ихъ въ самую гибельную изъ схизмъ (православіе)».

Громы, которые мечетъ его святѣйшество, до того страшны, что даже нѣкоторыя католическія газеты пришли въ ужасъ.

«Если русскій царь, говоритъ, конечно, иронически, Indépendance Belge», прочитавъ эти суровыя, обращенныя къ нему слова, не преклонитъ главы и не исправится, то придется отчаяться въ его спасеніи...»

Но что всего курьезнѣе, его святѣйшество только теперь вздумалъ порицать польскіе бунты. «О, еслибъ, Господи, восклицаетъ папа, ни одинъ изъ священниковъ нашей религіи не принялъ участія въ гибельныхъ волненіяхъ этого кризиса!»

Да, было бы дѣйствительно недурно, еслибъ подчиненные его святѣйшеству ксендзы не занимались такимъ мірскимъ дѣломъ, какъ вѣшанье мирныхъ жителей и военачальство надъ повстанскими шайками! Но всѣмъ извѣстно, что не такъ было въ дѣйствительности. Все польское католическое духовенство, во время послѣдняго возстанія, пошло противъ законнаго правительства, ставъ на сторону кинжальщиковъ и жандармовъ-вѣшателей, и благодушный Пій IX смотрѣлъ сквозь пальцы на подобныя шалости подчиненныхъ ему пастырей. Видя подобное потворство Рима убійствамъ въ Польшѣ и Италіи, наше и итальянское правительства, не надѣясь болѣе на папскую непогрѣшимость, признали за благо принять нѣкоторыя мѣры, чтобы повтореніе подобныхъ безобразій сдѣлать невозможнымъ въ средѣ, р.-католическаго духовенства ихъ владѣній. Мѣры эти имѣли несчастіе не понравиться въ Римѣ, и Ватиканъ загремѣлъ аллокуціями и энцикликами. Но подъ трескъ этихъ римскихъ свѣчей и хлопушекъ, Россія и Италія, безъ сомнѣнія, будутъ идти своею дорогою, не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Что касается скорби Пія IX, то мы находимъ ее вполнѣ законною. Ужъ одинъ неисправный взносъ динарія св. Петра долженъ сильно огорчать его святѣйшество.

Но мы, поистинѣ, изумляемся странному разстройству зрѣнія у его святѣйшества, видящаго все, такъ сказать, вверхъ ногами. Пій IX еще въ состояніи различить, что, какъ въ Италіи, такъ

и въ варшавскомъ военномъ округѣ происходятъ «grandes calamités de toute espéce», [1]) но причины этихъ бѣдствій представляются ему совершенно въ превратномъ видѣ. Означенныя бѣдствія папа всецѣло приписываетъ правительствамъ этихъ странъ, не замѣчая разбойниковъ въ черныхъ рясахъ, которые выпарывали, подобно ксендзу Бжоско, дѣтей изъ живота повѣшенныхъ ими беременныхъ женщинъ, и которыхъ усердіе къ папскому престолу доведено въ Сициліи даже до людоѣдства. Безъ сомнѣнія, схизматикамъ еще позволительно сомнѣваться въ истинѣ столь чудовищныхъ злодѣяній, хотя они и засвидѣтельствованы офиціальными слѣдователями: но римскому первосвященнику, по его собственному убѣжденію, какъ особѣ непогрѣшимой, нельзя не знать, что истинною причиною оплакиваемыхъ имъ бѣдствій не кто другой, какъ подчиненное Риму р.-католическое духовенство. Къ чему же вся эта скорбь вавилонская? Къ чему всѣ эти сѣтованія и воздыханія?...

(*Дом. Б.*)

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ РОССІИ.

По поводу рѣчи папы Пія IX, въ которой говорится, что р. католическая церковь въ Россіи находится въ *бѣдственномъ* положеніи, «Московскія Вѣдомости», приводятъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія: р. католическихъ епископовъ съ суфраганами (викаріями) положено въ имперіи 15, на лицо ихъ теперь 10, а послѣдователей р. католическаго исповѣданія 2,800,000. Слѣдовательно, на каждаго изъ р. католическихъ архіереевъ, среднимъ числомъ, приходится паства въ 280,000. Православныхъ архіереевъ съ викаріями 64, а исповѣдующихъ православную вѣру 56 мильоновъ, стало-быть на каждаго по 875,000 душъ паствы. Касательно содержанія р. католическихъ архіереевъ видно то же неравенство: могилевскій р. католическій архіепископъ, живущій въ С.-Петербургѣ, получаетъ изъ казны до 8,000 р. содержанія, остальные по 5 и по 6 тысячъ. Изъ православныхъ же архіереевъ получаютъ изъ казны на свое содержаніе: с.-петербургскій, по двумъ митрополіямъ, 5,444 р. 14 к., кіевскій 4,900 р., московскій 1,712 р. 16 к., семь архіепископовъ по 4,000 р., два по 3,200 р., херсонскій архіепископъ 2,414 р. 85 к., два епископа по 1,500 р., затѣмъ 12 епархіальныхъ архіепископовъ даже на главнѣйшихъ каѳедрахъ, какъ напримѣръ, на казанской, астраханской, тверской, рязанской и др., до 914 р. 85 к. и наконецъ, 26 епархіальныхъ епископовъ по 743 р. Нѣкоторые викарные епископы, какъ напримѣръ московскіе, получаютъ только по 358 р. 98 р., то-есть меньше чѣмъ многіе ксендзы,

1) Великія бѣдствія всякаго рода.

получающіе изъ казны отъ 300 до 600 р. и болѣе. Въ Саратовѣ имѣютъ пребываніе два епископа: православный, у котораго полтора мильона паствы, и р. католическій, у котораго въ разныхъ губерніяхъ до 130,000 душъ паствы. Р. католическій получаетъ содержанія изъ русскаго казначейства около 5,000 р., а православный 743 р. 40 к. Бѣлыхъ р. католическихъ священниковъ теперь въ Россія около 4,800 человѣкъ, стало-быть на каждаго приходится по 580 прихожанъ, а православныхъ бѣлыхъ священниковъ не болѣе 60 тысячъ, то-есть на каждаго 933 прихожанина. Стало-быть приходское р. католическое духовенство у насъ слишкомъ въ полтора раза многочисленнѣе, сравнительно съ духовенствомъ господствующей церкви по отношенію къ численности прихожанъ. Содержаніе, отпускаемое изъ казны священникамъ р. католическимъ и православнымъ, нельзя и сравнивать. Р. католическіе священники почти всѣ получаютъ содержаніе, не получаютъ его только заштатные; а изъ 60 тысячъ православныхъ причтовъ только 17,535 получаютъ казенное содержаніе. Притомъ на причтъ православной церкви, обязанный семействами и состоящій при каждой церкви изъ священника (въ большей части и дьякона) и двухъ причетниковъ, отпускается отъ 100 до 180 руб., а въ р. католическихъ приходахъ одному безсемейному священнику дается отъ 300 до 600, и болѣе рублей.

НЕВѢРОЯТНОЕ РАЗМНОЖЕНІЕ ПОЛЬСКАГО ДВОРЯНСТВА.

Куда ни поѣзжай по Россіи, съ запада ея до крайняго востока, съ крайняго сѣвера до крайняго юга, вездѣ значительная доля, часто половина, всѣхъ служащихъ въ государственной службѣ поляки. О западномъ краѣ и говорить нечего; и теперь администрація состоитъ изъ нихъ въ довольно значительной части. Причина такого явленія многочисленность училищъ, заведенныхъ въ западномъ краѣ русскимъ правительствомъ, и особенно многочисленность тамошняго дворянства. Дворянство даетъ права на государственную службу, а окончаніе курса въ учебныхъ заведеніяхъ усиливаетъ эти права. Впрочемъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, польскій элементъ не былъ почти замѣтенъ въ администраціи; стало быть, указанныя причины обнаружили свое дѣйствіе лишь съ недавняго времени. Отъ чего же это такъ?

Начнемъ отвѣтъ, для полноты его, нѣсколько издалека. Не въ примѣръ русскому дворянству, медленно приращавшемуся отъ того, что къ нему велъ единственно путь признанной Государемъ большей или меньшей государственной заслуги, польское шляхетство развивалось съ поражающею быстротой, благодаря приня-

той системѣ объединенія разнороднаго состава польскаго королевства посредствомъ шляхты. Польскіе короли находили въ шляхтѣ источникъ своей силы, или, по крайней мѣрѣ, условіе своей независимости отъ могущества магнатовъ; изъ нея же брались люди для войскъ королевскихъ. Нерѣдко цѣлыя тысячи народа, по волѣ короля, разомъ получали права шляхты. Стефанъ Баторій давалъ ихъ цѣлымъ волостямъ. При немъ всякій служившій въ войскѣ былъ шляхтичемъ. Поэтому шляхтичъ въ польской республикѣ былъ отнюдь не тѣмъ, чѣмъ бываютъ дворяне въ другихъ государствахъ. Шляхтичъ не могъ быть закрѣпощенъ; онъ былъ свободенъ отъ податей и т. п., но только въ третьемъ облагороженномъ поколѣніи онъ пользовался правомъ участія на сеймахъ. Значитъ польская шлахта—вольные люди, граждане въ строѣ другихъ государствъ.

Права и преимущества, сохраненныя императрицею Екатериною II польскому дворянству западныхъ русскихъ областей, не простирались на шляхту. Передвиженія же изъ шляхты въ дворянство не было почти до 1831 года.

Въ 1831 году польская шляхта, заявивши свою неблагонадежность, обратила тѣмъ вниманіе правительства на свое положеніе, какъ на источникъ постоянныхъ смутъ и безпорядковъ. Правительство назначило шляхтичамъ сроки для доказательства дворянства и за тѣмъ настоятельно требовало приписки въ податныя сословія лицъ, именовавшихъ себя по преданію шляхтой и не доказавшихъ дворянства, съ наименованіемъ городскихъ обитателей изъ нихъ—гражданами, а сельскихъ—однодворцами. При исполненіи указа о томъ, отъ 19-го октября 1832 года, разрядъ шляхтичей, неутвержденныхъ въ дворянствѣ и невладѣющихъ имѣніями, былъ подвергнутъ, по новому указу 11-го ноября, подымному сбору и военной службѣ, слѣдовательно, сравненъ съ податными сословіями; первые же 2 разряда шляхтичей,—дворянъ, владѣющихъ имѣніями, и дворянъ, невладѣющихъ, но утвержденныхъ въ дворянствѣ, должны были, по указу отъ 25 іюля 1833 года, въ двухгодичный срокъ представить доказательства на дворянство, подъ опасеніемъ быть записанными въ однодворцы, граждане или почетные граждане по правамъ каждаго.

Но мѣстныя власти затянули дѣло и тѣмъ вызвали новое Высочайшее повелѣніе отъ 5-го іюня 1838 года, съ установленіемъ окончательнаго трехъ-лѣтняго срока на представленіе документовъ о дворянствѣ, съ тѣмъ, чтобы лица, которыя не сдѣлаютъ этого и между тѣмъ не владѣютъ имѣніями немедленно были записаны въ однодворцы.

Эти-то три года подарили Россіи десятки тысячъ дворянъ; но и при всемъ томъ, и по истеченіи срока, мѣстное начальство ходатайствовало за многихъ, не успѣвшихъ представить документы, вслѣдствіе чего новымъ Высочайшимъ указомъ, 5-го ноября 1841 года, трехъ-лѣтній срокъ продолженъ до 1-го января 1844

года. Но....да опять: но, и на этотъ разъ ужъ самое замѣчательное.....

Идеи демократизма, сильно распространившіяся между поляками съ легкой руки Лелевеля, измѣнили взглядъ гоноровага польскаго дворянства: если-бъ оно было въ силахъ, то возвело бы тогда всѣхъ простолюдиновъ-католиковъ въ потомственное дворянство. По системѣ и раздавшейся проповѣди Мѣрославскаго, польскіе патріоты, чуждавшіеся до 1831 года коронной службы, должны были вторгнуться всей массой въ нашу государственную службу, овладѣть всѣми присутственными мѣстами, de facto стать властителями Россіи, чтобы потомъ хлопотать о созданіи новой Польши. Только, благодаря этой системѣ, сдѣлалось возможнымъ и безнаказанное развитіе разныхъ нигилизмовъ въ Россіи, и такія демонстраціи, какъ постройка въ изумительно короткое время 14 костеловъ въ западной Сибири на казенный счетъ, между тѣмъ какъ православныя церкви въ западномъ краѣ разваливались.

Для такихъ подвиговъ нужны были руки. Приписка же шляхты въ податныя сословія отнимала бы силу у польской справы. Потому возведеніе всѣхъ по возможности шляхтичей въ дворянство давало ей ничѣмъ незамѣнимыя выгоды. И вотъ, наперекоръ указу 5 ноября 1841 года, дѣло вторженія шляхты въ дворянство подвинуто было съ такою энергіей, что чрезъ 20 лѣтъ польскій элементъ получилъ въ администраціи Имперіи то положеніе, которому мы теперь изумляемся.

Передвиженіе шляхты въ дворянство массами стало совершаться именно послѣ 1844 года, слѣдовательно—противозаконно. Укажемъ, для примѣра, что въ Виленской губерніи въ 1844 году считалось потомственныхъ дворянъ 3,688 мужчинъ и 2,055 женщинъ, а въ 1857 году, по статистическому описанію Виленской губерніи (Корева), мы находимъ здѣсь потомственныхъ дворянъ 27,658 мужескаго и 24,242 женскаго пола, на 605% болѣе. Въ другихъ губерніяхъ, особенно въ Ковенской и Минской, движеніе было еще сильнѣе. Явились дѣятели фальшивыхъ документовъ, старинныхъ актовъ на дворянское достоинство отъ имени Сигизмундовъ—Августовъ и другихъ польскихъ королей; за нѣсколько рублей можно было купить нужные документы. По возникшимъ дѣламъ о фальшивыхъ документахъ, дѣятельность польскихъ депутатскихъ собраній оказалась неутомимою въ пересмотрѣ документовъ и почти все утверждалось герольдіей.

Для прикрытія такого распложенія польскихъ дворянъ—этой насмѣшки надъ государствомъ и закономъ,—прибѣгнуто было къ легальнымъ формамъ. Во 1), испрошенъ 3-хъ лѣтній срокъ послѣ 1-го января 1844 г. на представленіе дополнительныхъ дод окументовъ къ начатымъ уже дѣламъ (*), что имѣло значеніе возможности новыхъ доказательствъ послѣ уже 1844 года; 2) допу-

(*) Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 31-о іюля 1845 г. Полн. Собр. Зак. № 19148.

цамъ была приписка къ родамъ утвержденнымъ въ дворянствѣ или доказывавшимъ его, такихъ лицъ съ семействами, о правахъ коихъ не было заявлено въ документахъ 1844 года; 3) дозволено принимать въ доказательство дворянства выписки изъ актовъ истребленныхъ пожарами, или другими случаями (*). Все это совершенно измѣнило смыслъ указа 5-го ноября 1841 года.

Только въ юго-западномъ краѣ патріотическая и дальновидная дѣятельность генералъ-губернатора Бибикова съумѣла на время ослабить и остановить незаконное приращеніе польскаго дворянства. Повѣрочная коммисія его не признала слишкомъ 40,000 документовъ на дворянство. Отъ того въ юго-западномъ краѣ дворянства меньше, сравнительно съ сѣверозападнымъ, гдѣ не было таковой коммисіи.

Въ 1863 году по Высочайшему повелѣнію пріостановлено разсмотрѣніе дѣлъ о дворянскомъ достоинствѣ лицъ изъ шляхты, а дѣлъ было еще значительное число. Въ 1864 г. послѣдовали новыя правила объ отысканіи дворянства шляхтой, и можно надѣяться, что въ ближайшее время мы не увидимъ хоть прежняго фантастическаго приращенія потомственнаго дворянства Имперіи. Но результаты сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ остаются пока огромнымъ затрудненіемъ для Россіи.

Вотъ эти результаты: по статистическимъ таблицамъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1863 г., общее число потомственныхъ дворянъ въ Европейской Россіи, безъ Польши и княжества Финляндіи, составляло 610,000 человѣкъ. Больше половины этого общаго числа приходится на 9 губерній западнаго края, именно слишкомъ 378,500 человѣкъ, а на остальную Россію не сполна 232,500 человѣкъ. И такъ нынѣ дворянство Имперіи въ значительномъ большинствѣ не принадлежитъ къ русскому народу. Процентное отношеніе (мы опускаемъ подробности цифръ дворянства по губерніямъ, представленныя «Московскими Вѣдомостями») потомственныхъ дворянъ ко всему населенію будетъ слѣдующее: въ сѣверо-западномъ краѣ 5.39%.; въ юго-западномъ—1,56%; для 9 губ. всего края 3,56%. Въ остальныхъ же 40 русскихъ губерніяхъ 0,48%, между тѣмъ какъ, сравнительно съ западнымъ краемъ, число дрорянъ должно бы въ этихъ губерніяхъ быть слишкомъ въ шесть разъ болѣе, т. е. около 1,500,000 человѣкъ, вмѣсто 242,446.

Въ частностяхъ эта разница по мѣстамъ еще поразительнѣе; въ Бѣльскомъ уѣздѣ, наприм., гдѣ 1/8 населенія принадлежитъ къ потомственному дворянству, оказывается столько же потомственныхъ дворянъ, сколько ихъ въ цѣлой Смоленской губерніи, или сколько въ 3-хъ вмѣстѣ губерніяхъ — Владимірской, Калужской и Тверской. Дворянство города Вильны равняется числу дворянъ цѣлой Казанской губерніи.

(*) Полн. Собр. Закон. 1848 г. 1-го марта № 16574.

Вспомнимъ при этомъ, что въ западномъ краѣ господствуетъ дворянскій пролетаріатъ, всегда готовый устремиться на государственную службу. Въ Гродненской, напримѣръ, губерніи не менѣе 35,500 бездомныхъ дворянъ. Отъ того самая обыкновенная вещь въ западномъ краѣ встрѣчать и имѣть прислугу изъ потомственныхъ дворянъ. Тѣмъ болѣе, конечно, мечты ихъ направлены были на государственную службу, они всей массой ломались въ войско и администрацію. Училища, особенно дворянскія, которыхъ нигдѣ не было въ остальной Россіи въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, какъ нельзя болѣе содѣйствовали этому напору.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ войска, въ рядахъ офицеровъ, мы встрѣчаемъ болѣе 90% лицъ польскаго происхожденія (въ нѣкоторыхъ батальонахъ мѣстныхъ воскъ), и зачастую 30, 40 и 50%; причемъ любопытно, что преобладѣніе поляковъ особенно замѣтно въ войскахъ, расположенныхъ по окраинамъ Россіи, именно тамъ, гдѣ мы слабѣе. Въ нашей администваціи цѣлыя вѣдомства, не только отдѣльныя управленія, набиты поляками. О политическихъ и гражданскихъ результатахъ этого явленія и говорить не нужно... Мы уже пожали плоды его...

За незначительными исключеніями, губернскіе и уѣздные предводители дворянства были компрометированы въ минувшій бунтъ, какъ руководители его. Но если сословіе уже достигло такого объединенія, что своими представителями выбираетъ враговъ Россіи, можно быть смѣло увѣрену, что по высылкѣ однихъ-виновныхъ, на ихъ мѣсто явятся другіе, не лучшіе. Вслѣдствіе того, правительство, вынужденное нарушить въ краѣ выборное начало, само назначаетъ предводителей дворянства. Различая людей враждебныхъ русскому народу и государству и людей равнодушныхъ, отъ людей преданныхъ или готовыхъ сдѣлаться такими, русская политика можетъ ослабить единство польской справы. Содѣйствіе же водворенію русскаго землевладѣнія должно разорвать солидарность мѣстнаго дворянства, а въ нѣкоторой его части можетъ пробудить воспоминаніе о его коренномъ русскомъ характерѣ и происхожденіи. Наконецъ, можетъ быть, полезно было бы учрежденіе ревизіонной коммисіи для пересмотра дворянскихъ документовъ, при чемъ, конечно, государство избавилось бы отъ массы тунеядцевъ, готовыхъ на всякую крамолу и въ то же время свободныхъ отъ податей и рекрутства, отбываемыхъ за нихъ русскимъ народомъ. Впрочемъ, неправильность преобладанія польскаго элемента въ общемъ составѣ дворянства Имперіи такъ колоссальна, что и при этомъ потребуетъ общихъ мѣръ, которыя, очевидно, должны клониться къ распространенію на всѣ сословія права государственной службы, наравнѣ съ дворянами.

Но всѣ эти мѣры не имѣли бы смысла и силы, если бы продолжался переходъ изъ шляхты въ дворянство. По Высочайшему повелѣнію 19-го января сего года, шляхта должна быть

совершенно приписана въ мѣщанскимъ или крестьянскимъ обществамъ. Остатокъ ея и теперь еще значителенъ, а именно.

въ Виленской	губ.	39,761	человѣкъ.
— Ковенской	—	22,007	—
— Гродненской	—	27,518	—
— Могилевской	—	31,964	—
— Витебской	—	14,369	—

Православныхъ изъ числа этой шляхты весьма мало. Въ Ковенской губеніи совсѣмъ нѣтъ, въ Виленской ихъ 10 человѣкъ, въ Гродненской 454.

При совмѣстномъ житьѣ группами въ околицахъ и при склонности шляхты въ праздности и мятежамъ, придется принять не мало мѣръ для ея перевоспитанія. А это тѣмъ болѣе трудно, что масса другой шляхты, признанной въ потомственномъ дворянствѣ живетъ рядомъ съ нею, не подлежа никакимъ повинностямъ, а внушая каждому изъ приписанныхъ къ сословіямъ, что съ нимъ поступили безсовѣстно и т. д.

Вотъ плоды польской цивилизаціи.

(Вилен. Вѣст.)

МОГИЛЕВСКАЯ ШЛЯХТА

(*продолженіе*) (*).

Образованіе шляхты.

Въ образованіи сельская шляхта нѣсколько дальше крестьянъ: шляхта большею частью грамотна, крестьянство бoльшею частью безграмотно. Въ р. католической шляхтѣ почти всѣ грамотны, въ православной встрѣчаются изрѣдка безграмотные. Больше знаютъ грамоту польскую и не многіе русскую, даже православные шляхтичи, потому что у нихъ молитвенники остались попрежнему униатскіе, печатанные польскимъ шрифтомъ. Вообще же шляхта считала почти обязательной для себя грамотность, не чуждалась и высшаго образованія, шляхтичъ почти обязанъ былъ воспитываться у магната-патрона, чтобы сохранить свои шляхетскія преимущества, но шляхта всегда уступала въ любви къ наукамъ православнымъ горожанамъ, купцамъ и мѣщанамъ Могилевской губерніи. Хотя численность могилевскихъ граждан по всей губерніи тоже около 40 т., не болѣе численности всей шляхты, но изъ мѣщанства вышло гораздо болѣе людей ученыхъ и составившихъ себѣ извѣстность на ученомъ поприщѣ. Куторга, Грумъ, Азаревичъ и др. и еще болѣе съ

(*) Смотри «Вѣстникъ Зап. Россіи» за 1865/66 годъ.

образованіемъ въ высшихъ учебныхъ заведеній поступили и служатъ отличными чиновниками на государственной службѣ. Изъ шляхетства большею частью, если и учатся въ учебныхъ заведеніяхъ, то рѣдко продолжаютъ свое ученіе дальше, такъ называемаго дворянскаго училища, съ первыми пятью классами гимназіи, или оканчивали науки въ уѣздномъ училищѣ, или наконецъ въ четвертомъ классѣ гимназіи. Большинство мѣстнаго чиновнаго шляхетства съ образованіемъ низшихъ учебныхъ заведеній, или изъ некончившихъ курсъ въ среднихъ.

Нравы и обычаи шляхты.

Шляхтичъ такъ своеобразенъ, что его легко отличить вездѣ среди прочаго населенія, на базарѣ и въ дорогѣ, въ городѣ и въ деревнѣ. Онъ отличается въ наружномъ видѣ главнѣйше своими усами; бороду сбриваетъ. Даже чиновные шляхтичи носятъ усы, за немногими исключеніями. Одежда тоже отличается отъ мужицкой. Шляхтичъ не носитъ бѣлорусскихъ ни бѣлой свитки, ни бѣлой маргелки, но какой нибудь цвѣтной камзолъ, болѣе черный, въ родѣ длиннаго сюртука однобортнаго, на головѣ картузъ, обыкновеннѣе черный, иногда принаряжается въ широкіе шаравари. Такъ что въ наружномъ видѣ своемъ шляхтичъ сохранилъ слѣды первоначальнаго своего служебнаго въ государствѣ назначенія, военаго.

Эта же первобытная военщина осталась и въ нравахъ шляхты. Какъ настоящіе потомки древнихъ дружинниковъ, шляхтичи откровенны, гостепріимны, словоохотливы, привѣтливы, но и тщеславны, задорны, буйны. По старымъ преданіямъ, въ шляхтѣ не привилось разчета и сдержанности и, какъ мы видѣли уже, никакого промысловаго труда. Шляхтичъ на все смотритъ слегка. Да и не могло быть иначе. Въ старыя времена шляхта часто должна была отрываться отъ дому, то на войну, то на постройку и починку замковъ и крѣпостей, то на сеймики. При такомъ образѣ жизни, со дня на день, въ походахъ и разъѣздахъ, большею частію на содержаніи пана патрона, или на содержаніи государства во время служебное, не упоминая уже объ узаконеніяхъ, вошедшихъ въ убѣжденія шляхты, что торговля и промысловый трудъ не свойственны благородному человѣку, шляхтичи отъучались отъ всякой хозяйственной самодѣятельности, привыкали къ разгулу, и возвращаясь домой, ту же разгульную жизнь вносили въ родныя семьи свои и околицы. Хотя въ послѣдніе 90 лѣтъ шляхта утратила свое служилое значеніе, но навыки не скоро изчезаютъ въ поколѣніяхъ, отъ того мы и нынѣ видимъ шляхту, какъ населеніе разгульное, беззаботное, и не много сварливое, какъ быть населенію старыхъ отставныхъ служакъ или отслужившей дворни. У шляхтича, мы видѣли, не красна изба углами, но за то, скажемъ здѣсь, красна пирогами; для гостя въ околицѣ все, что есть въ печи, на столъ

жчи. Это гостепріимство бываетъ иногда до того наивно и просто, если не сказать грубо, что гость, незнакомый съ нравами шляхты, какъ разъ встрѣтитъ такую выходку отъ широкой поразгулявшейся натуры шляхтича, которая покажется многимъ весьма угловатой и не въ ладахъ съ понятіями гостепріимства порядочнаго общества. Задорное слово, крупный разговоръ, громкая рѣчь, а за тѣмъ и рукопашная схватка — явленія весьма обыкновенныя у шляхты. Задоръ и хвастливость чаще обнаруживаются у шляхты другъ передъ другомъ и особенно передъ крестьянами, что часто доводило шляхту до жалобъ и судебныхъ разбирательствъ. Встрѣтится шляхтичъ въ корчмѣ съ крестьяниномъ, непремѣнно потребуетъ себѣ почета, а то и въ рыло залезетъ, какъ отзывается многотерпеливый здѣшній мужичокъ. Только крестьяне раскольники, если случаются въ сосѣдствѣ, какъ народъ здоровый и зажиточный, умѣютъ смирять кичливость шляхты. Любовь къ разгулу и нерасположеніе къ обстоятельному хозяйственному труду произвели, какъ и слѣдовало ожидать, въ нѣкоторыхъ околицахъ шляхетскихъ даже весьма непохвальныя привычки. Антуши, Марусеньки, Цертежъ и Сѣножатки изстари пользовались дурной славой. На жителей ихъ привыкли смотрѣть какъ на буяновъ и озарниковъ, даже какъ на грабителей, такъ что сложились поговорки объ этихъ околицахъ: *поѣдешь въ Антуши, не чуешъ и души; а поѣдешь въ Сѣножатки, душа уходитъ въ пятки, или проѣдешь Сѣножатки, тогды уже не гадки* (1); *Марусеньки зададутъ трусеньки; а заѣдешь въ Тертежъ, будетъ не въ терпежъ.* Но шляхтичъ напротивъ почтителенъ, искателенъ и ласкателенъ передъ высшими и вообще людьми значительными и влiятельными. Онъ малѣйшее желаніе, прихоть особы для него важной старается угадать и исполнить, цалуетъ въ плечо и т. п. и за одну ласку значительнаго лица готовъ сдѣлать ему всякую послугу. Если же шляхтичъ сомнѣвается въ значительности лица, то почтеніе свое сдерживаетъ; разговаривая съ нимъ, онъ чтобы показать и свое значеніе, или станетъ фертомъ, или одну ногу небрежно оттопыритъ впередъ и непремѣнно ввернетъ въ разговорѣ, что у него братъ, сватъ, односелецъ, маіоръ, капитанъ, титулярный совѣтникъ и т. п. Нравственной оцѣнки объ лицѣ шляхетство еще не дѣлаетъ, а цѣнитъ только по значенію и связямъ лица. Такая несамостоятельность ставитъ шляхту часто въ неправильное положеніе ко всему населенію прочему. Если въ кругу ихъ явится человѣкъ образованный, истинно достойный уваженія, изъ нихъ же шляхтичей, или изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, при томъ небогатыхъ, или пріѣзжій, то шляхтичъ сперва смотритъ, какъ къ нему относятся тузы и по отношенію тузовъ мѣстныхъ и онъ такъ ставитъ себя къ нему. Напримѣръ въ Ч..... уѣздѣ пріѣхалъ молодой помѣщикъ изъ высшаго учебнаго заведенія, хорошо знакомый всему

(1) Т. е. тогда нечего уже гадать или говорить, нечего безпокоиться, опасность миновалась.

смолоду, долго не дѣлать никому визитовъ; за это озлобились сперва люди сильные мѣстные, а за ними и вся сосѣдняя бѣдная шляхта, которая много надѣлала ему разныхъ гадостей, въ угоду сильнымъ. Подобные случаи, бывали и встарь и за частую въ последніе годы. До такой степени уровень образованія и самостоятельности низокъ у шляхетства.

Шляхтянки тоже держатъ себя поодаль и на отличку отъ крестьянокъ, одѣваются въ юбки и платья, не поютъ пѣсень, какія поютъ крестьянки, не носятъ нарядовъ съ узорами, наиболѣе встрѣчающимися на нарядахъ крестьянокъ, даже кольца и бусы покупаютъ поотличнѣе, какихъ не могло бы встрѣтиться у крестьянскихъ дѣвушекъ. Остальныя подробности о шляхтянкахъ мы сообщили въ одной изъ прежнихъ статей. Вообще шляхтянки очень радушны и гостепріимны, какъ мужья и братья ихъ, прекрасно ухаживаютъ за своими огородами и домашнимъ скотомъ, хотя и не отличаются опрятностью и чистотой въ домѣ и въ домашней посудѣ.

Неуважительность къ низшимъ и раболѣпство передъ высшими еще выпуклѣе становятся въ чиновномъ шляхетствѣ, что придаетъ своеобразный характеръ мѣстной служебной дѣятельности. Чиновникъ, какъ облеченный нѣкоторою властію, не дорожа мнѣніемъ неслужебнаго населенія, кромѣ пановъ, дозволялъ себѣ большой произволъ и пристрастіе въ рѣшеніи дѣлъ, вполнѣ въ свою очередь подчиняясь волѣ пана начальника, такъ что крестьяне не находили совсѣмъ законнаго суда и расправы у мѣстныхъ властей, особенно если жалобы ихъ касались пановъ; чиновникъ шляхтичъ грубъ и рѣзокъ съ просителями не панами. Евреи всегда догадливые извлекать свои выгоды изъ слабостей человѣческихъ и здѣсь не остались въ накладѣ. Какъ держали они въ зависимости отъ себя пановъ и чрезъ то становились панами надъ панскими крестьянами, такъ и въ судахъ держали въ рукахъ дѣлопроизводство. Въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ былъ свой еврей, всеобщій адвокатъ, который замѣнялъ и предсѣдателя и секретаря и столоначальника. Чтобы выхлопотать дѣло, сперва нужно обращаться къ этому еврею и разумѣется не съ пустыми руками. Вся тяжесть подобнаго судопроизводства падала на христіанское неблагородное населеніе. Въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ торчалъ въ служебный день еврей, ходокъ по дѣламъ, который и выспрашивалъ просителя, къ кому и зачѣмъ пришелъ.

Поэтому сельское, неслужащее шляхетство, какъ промышляющее своимъ честнымъ трудомъ, почтеннѣе шляхетства чиновнаго, которое при недостаточности жалованья старалося содержать себя доходами отъ службы. Сравнивая въ этомъ отношеніи низшее чиновничество великорусское, составленное изъ разныхъ званій, а больше изъ семинаристовъ, съ чиновничествомъ шляхетскимъ, мы находимъ, что великорусское чиновничество менѣе заносчиво и хвастливо, а болѣе сѣро, отъ того, менѣе нуждаясь въ источни-

нее къ щегольству и мотовству, гораздо непритязательнѣе. Оно всегда ближе къ народу своимъ происхожденіемъ, воззрѣніями и вѣрованіями, между тѣмъ какъ чиновное шляхетство здѣшнее и по вѣроисповѣданію и по направленію отдѣлялось отъ большинства населенія. Съ шляхетнымъ чиновничествомъ имѣетъ много общаго чиновничество великорусское наслѣдственное, которое изъ поколѣній въ поколѣнія состоитъ на службѣ, оканчивая много что титулярнымъ совѣтникомъ. У такого чиновничества тоже много спѣси, хвастливости, мотовства и вообще необстоятельности. Это, такъ удачно названные въ литературѣ, дѣти бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

Мог. Г. Вѣд.

Полыцизна на Руси.

„Корреспондентъ *Виленскаго*“ *Вѣстника* разказываетъ, и совершенно вѣрно, что ссылаемые на жительство въ русскіе города поляки, за рѣдкими исключеніями, принимаются съ распростертыми объятіями всѣми кто претендуетъ на образованность; этого мало: они дѣлаются вліятельнымъ элементомъ въ каждой данной мѣстности. Можетъ ли быть иначе, когда все это подготовлялось и подготовляется цѣлыми десятками лѣтъ?

Да, мы не знаемъ города въ провинціи, который былъ бы свободенъ отъ этого элемента — не сосланнаго на жительство, а »опредѣленнаго«, больше или меньше властнаго и всегда протежируемаго. Въ серединной Россіи есть города, — если угодно, мы поименуемъ ихъ, — которые могутъ быть названы настоящими колоніями такихъ личностей, въ которыхъ все властное, отъ исправника до становаго, все вліяющее, отъ врача и до почмейстера, состоитъ изъ этихъ самыхъ личностей. Есть города, гдѣ, кромѣ того, двѣ-три польки, съ состоящими при нихъ русскими мужьями, составляютъ такой центръ тяготѣнія, — особенно для провинціальныхъ недорослей и недоучекъ, каковыхъ вездѣ съ избыткомъ, — что коренные истые русскіе дома уже и не помышляютъ о соперничествѣ съ ними.

Но нельзя достаточно надивиться той тупости (или какъ бы назвать это иначе?), съ которою наши провинціальныя общества, уже помимо служебныхъ вліяній, протягиваютъ свои шеи и карманы на всю волю этихъ господъ. Пусть бы, по крайней мѣрѣ, эти господа прибѣгали къ какимъ либо особенно тонкимъ уловкамъ для обмороченія нашей русской простоты, пусть бы маскировались во что-нибудь могущее обольщать нашу недальновидность, — были бы хотя какіе-нибудь предлоги для извиненія, а то ничего подобнаго нѣтъ и не бывало: дѣйствуютъ они, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ, съ такою безцеремонностію, которая смахиваетъ на наглость; дурачатъ нашу провинціальную интелли-

генцію съ такою беззастѣнчивостію, что сами же подъ-часъ и смѣются надъ этою интеллигенціей. И предобродушно смѣется при этомъ сама интеллигенція: случается, заливается гомерическимъ хохотомъ при такихъ выходкахъ, отъ которыхъ должно бы коробить всякаго, въ комъ есть хоть капля русскаго чувства и здраваго смысла. Особенно эта беззастѣнчивость доходитъ до послѣдней крайности въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ при мужѣ сколько-нибудь власть имѣющемъ, жена полька. Что семейный языкъ тутъ польскій, что тутъ все, до начинающаго понимать ребенка, насквозь, до костей и мозговъ, пропитано самою завзятою польщизной, объ этомъ и говорить нечего, это само собою разумѣется. Необходимо замѣтить еще одну особенность: польки у состоящихъ при нихъ русскихъ мужьяхъ съ служебнымъ значеніемъ часто служатъ секретарями по части дѣлопроизводственной; въ этомъ качествѣ онѣ и направляютъ дѣла едва ли нелучше самыхъ пронжженныхъ секретарей при властвующихъ лицахъ; ни одна бумага, ни одно распоряженіе, откуда бы ни шли, не проходятъ безъ ихъ вѣдома, что разумѣется, не остается безъ своихъ естественныхъ послѣдствій. Пусть же представятъ себѣ что-либо въ родѣ судебнаго слѣдователя, съ такимъ зоркимъ и вліятельнымъ секретаремъ (о высшихъ мы уже и не говоримъ) и поразсудятъ какъ и куда должны направляться дѣла, особенно въ какихъ-либо исключительныхъ случаяхъ.

«Но этого быть не можетъ; это бездоказательныя обвиненія», скажутъ. Да?? Представлять доказательства, то-есть называть города и лица, мы и не желали бы, по той простой причинѣ, что излагаемъ дѣло вообще, и не имѣемъ въ виду компрометировать какія-либо личности. А для убѣжденія въ томъ, что мы излагаемъ дѣло именно какъ оно есть, предлагаемъ сдѣлать слѣдующій опытъ. Пусть кто-либо русскій, но, conditio sine qua non, *русскій* не по названію только, а по чувству, совершитъ путешествіе по Волгѣ, начавъ съ Твери и окончивъ гдѣ заблагоразсудитъ, и соберетъ точныя справки о количествѣ лицъ власть имѣющихъ и вліятельныхъ изъ поляковъ, или и русскихъ, но женатыхъ на полькахъ, въ каждомъ приволжскомъ городѣ: такія справки, надѣемся, убѣдятъ безъ возможности дальнѣйшихъ сомнѣній, насколько польщизна сдѣлалась преобладающимъ элементомъ во всей нашей общественной жизни, и что размѣщается она по Россіи не совсѣмъ случайно. Вообще, дѣлать такія справки было бы сколько поучительно, столько же и полезно, полезно, по крайней мѣрѣ, для будущаго. Иное могло бы навести и на мысль поразслѣдовать: не шли ли, и если шли, то какимъ путемъ, русскія деньги на польскую справу; не подготовляются ли и опять гдѣ-либо фонды на это дѣло, и т. п. Скажемъ больше: иной опытъ могъ бы разъяснить тѣ побужденія и цѣли, во имя коихъ мѣстныя власти, по возможности, сосредоточиваются въ рукахъ чуждыхъ намъ патріотовъ.

Бываетъ, что эти почтенные благодѣтели провинціи и прорываются самымъ грубымъ и непростительнымъ для такихъ артистовъ образомъ. Разсчитывая, что русское *быдло* все вынесетъ, иной, при обираніи русскаго люда, оставляетъ въ сторонѣ всякую предосторожность, ну, и попадаетъ; да только чтожъ изъ этого? ровно ничего. Вотъ образчикъ, какъ ведутся подобныя дѣла. Одинъ изъ таковыхъ года три тому, при рекрутскомъ наборѣ, былъ уличенъ въ черезчуръ нагломъ обирательствѣ крестьянъ, и заставленъ былъ тутъ же, въ рекрутскомъ присутствіи, возвратить часть обраннаго. Двое, особенно хлопотавшіе о прекращеніи подобныхъ обкрадательствъ, не смотря на страшную бурю со стороны прочихъ, донесли объ этомъ въ «губернію», и, чудо изъ чудесъ! нашлось тамъ лицо, которое прямыми глазами взглянуло на это дѣло и рѣшилось повести его настоящимъ, законнымъ путемъ. Чтожъ за тѣмъ? А вотъ что: все мѣстное, выборно-чиновное, все съ претензіями на образованность, возстало на защиту этого господина и ударилось въ хлопоты о спасеніи его отъ законной кары, русское де быдло не стоитъ того, чтобъ изъ-за него этотъ господинъ лишился мѣста. Не помогло: «лицо» въ губерніи оказалось тѣмъ кровно-русскимъ пуристомъ правды, какими такъ крѣпка была Русь въ былыя времена. Что дѣлать въ такой бѣдѣ? Способъ извѣстенъ, затянуть дѣло; въ ожиданіи какихъ-либо благопріятныхъ перемѣнъ. И затянули. Тѣмъ временемъ, обоихъ хлопотавшихъ о прекращеніи наглаго обирательства, такъ, ни съ того, ни съ сего, удалили въ другіе города; потомъ и «лицу» въ губерніи дано было другое назначеніе. Мудрено ли угадать рѣшеніе? Не правда ли, образчикъ довольно вразумительный?! Ab uno disce omnia.

Немного сдѣлали бы всѣ Мѣрославскіе, если бы въ нашей собственной средѣ, на нашъ собственный счетъ не формировались и не дѣйствовали у насъ Огрызки, а имя имъ легіонъ. *Б.*

(Моск. Вѣдом.)

МНѢНІЕ ЩИГРОВСКАГО ЗЕМСТВА О ЧИНОВНИКАХЪ-ПОЛЯКАХЪ.

Въ Щигровскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи гласный Л. А. Марковъ 21-го сентября, приводя буквально слова высочайшаго рескрипта 13-го мая 1866 года, на имя князя П. П. Гагарина, сказалъ: русскому человѣку невозможно не сочувствовать вполнѣ русскому убѣжденію нашего Великаго Государя. Въ этомъ высочайшемъ убѣжденіи мы, вѣрноподданные, видимъ ручательство за успѣхъ дѣла обновленія и истиннаго просвѣщенія нашей народности, которое, какъ извѣстно, встрѣчаетъ затрудненія. Враждебныя нашему русскому

дѣлу начала указаны въ приведенномъ рескриптѣ отъ 13-го мая; они извѣстны теперь какъ власти, такъ и намъ—обществу. Мы обязаны, господа, въ интересѣ дѣла нашей народности, неуклонно и энергически слѣдовать мудрымъ предначертаніямъ нашего Государя и, какъ гласные отъ мѣстнаго населенія, мы должны выражать на нашихъ земскихъ собраніяхъ желанія населенія. Въ этомъ убѣжденіи я считаю своимъ долгомъ объяснить почтенному земскому собранію, что на государственной службѣ по Курской губерніи состоитъ значительное число чиновниковъ польскаго происхожденія, занимающихъ мѣста по всѣмъ министерствамъ. Этимъ я ни сколько не желаю сказать, чтобы господа чиновники польскаго происхожденія, служащіе по Курской губерніи, были всѣ неблагонадежны. Нѣкоторые изъ нихъ служатъ у насъ по губерніи давно и съ честью; мы знаемъ ихъ, какъ хорошихъ людей и честныхъ общественныхъ дѣятелей. Но можемъ ли мы сказать это о всѣхъ чиновникахъ-полякахъ, служащихъ по Курской губерніи? Нѣтъ.– Убѣжденные печальными событіями послѣднихъ лѣтъ во враждебныхъ отношеніяхъ поляковъ вообще ко всему русскому, мы не можемъ имѣть довѣрія къ общественнымъ дѣятелямъ польскаго происхожденія, какъ высшихъ, такъ и низшихъ инстанцій. Польскій элементъ, такъ несправедливо враждебно выразившійся въ возстаніи въ Польшѣ, въ западн. Россіи, а недавно и въ возстаніи въ Сибири, ничего не имѣетъ общаго съ элементами великорусскихъ губерній, къ которымъ принадлежитъ и Курская. Поляки-чиновники, не хотѣвшіе понять великодушныя и мудрыя начинанія нашего Великаго Государя въ Польшѣ, не поймутъ ихъ, какъ слѣдуетъ, въ интересѣ русскаго дѣла и въ Россіи; мѣсто дѣйствія не можетъ, по моему убѣжденію, измѣнять нравственный смыслъ дѣятеля. Иной дѣятель можетъ, пожалуй, примѣниться къ извѣстной обстановкѣ и при извѣстномъ личномъ интересѣ къ условіямъ, которыя отъ него требуются формально обязанностями службы; но это примѣненіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть чѣмъ-нибудь кромѣ формальнаго. За формальнымъ отправленіемъ своей обязанности, единственно только изъ-за опасенія потерять мѣсто, то-есть жалованье, иной чиновникъ-полякъ поддѣлывается къ формѣ нашего русскаго дѣла, не только не служа внутреннему жизненному мотиву нашего русскаго дѣла, но вредя ему скрытно. Выразивъ такимъ образомъ взглядъ на вредъ большей части чиновниковъ-поляковъ для великорусскихъ губерній, не имѣющихъ съ ними ничего общаго, никакой родовой связи, я считаю своею обязанностію обратить вниманіе почтеннаго земскаго собранія на огромную цифру бѣдныхъ русскихъ дворянъ, часто совершенно безъ всякихъ средствъ, хотя способныхъ и достойныхъ съ пользою служить государству. Лишенные возможности служить и жалованьемъ поддерживать себя, недостаточные русскіе дворяне часто не могутъ дать своимъ дѣтямъ образованія дальше грамотности. А въ тоже время мѣста заняты большою частію людьми другихъ мѣстностей, другихъ интересовъ, часто совершенно различ-

наго, съ нами, русскими людьми, происхожденія. Часто мѣста получаются не по достоинству, но по проискамъ и по единомыслію высшаго, дающаго мѣсто, съ низшимъ, получающимъ его, по единомыслію вредному чисто русскому дѣлу, какъ напримѣръ обнаружено въ извѣстномъ дѣлѣ Огрызки. Останавливаясь на этой мысли, не могу не обратить вниманія почтеннаго собранія на то обстоятельство, что мѣста съ высшимъ содержаніемъ по Курской губерніи, напримѣръ по акцизу, заняты большею частію поляками. Желательно бы видѣть на всѣхъ мѣстахъ по Курской губерніи, согласно Высочайшей волѣ, больше мѣстныхъ людей и меньше людей пришлыхъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ нашимъ русскимъ дѣломъ, ни съ нашимъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Представляя мое заявленіе на обсужденіе уѣзднаго собранія, льщу себя надеждой, что мои вѣрноподданническія и русскія чувства встрѣтятъ въ немъ сочувствіе и что собраніе дастъ дальнѣйшее движеніе моему заявленію.

Собраніе съ сочувствіемъ и вполнѣ одобрило заявленіе Л. А. Маркова и постановило: «войдти съ представленіемъ въ курское губернское земское собраніе, прося, если признаетъ возможнымъ, ходатайствовать: расширить доступъ къ государственной службѣ по Курской губерніи лицамъ достойнымъ изъ мѣстныхъ жителей.»

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ГАЗЕТЪ О ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦІИ.

I.

„Московскія Вѣдомости" о разсужденіи львовскаго общества „Русской Матицы" по вопросу правописанія.

Исторія знаетъ не мало примѣровъ, когда границы какой-либо національности не совпадали съ предѣлами ея государственной области, знаетъ страданія, которыя испытываются оторванными отъ народной массы заграничными отпрысками ея, не привившимися къ другому стволу. Но въ исторіи мало примѣровъ такой жалкой судьбы, какая постигаетъ усилія галицкихъ русскихъ, именующихъ себя русскими и въ то же время стремящихся образовать изъ себя какое-то самостоятельное племя. Никогда это безсиліе галицко-русской интеллигенціи не выступало такъ ярко на свѣтъ, какъ въ недавнихъ годичныхъ засѣданіяхъ львовскаго

ученаго общества, Русской Матицы. Вотъ что повѣствуетъ газета „*Слово*“ о томъ днѣ, когда въ упомянутомъ обществѣ шли разсужденія о томъ, какое правописаніе слѣдуетъ принять для галицкой литературы. Разсужденія начались съ вопроса, какъ писать: *русинскій*, *русскій*, *руській*, или *русъскій* (любопытные могутъ справиться въ № 57 газеты *Слово*). Далѣе приступили къ спорамъ о томъ, какъ бы стереть различіе между книжнымъ и простонароднымъ языкомъ. Ораторовъ было не мало; говорили и члены общества, и гости: гг. Качала, Жуковскій, Глинскій, Ливчакъ, Искрицкій, Шашкевичъ, Гинилевичъ, Павликовъ, Вахнянинъ, Климковичъ, Кулачковскій, Нестеровичъ, Лавровскій, Малиновскій—все представители галицко-русской интеллигенціи, учители гимназій, писатели, журналисты; говорили съ десятаго часа утра до втораго по-полудни и, не пришедши ни къ какому заключенію, отложили засѣданіе до послѣобѣденнаго времени. Въ три съ половиной засѣданіе открылось снова. На этотъ разъ споры шли о томъ, какъ писать: *физическій* или *физичный*, *логическій* или *логичный;* говорить ли: *господинъ*, или *государь*, или *панъ;* титуловать ли высшихъ лицъ: *честными*, *всечестными*, *всечестнѣйшими*, или *вельможными* и *ясневельможными*. Одинъ ораторъ предлагаетъ, чтобы „титулъ *господинъ* „яко не руске слово не употребляти, але мѣсто того *панъ*.“ Ему возражаетъ другой; что панъ—слово польское. Вслѣдствіе того „повстае велике неудовольствіе,“ какъ сказано въ офиціяльномъ отчетѣ о засѣданіяхъ Матицы; „предсѣдатель звонкомъ взывае „до порядку, вертае до дебаты, и каже: слова *господинъ* откидати не потреба, бо ся не сопротивляе духови языка нашого, „причиняеся только до богатцтва языкового.“ И это засѣданіе кончается ничѣмъ: главный вопросъ слагается на отвѣтственность особой коммиссіи изъ пяти человѣкъ. Какъ будто бы эти пять человѣкъ могутъ вызвать къ жизни то чего нѣтъ въ дѣйствительности: создать языкъ, котораго не знаетъ ни литература, ни самъ народъ? Всѣ эти жалкія пренія совершаются почему-то въ присутствіи правительственнаго коммиссара, г. Гена. Чему онъ могъ научиться среди столь ученаго общества? Какое понятіе о русской народности вынесъ онъ изъ этихъ плодотворныхъ преній? Нѣмецъ по рожденію, австріецъ по службѣ, галичанинъ по мѣсту жительства, онъ долженъ знать, что львовская русская рада добивалась въ 1848 году раздѣленія Галиціи на восточную и

защиту ради сохраненія русской народности отъ польскихъ притязаній; что львовскіе ученые отказались въ 1859 году принять латинскій шрифтъ для галицко-русской письменности: и вдругъ онъ, къ крайнему изумленію своему, долженъ узнать, что эта самая народность, въ лицѣ образованнѣйшихъ представителей своихъ, находится въ полномъ невѣдѣніи на счетъ самыхъ первыхъ правилъ своей письменности: существованіе этой письменности подлежитъ еще спорамъ, составляетъ загадку для самихъ жрецовъ ея. Оказывается, что некого и нечего защищать отъ польскихъ притязаній. А между тѣмъ жрецы галицко-русской письменности заключаютъ свою дѣятельность тѣмъ, что совершенно безъ всякой причины не удостоиваютъ выбрать въ члены своего ученаго общества редакторовъ *Меты* и *Нивы* и нѣкоторыхъ изъ ихъ сотрудниковъ, также людей съ шаткими убѣжденіями, также ищущихъ ощупью и въ потьмахъ выхода изъ окружающей ихъ всѣхъ безжизненной, безсодержательной дѣятельности. Чѣмъ первые лучше вторыхъ? Чѣмъ пишущій: *удостовѣряе* справедливѣе, нежели пишущій *упѣвняе?* Первые хотятъ употреблять языкъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ грамотеевъ XVII вѣка, языкъ сдѣлавшійся мертвымъ въ настоящее время; вторые хотятъ „уживати языкъ, якимъ народъ *теперъ* говоритъ,“ забывая, что простонародный говоръ, безконечно измѣняющійся, не можетъ быть органомъ литературы и что литературный языкъ создается *долговременнымъ трудомъ историческаго развитія.*

Тѣмъ же самымъ безсиліемъ, тою же самою безхарактерностію запечатлѣны и всѣ политическія дѣйствія галицко-русской интеллигенціи. Въ бывшей имперской думѣ русскіе депутаты изъ Галиціи играли постыдную роль безсловныхъ слугъ Шмерлинговой полонофильствующихъ ученыхъ. Если въ окружномъ посланіи графа Белькреди, рекомендующаго своимъ чиновникамъ употреблять въ сношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ народный языкъ, нельзя найдти ни слова въ защиту фантастическихъ изобрѣтеній львовскихъ филологовъ; то спасетъ ли ихъ особая администрація въ восточной половинѣ Галиціи? На этотъ разъ польскія газеты правы въ своихъ отзывахъ о языкѣ, которымъ пытается объяснить свои требованія галицко-русская интеллигенція, повинуясь коварнымъ подстрекательствамъ преимущественно изъ польскаго же лагеря. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли на основаніи того языка, которымъ пишутся статьи, помѣщаемыя въ газетахъ: *Слово*, *Мета*, *Нива*, *Чи-*

тальня и т. д., искать для себя права на особое отъ западно-польской Галиціи существованіе? Развѣ одна кириллица, эта внѣшняя форма письменности, можетъ служить достаточнымъ поводомъ для того, чтобы называть языкъ упомянутыхъ газетъ, переполненный полонизмами и всевозможными искаженіями, языкомъ самостоятельнымъ и русскимъ? Перепечатайте эти газеты латинскимъ шрифтомъ, что останется въ нихъ русскаго? Вычеркните изъ исторіи галицко-русской церкви слабыя попытки „обрядовцевъ“, велико ли различіе будетъ тогда между уніятскимъ и р. католическимъ обрядами въ Галиціи? Шрифтъ и обрядъ не могутъ спасти народность, отрекающуюся отъ своего истиннаго характера, какъ не спасетъ ее и административная перегородка, поставленная между восточною и западною Галиціей. Спрятаться отъ постороннихъ вліяній за щитомъ администраціи еще возможно; но укрыться отъ самого себя, отъ своего безсилія и безхарактерности нельзя. (1).

2.

ЛЬВОВСКОЕ „СЛОВО“ О ПОЛЬШѢ И О ПОЛЯКАХЪ.

Галиційская газета „Слово“ занимается въ послѣднее время очень интереснымъ вопросомъ, о вліяніи польской цивилизаціи на малую Русь. По этому вопросу появлялся въ ней цѣлый рядъ статей. Приводимъ наиболѣе характерныя мѣста изъ одного нумера названной газеты.

(1) Если передовые люди восточной Галиціи пришли къ сознанію, что они русскіе, отрѣзанные политическими обстоятельствами къ Австріи отъ великой русской семьи, называемой Россіей, то почему бы, кажись, вмѣсто безплодныхъ споровъ, не принять въ употребленіе уже готоваго, образованнаго литтературнаго языка этой семьи—языка Пушкиныхъ, Ломоносовыхъ, Державина, Жуковскаго, Платона, Ив. Крылова, Филарета и безчисленнаго множества другихъ славныхъ русскихъ писателей, языка, выработаннаго изъ письменности древне-русской западной Россіи и неискаженнаго ни полонизмомъ, ни латинью, ни германизмомъ, ни жаргономъ мѣстныхъ какихъ-нибудь, хотя бы то и русскихъ нарѣчій; языка, наконецъ, обладающаго такою громадною массою литтературныхъ произведеній, въ сравненіи съ которою всѣ произведенія, взятыя вмѣстѣ, литтераторовъ всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ, не исключая и польскаго, составляютъ ничтожное меньшинство.

Распространяясь о характерѣ и политическомъ значеніи польскаго элемента, „Слово“ приводитъ одно мѣсто изъ польской исторіи Лелевеля, который слѣдующимъ образомъ рисуетъ состояніе Польши въ теченіе XVIII вѣка: „Умственное порабощеніе, говорить онъ, и всѣ невзгоды, испытанные Польшей, принесли свои „плоды. Суевѣріе и фанатизмъ ожесточили и унизили народный „духъ. Нравственное отупѣніе овладѣло низшими классами и небогатою шляхтой. Вся политическая дѣятельность сосредоточивалась въ рукахъ безпечнаго меньшинства, и Польша потеряла всякое значеніе въ европейской дипломаціи. При всей обширности своихъ владѣній, она въ политическомъ смыслѣ была только мертвою „пустыней, отдѣлявшей Турцію отъ Россіи, Австріи и Пруссіи. „Польша больше всѣхъ другихъ державъ испытала на себѣ гибельныя послѣдствія тѣхъ религіозныхъ преслѣдованій, которыя, „не принеся никакой пользы папской пропагандѣ, тягостно отозвались для человѣчества. Испанія раздѣлила въ этомъ отношеніи „участь Польши, но географическое положеніе спасло независимость Испаніи. Польша же, повергнутая въ состояніе грубости „и безсилія, безоружная, сдѣлалась жалкою жертвой этой папской пропаганды: всѣ недруги презирали ее, а остальные народы не обращали на нее никакого вниманія. Польша смотрѣла, однако, съ высокомѣріемъ на своихъ сосѣдей, хотя успѣхи „ихъ въ политической жизни представляли поразительный контрастъ съ ея собственнымъ разложеніемъ. Чья рука могла отвратить отъ нея опредѣленіе этой судьбы? Если Польша продолжала еще влачить свое существованіе, то была обязана этимъ „своей слабости и омертвѣнію; ея ничтожество было единственною „причиной того, что она оставалась въ забвеніи и пренебреженіи „у другихъ народовъ до той поры, когда она, пробудясь отъ летаргіи, проявила нѣкоторые признаки жизни.“

Къ этой характеристикѣ Польши, написанной самымъ приверженнымъ къ ней историкомъ, „Слово“ прибавляетъ:

„Польша постепенно вовлекла съ собой и западную Русь въ то состояніе, въ которомъ сама находилась въ послѣдніе три вѣка. Она обратила въ землю холоповъ и тѣ мѣста, гдѣ княжили Владиміръ Св., Ярославъ I, Владиміръ Мономахъ, Осмомыслъ, Романъ Волынскій и Даніилъ Галицкій, мѣста, которыя когда-то имѣли вѣчевой строй и общинные (мірскіе) суды. Древнее русское дворянство и городское сословіе постепенно отчудились отъ

русской вѣры, языка народности, переродились въ противниковъ своего русскаго, стали поляками, и пошли съ ними по одной дорогѣ. Простой народъ, хотя и сдѣланный насильственно получленомъ римской церкви, сохранилъ однако остатки иного духа и память другой народности. Не имѣя возможности дѣйствовать иначе для охраненія своего роднаго, русскаго, онъ противопоставлялъ всѣмъ посягательствамъ непоколебимую стойкость русскаго, свое русское упорство, подавшее поводъ къ пословицѣ: „упрямъ какъ русскій.“ Притомъ нашъ простой народъ спасло еще то обстоятельство, что польская цивилизація дѣйствовала на него больше матеріальнымъ гнетомъ, чѣмъ нравственнымъ растлѣніемъ, —послѣднее же выпало преимущественно на долю дворянства и горожанъ; русскіе холопы были до того бѣдны и презрѣнны, что польское духовенство и іезуиты не хотѣли долго трудиться надъ обращеніемъ ихъ въ свою народность. Мы, къ сожалѣнію, слишкомъ равнодушны къ своей исторіи, и не всегда понимаемъ ея наиболѣе замѣчательныя и высокія черты; но если когда нибудь сильный и правдивый историческій талантъ покажетъ въ надлежащемъ свѣтѣ судьбу западной Руси, то мы увидимъ, что рѣдко всемірная исторія представляла такое утѣшительное торжество праваго дѣла, столько столѣтій казавшагося безвозвратно погубленнымъ, такую величественную картину народа, который черезъ многія вѣка страданій и нравственнаго насилія, сберегалъ, какъ святыню, свои народныя начала, чтобы потомъ когда-то, въ неизвѣстной будущности, воскреснуть со всѣмъ русскимъ народомъ къ лучшей политической жизни.

„Гдѣ же тѣ факты, тѣ историческія доказательства, которыя свидѣтельствовали бы, что Польша была на высокой степени цивилизаціи, и что она цивилизовала западную Русь? Безправность городскаго сословія и самое тяжкое рабство поселянъ, безграничное самоуправство магнатовъ, мелкая или такъ-называемая сѣрая шляхта, огрубѣвшая, загнанная и часто обращаемая въ рабство, права собственности и личная свобода большинства гражданъ ничѣмъ необезпеченныя всеобщая продажность служебнаго сословія и грабительство національныхъ имуществъ; король, неимѣвшій никакой власти и бывшій игрушкой сеймовъ; престолъ, начиная отъ Генриха французскаго, продаваемый всякому, кто больше дастъ сеймовымъ избирателямъ; безпрерывныя конфедераціи, раздиравшія державу и окончившіяся призывомъ иностран-

ныхъ войскъ для рѣшенія своихъ распрей, и, наконецъ, кромѣ всего этого нравственное господство іезуитовъ, безпощадный фанатизмъ и религіозныя преслѣдованія—это ли признаки, не говоримъ уже высокой цивилизаціи, но хоть сколько нибудь устроеннаго и способнаго къ дальнѣйшему существованію общества? Польскіе сеймы, въ которыхъ сосредоточивалась политическая жизнь державы, прикрываясь громкимъ названіемъ Рѣчи-Посполитой, были въ сущности гнѣздилищемъ рабства для всѣхъ сословій, кромѣ богатаго дворянства, были истиннымъ притономъ невѣжества, продажности, насилія и политическаго безсмыслія. Пресловутое сеймовое *veto* одно выражаетъ собою всю хаотическую неурядицу, царствовавшую въ польскомъ общественномъ устройствѣ. Цивилизація народная слагается изъ двухъ существенныхъ условій: крѣпкаго государственнаго порядка и возможнаго въ данную эпоху индивидуальнаго развитія, т. е. развитія нравственныхъ и дѣятельныхъ силъ народа. Въ Польшѣ было полное отсутствіе того и другаго: государственное устройство было образцомъ хаоса и непрочности, а индивидуальная самодѣятельность существовала въ одномъ незначительномъ меньшинствѣ, и то не въ смыслѣ гражданской свободы; а въ смыслѣ безграничнаго своеволія. Не Россія была причиной гибели Польши; Польша сама издавна носила въ своемъ организмѣ неизцѣлимую болѣзнь и неудержимо стремилась къ разложенію."

3.

ТОЖЕ „СЛОВО" О НАСТОЯЩЕМЪ РАЗДРАЖЕНІИ МЕЖДУ РУССКИМЪ И ПОЛЬСКИМЪ НАСЕЛЕНІИ ВЪ ГАЛИЦІИ.

Газета „*Слово*" сообщаетъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ раздраженіи, какого достигла въ настоящее время вражда между русскимъ уніатскимъ и польскимъ населеніемъ въ восточной Галиціи, а равно между панами и сельчанами въ западной. Польскіе ксендзы, имѣющіе надзоръ за школами, гдѣ учатся вмѣстѣ польскія и русскія дѣти, принуждаютъ послѣднихъ произносить имена святыхъ не порусски, а по польски, требуютъ ихъ къ себѣ на исповѣдь, насильно заставляютъ читать польскія книги, собственноручно снимаютъ со стѣнъ въ сельскихъ хатахъ образа, купленные въ кіево-печерскомъ или почаевскомъ монастыряхъ.

Полякъ, викарій перемышльскаго деканата, высѣкъ пять русскихъ школьниковъ, которые не послушались его внушенія: „тутъ нѣтъ русскихъ, а одни ученики, которые обязаны исполнять что имъ приказываютъ.“ Мальчики, лежа подъ розгами, кричали что они русскіе и повиноваться не будутъ. Не достигши своей цѣли, викарій сорвалъ свое сердце на томъ, что въ слѣдующее воскресенье произнесъ громовую проповѣдь въ костелѣ противъ „московскаго царя.“

„Бѣдный *московскій царь!* восклицаетъ *Слово:* ему и не снится, какіе здѣсь страшные громы падаютъ на Него, за то что русскій мальчикъ въ Галиціи, ложась подъ розги, кричитъ: я русскій!“

Впрочемъ волненія происходятъ теперь не только въ восточной, но и въ западной Галиціи. Мазуры, пересчитывая дѣйствія польской партіи на послѣднемъ галицкомъ сеймѣ, изъявляютъ сильное негодованіе вообще противъ польскихъ землевладѣльцевъ. А корреспондентъ газеты *Czas* пишетъ изъ окрестностей Освѣтима: „Неустройство здѣсь великое. Ненависть сельчанъ къ панамъ усилилась до такой степени, что хлопы громко выражаютъ намѣреніе избить шляхту: она во всемъ виновата что теперь дѣлается; пусть только дадутъ хлопамъ волю, а они ужъ приведутъ все въ порядокъ“ и т. д. Такимъ образомъ это чужеядное растеніе, называемое польскою шляхтой, одинаково тяготитъ собой и русскаго, и мазура. Можно судить заранѣе, упрочитъ ли свои дѣла австрійское правительство, опираясь, какъ оно повидимому намѣрено, на польскую шляхту.

Во время нынѣшней войны нѣмецкіе публицисты, какъ прусскіе, такъ и австрійскіе, часто разсуждали о Галиціи. Первые, желая имѣть на сторонѣ Пруссіи голосъ русскаго правительства, и предполагая, что получить этотъ голосъ въ свою пользу нельзя безъ предоставленія Россіи какой-нибудь существенной выгоды, указывали на присоединеніе Галиціи къ Россіи, какъ на достаточное, по ихъ мнѣнію, вознагражденіе за допущеніе совершившагося нынѣ переворота. При этомъ упоминалось и о томъ, что галицкое населеніе, при помощи подобной комбинаціи, вышло бы изъ его теперешняго ненормальнаго положенія и что слѣдовательно эта комбинація оказалась бы и для самого населенія серьюзнымъ успѣхомъ. Въ нѣкоторыхъ газетахъ даже положительно утверждалось, будто прусскій король, тотчасъ же послѣ вмѣша-

тельства Наполеона въ прусско-австрійскую распрю, послалъ въ Петербургъ приглашеніе занять русскими войсками всю Галицію. Но о занятіи Галиціи, по крайней мѣрѣ восточной, говорили еще задолго до начатія войны почти всѣ австрійскія газеты: славянскіе газеты видѣли въ немъ не вознагражденіе Россіи за допущеніе какихъ-либо захватовъ въ Европѣ (не трудно понять, что серіозное вознагражденіе заключалось бы не въ Галиціи); онѣ видѣли въ немъ естественное послѣдствіе какъ прежней исторіи галицкой Руси, такъ и нынѣшняго положенія ея; газеты нѣмецкой партіи централистовъ высказывали живыя опасенія, по причинѣ легкости такого шага со стороны Россіи; русскія галицкія газеты, положеніе которыхъ, разумѣется, было крайне затруднительно, ограничивались простою перепечаткой извѣстій о готовящемся будто бы занятіи Галиціи русскими войсками. Польскія газеты, издаваемыя въ самой Галиціи, видѣли въ этихъ толкахъ еще разъ представлявшійся случай пошумѣть противъ Россіи; но и онѣ не высказывали при этомъ особенныхъ симпатій къ Австріи. Онѣ злобно обвиняли русское населеніе Галиціи въ симпатіяхъ къ Россіи, въ ожиданіи русскихъ войскъ какъ своихъ избавителей отъ польскаго и нѣмецкаго владычества, въ посылкѣ къ русскому императору съ изъявленіями своихъ желаній и чувствъ. Отъ нареканій не ушло и уніатское духовенство Галиціи, которому ставилось въ преступленіе, что оно укрѣпляетъ національныя преданія въ массахъ, вверенныхъ его духовному руководству. Въ томъ интересѣ, который возбужденъ былъ въ галицко-русской журналистикѣ преобразованіями, коснувшимися нашихъ уніатовъ холмской епархіи, польскія газеты видѣли готовность галицкаго духовенства возвратиться въ православіе. Это подозрѣніе они подкрѣпляли тѣми попытками очистить греко-уніатскій обрядъ отъ искаженій, о которыхъ такъ много было говорено въ послѣднія пять лѣтъ въ средѣ галицкаго духовенства. Польскія газеты усматривали нѣчто недоброе для себя и въ томъ чувствѣ благодарности, съ какимъ встрѣчено было въ восточной Галиціи приглашеніе русскаго правительства къ тамошнимъ ученымъ принять мѣста священниковъ въ холмской епархіи и учителей во всей Россіи. На поѣздки къ намъ молодыхъ стипендіатовъ изъ галицкой и закарпатской Руси, враги русскаго населенія указывали чуть ли не какъ на государственную измѣну. То сочувствіе, съ коимъ было принято галицко-русскимъ ученымъ обществомъ при-

глашеніе московскаго общества любителей естествознанія участвовать въ этнографической выставкѣ, они осмѣяли насмѣшками и клеветами. Газеты *Czas*, *Przegląd*, *Gazeta Narodowa* и теперь, когда наступило перемиріе между Австріей и Пруссіей, продолжаютъ еще увѣрять, что руское населеніе Галиціи ждетъ съ распростертыми объятіями появленія рускихъ войскъ въ ея предѣлахъ. Газета *Слово*, замѣчающая польскимъ публицистамъ, что они лучше позаботились бы объ устраненіи тѣхъ враждебныхъ чувствъ къ польскимъ панамъ, которыя открыто заявляются теперь сельскимъ населеніемъ даже въ западной Галиціи, говоритъ: „Наше природное сочувствіе для соплеменнаго намъ народа великорусовъ не нуждается въ оправданіи, и притомъ оно никому не вредитъ.“

Въ самомъ дѣлѣ было бы крайне странно и неестественно, если бы галицко-руское населеніе не имѣло симпатій къ намъ. Это исконная руская земля, это наша Червонная Русь. Исторія застаетъ такъ-называемые червонорусскіе города принадлежащими къ кіевскому великому княжеству. Владиміръ святой возвратилъ города Холмъ и Перемышль, отошедшіе было во время смутъ между его братьями къ Польшѣ. Даніилъ Романовичъ образовалъ изъ этихъ городовъ, въ соединеніи съ Волынскимъ краемъ, особое Галицкое королевство. Но родъ Даніила прекратился, и Галицкая земля присоединена была къ Польшѣ, подобно тому какъ Малороссія соединилась съ Литвой. Съ тѣхъ поръ судьбы галицкаго рускаго народа зависѣли отъ судьбы Польши: ея распаденіе предало Галицкую землю въ руки Австріи, но не могло связать эту провинцію національными чувствами ни съ Пештомъ, ни съ Вѣной. Связи Львова и Перемышля со столицей Австрійской имперіи ограничивались административными отношеніями. Съ 1846 года австрійское правительство попыталось стать въ Галиціи на національную точку зрѣнія; но эта попытка еще усилила бѣдствія края. Для вѣнскихъ политиковъ, галицкое населеніе было только средствомъ: смотря по надобности, то давали они самыя неисполнимыя обѣщанія полякамъ, то снова приподнимали рускихъ изъ-подъ временнаго угнетенія, то льстили полякамъ надеждою возстановленія Польши, хотя бы въ предѣлахъ Галицкаго королевства, то убѣждали рускихъ приняться за ихъ народное обособленіе, за развитіе ихъ мѣстнаго говора въ особый литературный языкъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, австрійское правительство ду-

жаю достигнуть двухъ цѣлей: создать изъ польскаго населенія Галиціи постоянный резервъ для революціи въ губерніяхъ Царства Польскаго, и распространить украйнофильскую агитацію на юго-западныя губерніи Имперіи. Послѣднее впрочемъ только отчасти удалось вѣнскимъ политикамъ: здравый смыслъ русскихъ галичанъ не позволилъ имъ порвать всѣ связи соединявшія ихъ съ русскимъ литературнымъ языкомъ, какъ символомъ и органомъ единой общей русской народности. Но это еще болѣе раздражило поляковъ, и во время прошлогодняго сейма они приготовили цѣлый рядъ оскорбленій и непріятностей для русской партіи, совершенно беззащитной и покинутой австрійскимъ правительствомъ. Въ настоящую минуту, судя по газетнымъ извѣстіямъ, Австрія еще разъ задумала опереться на польскій элементъ въ Галиціи и создать въ ней одно управленіе съ сильнымъ польскимъ преобладаніемъ. Возможно-ли, при такихъ обстоятельствахъ, намъ русскимъ, гражданамъ великаго русскаго государства, удержаться отъ того, чтобы не заявить нашего сочувствія страдающей почти трехъмиллюнной русской братіи на берегахъ Днѣстра и Сана, по отрогамъ Карпатъ? Все рушится и измѣняется вокругъ: кто можетъ обвинять русскихъ галичанъ, что въ нихъ живѣе чѣмъ прежде сказалось чувство ихъ народности, что они припоминаютъ свою исторію и смотрятъ, какъ на своихъ братьевъ, на насъ, которые имъ дѣйствительно братья? Можетъ ли Австрія требовать преданности своихъ *народовъ*, когда она сама не знаетъ что она такое и чѣмъ она будетъ завтрашній день?

17⁴ᵃ

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ въ 1867 году.

„МОСКВА"

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

будетъ выходить въ Москвѣ съ 1-го Января 1867 года, подъ редакціей бывшаго издателя газеты „День" И. С. Аксакова.

Распространяться о направленіи новой газеты едва ли нужно. Для тѣхъ, кто знакомъ съ Русскою журналистикой за послѣднія десять лѣтъ, оно достаточно опредѣляется всею прежнею дѣятельностію редактора; для лицъ же совершенно чуждыхъ литературы, наше объясненіе, въ тѣсныхъ предѣлахъ программы, объяснило бы очень немногое. Ограничимся заявленіемъ, что газета «Москва», обезпечивъ себѣ, посредствомъ внесенія залога, «изъятіе отъ дѣйствій предварительной цензуры», будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. МАНИФЕСТЫ, УКАЗЫ, ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ; движеніе по государственной службѣ.

II. ТЕЛЕГРАММЫ, политическія и торговыя, какъ изъ-за границы, такъ и извнутри Россіи. Соглашеніе съ Русскимъ Телеграфнымъ Агентствомъ даетъ намъ право надѣяться, что въ этомъ отношеніи Петербургъ не будетъ уже имѣть преимущества предъ Москвою, какъ прежде. Телеграммы Русскаго Агентства, учреждающаго съ будущаго года отдѣленіе своей конторы въ Москвѣ, будутъ приходить въ Москву почти одновременно съ Петербургомъ и появляться въ нашей газетѣ въ одинъ день съ появленіемъ ихъ въ Петербургскихъ

изданіяхъ. Особенное вниманіе будетъ обращено на полноту и вѣрность коммерческихъ телеграммъ, заграничныхъ и внутреннихъ, какъ о денежномъ и вексельномъ курсѣ, такъ и о ходѣ торговли важнѣйшими товарами, примѣнительно къ потребностямъ Русскаго купечества.

III. СТАТЬИ ПЕРЕДОВЫЯ по вопросамъ внѣшней и внутренней политики, законодательства, промышленности, торговли, финансовъ, и вообще по всѣмъ замѣчательнымъ явленіямъ Русской государственной и общественной жизни.

IV. ОТДѢЛЪ ВНѢШНЕЙ политики: дневникъ политическихъ новостей, или послѣднихъ извѣстій, извлеченныхъ изъ иностранныхъ газетъ; политическія обозрѣнія, статьи, корреспонденціи изъ-за границы. Сюда же примыкаетъ и

V. СЛАВЯНСКІЙ ОТДѢЛЪ, посвященный исключительно извѣстіямъ и статьямъ о судьбѣ славянскихъ племенъ внѣ предѣловъ Россіи и о положеніи такъ называемаго Восточнаго вопроса.

VI. ОТДѢЛЪ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ: извѣстіе и статьи по предметамъ нашего внутренняго государственнаго и общественнаго, матеріальнаго и духовнаго устройства.

VII. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ, т. е. корреспонденціи изъ губерній, извлеченіе изъ губернскихъ газетъ и обозрѣніе.

VIII. ОТДѢЛЪ ЭКОНОМИЧЕСКІЙ. Мы желаемъ устроить этотъ отдѣлъ такимъ образомъ, чтобъ онъ могъ служить постояннымъ, полнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ всѣхъ истинныхъ интересовъ и потребностей русской промышленности и торговли. Мы предполагаемъ помѣщать въ этомъ отдѣлѣ (завѣдываніе которымъ принимаютъ на себя люди хорошо знакомые съ теоретической и практической, съ научной и съ жизненной стороной русскихъ экономическихъ задачъ), кромѣ спеціальныхъ статей, также и корреспонденціи, торговыя и биржевыя, изъ-за границы и изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Россіи, равно какъ и различныя свѣдѣнія и извѣстія обо всемъ, что можетъ имѣть значеніе для русскаго коммерческаго міра.

IX. ОТДѢЛЪ СУДЕБНОЙ ЛѢТОПИСИ: отчеты о замѣчательнѣйшихъ уголовныхъ и гражданскихъ процессахъ въ Московскихъ и иногородныхъ судебныхъ мѣстахъ.

X. ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ: критическія рецензіи и замѣтки о наиболѣе выдающихся произведеніяхъ Русской

литературы, преимущественно о книгахъ, издающихся для школъ и для народа, полемика; небольшіе разсказы и описанія; отчеты о Московской публичной жизни, о театрахъ, выставкахъ и т. д.

Мы надѣемся, что всѣ, сочувствовавшіе «Дню», поддержать своимъ сочувствіемъ и новое наше изданіе. Мы приглашаемъ вновь на совмѣстный трудъ всѣхъ бывшихъ нашихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ. Впрочемъ, въ числѣ лицъ, въ постоянномъ содѣйствіи которыхъ мы увѣрены, мы имѣемъ право назвать уже и теперь: *Ю. Ѳ. Самарина*, *Ѳ В. Чижова*, *И. К. Бабства*, *Н. П. Гилярова-Платонова*, *Н. А. Попова*, *А. Ѳ. Гильфердинга*, *В. И. Ламанскаго*, *В. В. Григорьева*, *М. О. Кояловича*, кромѣ многихъ другихъ, также обѣщавшихъ принять участіе въ нашей газетѣ.

Намъ остается сказать, что газета будетъ выходить листами большаго формата, ежедневно, кромѣ дней, непосредственно слѣдующихъ за табельными праздниками, и что въ ней могутъ помѣщаться и частныя объявленія, по особенной таксѣ.

Цѣна газета „МОСКВА“:	на годъ,	на полгода.
Безъ доставки	12 руб.	7 р.
Съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города	15 —	8 — 50 к.

Священно-служителямъ Западнаго края дѣлается уступка: на годъ 7 руб., на полгода 4 р. съ пересылкой.

Служащіе въ Москвѣ чиновники могутъ получати газету съ разсрочной въ платежѣ денегъ, чрезъ посредство гг. казначаевъ и по соглашенію ихъ съ Редакціей.

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ Редакціи, на Малой Дмитровкѣ въ домѣ Ломоносова; въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, бывшемъ *Базунова*; въ Газетной Экспедиціи Почтамта. Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ газеты «МОСКВА», при книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ проспектѣ; также у книгопродавцевъ *Я. А. Исакова* и *Д. Е. Кожанчикова* и въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта. Въ Харьковѣ у г-жи *Баллиной*; въ Кіевѣ у книгопродавца *Литова*; въ Казани, Ярославлѣ и Варшавѣ въ книжныхъ магазинахъ *Д. Е. Кожанчикова*. Редакція, впрочемъ, принимаетъ на себя отвѣтственность за вѣрную доставку

только относительно тѣхъ лицъ, которыя подписались въ самой Редакціи и въ магазинѣ *И. Г. Соловьева* — въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ, у поименованныхъ трехъ книгопродавцевъ.

Редакторъ-издатель И. АКСАКОВЪ.

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“ въ 1867 году.

Журналъ «Руководство для сельскихъ пастырей», издаваемый, по благословенію Святѣйшаго Сунода, при кіевской духовной семинаріи, продолжится и въ слѣдующемъ 1867 году, и начнетъ съ 1-го января восьмой годъ.

Въ этомъ журналѣ, спеціально предназначенномъ для сельскихъ пастырей, будетъ помѣщаемо все, что можетъ и должно быть интереснымъ для нашего сельскаго духовенства. Избравъ однажды особенную цѣль — способствовать сельскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителей таинъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, «Руководство для сельскихъ пастырей» будетъ имѣть въ виду эту цѣль неизмѣнно; поэтому и въ слѣдующемъ году оно будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же направленіи, какихъ держалось до сихъ поръ.

Въ составъ «Руководства для сельскихъ пастырей,» по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Сунодомъ, будутъ входить:

I. Поученія къ простому народу различнаго содержанія: догматическаго, нравственнаго, обрядоваго и проч., а также извлеченія и выписки изъ твореній св. отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части сельскихъ церковныхъ библіотекъ.

II. Изслѣдованія о разныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, приспособительныя къ потребностямъ сельскаго священника какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.

III. Произведенія проповѣднической литературы прежняго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общепонятностію.

IV. Оригинальныя статьи по части отечественной исто-

ріи, а также матеріалы, относящіеся къ ней, съ надлежащею ихъ обработкою. Изъ матеріаловъ избираются исключительно тѣ, которые по содержанію своему могутъ имѣть какое либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы.

V. Замѣчанія, совѣты и наставленія, пригодныя сельскому священнику въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. И во 1-хъ замѣчанія касательно отправленія богослуженія, благочинія церковнаго, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ иновѣрцамъ и т. п. Во 2-хъ, замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ пользоваться ими для успѣшнаго дѣйствованія на нравственность прихожанъ. Въ 3-хъ, свѣдѣнія о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденія, а также о предразсудкахъ, суевѣріяхъ, противныхъ духу православной вѣры и церкви, съ указаніемъ, когда нужно, историческаго происхожденія тѣхъ и другихъ. Въ 4-хъ, замѣтки касательно обученія въ сельскихъ школахъ дѣтей прихожанъ, матеріалы для уроковъ въ церковно-приходскихъ школахъ и соображенія о первоначальномъ воспитаніи дѣтей священно и церковнослужительскихъ. Въ 5-хъ, библіографическія статьи о вновь выходящихъ книгахъ, особенно пригодныхъ сельскому священнику, и замѣтки по поводу журнальныхъ статей, касающихся сельскаго духовенства въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сверхъ того иногда сообщаются: 1) общія замѣчательныя извѣстія, касающіяся русской церкви и въ частности—свѣдѣнія о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ. Эти свѣдѣнія будутъ извлекаемы частію изъ епархіальныхъ вѣдомостей, преимущественно же изъ корреспонденцій иноепархіальныхъ сотрудниковъ редакціи. 2) Свѣдѣнія о положеніи единовѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи, и наконецъ 3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ религіозныхъ явленіяхъ и перемѣнахъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ.

Само собою разумѣется, что невозможно дать въ одинъ годъ полный объемъ всѣмъ указаннымъ отдѣламъ въ журналѣ, выходящемъ еженедѣльно, безъ опредѣленныхъ рубрикъ. Развитіе того или другаго отдѣла указывается современными потребностями пастырей и пасомыхъ; поэтому главное вниманіе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые вызываются текущими обстоятельствами; впрочемъ, для того,

чтобы журналъ нашъ могъ доставить сельскимъ пастырямъ руководительное и образовательное чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ не будутъ оставлены безъ вниманія и другія задачи его, обозначенныя въ программѣ.

Статьи постороннихъ сотрудниковъ, соотвѣтствующія цѣли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарностію и вознагражденіемъ. Редакція, на основаніи цензурныхъ правилъ, покорнѣйше проситъ гг. сотрудниковъ переписывать свои статьи разборчиво и съ полями для отмѣтокъ цензуры.

«Руководство для сельскихъ пастырей» выходитъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, въ 8-ю долю листа, въ объемѣ отъ одного до двухъ съ половиною печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 25-ти до 35 печатныхъ листовъ, съ особымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ. (Въ 1860 году годовое изданіе состояло изъ 90 листовъ, въ 1861 изъ 102 листовъ, въ 1862 болѣе чѣмъ изъ 110 листовъ, въ 1863 изъ 125 листовъ, въ 1864 году изъ 128 листовъ, въ 1865 изъ 124 листовъ. Около этаго же числа листовъ будетъ выпущено и въ текущемъ 1866 году).

Подписная цѣна *на мѣстѣ* 4 руб., *съ доставкою на домъ и* пересылкою *во всѣ мѣста внутри Россіи* 5 рублей *серебромъ. Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ консисторіи, духовныхъ правленій и благочинныхъ можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1867-го года.*

Въ редакціи находятся также экземпляры «Руководства для сельскихъ пастырей» за 1860, 1861, 1863, 1864, 1865 и 1866-й годы. Желающіе могутъ получать оные въ бумажномъ переплетѣ, по обыкновенной цѣнѣ съ пересылкою 5 руб. серебромъ. Подписчикамъ рекомендуемъ обращаться съ своими требованіями: *Въ редакцію «Руководства для сельскихъ пастырей,» въ Кіевъ.*

Редакція «Руководства для сельскихъ пастырей,» заботясь объ улучшеніи своего изданія по внутреннему его содержанію, въ то же время употребляетъ зависящія отъ нея мѣры къ своевременной и аккуратной высылкѣ подписчикамъ №№ журнала; тѣхъ же подписчиковъ, живущихъ вдали отъ почтовыхъ конторъ, покорнѣйше проситъ, чтобы они въ адресахъ своихъ означали

губерніи, уѣздъ и село, куда слѣдуетъ высылать журналъ, и разборчиво прописывали званіе и фамилію получателя. Въ случаѣ неполученія подписчиками какихъ нибудь №№ журнала, редакція покорнѣйше проситъ обращаться къ ней съ своими требованіями, которыя немедленно будутъ удовлетворяемы, по примѣру прежнихъ годовъ, если только, по справкѣ съ почтовымъ вѣдомствомъ, окажется, что вторично требуемые №№ дѣйствительно не досланы.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи, Архимандритъ *Θеоктистъ*.

„ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"
въ 1867 году.

«Православное Обозрѣніе» достаточно извѣстно читающей публикѣ по его задачѣ и направленію. Въ будущемъ 1867 году оно вступитъ въ восьмой годъ своего существованія, и, опираясь на непрерывно-продолжающееся сочувствіе духовенства и общества, сближенію которыхъ оно служитъ въ высшихъ интересахъ вѣры, духовнаго вѣдѣнія и нравственно-религіозной жизни,—будетъ продолжать свое дѣло въ томъ же духѣ, по мѣрѣ своихъ силъ и по степени большей или меньшей благопріятности внѣшнихъ обстоятельствъ.

Въ 1867 году «Православно Обозрѣніе», по прежнему будетъ издаваться ежемѣсячно — книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ, по той же программѣ, въ которую входятъ:

I. Переводы книгъ Священнаго Писанія на русскій языкъ.

II. Отдѣлъ богословскаго и назидательнаго чтенія: статьи библіологическаго, догматическаго, нравственнаго, апологетическаго и церковно-историческаго содержанія.

III. Статьи, имѣющія предметомъ: *философскія ученія* о религіи,— *религіи нехристіанскія*, *иновѣрныя христіанскія общества* и *русскій расколъ* въ его исторіи и настоящемъ состояніи.

IV. Критика и библіографія: статьи о новыхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ духовной литературы—русской и иностранной.

V. Замѣтки: небольшія статейки, имѣющія предметомъ новѣйшія явленія современной религіозно-церковной жизни; распоряженія правительства по духовному вѣдомству, спеціальныя обозрѣнія по вопросамъ, приведеннымъ у насъ въ движеніе и еще не получившимъ окончательнаго разрѣшенія, педагогическія замѣтки, внутренняя корреспонденція, отчеты по учрежденіямъ, начинаніе которыхъ принадлежитъ духовенству, заграничныя извѣстія, журнальныя замѣтки, разныя извѣстія.

VI. Приложеніе: памятники христіанской древности въ русскомъ переводѣ, съ объяснительными введеніями и примѣчаніями. Съ будущаго 1867 года начнется переводъ важныхъ для исторіи борьбы церкви съ ересями первыхъ вѣковъ сочиненій—*св. Иринея Ліонскаго* пяти книгъ противъ ересей и *св. Ипполита* новооткрытаго сочиненія, извѣстнаго подъ именемъ „Philosophumena".

Труды редакціи раздѣляютъ священники: *Г. Смирновъ Платоновъ* и *П. Преображенскій*.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ безъ доставки на домъ шесть рублей серебромъ, съ доставкою на домъ въ Москвѣ, равно съ пересылкою въ другіе города семь рублей серебромъ.

Въ *Москвѣ* можно подписываться: въ конторѣ редакціи «Православнаго Обозрѣнія», на Остоженкѣ, въ приходѣ Новаго Воскресенія, въ домѣ свящ. Смирнова-Платонова,— въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ,— и въ книжныхъ магазинахъ гг. Соловьева (бывшемъ Базунова), Ѳерапонтова, Глазунова, Салаева и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ *Петербургѣ*: въ книжныхъ лавкахъ гг. Базунова, Овсянникова, Крашенинникова, Кораблева, Исакова, Давыдова и другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные, для скорѣйшей и вѣрнѣйшей доставки журнала, благоволятъ адресоваться съ своими требованіями прямо и исключительно: въ контору редакціи «Православнаго Обозрѣнія» въ Москвѣ.

За прежніе годы можно получать изъ конторы редакціи

ванные экземпляры «Православнаго Обозрѣнія» по слѣдующимъ цѣнамъ:

За 1860	г. безъ	пересылки	4	р., съ	пересылкою	5 р. с.
» 1861	»	»	3	»	»	4 »
» 1862	»	»	3	»	»	4 »
» 1863	»	»	3	»	»	4 »
» 1864	»	»	3	»	»	4 »
» 1865	»	»	4	»	»	5 »
» 1866	»	»	6	»	»	7 »

Новые подписчики на 1867 годъ, желающіе пріобрѣсти «Православное Обозрѣніе» съ начала изданія, платятъ какъ за всѣ прошедшіе семь лѣтъ, такъ и за 1867 годъ, вмѣстѣ—безъ пересылки 25 р., съ пересылкою 30 р. с. Въ адресахъ необходимо обозначать, что въ прошедшіе годы подписки не было.

Редакторъ протоіерей *М. Сергіевскій.*

Ординарный профессоръ богословія въ московскомъ университетѣ.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ:

„ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛІОТЕКА“.

ИЗДАЕТСЯ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ, СЪ ОКТЯБРЯ 1866 Г., БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ, ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

а) Переговые романы, повѣсти, разказы и т. п.

б) Русскіе оригинальные: романы, повѣсти, драматическія пьесы, стихотворенія и проч.

в) Записки путешественниковъ, историческіе мемуары, біографіи и т. п.

г) Статьи по важнѣйшимъ современнымъ вопросамъ общественной и политической жизни, по исторіи политической и литературной, по предметамъ естествознанія, нравственно-философическаго содержанія и проч.

д) Обозрѣнія общественной жизни, литературы и искусствъ въ Россіи и заграницей, въ видѣ фельетона, корреспонденцій изъ важнѣйшихъ городовъ Европы и т. п.

е) Свѣдѣнія о новыхъ книгахъ русскихъ и иностранныхъ, съ изложеніемъ содержанія и разборомъ любопытнѣйшихъ изъ нихъ.

ж) Разнаго рода мелкія статьи, замѣтки, извѣстія, анекдоты и т. п.

Нѣкоторые изъ наиболѣе извѣстныхъ и почтенныхъ нашихъ литераторовъ будутъ принимать участіе въ „Литературной Библіотекѣ“ своими трудами.

«Литературная Библіотека» выходитъ два раза въ мѣсяцъ, книжками въ 150 и болѣе страницъ убористаго и красиваго шрифта.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА назначается:

	Безъ доставки въ Спб. и Москвѣ.	Съ доставкою на домъ и съ перес. въ города.
На годъ	9 р.	10 р.
На полгода	5 р.	6 р.
На три мѣсяца (октябрь ноябрь и декабрь 1866 г.)	3 р.	3 р. 50 к.
На годъ и три мѣсяца (съ 1 октября 1866 г. по 1 января 1868 г.	11 р.	12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ преимущественно: отъ жителей С. Петербурга въ книжныхъ магазинахъ *Овсянникова*, *Я. Исакова*, *Базунова* и *Кожанчикова*; отъ жителей Москвы

въ книжномъ магазинѣ *Соловьева* (бывшій Базунова); иногородные же благоволятъ обращаться *прямо въ Редакцію*, надписывая свои требованія такъ: *въ С. Петербургъ, въ редакцію журнала «Литературная Библіотека»* или *въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.*

«Литературная Библіотека» печатается въ большомъ числѣ экземпляровъ, и потому требованія новыхъ подписчиковъ будутъ удовлетворяться безъ замедленія съ первою отходящею почтою.

Издатель и Редакторъ *Ю. Богушевичъ.*

ДУХОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1867 году.

Духовный Вѣстникъ будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1867 году въ томъ-же направленіи, въ какомъ уже заявилъ себя читающей публикѣ, ежемѣсячно книжками до 10-ти печатныхъ листовъ.

Цѣна журнала въ 1867 году какъ съ пересылкою и доставкою, такъ и безъ пересылки — 5 руб. Цѣна журнала за 1862, 1863 и 1864 г., съ пересылкою и доставкою — 4 рубля. За 1865 годъ цѣна журнала 5 руб. съ пересылкою, безъ пересылки — 4 р. Отдѣльно, за всѣ годы, каждой книжкѣ цѣна, съ пересылкою, 60 коп.; безъ пересылки — 50 коп.

Для облегченія подписчиковъ, контора соглашается, чтобы желающіе высылали плату по частямъ, чрезъ свое начальство, въ началѣ каждаго полугодія, не менѣе половины подписной цѣны.

Редакція съ удовольствіемъ будетъ принимать статьи иногородныхъ сотрудниковъ, присылаемыя для помѣщенія въ журналѣ, и обѣщаетъ ихъ авторамъ денежное вознагражденіе, если они того пожелаютъ, по роду и достоинству статей.

Подписка принимается:

Въ Харьковѣ въ главной конторѣ журнала, въ домѣ протоіерея *І. Л. Чижевскаго*, и въ книжномъ магазинѣ *Скалона и К.* (бывшемъ *П. И. Апарина*).

Въ С. Петербургѣ: въ конторѣ журнала «Духовный Вѣстникъ», при книжныхъ магазинахъ *Кораблева*, *Сырцова* и *Овсянникова*. А также въ квартирѣ законоучителя Павловскаго военнаго училища, священника *В. Я. Михайловскаго*, на Васильевскомъ острову, въ 1-й линіи.

Въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ *Ѳ. И. Салаева* и *А. Н. Ѳерапонтова*.

Иногородные, желающіе подписаться на полученіе журнала, благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ *Контору Духовнаго Вѣстника въ Харьковѣ*. Почтамту извѣстно помѣщеніе конторы.

При этомъ контора покорнѣйше проситъ *точно* и *четко* прописывать адресъ, обозначая отчетливо свое имя, чинъ или званіе и мѣсто жительства (губернію, уѣздъ, городъ, или почтовую контору), куда слѣдуетъ доставлять книжки; а также присылать свои требованія заблаговременно, дабы она могла знать приблизительно, въ какомъ количествѣ экземпляровъ печатать изданіе.

Контора *«Духовнаго Вѣстника»* готова вполнѣ удовлетворять всѣмъ справедливымъ требованіямъ гг. подписчиковъ за всѣ случайныя неисправности, могущія встрѣтиться при разсылкѣ книгъ. Для сего покорнѣйше проситъ обращаться съ жалобами *своевременно* и *непремѣнно прописывать нумеръ адреса*, за которымъ получается журналъ. По наведеніи всѣхъ нужныхъ справокъ, контора немедленно удовлетворяетъ подписчика.

Редакторъ, Ордин. Професоръ Богословія въ Харьковскомъ университетѣ, Протоіерей *В. Добротворскій*.

Редакторъ-Сотрудникъ, Протоіерей *Александръ Ѳедоровскій*.

КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

въ 1867 году.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться и въ наступающемъ 1867 г. съ 1-го января Слѣдуя программѣ, утвержденной св. Синодомъ, онѣ будутъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: *оффиціальнаго* и *духовно-литературнаго*.

I. Въ составъ перваго отдѣла войдутъ:

1) Высочайшіе манифесты и повелѣнія по духовному вѣдомству.

2) Указы и распоряженія св. Синода, какъ общія, такъ и касающіяся собственно кіевской епархіи; извѣстія о наградахъ по кіевской епархіи, изъявленія благословенія и благодарности отъ лица св. Синода.

3) Распоряженія епархіальнаго начальства, касающіяся всей епархіи или значительной ея части; извлеченія изъ отчетовъ по разнымъ частямъ епархіальнаго управленія.

4) Назначеніе и увольненіе лицъ должностныхъ по епархіальному и духовно-учебному управленіямъ въ кіевской епархіи, и извѣстія о священно и церковно-служительскихъ вакансіяхъ.

5) Некрологи должностныхъ лицъ и священно-служителей кіевской епархіи.

II. Второй отдѣлъ будетъ заключать въ себѣ:

1) Пастырскія наставленія, касающіяся всей паствы; слова и рѣчи, произнесенныя по особымъ случаямъ; лучшія поученія, катихизическія бесѣды и рѣчи священнослужителей кіевской епархіи; назидательныя размышленія и духовные совѣты, касающіеся потребностей кіевской паствы.

2) Историко-статистическія свѣдѣнія о приходахъ, церквахъ, монастыряхъ и духовенствѣ кіевской епархіи, о духовныхъ училищахъ и благотворительныхъ заведеніяхъ, біографіи іерарховъ, замѣчательныхъ священнослужителей, воспитателей духовнаго юношества, благотворителей церкви, подвижниковъ и другихъ лицъ, извѣстныхъ благочестивою жизнію; описаніе нравовъ, религіозныхъ обычаевъ, суевѣрій и предразсудковъ въ кіевской епархіи.

3) Извѣстія о школахъ грамотности при церквахъ кіевской епархіи и указаніе лучшихъ способовъ обученія.

4) Грамоты, акты и другіе замѣчательные документы, касающіеся церквей, монастырей и духовенства кіевской епархіи.

5) Краткія библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ книгахъ, относящихся къ духовной литературѣ, а также извѣстія о духовныхъ періодическихъ изданіяхъ.

6) Епархіальную хронику: разныя свѣдѣнія о современномъ состояніи церкви, духовенства и кіевской паствы.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ выходить, какъ и прежде, два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 16-го чиселъ, выпусками отъ $1^1/_2$ до 3-хъ листовъ.

Цѣна остается прежняя, т. е. съ пересылкою и безъ пересылки *три рубля* серебромъ.

Подписка принимается въ Кіевѣ: 1) въ кіевской духовной консисторіи, 2) у редактора протоіерея П. Лебединцева, на Старомъ Кіевѣ, и 3) въ книжномъ магазинѣ С. И. Литова—на Крещатикѣ.

Иногородные подписчики благоволятъ адрессоваться такъ: Въ *редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ Кіевъ,* означая званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства.

Редакція Епархіальныхъ Вѣдомостей покорнѣйше проситъ всѣхъ образованныхъ лицъ содѣйствовать ей своими трудами; въ особенности она приглашаетъ священнослужителей кіевской епархіи сообщать ей свѣдѣнія, относящіяся къ историко-статистическому описанію сей епархіи, а также—акты, грамоты и другіе документы касающіеся исторіи церквей и духовенства кіевской епархіи.

Редакторы: протоіерей *Петръ Лебединцевъ.*
священникъ *Алексѣй Колосовъ.*

ХАРЬКОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОТИ.

Съ разрѣшенія Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, съ 1-го января 1867 года, въ замѣнъ «Духовнаго Дневника», будутъ издаваться «Харьковсхія Епархіальныя Вѣдомости», по программѣ утвержденной Святѣйшимъ Сѵнодомъ.

Въ составъ Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей войдутъ:

1. Высочайшіе манифесты и повелѣнія по духовному вѣдомству.

2. Указы и распоряженія Св. Сѵнода какъ общіе, такъ и касающіеся собственно Харьковской епархіи, извѣстія о наградахъ по епархіи, изъявленія благословенія и благодарности Св. Сѵнода.

3. Распоряженія Епархіальнаго Начальства, касающіяся всей епархіи, или значительной ея части, извлеченія изъ

отчетовъ по разнымъ частямъ епархіальнаго управленія и общія распоряженія Семинарскаго начальства.

4. Назначеніе и увольненіе лицъ должностныхъ по епархіальному и духовно-учебному управленію въ Харьковской епархіи и извѣстія о священно-церковнослужительскихъ вакансіяхъ.

5. Постановленія и распоряженія Харьковскаго губернскаго училищнаго совѣта, извѣстія объ открытіи начальныхъ народныхъ училищъ въ губерніи, краткій отчетъ о состояніи всѣхъ вообще въ губерніи начальныхъ народныхъ училищъ и объявленія объ учительскихъ вакансіяхъ въ этихъ училищахъ.

6. Свѣдѣнія объ открытіи приходскихъ попечительствъ въ Харьковской епархіи и замѣчательныя ихъ постановленія и дѣйствія.

7. Некрологи должностныхъ лицъ и священно-служителей Харьковткой епархіи.

8. Епархіальная хроника. Сюда войдутъ разныя свѣдѣнія о современномъ состояніи церкви и духовенства Харьковской епархіи.

9. Разныя извѣстія и замѣтки, касающіяся современнаго состоянія православной отечественной церкви, духовно-учебныхъ заведеній и духовенства.

Примѣч. Въ видѣ приложенія время отъ времени будутъ помѣщаемы слова и рѣчи, произнесенныя по особымъ случаямъ, и лучшія поученія священно-служителей Харьковской епархіи.

Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ выходить два раза въ мѣсяцъ 1-го и 15-го чиселъ, выпусками, отъ 2-хъ до $2^1/_2$ печатныхъ листовъ. Цѣна съ пересылкою и безъ пересылки 3 руб. сереб.

Редакція Епархіальныхъ Вѣдомостей покорнѣйше проситъ всѣхъ образованныхъ лицъ и въ особенности просвѣщенное духовенство Харьковской епархіи сообщать ей свѣдѣнія о современномъ состояніи церквей и приходовъ, объ открытіи и замѣчательныхъ дѣйствіяхъ приходскихъ попечительствъ, объ открытіи и состояніи начальныхъ народныхъ училищъ, воскресныхъ школъ и вообще о ходѣ народнаго образованія въ приходахъ, и въ цѣлыхъ уѣздахъ и другія болѣе или менѣе интересныя извѣстія.

ваніе ея, не подкрѣпленное дѣйствительными фактами, держась строго научныхъ истинъ, мы желали бы дать имъ объясненіе, вполнѣ сообразное съ дѣйствительной обстановкой той среды, въ которой наука могла бы быть примѣнена. Поэтому, прежде всего и во главѣ всѣхъ нашихъ сужденій, мы намѣрены обращать вниманіе на обстоятельства, сопровождающія нашу общественную дѣятельность и на средства направить ее къ тому, чтобы научныя улучшенія вполнѣ достигали своего назначенія.

Сообразуясь съ такимъ пониманіемъ науки, въ примѣненіи къ жизни, мы намѣрены дать слѣдующее развитіе отдѣламъ газеты.

I. ОТДѢЛЪ СУДЕБНЫЙ.

Едва начался «Гласный Судъ» какъ всѣ испытываютъ зачатки того плодотворнаго вліянія, какое онъ неминуемо долженъ имѣть на возрожденіе народной нравственности. «Судъ Гласный» не можетъ не быть судомъ *«правымъ и милостивымъ»*. Такъ, изреченіе Великаго Законодателя дѣлается не мертвою буквою, а непреложнымъ, естественнымъ уже закономъ потому, что нарушить его не въ силахъ ничья своенравная и безправная воля. Гласному суду въ основаніи присуща истина; никто не скроетъ свѣтильника ея подъ спудомъ, но поставитъ на свѣчникъ, гласнаго суда, да освѣтятся имъ и явятся предъ всѣми дѣла каждаго. Какой тяжущійся, не потерявшій сознанія, рѣшится вопреки совѣсти скрывать свои дѣла за ложнымъ истолкованіемъ закона, какой судья произнесетъ приговоръ не по крайнему своему разумѣнію, если его судъ привлечетъ къ нему общественныя симпатіи, или послужитъ для него позоромъ, въ лицѣ публичнаго, ничѣмъ неподкупнаго судьи—общества. Его убѣжденія также дѣйствительны, также неподкупны, какъ тайный голосъ совѣсти. *«Гласный Судъ»* есть великое народное училище, гдѣ наставникомъ нравственности дѣлается не школьный учитель, а собственное сознаніе. Поэтому, мы не нашли ничего лучшаго, какъ принявъ своимъ девизомъ «Гласный Судъ», обратить его въ наименованіе нашей газеты и поставить во главѣ нашего изданія «судебный отдѣлъ», по искреннему убѣжденію, что веденіе его имѣетъ нравственную и практическую пользу. Нравственную потому, что скорѣе всякой грамотности и всякаго школьнаго образованія достигается цѣль *просвѣщенія* популярною переда-

чею процесовъ, для полнаго сознанія, что правда и милость царствуютъ въ судѣ и что всѣ становятся равными предъ закономъ. Практическую потому, что ихъ уразумѣніе не только изгонитъ изъ судебной практики побужденія ко вчинанію двусмысленныхъ тяжбъ, но даже образуетъ свѣдущихъ защитниковъ тяжущихся сторонъ при гласномъ рѣшеніи дѣлъ. Мы убѣждены, что помѣщеніе замѣчательнѣйшихъ судебныхъ докладовъ и указаній на полноту или недостатокъ ихъ можетъ быть полезно не только для тѣхъ округовъ, гдѣ введено уже гласное судопроизводство, но и для остальныхъ судебныхъ мѣстъ, дѣйствующихъ еще на прежнихъ основаніяхъ. Убѣждены также и въ томъ, что изложеніе судебныхъ преній, съ объясненіемъ способа передачи существа дѣла, даже безъ разбора самыхъ приговоровъ, послужитъ къ лучшей подготовкѣ дѣлъ.

Не ограничиваясь изложеніемъ *замѣчательнѣйшихъ процесовъ*, происходящихъ въ нашихъ судебныхъ учрежденіяхъ, мы намѣрены помѣщать: 1) *Особенные случаи изъ практики мировыхъ судей*. Этимъ способомъ можно при личной защитѣ изучить смѣтливость и природное пониманіе правоты и виновности нашимъ далеко непонятымъ народомъ. Еще такъ недавно началась практика мировыхъ судей; но уже успѣла поселить въ немъ самое благопріятное впечатлѣніе: 2) *ученыя юридическія статьи*, преимущественно возбуждаемыя самими процесами. Объясненіе буквы закона по источникамъ происхожденія даетъ возможность избѣжать тѣхъ недоразумѣній, отъ которыхъ возникаютъ тяжбы; 3) *замѣчательнѣйшіе иностранные процесы*. Эти процесы, кромѣ поучительныхъ примѣровъ для юристовъ, при тщательномъ выборѣ и популярномъ изложеніи, постоянно возбуждаютъ любопытство публики; и 4) *Судебный указатель:* назначеннымъ къ докладу дѣламъ.

Для тяжущихся, желающихъ, въ видѣ особыхъ приложеній, разсылать при нашей газетѣ полныя свѣдѣнія о своихъ процесахъ, будутъ печатаны отчеты, записанные нашими стенографами.

II. ЗЕМСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Если нужда и неволя убиваютъ народный духъ, приступляя умственныя способности, то свобода и довольство возвышаютъ и облагораживаютъ людей. Эта истина вполнѣ подтвердилась двумя колосальными опытами, *первый* освободилъ 20 милліо-

вилъ крестьянъ отъ неволи, *второй* призвалъ земство къ самоуправленію, отъ котораго зависитъ будущее народное довольство.— И то и другое преимущество иноземные народы достигали путемъ долгихъ испытаній, мы напротивъ всѣмъ обязаны доброй волѣ великодушнаго Монарха. Вотъ почему общественный органъ, если желаетъ пріобрѣсть къ себѣ довѣріе, долженъ итти рука объ руку съ самими много-обѣщающими правительственными учрежденіями. Понимая такъ свою обязанность намъ придется часто останавливать вниманіе общества на дѣятельности нашихъ земскихъ учрежденій.

Дѣйствительно, не смотря на недавнее открытіе земскихъ управъ, нельзя не убѣдиться въ ихъ полезной дѣятельности, какъ для народнаго образованія, такъ и для улучшенія экономическаго быта. Извѣстія о земскихъ собраніяхъ, помѣщаемыя въ газетахъ, до сихъ поръ, не могли удовлетворить тѣхъ, для кого вопросъ о дѣятельности управъ не былъ предметомъ простаго любопытства. Самыя земскія управы не имѣли возможности повѣрить себя по сравненію съ трудами другихъ управъ; поэтому, мы намѣрены давать систематическіе отчеты о земскихъ собраніяхъ и земскихъ управъ. Сборникъ подобныхъ отчетовъ будетъ заключать данныя для изученія исторіи земскихъ учрежденій и для руковоства управъ въ ихъ дальнѣйшей дѣятельности.

Въ этотъ же отдѣлъ войдутъ извѣстія о дѣятельности городскихъ обществъ.

Редакція, желая дать земскому отдѣлу особое развитіе, будетъ благодарна управамъ, если онѣ примутъ на себя трудъ доставлять относящіяся до ихъ дѣятельности свѣдѣнія.

III. ОТЧЕТЫ О СОБРАНІЯХЪ УЧЕНЫХЪ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ и ДРУГИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Труды нашихъ сельскохозяйственныхъ и ученыхъ обществъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ развитію и улучшенію производительности, не достигали вполнѣ своей цѣли, потому что дѣятельность подобныхъ обществъ не находила проводника для приложенія къ народной жизни. Съ учрежденіемъ земскихъ управъ, этотъ важный недостатокъ устраненъ. Просвѣщенная дѣятельность нашихъ обществъ, вѣроятно найдетъ теперь полное сочувствіе въ управахъ. Ни одна изъ нихъ не откажется быть проводникомъ результатовъ, испытанныхъ обществами.

Но, побѣдивъ одно препятствіе, является другое. Хозяйственные съѣзды, довольно распространенные по губерніямъ и общества, — существующія съ цѣлію ознакомленія съ экономическими усовершенствованіями, до сихъ поръ, дѣйствовали врознь, не имѣя органа, который бы соединялъ ихъ труды и давалъ возможность слѣдить за ними. Въ устраненіе этого важнаго недостатка, мы признали необходимымъ дать мѣсто въ нашей газетѣ тѣмъ отчетамъ ученыхъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ, которые имѣютъ прямое приложеніе къ сельскому хозяйству и промышленности. Отдѣльные оттиски этихъ отчетовъ могутъ принесть значительную пользу при распространеніи ихъ между хозяевами и промышленниками.

Отчеты обществъ, находящихся въ губерніяхъ, — будутъ помѣщаемы въ газетѣ, немедленно по доставленіи въ редакцію самими обществами.

IV. ОФФИЦІАЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ

Для сбреженія мѣста будутъ помѣщаемы въ текстѣ газеты только содержаніе постановленій Правительства; тѣ же изъ нихъ, которыя могутъ интересовать землевладѣльцевъ и промышленниковъ, какъ-то: уставы банковъ, частныхъ компаній и др., мы будемъ печатать отдѣльными оттисками.

V. ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Мы пришли къ убѣжденію, что одного ежедневнаго сообщенія читателямъ о всѣмъ текущихъ иностранныхъ новостяхъ, недостаточно для уясненія политическихъ событій. Съ этою цѣлію, мы намѣрены, независимо отъ текущихъ извѣстій, помѣщать обозрѣнія изъ лучшихъ иностранныхъ газетъ и передовыя статьи политическаго содержанія.

VI. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Отдѣлъ этотъ, какъ сказано въ самой програмѣ, будетъ состоять изъ статей, преимущественно въ интересахъ общественныхъ вопросовъ. Правительство постепенно вводитъ свои полезныя реформы; соотвѣтственно тому и въ нашемъ общественномъ строѣ замѣтно пробужденіе. Вмѣсто прежней апатіи, общество обращаетъ вниманіе на все, что можетъ служить къ обновленію его нравственной и экономической жизни. Рядомъ съ матеріальными интересами возникаютъ нравственные

потребности общества, безъ удовлетворенія которыхъ, первыя не осуществимы. Поэтому, земство конечно не останется равнодушнымъ къ предметамъ, относящимся до народнаго образованія. Мы не будемъ затѣвать споръ о классическомъ или реальномъ образованіи, предназначенномъ для высшихъ классовъ, потому что прежде всего нужно подумать о народномъ образованіи. Разъ поднятый о немъ вопросъ, не можетъ не вызвать постояннаго сочувствія. До сихъ поръ, мы не имѣемъ точныхъ отвѣтовъ въ литературѣ о распространеніи грамотности. Земство въ состояніи дать средства для распространенія грамотности въ народѣ. Земство вездѣ сочувственно отозвалось къ этой прямой своей обязанности, поэтому мы полагаемъ, что, если въ нашей газетѣ будутъ являться *періодическія извѣстія,* что сдѣлано по такому важному предмету, то это не только удовлетворитъ общественному любопытству, но и принесетъ пользу тѣмъ дѣятелямъ земства, которые въ народномъ образованіи видятъ единственное, вѣрное ручательство за будущій прогресъ нашего отечества. Рядомъ съ народнымъ образованіемъ стоятъ вопросы о тѣхъ предметахъ, которые вліяютъ на народную нравственность, какъ-то, объ улучшеніи быта духовенства, направленіи его дѣятельности и о духовныхъ училищахъ. Безъ разрѣшенія удовлстворительно этихъ жизненныхъ вопросовъ, нравственный уровенъ народа не поднимется выше, безъ чего придется встрѣчать на каждомъ шагу препятствія въ примѣненіи и выполненіи всѣхъ реформъ. Послѣ нравственности, первое мѣсто занимаетъ народное благосостояніе. Оно не можетъ совершиться безъ распространенія ремесленности въ народѣ, и установленія цѣнности поземельной собственности, при содѣйствіи поземельнаго кредита. Только при возстановленіи цѣнности земли, она привлечетъ для своего улучшенія капиталы; а безъ общественной ссуды подъ залогъ земли, она будетъ считаться мертвою собственностію. Недостаточно сознавать пользу желѣзныхъ дорогъ, но необходимо возбудить соревнованіе къ сооруженію ихъ своими средствами. Всѣ эти, и другіе, возникающіе на ряду съ ними вопросы требуютъ не случайнаго, но постояннаго обсужденія для того, чтобъ общественное мнѣніе высказалось по этимъ вопросамъ и обратило вниманіе тѣхъ вѣдомствъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ рѣшеніе.

VII. ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Къ этому отдѣлу относимъ: 1) Всѣ извѣстія и корреспонденціи изъ губерній; 2) очерки, разсказы и друг., и 3) биржевыя извѣстія.

VIII. ТЕЛЕГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ отдѣлѣ телеграфическихъ извѣстій будутъ помѣщаемы телеграмы, какъ русскаго, такъ и иностранныхъ телеграфическихъ агентствъ. Отдѣлъ этотъ особенно долженъ развиться, такъ какъ русское агентство предполагаетъ сообщать телеграфическія извѣстія изъ внутреннихъ губерній.

Объяснивъ програму и способъ выполненія, мы позволяемъ себѣ надѣяться, что изданіе газеты «Гласный Судъ», сколько это зависитъ отъ редакціи, удовлетворитъ разностороннимъ требованіямъ той части общества, которая съ просвѣщеннымъ вниманіемъ *слѣдитъ*, равно и той среды, которая въ потѣ лица *трудится* для общаго блага, съ полнымъ желаніемъ воспользоваться новѣйшими усовершенствованіями по всѣмъ предметамъ сельскаго и промысловаго хозяйства.

Если намъ удастся вызвать дѣльныя хозяйственныя замѣтки изъ губерній—мы въ особенности будемъ дорожить такого рода корреспонденціей и для нея всегда найдется мѣсто въ нашей газетѣ.

2) ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ:
САМОУЧИТЕЛЬ СТЕНОГРАФІИ.

При газетѣ «Гласный Судъ» будетъ также издаваться еженедѣльная газета «Самоучитель стенографіи». Издатель этой газеты, какъ опытный спеціалистъ въ стенографическомъ искуствѣ, первый ввелъ въ Россіи обученіе стенографіи, посредствомъ частнаго преподаванія и въ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ. Почти всѣ стенографы приготовлены подъ его руководствомъ въ Петербургѣ. Желая распространять стенографическое знаніе повсемѣстно, въ виду предстоящаго введенія гласнаго суда во всей Россіи,— издатель поставилъ своею задачею передать вполнѣ въ своей газетѣ свой способъ преподаванія, въ такой обще-доступной формѣ, которая устраняетъ необходимость личнаго руководства. Для изученія и пріобрѣтенія навыка въ употребленіи стенографическихъ знаковъ газета будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ:

1. ТЕОРІЯ СТЕНОГРАФІИ.

Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы объясненія стенографическихъ знаковъ, наставленія къ ихъ употребленію, примѣры и другія относящіяся до изученія стенографіи свѣдѣнія, въ такомъ объемѣ, чтобы читатель могъ легко и скоро усвоить себѣ это искуство.

2. ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ.

Здѣсь будутъ помѣщаемы произносимыя въ собраніяхъ рѣчи, отчеты ученыхъ обществъ, публичныя лекціи и изустный разборъ дѣлъ у мировыхъ судей, записано стенографическими знаками.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ редакція надѣется найти своихъ подписчиковъ настолько приготовленными въ стенографіи, что можно будетъ перейти прямо къ одному стенографическому печатанію. Тогда газета, имѣющая въ виду не измѣнять свой объемъ и форматъ, сдѣлается изданіемъ, интересующимъ всѣхъ, кто желаетъ продолжать усовершенствованіе въ стенографіи, посредствомъ пріобрѣтенія навыка къ легкому и скорому записыванію стенографическими знаками, такъ какъ въ этой быстротѣ и заключается главнѣйшая польза стенографическаго письма.

Издатель, располагая достаточнымъ числомъ приготовленныхъ стенографовъ, находитъ полную возможность удовлетворять требованія, какъ разныхъ обществъ и собраній, такъ и частныхъ лицъ, нуждающихся въ передачѣ изустныхъ рѣчей.

Изданіе обѣихъ газетъ начнется, по истеченіи каникулъ судебныхъ мѣстъ, съ 1-го будущаго октября.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписка на обѣ газеты, вмѣстѣ, и на каждую порознь, принимается въ газетной экспедиціи С.-Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ; въ С.-Петербургѣ въ конторѣ газеты «Гласный Судъ» и «Самоучитель Стенографіи» —при книжномъ магазинѣ *С. В. Звонарева и К.* (бывш. при конторѣ «Современника») на Невскомъ просп. противъ Аничкова дворца;—въ самой редакціи—на Невскомъ просп. въ д. Максимовича № 82; въ Москвѣ у *И. Г. Соловьева* (быв. Базунова), въ конторѣ *Оленина*, на Тверской, д. Гиппіуса и у всѣхъ извѣстныхъ книго-

продавцевъ. Иногородные подписчики благоволятъ, исключительно, обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору газетъ,— при магазинѣ Звонарева и К., или прямо въ редакцію, помѣщеніе которой С.-Петербургскому почтамту извѣстно.

Подписная цѣна на ежедневную газету «Гласный Судъ» (въ форматѣ большаго листа) На годъ съ доставкою и пересылкою, 15 р.— Такъ какъ читающая публика привыкла, большею частію, подписываться на газеты въ Декабрѣ мѣсяцѣ, то редакція во избѣжаніе лишнихъ расходовъ со стороны Гг. подписчиковъ, имѣетъ честь предложить подписку.

Съ 1 Октября 1866 года по 1 Января 1868 г., т. е. на 15 мѣсяцевъ, съ доставкою и пересылкою, только 15 руб. Желающіе подписаться по 1 Января 1867 г., т. е., за 2 мѣсяца платятъ 5 р. за 1 мѣсяцъ—2 руб.

При подпискѣ служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ на газету «Гласный Судъ» допускается разсрочка въ платежѣ, за поручительствомъ гг. Казначеевъ; неслужащіе—по соглашенію съ редакціею.

Подписная цѣна на еженедѣльную газету «Самоучитель Стенографіи».

Подписавшіеся на газету «Гласный Судъ»— съ 1-го Октября 1866 г. по 1-е Января 1868 г. платятъ за тоже время, при подпискѣ на «Самоучитель» 3 р. съ пересылкою и доставкою.

Подписавшіеся на одну газету «Самоучитель» платятъ съ пересылкою и доставкою, 4 руб. 50 коп.

Кромѣ того, въ газетѣ «Гласный Судъ» будутъ *по самой дешевой цѣнѣ*, помѣщаемы *частныя* и *казенныя объявленія*.

ИЗДАНІЕ РУЧНАГО СВОДА ЗАКОНОВЪ.

Редакція испрашиваетъ также разрѣшенія правительства на компактное изданіе ручнаго свода законовъ; если таковое послѣдуетъ и подписка на газету: «Гласный Судъ» достигнетъ до 4,000 номеровъ, то редакція тотчасъ же приступитъ къ изданію упомянутаго ручнаго свода подъ руководствомъ опытныхъ спеціалистовъ.

Книжки «Ручнаго Свода Законовъ» будутъ выходить въ слѣдующемъ порядкѣ: законы гражданскіе (X. т.); законы торговые (XI т.); законы уголовные (XV т.). Изъ остальныхъ двѣнадцати томовъ будутъ извлечены только тѣ положенія и уставы, которые наиболѣе необходимы въ частномъ быту; а также

законы о состояніяхъ, съ перемѣнами, произведенными положеніемъ о крестьянской реформѣ.

Въ такомъ же компактномъ форматѣ будутъ изданы сокращенные уставы новаго судопроизводства.

Полное изданіе »Ручнаго Свода Законовъ» составитъ карманную энциклопедицію законовъ, столь необходимую для руководства частныхъ лицъ, которымъ недоступно употребленіе общаго свода, не только по цѣнѣ, но и по самой обширности изданія.

Для тѣхъ, которые подпишутся въ числѣ первыхъ четырехъ тысячъ подписликовъ газеты «Гласный Судъ», издатель дѣлаетъ уступку на полученіе полнаго изданія «Ручнаго Свода Законовъ», *за пять* рублей.

Все же изданіе Ручнаго Свода Законовъ будетъ стоить, при отдѣльной подпискѣ, *десять* руб.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На ежедневную газоту: „Гласный Судъ" съ доставкою и пересылкою: на годъ 15 р., на полгода 8 р. 50 к., на 3 мѣсяца 5 р., на 1 мѣсяцъ 2 руб.

Желающіе подписаться съ 1 Октября 1866 г., по 1 Января 1868 г. т. е. на 15 мѣсяцевъ платятъ только 15 рублей.

На еженедѣльную газету: „Самоучитель Стенографіи" съ доставкою и пересылкою: 4 р. 50 к.

Подписавшіеся на газету „Гласный судъ" приплачиваютъ за „Самоучитель стенографіи" 3 руб. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: Въ Конторѣ газеты „Гласный судъ" и „Самоучитель стенографіи"— при книжномъ магазинѣ Звонарева и К., (быв. при конторѣ Современника) на Невскомъ проспектѣ, проспектѣ, противъ Аничкова дворца; въ самой редакціи на Невскомъ проспектѣ, въ д. Максимовича № 82.

Въ Москвѣ: у И. Г. Соловьева (быв. Базунова), въ конторѣ Оленина; на Тверской д. Гиппіуса и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородные подписчикя благоволятъ исключительно обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору газетъ,—при книжномъ магазинѣ Звонарева и К., или прямо въ редакцію, помѣщеніе которой С.-Петербургскому почтамту извѣстно.

Редакторъ-издатель А. Н. *Артоболевскій.*

ЖУРНАЛЪ „СТРАННИКЪ" И ГАЗЕТА „СОВРЕМЕННЫЙ ЛИСТОКЪ".

Почти семилѣтній уже опытъ изданія духовнаго учено-литературнаго журнала «Странникъ»—весьма достаточно показалъ, на сколько это изданіе благопотребно для членовъ православной отечественной церкви, принадлежащихъ ко всякаго рода званію и состоянію. Чрезъ это мы поставляемся всеблагимъ промысломъ Божіимъ въ нравственную необходимость продолжать свое періодическое изданіе и въ будущемъ 1867 году.

Твердо уповая на помощь Господа, питаемъ надежду что испытанное нами со стороны всѣхъ благомыслящихъ людей сочувствіе къ посильнымъ трудамъ нашимъ и участіе въ нихъ нашихъ собратій, гдѣ бы ни находились они, не ослабѣетъ и на будущее время, какъ не должно ослабѣть и наше собственное усердіе къ общему благу. Мы по прежнему будемъ слѣдовать своей программѣ, одобренной св. Сѵнодомъ въ 1859 году, ни въ чемъ не измѣняя ни ея духа, ни направленія, и наблюдая туже аккуратность въ своевременномъ выпускѣ мѣсячныхъ книжекъ, какою нашъ журналъ отличался въ нынѣшнемъ году.

Издаваемая при «Странникѣ» съ 1863 года газета «Современный Листокъ» политическихъ, общественныхъ и литературныхъ извѣстій, слѣдующая тому же религіозно-нравственному направленію, и имѣющая въ виду тотъ же кругъ читателей и сотрудниковъ, также будетъ продолжаться и въ наступающемъ году, въ прежнемъ объемѣ, по два выпуска въ недѣлю.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ на каждое изъ нашихъ повременныхъ изданій, или на оба вмѣстѣ, остаются прежнія, а именно: 1) за годовое изданіе «Странника», состоящее изъ 12-ти книжекъ, со всѣми приложеніями, портретами, и т. п., съ пересылкою во всѣ почтовыя мѣста имперіи, *четыре рубля серебромъ*; 2) за годовое изданіе «Современнаго Листка», состоящее изъ 104 нумеровъ съ пересылкою два раза въ

вед[ом]ію, во всѣ почтовыя мѣста, также *четыре рубля сереб[ро]мъ*; 3) для подписывающихся на «Странникъ» и «Современный Листокъ» вмѣстѣ, годовая плата на послѣдній понижается до *трехъ рублей*, и такимъ образомъ за оба изданія—журналъ и газету слѣдуетъ высылать *семь рублей серебромъ*.

Желающіе могутъ выписывать полныя годовыя изданія „Странника“ за 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и нынѣшній 1866 годы, со всѣми бывшими при нихъ приложеніями; а также прибавочные томы Проповѣдей и томы Чтенія для дѣтей, изданія 1863 и 1864 года (всего 4 тома).

Цѣна остается прежняя—за каждый годъ журнала: *3 р. 50 коп.* безъ пересылки, и *4 р. сер.* съ пересылкою; а за каждый томъ либо Проповѣдей, либо Чтенія для дѣтей—по *1 р. сер.* Но кто пожелаетъ выписать изданіе журнала вдругъ за пять или за шесть лѣтъ, тому оба тома Проповѣдей и оба тома Чтенія для дѣтей будутъ высланы въ придачу, безмездно.

Можно выписывать и полные экземпляры «Современнаго Листка» за 1865 и 1866 годы,— по прежней цѣнѣ: 3 р. с., за годовое изданіе, состоящее изъ 104 №№. (За 1863 и 1864 годы «Современнаго Листка» полныхъ экземпляровъ въ редакціи уже нѣтъ).

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться *исключительно* такъ: *Въ редакцію духовнаго журнала „Странникъ“ въ С. Петербургъ*.

Редакторъ и издатель: Протоіерей Василій *Гречулевичъ*, законоучитель Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.

XXVIII

ЗАПАДНО-РУССКІЙ

МѢСЯЦЕСЛОВЪ

на 1867 годъ.

Съ портретомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Александровича, изображеніемъ Св. Виленскихъ мучениковъ и чудотворцевъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія и портретомъ Осипа Ивановича Комисарова-Костромскаго.

На изящной обертке изображены слѣдующіе памятники православія въ Вильнѣ: часовня во имя св. Александра Невскаго, Храмъ Пречистыя Богородицы, Соборъ св. Николая, церковь св. Параскевы и церковь св. Николая.

СОДЕРЖАНІЕ:

ксандро-Невской при богоугодныхъ заведеніяхъ и Николаевской при тюремномъ замкѣ церквей. 19) Вѣдомость о числѣ учащихся, по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа за 1866 годъ: I, гимназіи, прогимназіи и уѣздныя училища; II, приходскія училища съ женскими при нихъ смѣнами, народныя и сельскія училища; III, женскіе пансіоны и школы; IV еврейскія учебныя заведенія. 20) О бывшихъ русскихъ типографіяхъ въ западномъ краѣ Россіи. 21) Доблестный подвигъ Осипа Ивановича Комисарова-Костромскаго (съ портретомъ). 22) Указатель достопамятныхъ историческихъ событій въ Россіи. 23) Главнѣйшія ярмарки во внутреннихъ губерніяхъ, сѣверо-западномъ краѣ и въ царствѣ польскомъ.

Изданіе большаго формата, 116 страницъ убористой печати. Цѣна, безъ пересылки, 20 коп., съ пересылкою 25 коп.

Выписывающимъ значительное количество экземпляровъ дѣлается уступка, по соглашенію съ издателями.

Гг. иногородные благоволятъ требованія свои адресовать:

Въ г. Вильну: Въ типографію Р. М. Ромма, Жмудскій переул. въ собственномъ домѣ или въ типографію А. Сыркина, улица Нѣмецкая противъ театра.

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ."

ГАЗЕТА ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

въ 1867 году,

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

I) Часть официальная: Высочайшіе указы и правительственныя распоряженія; распоряженія главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края.

II) Часть неофиціальная: А) Статьи, относящіяся до исторіи, этнографіи, статистики и экономическаго положенія края. В) Извѣстія и корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ шести западныхъ губерній и замѣчательнѣйшія явленія изъ современной жизни другихъ областей Россіи.

III) Политическія извѣстія.

IV) Фельетонъ. Очерки мѣстной жизни и нравовъ. Рецензіи книгъ, изданныхъ въ краѣ, или же, по своему содержанію, относящихся къ нему. Русскій театръ въ сѣверо-западномъ краѣ. Повѣсти и разсказы изъ быта населяющихъ край племенъ. Стихотворенія. Народныя пѣсни. Въ этотъ же отдѣлъ, по мѣрѣ надобности, могутъ входить и статьи, имѣющія вообще литературный или ученый интересъ.

V) Смѣсь.

«Виленскій Вѣстникъ» будетъ выходить три раза въ недѣлю; (по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ), въ форматѣ большаго листа.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

За годъ (150 №№) въ Вильнѣ 8 р. съ пересыл. и доставк. 10 р.
» полгода » 4 « « « 6 р.
Отдѣльный нумеръ, безъ пересылки и доставки, 10 к.

Подписка на «Виленскій Вѣстникъ» принимается исключительно: 1) въ Вильнѣ, въ конторѣ редакціи, на Дворцовой улицѣ, въ домѣ гимназіи и въ Виленской Газетной Экспедиціи. Здѣсь же принимаются и объявленія по установленной таксѣ.

2) Въ Вильнѣ, въ книжномъ и нотномъ магазинѣ коммиссіонера «Виленскаго Вѣстника» Г. И. Феннера, на Большой улицѣ, въ домѣ учебнаго округа.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями *въ редакцію „Вил. Вѣстника", въ Вильнѣ.*

ОБЪ ИЗДАНІИ
ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ
въ 1867 году.

„Христіанское Чтеніе", издаваемое при с.-петербургской дух. академіи съ 1821 года, будетъ и въ слѣдующемъ 1867 году выходить ежемѣсячно по прежней программѣ.

„Христіанское Чтеніе" будетъ выходить книжками отъ 10—12 листовъ въ каждый мѣсяцъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе въ С.-Петербургѣ *безъ доставки* на домъ *6 руб. сер.*; а съ доставкою и *пересылкою во всѣ города 7 руб. сер.* Желающіе получить „Христіанское Чтеніе" въ концѣ года въ корешковомъ переплетѣ благоволятъ высылать за полный экземпляръ (12 книгъ) 10 руб. сер. Въ видахъ облегченія подписчиковъ Редакція по примѣру прошедшаго года допускаетъ за годовое изданіе журнала разсрочку уплаты по полугодно—за ручательствомъ впрочемъ лицъ и мѣстъ начальственныхъ.

При академіи и у книгопродавца Кораблева въ С.-Петербургѣ еще продаются полные экземпляры „Христіанскаго Чтенія" за прежніе годы, именно: 1822, 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1844, 1845, 1846, 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1856, 1857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864 и 1865. Каждый экземпляръ отдѣльно за 1822—1848 годы по *5 руб. сер.* безъ пересылки, а съ пересылкою *6 р. сер.*; экземпляры 1849—1866 годовъ по *6 руб. сер.* безъ пересылки, а съ пересылкою по *7 руб. сер.* Кто пожелаетъ выписывать имѣющіеся экземпляры за всѣ годы въ совокупности или съ 1822 по 1827, или съ 1833 по 1847 включительно, тому будетъ уступленъ каждый экземпляръ одного года по *3 руб. сер. безъ пересылки*, за которую нужно прилагать на пять фунтовъ для каждаго экземпляра.

Подписка на „Христіанское чтеніе" принимается въ Редакціи журнала при С.-Петербургской дух. академіи, или въ правленіи этой академіи; также—въ правленіяхъ иногородныхъ д. семинаріи, въ газетной экспедиціи С.-Петербургскаго почтамта и въ конторѣ редакціи находящейся въ С.-Петербургѣ при книжномъ магазинѣ Кораблева и Сирякова.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ,

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ,

въ 1867 году,

будетъ выходить ежемѣсячно книжками до 20-ти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой.

Въ 1867 году, десятомъ со времени своего основанія, «Военный Сборникъ» будетъ издаваемъ по прежней программѣ и на прежнихъ основаніяхъ. Главная цѣль журнала: распространять въ нашей арміи основательныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ военныхъ знаній, сообщать свѣдѣнія о современномъ состояніи военнаго дѣла у насъ, въ Россіи, и въ иностранныхъ государствахъ и служить посредникомъ для обмѣна мыслей и наблюденій между военнослужащими и вообще всѣми лицами, интересующимися успѣхами военнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ.

Послѣдняя задача «Военнаго Сборника» пріобрѣтаетъ еще большее значеніе съ развитіемъ въ журналѣ, съ 1862 года, особаго отдѣла— по *сообщенію всѣхъ главнѣйшихъ предложеній военнаго министерства относительно предпринимаемыхъ и уже предпринятыхъ преобразованій по улучшенію устройства и быта нашей арміи.* Значеніе этой задачи одинаково важно какъ для самаго военнаго министерства, такъ равно и для читающей публики. Съ одной стороны, названный отдѣлъ удовлетворяетъ весьма понятному любопытству военнослужащихъ и публики относительно общаго хода военнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ; съ другой— открываетъ полную возможность каждому дѣльному мнѣнію, основанному на глубокомъ изученіи предмета и на личномъ опытѣ, и каждой свѣтлой мысли способствовать успѣхамъ военнаго дѣла. Основныя предположенія военнаго министерства могутъ вызвать людей знающихъ и опытныхъ на посильное выясненіе дѣла и на разработку частностей онаго, что, въ свою очередь, влечетъ за собою сопоставленіе различныхъ мнѣній, проникнутыхъ одною цѣлію, однимъ стремленіемъ — достигнуть наивозможно лучшаго рѣшенія вопроса.

Вполнѣ сознавая важность этой задачи, редакція «Военнаго Сборника», съ своей стороны, принимаетъ все мѣры для возможно болѣе удовлетворительнаго исполненія оной, но въ то же время надѣется на дружное содѣйствіе членовъ военнаго общества, безъ котораго усилія редакціи не вполнѣ бы достигали своей цѣли.

Другая задача—способствовать распространенію въ нашей арміи основательныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ военныхъ знаній — составляетъ предметъ тѣхъ же заботъ и усилій редакціи. Имѣя въ виду наивозможно болѣе удовлетворить этой важной цѣли, редакція надѣется въ будущемъ развить отдѣлъ *военно-историческихъ* и *тактическихъ* статей, по преимуществу относящихся къ новѣйшимъ войнамъ, обративъ при этомъ вниманіе, по мѣрѣ матеріяльныхъ средствъ, на возможно большее помѣщеніе *картографическихъ* приложеній.

Поставивъ себѣ задачгю—постоянное усовершенствованіе изданія журнала, редакція «Военнаго Сборника», тѣмъ не менѣе, вовсе не полагаетъ, чтобы кругъ чтенія постоянныхъ подписчиковъ на редактируемый ею журналъ могъ ограничиться только этимъ изданіемъ. А потому, признавая огромную пользу за *войсковыми библіотеками* и имѣя въ виду въ недавнее время затронутый военнымъ министерствомъ вопросъ объ ихъ возможномъ улучшеніи и благоустройствѣ, редакція «Военнаго Сборника», желая хотя въ нѣкоторой степени содѣйствовать этой важной задачѣ, и въ особенности раціональному пополненію войсковыхъ библіотекъ, намѣрена возможно-болѣе развить *библіографическій отдѣлъ*. Въ этихъ видахъ, въ библіографическомъ отдѣлѣ, кромѣ извлеченій изъ наиболѣе замѣчательныхъ сочиненій, будутъ помѣщаемы болѣе или менѣе подробные отзывы о всѣхъ военныхъ журналахъ, книгахъ и картахъ, полезныхъ для пріобрѣтенія войсковыми библіотеками, а также о прочихъ сочиненіяхъ, имѣющихъ по своему содержанію прямую связь съ военнымъ дѣломъ или представляющихъ значеніе для всякаго образованнаго общества.

Программа «Военнаго Сборника,» Высочайше одобренная, остается неизмѣнною и въ 1867 году:

I. Отдѣлъ оффиціальный: а) **Извлеченія изъ приказовъ военнаго министра, главнокомандующихъ арміями, генералъ-ин-**

спектора по инженерной части, генералъ-фельдцейхмейстера, по главному штабу, главному управленію военно-учебныхъ заведеній и командующихъ войсками военныхъ округовъ. б) Извлеченія изъ циркулярныхъ объявленій главныхъ управленій и департаментовъ военнаго министерства. в) Тѣ изъ общихъ узаконеній, которыя имѣютъ какое-либо соотношеніе съ военнымъ битомъ.

Въ извлеченіяхъ этихъ будетъ заключаться все относящееся до измѣненія состава войскъ, управленія ихъ, вооруженія, формы одежды и проч., въ такой мѣрѣ, въ какой необходимо знать это каждому офицеру. Такимъ образомъ, отдѣлъ этотъ будетъ служить подручнымъ сборникомъ всѣхъ современныхъ постановленій и узаконеній:

II. Отдѣлъ военныхъ наукъ: а) Тактика; б) Военная исторія; в) Военная администрація; г) Военная статистика и географія; д) Фортификація и артиллерія.

По тактикѣ будутъ помѣщаемы преимущественно статьи, клонящіяся къ разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ событіями послѣднихъ войнъ, какъ-то: о дѣйствіи въ бою пѣхоты вообще и въ особенности пѣхоты легкой, объ организаціи и употребленіи кавалеріи и артилеріи, о соотвѣтствующихъ современному состоянію военнаго искуства способахъ обученія войскъ и т. п.

По военной исторіи будутъ помѣщаемы преимущественно описанія и разборы тѣхъ войнъ и сраженій, въ которыхъ принимали участіе русскія войска. Къ каждому описанію будутъ прилагаемы, если понадобится, соотвѣтствующія карты и планы.

По военной администраціи— все относящееся до управленія и хозяйства войскъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ.

По военной статистикѣ и географіи — обзоръ вооруженныхъ силъ различныхъ государствъ; описанія замѣчательнѣйшихъ театровъ войны.

По фортификаціи и артилеріи будутъ помѣщаемы изслѣдованія различныхъ вопросовъ по отношенію ихъ къ дѣйствію войскъ, избѣгая техническихъ подробностей, для обсужденія которыхъ существуютъ у насъ спеціальные журналы.

III. Отдѣлъ литературный: а) Разсказы изъ военнаго быта; б) Записки военныхъ людей (мемуары); в) Путешествія, имѣю-

щія военный интересъ; г) Жизнеописанія замѣчательнѣйшихъ военныхъ людей.

IV. Современное обозрѣніе. Отдѣлъ этотъ въ настоящее время получилъ большее развитіе. Онъ состоитъ изъ: 1) *Библіографіи*, въ которой помѣщаются: библіографическіе разборы русскихъ періодическихъ военныхъ изданій; извѣстія изъ иностранныхъ военныхъ журналовъ; разборы военныхъ книгъ на русскомъ и иностранномъ языкахъ, а также сочиненій, имѣющихъ по своему содержанію прямую связь съ военнымъ дѣломъ (этой части отдѣла редакція имѣетъ въ виду придать большее развитіе). 2) *Русское военное обозрѣніе* — предположенія и главнѣйшія постановленія правительства по военной части; свѣдѣнія о нашей арміи въ ея служебной и боевой дѣятельности. 3) *Иностранное обозрѣніе* — свѣдѣнія о ходѣ военнаго дѣла въ иностранныхъ государствахъ и о военныхъ дѣйствіяхъ иностранныхъ армій.

Желающіе помѣщать свои статьи въ «Военномъ Сборникѣ» благоволятъ доставлять ихъ въ редакцію журнала. При этомъ редакція предлагаетъ лицамъ, неиспытавшимъ своихъ силъ на военно литературномъ поприщѣ, не стѣсняться литературною формою изложенія статей, лишь бы онѣ отвѣчали общей цѣли и направленію журнала, которыя достаточно извѣстны читателямъ. Въ случаѣ одобренія статьи, она будетъ напечатана при первой возможности; въ случаѣ неодобренія — возвращается автору, по его личному востребованію, или довѣренному отъ него лицу. Редакція принимаетъ на себя обратную пересылку только тѣхъ статей, которыя хотя и не могли быть напечатаны, но представляютъ въ какомъ-либо отношеніи трудъ замѣчательный. Въ статьяхъ переводныхъ или составленныхъ по нѣскольвимъ сочиненіямъ необходимо обозначать источники. Чертежи, прилагаемые къ статьямъ, редакція проситъ составлять, по возможности, въ форматѣ осьмушки или четверти печатнаго листа.

Вмѣстѣ съ симъ редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ присылающихъ статьи для печати подписывать имена свои и адресы *четко* и *ясно*. По желанію авторовъ, имена ихъ могутъ быть скрыты отъ публики и останутся извѣстны только *одному* редактору. Статьи и письма *неподписанныя* редакція печатать не можетъ.

Вознагражденіе за статьи, помѣщаемыя въ «Военномъ Сборникѣ», опредѣлено: за переводы отъ 12 до 20 руб. сер. съ печатнаго листа, за извлеченія и компиляціи до 30 руб. сер., за оригинальныя статьи до 50 руб. сер. и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выше.

Авторъ можетъ, сверхъ того, если пожелаетъ, получить безплатно до 25 отдѣльныхъ оттисковъ своей статьи, помѣчая о томъ на самой статьѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на «Военный Сборникъ» принимается:

Въ С.-Петербургѣ: *въ конторѣ редакціи «Военнаго Сборника», на Литейной, домъ Денфера, № 13.*

«Военный Сборникъ» выходитъ *ежемѣсячно*, книжками въ 20 листовъ и болѣе въ каждой.

Подписная цѣна за годовое изданіе, или за *двѣнадцать книжекъ*, 6 р. 50 к. съ пересылкою, а въ Петербургѣ съ доставкою на домъ (*).

Редакція «Военнаго Сборника» покорнѣйше проситъ гг. начальниковъ частей доставлять, вмѣстѣ съ требованіями на журналъ, *именные списки* гг. офицеровъ, подписавшихся на «Военный Сборникъ», съ тою цѣлію, чтобы книжки журнала могли быть отправлены на имя каждаго подписчика, чрезъ газетную экспедицію С.-петербургскаго почтамта, въ наглухо-задѣланныхъ пакетахъ, какъ пересылаются всѣ частныя періодическія изданія.

Желающіе имѣть «Военный Сборникъ» за 1859 годъ, съ *картою Италіи*, и за 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы съ соотвѣтствующими *приложеніями:* «Тактика» *Грисгейма* и «Исторія и тактика кавалеріи» *Нолана*, благоволятъ обращаться съ требованіями въ редакцію. *Цѣна годоваго изданія. съ доставкою и пересылкою*—шесть рублей.

Главный Редакторъ «Военнаго Сборника», *Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ Меньковъ.*

---

*) При этомъ лица, мѣняющія свой адресъ послѣ подписки: иногородный на городской и обратно, въ этихъ случаяхъ приплачиваютъ еще 50 коп. сер.

Съ 1-го января 1867 года издается въ Петербургѣ

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА „НАРОДНЫЙ ГОЛОСЪ".

Печатное слово, его значеніе и сила, не только всегда служили мѣриломъ общественной и политической жизни государства, но кромѣ того литература всегда была и будетъ пульсомъ, по которому всегда можно опредѣлить; дышетъ-ли народъ-и какъ онъ дышетъ. Мы понимаемъ призваніе публицистики быть народной трибуной, открытой каѳедрой, съ которой народные интересы, достоянія и надежды всегда моглибы слышать защиту и помощь. Припомнивъ себѣ громадный (?!) успѣхъ Каткова во время польскаго мятежа, мы видимъ, что печатное слово и у насъ въ Россіи дало почувствовать свою силу;—но лучшая вѣра въ печатное слово есть надежда на то, что не обстоятельства времени должны вліять на мысль, а мысль—на обстоятельства.

Народная жизнь,— это широкое слово особенно широко звучитъ, когда дѣло коснется до нашей громадной родины. Кабинетная петербургская теорія не можетъ быть практична, положимъ на оренбургской почвѣ. Полтава и Амуръ, Варшава и Архангельскъ, имѣютъ свои особенныя условія, требованія и данныя, и подводить ихъ подъ одну общую мѣрку было бы не ловко. Когда дѣло идетъ о внѣшней политикѣ государства, то тамъ слышится одинъ интересъ общенародный, но когда касается внутренней частной жизни, то напримѣръ характеры мировыхъ съѣздовъ Вологды и Кіева будутъ діаметрально противоположны другъ другу.

Нашъ экономическій и гражданскій бытъ ищетъ разработки, но западныя теоріи не должны служить нашею цѣлію. Все что намъ пригодно, изъ Китая ли они или изъ Англіи, мы возьмемъ, но возьмемъ самостоятельно, оставивъ въ сторонѣ и космополитизмъ, и узкій патріотизмъ, подчиняясь царству одной идеи-идеи человѣчности.

Изучайте прошедшее, слѣдите за настоящимъ и думайте о будущемъ, та формула, которой должна держаться публицистика! Она должна и слушаться голоса вѣка, но и не должна забывать того, что голосъ вѣка тоже подлежитъ критикѣ. Мы неможемъ останавливаться на послѣднемъ словѣ

времени, но должны его анализировать и ждать слова лучшаго, болѣе новаго и такъ далѣе идти все впередъ.

Сила и будущность нашей родины лежатъ въ земскихъ учрежденіяхъ, только одни они поведутъ къ лучшему нашъ соціальный строй жизни, они-же вызовутъ переворотъ и въ другихъ сферахъ гражданской жизни. Развитіе труда и знаній всегда зависѣло отъ экономическихъ условій. Наша публицистика прежде путалась въ хаосѣ разныхъ теорій, но Рука Великаго Государя указала путь для русской мысли, этотъ путь-земскія учрежденія, свободное слово, залогъ народной свободы въ ея евангельскомъ смыслѣ, начало великаго будущаго!

Мы неможемъ высказать передъ публикой всей сущности нашего направленія въ нѣсколькихъ словахъ, но мы можемъ только намекнуть на будущій характеръ „Народнаго Голоса“. Надѣемся, что читатели поняли, что мы не будемъ слѣдовать никакимъ заранѣе опредѣленнымъ планамъ, не будемъ задаваться крайностями или фейерверочными идейками, но постараемся глядѣть на событія теплымъ критическимъ взглядомъ, чуждымъ и абсолютному отрицанію и поклоненію; будемъ работать надъ *данными* минуты и не дадимъ затеряться безслѣдно ни одному свѣтлому факту, ни одной свѣтлой мысли. Нельзя же за ранѣе сказать будемъ-ли мы либералами или консерваторами, потому что нельзя вѣдь предсказать ходъ событій; и „TIMES“, первый журналъ въ мірѣ, не имѣетъ другой программы кромѣ баромотра общественнаго мнѣнія, которое мы будемъ стараться подвергать закону исторической истины;— а потому-то мы и сдѣлали нашу газету *(литературную, политическую и общественную)* доступною для всего народа.

ПРОГРАММА „НАРОДНАГО ГОЛОСА“

СЛѢДУЮЩАЯ:

I. ПОЛИТИКА.

1. Руководящія статьи,
2. Внѣшная политика Россіи.
3. Иностранныя извѣстія.

4. Заграничныя телеграммы и
5. Корреспонденція.

II. РОССІЯ.

1. Движеніе по государственной жизни,
2. Земскія учрежденія,
3. Статьи по текущимъ вопросамъ,
4. Телеграммы,
5. Провинціальныя хроника и
6. Корреспонденція.

III. ФЕЛЬЕТОНЪ.

1. Повѣсти, разсказы и романы,
2. Стихотворенія,
3. Статьи учено-литературныя, духовныя, сельско-хозяйственныя, экономическія, юридическія и критико-библіографическія,
4. Заграничная жизнь,
5) Хроника Петербургской жизни,
6) Хроника Московской жизни,
7) Литературныя, музыкальныя и художественныя извѣстія.

IV. ДНЕВНИКЪ.

1. Судебная хроника,
2. Городскія происшествія,
3. Петербургская биржа,
4. Репертуаръ театровъ,
5. Желѣзныя дороги и пароходы,
6. Объявленія,
7. Рекламы, и
8) Отвѣты редакціи.

Газета „НАРОДНЫЙ ГОЛОСЪ“ будетъ издаваться безъ предварительной цензуры, ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и дней слѣдующихъ за праздниками, въ листъ большаго формата.

1867 году. Програма и направленіе ея остаются неизмѣнными. По прежнему, она будетъ выходить каждую субботу, въ двухъ отдѣлахъ, какъ бы въ видѣ двухъ еженедѣльныхъ журналовъ. Первый, подъ именемъ собственно „Духовной Бесѣды", будетъ заключать въ себѣ статьи по всѣмъ отраслямъ духовной науки и жизни. Цѣль этого отдѣла, соотвѣтственно самому названію его, поддерживать и развивать духъ вѣры и благочестія, любовь и повиновеніе къ св. православной церкви. На будущее время редакція „Духовной Бесѣды" надѣется, по мѣрѣ возможности, подавать свой голосъ и о *современныхъ вопросахъ* въ духовной наукѣ и церковной жизни.

Во второмъ отдѣлѣ журнала, имѣющемъ особое названіе— „Церковная Лѣтопись", отдѣльный счетъ страницъ, шрифтъ и характеръ статей, будутъ помѣщаемы на первомъ планѣ статьи оффиціальнаго характера: Высочайшіе рескрипты, грамоты, манифесты и указы, распоряженія и указы Святѣйшаго Сvнода, свѣдѣнія, сообщаемыя изъ канцеляріи г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Сvнода. Этотъ отдѣлъ „Церковной Лѣтописи" есть собственно и почти единственно-оффиціальный; количество, содержаніе и самое изложеніе статей его не зависятъ отъ редакціи. Такой-же характеръ имѣютъ и статьи (весьма немногія и только обще-интересныя), сообщаемыя для напечатанія изъ с.-петербургской духовной консисторіи. Во всемъ прочемъ статьи „Духовной Бесѣды" и „Церковной Лѣтописи" лежатъ на отвѣтственности редакціи и могутъ подвергаться суду читателей. Говоримъ и торжественно заявляемъ это, потому что не разъ статьямъ и корреспонденціямъ частныхъ лицъ, напечатаннымъ въ нашемъ журналѣ, приписывали, не только у насъ, но и за границей, оффиціальное значеніе. „Духовной Бесѣдѣ" въ иностранныхъ газетахъ давался несоотвѣтствующій ей эпитетъ Gazette officielle du Sainte Synode.

Подъ третьей рубрикой „Церковной Лѣтописи" помѣщаются свѣдѣнія о церквахъ и вѣроисповѣданіяхъ заграничныхъ. Читатели видѣли уже здѣсь корреспонденціи изъ Іерусалима, Константинополя, Рима, Мадрида, Женевы и проч. На будущее время постараемся, чтобы этотъ отдѣлъ пріобрѣлъ еще большую полноту и занимательность. Особаго улучшенія требуетъ четвертая рубрика—*библіографія* и критика духовныхъ книгъ; и этотъ недостатокъ будетъ, по возможности, восполненъ, какъ относительно русскихъ духовныхъ книгъ, такъ и иностранныхъ.

Пятый отдѣлъ „Церковной Лѣтописи“, подъ общимъ названіемъ *Смѣсь* никогда не имѣлъ недостатка въ матеріалахъ. Внутренняя корреспонденція изъ разныхъ мѣстностей Россіи, отъ Соловецкаго острова до Херсониса Таврическаго, отъ Забайкалья до Закавказья, выдержки (очень рѣдкія) изъ другихъ газетъ и журналовъ, замѣтки и объявленія составляютъ неистощимый матеріалъ для смѣси. Впрочемъ и относительно всѣхъ другихъ отдѣловъ журнала можно сказать, что редакція никогда не встрѣчала затрудненія въ недостаткѣ статей, благодаря усердію своихъ сотрудниковъ.

И такъ повторяемъ: „Духовная Бесѣда“ будетъ выходить и въ 1867 году съ тѣмъ же направленіемъ, по той же программѣ, съ тою же неизмѣнною своевременностію выпуска нумеровъ, и по той же цѣнѣ: 3 р. 50 к. безъ пересылки и 4 р. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою во всѣ мѣстности Россіи. Редакція употребляетъ всѣ мѣры, не щадя хлопотъ и издержекъ, чтобы подписчики „Духовной Бесѣды“ получали журналъ своевременно и исправно. Но мы покорнѣйше просимъ особенно иногородныхъ читателей исполнить, частію для ихъ же пользы, три наши усерднѣйшія желанія: 1) чтобы подписывались своевременно, въ началѣ, а не въ срединѣ и концѣ года; 2) чтобы присылали свои требованія прямо *въ редакцію* „Духовной Бесѣды“, *въ С.-Петербургъ,* минуя *всякія* другія посредства, иначе редакція не отвѣчаетъ за исправную доставку журнала; 3) чтобы четко и полно писали свой адресъ, особенно—обозначали опредѣлено ту станцію, съ которой имъ ближе и удобнѣе можно получать журналъ. Редакція бываетъ въ затрудненіи, куда посылать свой журналъ, когда читаетъ, напримѣръ, такой адресъ: Смоленской губерніи, сычевскаго уѣзда въ селю N. Единственнымъ почти указаніемъ почтовой конторы, чрезъ которую желаютъ получать журналъ, служитъ штемпель ея на конвертѣ. Редакція обыкновенно и адресуетъ туда журналъ,— и случаются ошибки.

Новые подписчики на „Духовную Бесѣду“ за текущій 1866 годъ получатъ вполнѣ всѣ вышедшіе нумера, съ приложеніями, за четыре рубля съ пересылкою. Можно также получать въ редакціи полные брошюрованные экземпляры „Духовной Бесѣды“ за всѣ прежніе годы съ 1858 по 1865-й, за три рубля каждый. Въ той же редакціи продаются слѣдующія книги и брошюры:

1) Катихизическія Бесѣды прот. *I. Яхонтова*, три выпуска, ц. 2 р. 2) Письма къ отступнику православія, *его же*, ц. 1 р. 3) О православіи россійской Церкви, *его же*, ц. 25 коп. 4) О праздникахъ православной Церкви, 2-е дополненное изданіе, *его же*, ц. 50 коп. 5) Краткое описаніе Святой Земли, *его же*, ц. 25 к. 6) Три поученія въ день св. Екатерины, *его же*, ц. 10 к.; 7) Букетъ лилій, ц. 25 к.; 8) Слова и привѣтствія высокопр. Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго, ц. 50 к.; 9) О мытарствахъ, ц. 15 к.; 10) О папизмѣ и протестантизмѣ, ц. 10 к.; 11) Поученіе въ день столѣтія храма, ц. 5 к. 12) О Тихвинской иконѣ Божіей Матери, съ подробнымъ описаніемъ древнихъ и новыхъ чудесъ, совершившихся при ней, ц. 40 коп.

Редакторъ Протоіерей I. *Яхонтовъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія Литовскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей въ будущемъ 1867 г.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости имѣютъ издаваться и въ 1867 году; въ нихъ соотвѣтственно утвержденной св. Сунодомъ программѣ, будутъ сообщаемы:

1) Распоряженія правительственныя—высшія и мѣстныя, относящіяся ко всей литовской епархіи, или къ значительной ея части;

2) Извѣстія о новыхъ учрежденіяхъ въ православной церкви, о перемѣнѣ высшихъ правительственныхъ лицъ духовнаго вѣдомства, о наградахъ и благодарности—Высочайшихъ, отъ святѣйшаго сунода и епархіальнаго начальства по литовской епархіи;

3) Увѣдомленія о назначеніи и увольненіи должностныхъ лицъ по епархіальному и духовно-учебному вѣдомствамъ литовской епархіи, о праздныхъ священно и церковно-служительскихъ мѣстахъ, объ открытіи новыхъ приходовъ или упраздненія существующихъ;

4) Свѣдѣнія объ особенно-замѣчательныхъ событіяхъ въ литовской епархіи,—а также въ другихъ епархіяхъ, если эти событія могутъ быть полезны или для соображенія, или какъ примѣръ по Литовской епархіи;

5) Извлеченія изъ годовыхъ экономическихъ и статистическихъ отчетовъ по разнымъ мѣстамъ духовно-училищнаго и епархіальнаго вѣдомствъ;

6) Слова и рѣчи, произнесенныя духовными особами по особымъ случаямъ; лучшія изъ поученій священно-служителей мѣстной епархіи и воспитанниковъ мѣстной семинаріи;

7) Описаніе по частямъ всего, что въ епархіи есть особенно замѣчательнаго касательно историческихъ лицъ, событій и церковныхъ древностей.

8) Граматы, акты и другіе замѣчательные документы на русскомъ языкѣ или въ переводѣ на оный, относящіеся къ монастырямъ, церквамъ, духовенству и проч. литовской епархіи;

9) Очерки народныхъ нравовъ и обычаевъ, относящихся къ религіозной сторонѣ, и народныхъ суевѣрій, препятствующихъ успѣхамъ вѣры и народнаго благочестія;

10) Краткія библіографическія свѣдѣнія о книгахъ и изданіяхъ, относящихся къ Церкви, вновь выходящихъ и прежде вышедшихъ на русскомъ или иноземномъ языкѣ,—имѣющихъ особенный интересъ для края помѣстнымъ обстоятельствамъ, и извлеченія изъ этихъ книгъ.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться отдѣльными нумерами—по два нумера въ мѣсяцъ; объемъ каждаго нумера—до двухъ листовъ, а въ случаѣ надобности—и болѣе; форматъ—въ 8 долю листа.

Цѣна годовому изданію *пять рублей* съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи.

Подписка принимается *въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей при Литовской Духовной Семинаріи—въ Вильнѣ,* куда могутъ посылать свои требованія и гг. иногородные подписчики, ясно обозначая свое званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства.

Редакція Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей вмѣстѣ съ симъ приглашаетъ ревнителей о благѣ отечественной церкви, особенно духовенство епархій литовской, витебской и минской, присылать свои статьи для помѣщенія въ вѣдомостяхъ соотвѣтственно содержанію вышепрописанной программы.

Редакторъ Ректоръ Семинаріи *Арх. Іосифъ.*

КАЗЕННЫЯ И ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, принимаются во всѣхъ тѣх мѣстахъ гдѣ принимается подписка на газету, за исключеніемъ почтовыхъ конторъ.

Главный Редакторъ Полковникъ *Зыковъ*.

ОБЪЯВЛЕНІЕ. ОБЪ ИЗДАНІИ ДОМАШНЕЙ БЕСѢДЫ въ 1867 году.

„Домашняя Бесѣда" въ наступившемъ году вступаетъ въ *десятый* годъ своего существованія. Постепенно, шагъ за шагомъ, завоевывала она себѣ мѣсто между органами нашей журналистики, и, выбравъ золотую средину между строго-духовною и легко-свѣтскою литературою, выработала для себя характеръ православнаго и патріотически-нравственнаго журнала. Благодаря Бога, читатели оцѣнили ея стремленія, и весьма многіе искренно полюбили ее за то, что она служитъ— не картавитъ и, не принадлежа ни къ какой партіи, смѣло говоритъ всѣмъ и каждому сущую правду, не по своему измышленію, а по указанію слова Божія и ученію Церкви православной.

Въ томъ же духѣ и въ томъ же направленіи будетъ продолжать она свою дѣятельность и впредь, постепенно расширяя ее, на сколько то позволятъ ей матеріальныя ея средства.

Подписная цѣна остается таже, что и въ прошломъ году, именно: *четыре* рубля безъ пересылки: *четыре* рубля *пятдесятъ* коп. съ доставкою въ Петербургѣ и *пять* рублей съ пересылкою по всей Имперіи.

Подписка принимается (въ Петербургѣ) *преимущественно* въ Конторѣ Редакціи, у Измайловскаго моста въ домѣ г-жи Ждановой; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ *Андрея Николаевича Ѳерапонтова*, на Никольской улицѣ; а равно и у всѣхъ книгопродавцевъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ.

Всѣ книгопродавцы, принимающіе у себя подписку на „Домашнюю Бесѣду", пользуются *двадцатью пятью* коп. съ

каждаго экземпляра всѣхъ годовъ, кромѣ 1858 года, и сверхъ того пересылку денегъ по почтѣ относятъ на счетъ Редакціи.

Въ Конторѣ Редакціи находятся полные, отброшюрованные экземпляры прежнихъ годовъ, продающіеся по уменьшенной цѣнѣ.

Домашн.	Бес.	1858 г.						50 к.
—	—	1859 г.	безъ пер.	1 р. 50 к.		съ пер.		1 р. 75 к.
—	—	1860 г.	—	— 1 — 50 —		—		1 — 75 —
—	—	1861 г.	—	— 2 —		—		2 — 50 —
—	—	1862 г.	—	— 2 —		—		2 — 50 —
—	—	1863 г.	—	— 2 —		—		2 — 50 —
—	—	1864 г.	—	— 2 —		—		2 — 50 —
—	—	1865 г,	—	— 4 —		—		4 — 50 —
—	—	1866 г.	—	— 4 —		—		4 — 50 —

Выписывающіе же журналъ за всѣ годы платятъ *осмнадцать* рублей съ пересылкой.

Редакторъ-издатель *Викторъ Аскоченскій.*

ОДЕРЖАНІЕ 1-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАП АДНОЙ РОССІИ,“ ЗА 1867 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ редакціи „Вѣстника западной Россіи" продаются нижеслѣдующія книги и брошюры.

1) *ИСТОРІЯ ПОЛЬШИ*, изд. 1864 г. въ Кіевѣ, цѣна съ пересылкой, выписывающимъ отъ 1—5 экз. по 60 коп. за экземпляръ; отъ 5—10 экз. по 50 коп.; отъ 10—25 экз. по 40 коп.; отъ 25—50 экз. по 35 коп.; отъ 50—500 экз. по 30 коп.; отъ 500 и болѣе по 25 копѣекъ. Безъ пересылки сбавляется 5% съ означенныхъ цѣнъ.

Эта Исторія Польши въ особенности рекомендуется для учебныхъ заведеній какъ лучшій и единственный учебникъ на русскомъ языкѣ.

2). *ЖИЗНЬ ІОСАФАТА КУНЦЕВИЧА*, изд. 1865 г., въ Вильнѣ.

Цѣна съ пересылкой отъ 1- 5 экз. 40 коп.; отъ 5—25 экз. по 30 коп.; отъ 25—50 экз. по 25 коп.; отъ 50—100 экз. по 20 коп.; безъ пересылки уступается 5%. Весьма интересная и замѣчательная эта книжка переведена за границей на французскій языкъ и издана, въ настоящемъ году, въ Берлинѣ.

3) 2-й ВЫПУСКЪ *СБОРНИКА* документовъ, уясняющихъ отношеніе латино-польской пропаганды въ западной Россіи къ православію и русской народности.

Цѣна съ пересылкою:

Выписывающему 1 экземпляръ 70 коп.
От 2 — 10 — — — 60 —
От 10 — 100 — — — 50 —
Отъ 100— 500 — — — 40 —
Отъ 500— 1000 — — 35 —
Отъ 1000 и далѣе — — 30 —

Обращаться съ требованіями къ редактору—издателю „Вѣстника западной Россіи", Ксенофонту Говорскому, въ г. Вильну, и къ книгопродавцамъ—коммисіонерамъ этого журнала.

Содержание 1-ой кн. „Вѣстника западной Росси[и]
за 1867 годъ.